

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 21 № 4 (185) апрель 2026

В НОМЕРЕ:

Володина С. В.

Нормативно-правовые и ценностные основы взаимодействия в сфере международного научно-образовательного пространства в условиях кризиса доверия

Пепеляева Л. В.

Новые направления использования стейблкоинов и вопросы правового регулирования

Ильинская О. И.

Международно-правовые основания ликвидации иностранных военных баз

XIII МОСКОВСКИЙ ИННОВАЦИОННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ (МИЮФ-2026)

Московский
государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА) совместно
с Правительством Москвы
и при поддержке Ассоциации юристов
России проводит **XIII Московский
инновационный юридический форум**
(МИЮФ-2026)

14-15 МАЯ
2026 г. Цифровое деловое
пространство:
г. Москва,
ул. Покровка, д. 47

В 2026 году Форум ставит перед собой стратегическую задачу — обеспечение качественной правовой среды как одной из национальных целей Российской Федерации для достижения технологического лидерства. Форум станет платформой для обсуждения актуальных вопросов, обмена опытом и презентации новых решений в сфере юриспруденции и правовых технологий. Деловая программа включает пленарное заседание, открытые диалоги, панельные дискуссии по выработке правовых решений по тематическим трекам: «Информационные технологии и право», «Промышленность. Технологии и право», «Экономика. Технологии и право», «Наука. Технологии и право», «Общество. Технологии и право».

Мероприятие соберет ведущих экспертов в области права, IT, экономики, промышленности, представителей федеральных и региональных органов государственной власти, юридических фирм, корпоративных юридических подразделений, общественных организаций, научных и образовательных организаций.

В рамках Форума пройдут спутниковые мероприятия, в том числе в формате бизнес-завтраков. Ключевыми участниками диалога выступают представители органов государственной власти, корпоративного сектора, ведущих юридических фирм, а также эксперты в сфере биоэтики и генетических технологий.

Приглашаем вас принять участие в деловой программе Форума! Верим, что наше совместное участие станет важным шагом к новым профессиональным вершинам.

Для участия необходимо зарегистрироваться на сайте и получить именное приглашение, направив запрос через форму регистрации. До встречи на Форуме!

Деловая программа XIII МИЮФ

Регистрация на XIII МИЮФ

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором эколого-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИНИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор департамента уголовного права, процесса и криминалистики Высшей школы экономики.
Почтовый адрес: Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Россия, 101000.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (2003–2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.
Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.
Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, временно исполняющий обязанности проректора по научной работе Государственного университета по землеустройству.
Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации.
Почтовый адрес: 2-я Звенигородская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 123022.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).
Почтовый адрес: Азовская ул., д. 2, корп. 1, г. Москва, Россия, 117638.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии, судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).
Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке, профессор кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620066.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева.
Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.
Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.
Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).
Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.
Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msai.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 28.04.2026
Объем 23,01 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенко

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

В. А. Целищева

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Sector for Environmental Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and Forensics of the National Research University Higher School of Economics (HSE).
Mailing address: Myasnitskaya ul., d. 20, Moscow, Russia, 101000.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003–2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Acting Vice-Rector for Research of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
Mailing address: 2nd Zvenigorodskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 123022.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Research Fellow of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).
Mailing address: Azovskaya ul., d. 2, b. 1, Moscow, Russia, 117638.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Ekaterinburg, Russia, 620066.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of
Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. FS77-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

28.04.2026
Volume: 23.01 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

V. A. Tselishcheva

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Содержание

ТЕОРИЯ ПРАВА

- Зайков Д. Е.** Принципы оказания бесплатной юридической помощи
и проблемы их практической реализации 11

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

- Володина С. В.** Нормативно-правовые и ценностные основы
взаимодействия в сфере международного
научно-образовательного пространства в условиях кризиса доверия 19

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Попова Н. Ф.** Сбережение народа и развитие человеческого потенциала
как стратегический приоритет обеспечения национальной безопасности России 26

- Стожко Д. К., Стожко К. П., Воронин Б. А.** Совершенствование
правового регулирования качества продукции
на современном продовольственном рынке России 36

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Пепеляева Л. В.** Новые направления использования стейблкоинов
и вопросы правового регулирования 48

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

- Шуликов К. А.** Административно-правовые ограничения
в сфере связи как средства противодействия распространению
противоправного контента в сети «Интернет»: к постановке проблемы 62

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Сатаров О. Д.** Самозащита в гражданском праве:
вид гражданско-правовой возможности и объект защиты 71

- Старовойтова А. С.** Гражданско-правовой режим результатов,
сгенерированных нейронными сетями: проблемы определения и толкования 82

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

- Кирилова М. В.** Использование искусственного интеллекта
в корпоративном управлении: правовые проблемы 91

- Лепешкин А. А.** Определение правовой природы зачета
в российской юридической науке: историко-правовой анализ 109

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Епихин А. Ю., Хайдаров А. А.** Уголовно-процессуальные гарантии
соблюдения охраняемой законом тайны 125

АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

- Софронов Д. Н.** Противоречия в сфере правового регулирования разглашения адвокатом сведений, составляющих адвокатскую тайну, без согласия доверителя 139

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Ильинская О. И.** Международно-правовые основания ликвидации иностранных военных баз 151
- Мунтян М. Е.** От национальных стратегий к глобальному консенсусу: международно-правовые аспекты кибербезопасности космической деятельности 161

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

- Шапошников А. В.** Система правового регулирования практик противодействия киберугрозам для цифрового оборудования избирательных комиссий в США 176
- Долотина Р. Р.** Способы защиты трудовых прав в отдельных странах БРИКС 183

Contents

THEORY OF LAW

- Zaykov D. E.** Principles Governing the Provision of Free
Legal Aid and Challenges to Their Practical Implementation 11

STATE AUTHORITY AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

- Volodina S. V.** Normative Legal and Value-Based
Foundations of Interaction within the International
Scientific and Educational Space under Conditions of a Crisis of Trust 19

PUBLIC ADMINISTRATION AND ADMINISTRATIVE PROCESS

- Popova N. F.** Safeguarding the Population and Developing Human Potential
as a Strategic Priority in Ensuring the National Security of the Russian Federation 26
- Stozhko D. K., Stozhko K. P., Voronin B. A.** Improving the Legal
Regulation of Product Quality in the Modern Russian Food Market 36

FINANCIAL LAW

- Pepelyaeva L. V.** Emerging Applications of Stablecoins
and the Legal-Regulatory Issues they Raise 48

LEGAL REGULATION IN THE IT SPHERE

- Shulikov K. A.** Administrative-Law Restrictions
in the Communications Sector as Means of Counteracting
the Dissemination of Unlawful Content on the Internet: Toward Framing the Issue 62

CIVIL AND FAMILY LAW

- Satarov O. D.** Self-Help in Civil Law: A Form of Civil-Law
Authorization and the Object of Protection 71
- Starovoytova A. S.** The Civil-Law Regime of Neural
Network-Generated Outputs: Challenges of Definition and Interpretation 82

BUSINESS AND CORPORATE LAW

- Kirilova M. V.** The Use of Artificial Intelligence
in Corporate Management: Legal Issues 91
- Lepeshkin A. A.** Determining the Legal Nature of Setoff
in Russian Legal Scholarship: A Historical-Legal Analysis 109

CRIMINAL PROCEDURE

- Epikhin A. Yu., Khaidarov A. A.** Criminal Procedural
Guarantees for the Classified Information Protection 125

ADVOCACY AND NOTARY

- Sofronov D. N.** Contradictions in the Legal Regulation
of Disclosure by an Attorney of Information Constituting
Attorney-Client Privilege without the Client's Consent 139

INTERNATIONAL LAW

- Ilinskaya O. I.** International Legal Grounds
for the Liquidation of Foreign Military Bases 151
- Muntyan M. E.** From National Strategies to Global Consensus:
International Legal Aspects of Cybersecurity in Outer Space Activities 161

COMPARATIVE LEGAL STUDIES

- Shaposhnikov A. V.** The Legal Framework
for Countering Cyber Threats to Digital Equipment
of Election Commissions in the United States 176
- Dolotina R. R.** Methods of Protecting Labor Rights in Selected BRICS Countries 183

Принципы оказания бесплатной юридической помощи и проблемы их практической реализации

Аннотация. Бесплатная юридическая помощь представляет собой деятельность специалистов по оказанию юридических услуг на безвозмездной основе отдельным категориям граждан в ходе реализации их конституционного права на квалифицированную юридическую помощь. Об актуальности указанного правового института свидетельствуют особое внимание к его поступательному развитию со стороны государства и его востребованность при защите гражданами своих прав и законных интересов. Вместе с тем при оказании бесплатной юридической помощи возникает ряд проблем, обусловленных недостатками ее регламентации, неоднозначным толкованием и практическими вопросами. Исследование правового регулирования и реализации принципов оказания такой помощи позволило выявить причины и негативные последствия этих проблем, а также выработать меры для их разрешения и продолжения государственной политики по совершенствованию института бесплатной юридической помощи.

Ключевые слова: бесплатная юридическая помощь; государственное юридическое бюро; нотариус; адвокат; юридическая клиника; высшее юридическое образование; нормы профессиональной этики; правовая грамотность; качество юридической помощи; беспристрастность

Для цитирования: Зайков Д. Е. Принципы оказания бесплатной юридической помощи и проблемы их практической реализации // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 4. — С. 11–18. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.011-018

Principles Governing the Provision of Free Legal Aid and Challenges to Their Practical Implementation

Denis E. Zaykov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department «Theory of Law, Civil Law and Civil Procedure», Institute of Law, Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation
joburist@yandex.ru

Abstract. Free legal aid is the activity of professionals providing legal services gratuitously to certain categories of citizens in the course of exercising their constitutional right to qualified legal assistance. The significance of this legal institution is demonstrated by the State's particular attention to its progressive development and by its demand among citizens when exercising and protecting their rights and lawful interests. At the same time, the provision of free legal aid gives rise to a number of problems stemming from deficiencies in its regulation, ambiguous interpretation, and practical difficulties. A study of the legal regulation and of the implementation of

© Зайков Д. Е., 2026

* Зайков Денис Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория права, гражданское право и гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта ул. Образцова, д. 9, стр. 9, ГСП-4, г. Москва, Российская Федерация, 127994
joburist@yandex.ru

the principles governing the provision of free legal aid has made it possible to identify the causes and adverse consequences of these problems, and to formulate a set of measures to resolve them and to advance State policy aimed at improving the institution of free legal aid.

Keywords: free legal aid; Public Law Office; notary public; attorney; legal clinic; higher legal education; professional ethics standards; legal literacy; quality of legal aid; impartiality

Cite as: Zaykov DE. Principles Governing the Provision of Free Legal Aid and Challenges to Their Practical Implementation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(4):11-18. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.011-018

Конституция РФ в ч. 1 ст. 48 гарантирует право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Важным аспектом реализации указанного права выступает возможность ее получения бесплатно.

Длительное время правовое регулирование бесплатной юридической помощи (БЮП) осуществлялось фрагментарно в различных федеральных законах, затрагивая только отдельные вопросы регламентации данного правового института в отношении определенных категорий граждан¹, что делало невозможной полноценную реализацию конституционного права на БЮП.

В целях решения этой проблемы и во исполнение требований Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденных Президентом РФ 28 апреля 2011 г., № Пр-1168², принят Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»³.

За период его действия выполнены перво-степенные задачи, направленные на создание необходимых условий для реализации гражданами права на БЮП: создана государственная система БЮП и организовано эффективное взаимодействие между ее структурными элементами; сформировано региональное законодательство в сфере оказания БЮП, учитывающее особенности субъектов РФ, их социально-экономические условия и другие существенные обстоятельства; качественно и количественно изменился состав лиц, имеющих право на получение БЮП⁴; стало больше субъектов, оказывающих БЮП в рамках негосударственной системы БЮП. Названные обстоятельства обуславливают ежегодное увеличение числа случаев оказания гражданам БЮП⁵ и положительно отражаются на ее качестве.

В то же время состояние системы БЮП характеризуется наличием ряда недостатков, влияющих на ее результативность, что требует принятия мер по их устранению и продолжения

¹ См., например: п. 8 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 02.08.1995 № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» // СЗ РФ. 1995. № 32. Ст. 3198 (утратил силу); п. 3 ст. 22 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

² Российская газета. 2011, 14 июля. № 151.

³ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

⁴ По данным Минюста России, право на получение БЮП имеют более 34,8 млн человек (здесь и далее статистика оказания БЮП в 2024 г. приводится из Доклада о реализации государственной политики в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью за 2024 г. Минюста России, см.: URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/pravovaya-informaciya/besplatnaya-yuridicheskaya-pomosh/> (дата обращения: 07.07.2025)).

⁵ В 2024 г. — в 648 329 случаях (в рамках государственной системы БЮП — 376 868, негосударственной — 271 461). Причем общий прирост по сравнению с 2023 г. составил 5 %. Указанные данные не учитывают статистику участия в оказании БЮП федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и подведомственных им учреждений, органов управления государственных внебюджетных фондов, а также иных субъектов, оказывающих БЮП, например муниципальных юридических бюро.

государственной политики по совершенствованию БЮП.

Так, Государственная программа РФ «Юстиция»⁶ одним из главных направлений развития системы БЮП определила совершенствование законодательства РФ в рассматриваемой сфере. Именно оно представляется наиболее актуальным и значимым, обеспечивающим необходимую нормативно-правовую основу БЮП.

Статья 5 Закона № 324-ФЗ предусматривает принципы оказания БЮП⁷, анализ содержания и особенностей реализации которых позволяет исследовать правовое регулирование БЮП, выявить проблемы, выработать меры по их устранению, а также сформировать предложения по развитию БЮП.

Важнейший из этих принципов — доступность БЮП для граждан в установленных законодательством РФ случаях. Однако в 2024 г. БЮП получило менее 2 % граждан, имеющих на нее право, и прежде всего из-за проблем с доступностью. Каковы же причины этого?

Главная из них — это недостаточное количество субъектов, оказывающих БЮП.

В 36 регионах отсутствуют государственные юридические бюро, которые являются ключевыми участниками государственной системы БЮП⁸. К тому же численность работников та-

ких госюрбюро значительно ниже потребности⁹. И далеко не все они имеют сети пунктов, которые бы обеспечивали большой по территории и количеству случаев оказания БЮП охват¹⁰. Периодически проводимые госюрбюро выездные мероприятия по оказанию БЮП в разных населенных пунктах субъекта РФ, в том числе с использованием мобильных комплексов (офисов), не позволяют достичь такого результата.

В государственной системе БЮП участвует недостаточно адвокатов, что обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, в отдельных регионах численность адвокатов крайне мала¹¹, что делает невозможным осуществление ими такой деятельности.

Во-вторых, далеко не все адвокаты принимают участие в оказании БЮП — их список ежегодно определяет адвокатская палата субъекта РФ¹². При этом экономическое стимулирование адвокатов здесь слабое. Причем в разных регионах применяются различные подходы к оплате труда адвокатов по оказанию БЮП, создающие дисбаланс и снижающие их мотивацию¹³.

Это в совокупности с весьма бюрократизированной процедурой оплаты труда (компенсации расходов) адвокатов по оказанию БЮП,

⁶ Утверждена постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 312 (СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. II). Ст. 2158).

⁷ Классификацию принципов оказания БЮП см.: *Остапенко (Плетень) А. С.* Принципы оказания бесплатной юридической помощи // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 7. С. 797.

⁸ См.: *Зайков Д. Е.* Государственные юридические бюро: современное состояние и перспективы развития // Российская юстиция. 2022. № 2. С. 74–80.

Вместе с тем есть мнение о переоцененности указанных субъектов, оказывающих БЮП. См., например: *Аулов В. К.* Квалифицированная юридическая помощь: классификация субъектов ее предоставления и эффективность их работы // Право в Вооруженных Силах. 2024. № 10. С. 48.

⁹ Фактическое количество работников госюрбюро в 2024 г. составляло 975 человек при штатной численности 1 125 человек, но при сохранении тенденции к ежегодному увеличению их числа.

¹⁰ См.: URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-gosudarstvennyh-yuridicheskikh-byuro/> (дата обращения: 07.07.2025).

¹¹ Например, количество адвокатов с действующим статусом в Ненецком автономном округе — 6, Чукотском автономном округе — 18, Республике Алтай — 47. См.: URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/advokaty-rossijskoj-federacii/> (дата обращения: 07.07.2025).

¹² В 2024 г. только 10 783 адвоката (15 % от общего числа) являлись участниками государственной системы БЮП.

¹³ Подробнее см.: *Хмыров Р. В.* Бесплатная юридическая помощь: региональный дисбаланс и бюрократические барьеры в работе адвокатов // Адвокатская практика. 2025. № 2. С. 7–10.

отсроченностью ее получения от даты оказания БЮП и предельным размером выделяемых на указанные цели бюджетных средств¹⁴ не побуждает адвокатов на занятие такой деятельностью. Зачастую реальными мотивами являются социальная ответственность и альтруизм, что, к сожалению, не позволяет обеспечить участие в государственной системе оказания БЮП достаточного числа представителей адвокатского сообщества.

Нотариусы как участники такой системы не имеют значимого влияния на количество случаев БЮП, так как в силу ст. 19 Закона № 324-ФЗ обладают ограниченным функционалом (дача консультаций только по вопросам совершения нотариальных действий и бесплатное удостоверение доверенностей граждан, имеющих право на БЮП, на представление их интересов в судах, государственных и муниципальных органах, организациях госюрбюро или адвокатами, являющимися участниками государственной системы БЮП).

Достойную конкуренцию составляют участники негосударственной системы БЮП, оказывающие такую помощь pro bono: юридические клиники и негосударственные центры бесплатной юридической помощи (НЦБЮП)¹⁵, однако

усечение их функционала¹⁶, зачастую наличие специализации по правовым вопросам, в рамках которых оказывается помощь, ограничение категорий граждан, имеющих право на ее получение¹⁷, существенно снижают их востребованность и результативность¹⁸. Это создает барьеры в реализации принципа свободного выбора гражданином государственной или негосударственной системы БЮП. Непонятна мотивировка запрета НЦБЮП¹⁹ оказывать БЮП в форме представления интересов граждан в судах, государственных и муниципальных органах, организациях²⁰. Ведь в их состав входят те же адвокаты, нотариусы²¹, а также иные лица, имеющие высшее юридическое образование, которые в полной мере отвечают требованиям, предъявляемым к работникам госюрбюро.

Кроме того, одна из причин относительно небольшого количества случаев оказания БЮП юридическими клиниками с учетом их численности — специфика реализации в их деятельности такого принципа БЮП, как установление требований к профессиональной квалификации лиц, ее оказывающих: в качестве основных участников выступают лица, не имеющие высшего юридического образования²², обучающиеся в образовательных организациях высшего

¹⁴ Например, на указанные цели в 2024 г. из региональных бюджетов было выделено в Курганской области 69 тыс. руб., в Республике Адыгея — 100 тыс. руб. См.: Доклад Минюста России за 2024 г.

¹⁵ В 2024 г. осуществляли деятельность 310 НЦБЮП и 279 юридических клиник, которыми была оказана БЮП в 271 461 случае (соответственно 228 342 и 43 119).

¹⁶ Оказание БЮП только в виде правового консультирования в устной и письменной форме, составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера (ч. 4 ст. 23, ч. 4 ст. 24 Закона № 324-ФЗ).

¹⁷ См.: ч. 5 ст. 24 Закона № 324-ФЗ.

¹⁸ Между тем необходимо учитывать положения п. 1 ч. 2 ст. 26 Закона № 324-ФЗ, которые предусматривают возможность наделения НЦБЮП, созданных в качестве юридических лиц и заключивших с Минюстом России или его территориальным органом соглашение, правом оказания всех видов БЮП.

¹⁹ Причина подобного запрета в отношении юридических клиник как раз вопросов и не вызывает.

²⁰ Именно этот вид БЮП, особенно представление интересов в суде, является наиболее затратным с экономической точки зрения и сложным по требуемым организационным и временным ресурсам.

²¹ См., например: *Новопашина У. С.* Участие нотариусов в оказании бесплатной юридической помощи: актуальные проблемы // Законодательство. 2024. № 5. С. 21–22.

²² Прямо противоположный подход — установление повышенных требований к квалификации лиц, оказывающих БЮП, — применяется в п. 8 Порядка оказания медицинскими организациями услуг по правовой, психологической и медико-социальной помощи женщинам в период беременности, утвержденного приказом Минтруда России и Минздрава России от 17.02.2020 № 69н/95н (Официальный интернет-портал правовой информации).

образования или научных организациях по соответствующей специальности²³, хотя и под контролем лиц, имеющих указанное образование, как правило профессорско-преподавательского состава. Это обстоятельство обуславливает вторичность социальной значимости оказания БЮП юридическими консультациями, для них играет роль в первую очередь ее образовательный компонент — получение обучающимися профессиональных навыков работы. Изложенное порождает некоторое недоверие к БЮП, оказываемой юридическими клиниками, которые не всегда способны обеспечить полноту, профессионализм и качество такой помощи по причине отсутствия у обучающихся должных знаний, навыков и умений²⁴.

Основополагающий принцип оказания БЮП, обеспечивающий доверие к ней со стороны граждан и конкурентоспособность в сравнении с платной юридической помощью, — контроль за соблюдением лицами, ее оказывающими, норм профессиональной этики и требований к качеству. Этот принцип длительное время представлял собой «спящую норму» в связи с отсутствием правового регулирования соответствующих отношений²⁵, что не позволяло гарантировать качество БЮП и тормозило раз-

витие этого важнейшего социально-правового института²⁶. Нередко гражданам, обратившимся за БЮП, навязывались платные юридические услуги, оказывалась некачественная помощь. В отдельных случаях граждане становились жертвами мошенничества недобросовестных юристов²⁷.

Первым шагом к решению данной проблемы стало утверждение приказом Минюста России от 20.05.2024 № 157 Стандарта оказания бесплатной юридической помощи субъектами, указанными в пункте 4 части 1 и части 2 статьи 15, части 2 статьи 22 Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»²⁸ (далее — Стандарт), который распространил свое действие на ряд субъектов, оказывающих БЮП²⁹.

Этот акт решил важнейшие задачи по правовому регулированию оказания БЮП:

- установил требования к порядку информирования об оказании БЮП;
- предусмотрел последовательность и требования к порядку оказания БЮП;
- определил критерии доступности и качества ее оказания.

Ключевым и актуальным явилось введение единых правил оказания БЮП, так как долгое

тал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 06.03.2020. № 0001202003060001): наличие высшего юридического образования, стажа работы по специальности не менее одного года и специальных знаний в области социальной защиты (поддержки) граждан, государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, а также трудового законодательства РФ.

²³ При условии истечения не менее половины срока обучения и отсутствия академической задолженности.

²⁴ См.: *Закомолдин Р. В., Закомолдин А. В., Гончарова К. С.* К вопросу о выстраивании системы бесплатной юридической помощи населению // Юрист. 2022. № 6. С. 74.

²⁵ К адвокатам в этой части подлежали применению Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102) и Кодекс профессиональной этики адвоката (Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2003. № 2, 3).

²⁶ См., например: решение Дмитровского городского суда Московской области от 29.08.2012 по делу № 2-2490/12; определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 09.12.2022 по делу № 8Г-29825/2022[88-28270/2022]; *Виноградова П. А.* Правовое регулирование полномочий нотариусов как участников государственной системы бесплатной юридической помощи // Нотариус. 2013. № 6. С. 11–12.

²⁷ См.: Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 г. // Российская газета. 2022, 7 июня.

²⁸ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405210014> (дата обращения: 07.07.2025).

²⁹ Госюрбюро, адвокаты, нотариусы, юридические клиники, НЦБЮП.

Стóит сказать, что одновременно с этим Стандартом действует и Стандарт оказания адвокатом бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи,

время соответствующие отношения регламентировались разными актами, от законов субъектов РФ до локальных нормативных актов госюрбюро и НЦБЮП, которые содержали порой значительно различающееся правовое регулирование³⁰. Это создавало препятствия для реализации принципа равенства доступа граждан к получению БЮП и недопущения дискриминации.

Однако Стандарт имеет и ряд недостатков, снижающих его значимость. Основной из них — отсутствие каких-либо предельных сроков осуществления обязательных процедур в рамках оказания БЮП, которые бы обеспечили единые минимальные гарантии своевременности оказания такой помощи³¹. В отсутствие правового регулирования принцип своевременности оказания БЮП так и не будет иметь нормативной основы, что не позволит обеспечить эффективность и зачастую необходимую оперативность. Особое значение это приобретает в ситуациях, когда промедление может повлечь негативные правовые последствия, например пропуск срока исковой давности, обращения в суд или обжалования судебного постановления.

Так, казенным учреждением Воронежской области «Государственное юридическое бюро Воронежской области» решение об оказании

БЮП (за исключением устного консультирования) принимается в срок, не превышающий трех дней с даты обращения гражданина, срок составления документов — не более семи рабочих дней³².

В ГКУ «Госюрбюро Оренбургской области» максимальный срок оказания БЮП — 21 день³³.

В силу п. 11–13 Порядка деятельности ГКУ «Государственное юридическое бюро Республики Башкортостан», утвержденного постановлением Правительства Республики Башкортостан от 23.05.2018 № 224³⁴, срок для принятия решения об оказании БЮП — пять рабочих дней с даты обращения гражданина; БЮП, за исключением правового консультирования в письменной форме, оказывается на основании соглашения, которое заключается в течение 20 рабочих дней со дня уведомления гражданина о принятом решении об оказании БЮП.

Стандартом не предусмотрены основания для оказания БЮП — решение и соглашение об оказании БЮП³⁵, что создает ложное представление об отсутствии необходимости в их наличии. Остался нераскрытым и такой принцип, как обеспечение конфиденциальности при оказании БЮП, что в первую очередь касается персональных данных. Хотя в отдельных регио-

утов. XI Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2023 г. См.: URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/standart-okazaniya-advokatom-besplatnoy-yuridicheskoy-pomoshchi-v-ramkakh-gosudarstvennoy-sistemy-be/?sphrase_id=244879 (дата обращения: 07.07.2025).

Названные документы конкурируют в части правового регулирования порядка оказания БЮП адвокатами, что ставит вопрос об обоснованности и целесообразности такого подхода. Согласно пп. 2.1 п. 2 ст. 36 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ Всероссийский съезд адвокатов утверждает обязательные для всех адвокатов стандарты оказания квалифицированной юридической помощи и другие стандарты адвокатской профессии.

³⁰ Подробнее см.: *Зайков Д. Е.* Указ. соч. С. 77–78.

³¹ Например, срок принятия решения об оказании БЮП или невозможности ее оказания, срок заключения соглашения об оказании БЮП, срок оказания БЮП (с учетом ее вида).

³² URL: <https://gosjurbur.e-gov36.ru/post/poryadok-i-sroki-okazaniya-besplatnoy> (дата обращения: 07.07.2025).

³³ См.: п. 12 Порядка деятельности государственного казенного учреждения «Государственное юридическое бюро Оренбургской области», утв. приказом министерства социального развития Оренбургской области от 20.06.2022 № 334 // URL: <https://szngyb.orb.ru/documents/active/238534/> (дата обращения: 07.07.2025).

³⁴ URL: <https://docs.cntd.ru/document/550106625> (дата обращения: 07.07.2025).

³⁵ Соглашение гражданина с адвокатом или госюрбюро об оказании БЮП является основанием для бесплатного удостоверения нотариусами доверенности в целях представления интересов гражданина в судах, государственных и муниципальных органах, организациях (ч. 3 ст. 19 Закона № 324-ФЗ).

нальных законах этому вопросу уделяется особое внимание³⁶.

Стандарт определил критерии доступности БЮП:

— размещение исчерпывающей информации о порядке и сроках оказания БЮП на информационных стендах в местах ее оказания, на официальном сайте субъекта, ее оказывающего (если таковой имеется), в средствах массовой информации;

— доступ лиц, имеющих право на получение БЮП, к информации о ходе рассмотрения соответствующего обращения.

Как представляется, такие критерии не позволяют провести объективную оценку доступности БЮП ввиду их крайне узкой информативности, затрагивающей лишь незначительные аспекты достаточно широкой палитры показателей ее доступности.

В качестве дополнительных критериев доступности БЮП целесообразно установить существование в регионе разветвленной сети пунктов госюрбюро для оказания БЮП, использование различных форм оказания БЮП, в том числе через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», посредством телефонной связи, с применением мобильных комплексов (офисов) и др., возможность получения БЮП от различных участников государственной и негосударственной систем БЮП.

Критерии качества БЮП согласно Стандарту:

— удовлетворенность лица, имеющего право на получение БЮП, качеством и доступностью оказания БЮП;

— отсутствие жалоб на некорректное, невнимательное отношение специалистов³⁷ к лицам, имеющим право на получение БЮП.

И эти критерии не решают поставленной перед ними задачи.

Во-первых, непонятно, почему качество БЮП оценивается в том числе через ее доступность,

ведь для нее установлены самостоятельные критерии.

Во-вторых, удовлетворенность качеством БЮП — крайне субъективный показатель, который для гражданина, получившего указанную помощь, будет зависеть исключительно от достигнутого результата (например, удовлетворение или отказ в удовлетворении заявленных исковых требований), так как квалифицированно оценить качество оказанной БЮП в отсутствие специальных знаний гражданин не в состоянии.

В-третьих, некорректное или невнимательное отношение также является неоднозначным показателем, который не имеет объективных характеристик и во многом зависит от индивидуальных особенностей восприятия гражданином внешних факторов.

В-четвертых, удивляет отсутствие среди критериев наиболее объективного — наличия жалоб на качество БЮП, в том числе обоснованных, или отказов в ее оказании.

Да и в целом определение критериев доступности и качества БЮП без установления требований к таким показателям, так же как и отсутствие норм профессиональной этики для лиц, оказывающих БЮП (не считая адвокатов), представляется неверным³⁸.

Кроме того, в Стандарте отсутствует правовая регламентация такого принципа оказания БЮП, как объективность и беспристрастность. Безусловно, это важнейший аспект, который непосредственно влияет на качество БЮП и должен учитываться при определении конкретного лица, ее оказывающего, в целях обеспечения его непредвзятости.

Стоит отметить, что в отдельных региональных правовых актах эти отношения урегулированы. Так, согласно п. 4 Порядка деятельности госюрбюро Республики Башкортостан сотрудник госюрбюро не вправе оказывать гражданину БЮП, в частности, если сотрудник:

³⁶ См., например: ч. 1 ст. 11 Закона Архангельской области от 24.09.2012 № 536-33-ОЗ «О бесплатной юридической помощи, правовом информировании и правовом просвещении в Архангельской области» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/462600175> (дата обращения: 07.07.2025).

³⁷ Лица, непосредственно оказывающие БЮП.

³⁸ См., например: *Малютина О. А.* К вопросу о качестве оказания бесплатной юридической помощи // *Адвокатская практика.* 2018. № 5. С. 22–26.

— являлся должностным лицом, в компетенцию которого входило принятие решения, затрагивающего интересы этого гражданина;

— оказывает БЮП другому лицу, интересы которого противоречат интересам данного гражданина.

Проведенное исследование подтверждает актуальность и значимость БЮП как одного из важнейших инструментов защиты прав и законных интересов граждан, их правового ин-

формирования и просвещения. В то же время проблемы правового регулирования и практики оказания БЮП свидетельствуют о насущной необходимости совершенствования регламентации рассматриваемых правоотношений как на федеральном, так и на региональном уровне с учетом принципов оказания такой помощи в целях своевременной и полноценной реализации конституционного права граждан на БЮП.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аулов В. К. Квалифицированная юридическая помощь: классификация субъектов ее предоставления и эффективность их работы // Право в Вооруженных Силах. — 2024. — № 10. — С. 41–48.
2. Виноградова П. А. Правовое регулирование полномочий нотариусов как участников государственной системы бесплатной юридической помощи // Нотариус. — 2013. — № 6. — С. 10–13.
3. Зайков Д. Е. Государственные юридические бюро: современное состояние и перспективы развития // Российская юстиция. — 2022. — № 2. — С. 74–80.
4. Закомолдин Р. В., Закомолдин А. В., Гончарова К. С. К вопросу о выстраивании системы бесплатной юридической помощи населению // Юрист. — 2022. — № 6. — С. 67–74.
5. Мalyutina О. А. К вопросу о качестве оказания бесплатной юридической помощи // Адвокатская практика. — 2018. — № 5. — С. 22–26.
6. Новопашина У. С. Участие нотариусов в оказании бесплатной юридической помощи: актуальные проблемы // Законодательство. — 2024. — № 5. — С. 20–26.
7. Остапенко (Плетень) А. С. Принципы оказания бесплатной юридической помощи // Актуальные проблемы российского права. — 2013. — № 7. — С. 797–805.
8. Хмыров Р. В. Бесплатная юридическая помощь: региональный дисбаланс и бюрократические барьеры в работе адвокатов // Адвокатская практика. — 2025. — № 2. — С. 7–10.

Материал поступил в редакцию 7 июля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aulov V. K. Kvalifitsirovannaya yuridicheskaya pomoshch: klassifikatsiya subektov ee predostavleniya i effektivnost ikh raboty // Pravo v Vooruzhennykh Silakh. — 2024. — № 10. — S. 41–48.
2. Vinogradova P. A. Pravovoe regulirovanie polnomochiy notariusov kak uchastnikov gosudarstvennoy sistemy besplatnoy yuridicheskoy pomoshchi // Notarius. — 2013. — № 6. — S. 10–13.
3. Zaykov D. E. Gosudarstvennyye yuridicheskie byuro: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya // Rossiyskaya yustitsiya. — 2022. — № 2. — S. 74–80.
4. Zakomoldin R. V., Zakomoldin A. V., Goncharova K. S. K voprosu o vystraivanii sistemy besplatnoy yuridicheskoy pomoshchi naseleniyu // Yurist. — 2022. — № 6. — S. 67–74.
5. Malyutina O. A. K voprosu o kachestve okazaniya besplatnoy yuridicheskoy pomoshchi // Advokatskaya praktika. — 2018. — № 5. — S. 22–26.
6. Novopashina U. S. Uchastie notariusov v okazanii besplatnoy yuridicheskoy pomoshchi: aktualnye problemy // Zakonodatelstvo. — 2024. — № 5. — S. 20–26.
7. Ostapenko (Pleten) A. S. Printsipy okazaniya besplatnoy yuridicheskoy pomoshchi // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2013. — № 7. — S. 797–805.
8. Khmyrov R. V. Besplatnaya yuridicheskaya pomoshch: regionalnyy disbalans i byurokraticheskie barery v rabote advokатов // Advokatskaya praktika. — 2025. — № 2. — S. 7–10.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.019-025

С. В. Володина*

Нормативно-правовые и ценностные основы взаимодействия в сфере международного научно-образовательного пространства в условиях кризиса доверия

Аннотация. В условиях развивающихся процессов на геополитическом уровне, которые характеризуются наличием различных вызовов и угроз, особое исследовательское внимание направлено на сферу международного сотрудничества. Страны, формирующие единое пространство диалога и доверительного партнерства, строят свои отношения доверия на основе единства ценностей. В статье обосновывается значимость ценностей как социокультурных факторов в деятельности образовательных систем и их стратегий по формированию политики международного взаимодействия. Потенциал сферы образования выступает новым стратегическим механизмом коммуникации и формирования институциональной среды доверия в сфере межгосударственных отношений. Подчеркивается важность непрерывного диалога в научно-технологической среде, невзирая на внешние факторы. Говорится о связующей роли русского языка — языка, который объединяет многие народы с разными религиями и культурами. Рассматривается образовательная миграция как предпочтительный способ поддержания демографических показателей без социального напряжения. Поддерживается продолжение дипломатических подходов, где культура, язык и образование выступают в качестве «мягкой силы» в эпоху жестких трансформаций. Представляется важным формирование нормативно-правовых механизмов доверия сотрудничающих стран в сфере науки и образования.

Ключевые слова: право; доверие; ценности; образование; наука; иностранные обучающиеся; диалог; дипломатия; образовательная миграция; русский язык

Для цитирования: Володина С. В. Нормативно-правовые и ценностные основы взаимодействия в сфере международного научно-образовательного пространства в условиях кризиса доверия // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 4. — С. 19–25. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.019-025

© Володина С. В., 2026

* Володина Светлана Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
volodina_sv@inbox.ru

Normative Legal and Value-Based Foundations of Interaction within the International Scientific and Educational Space under Conditions of a Crisis of Trust

Svetlana V. Volodina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
volodina_sv@inbox.ru

Abstract. In the context of developing geopolitical processes characterized by a range of challenges and threats, heightened scholarly attention has been directed toward the sphere of international cooperation. States that seek to construct a unified space of dialogue and trust-based partnership ground their relations of confidence in a shared system of values. The paper substantiates the significance of values as sociocultural determinants shaping the functioning of educational systems and informing their strategic approaches to international engagement. The potential of the educational sphere is conceptualized as a novel strategic mechanism for communication and institutionalization of trust within interstate relations. Particular emphasis is placed on the importance of maintaining continuous dialogue in the scientific and technological domain, irrespective of external factors.

The author highlights the integrative role of the Russian language as a unifying medium connecting diverse peoples across different religions and cultures. Educational migration is examined as a preferable instrument for sustaining demographic indicators without generating social tension. The study explains the continuation of diplomatic approaches wherein culture, language, and education function as instruments of soft power in an era marked by profound and often rigid transformations. Finally, the paper identifies the development of normative legal mechanisms designed to foster mutual trust among cooperating States in the fields of science and education as a matter of critical importance.

Keywords: law; trust; values; education; science; foreign learners; dialogue; diplomacy; educational migration; Russian language

Cite as: Volodina SV. Normative Legal and Value-Based Foundations of Interaction within the International Scientific and Educational Space under Conditions of a Crisis of Trust. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(4):19-25. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.019-025

Современный геополитический мир находится в состоянии трансформации, когда прежние конфигурации теряют свою значимость, а существовавшие институты оказались перед судьбоносными вызовами. Проведение специальной военной операции, эскалация вооруженных ближневосточных и юго-восточных конфликтов активизировали поиск решений о будущем мире, выявив позиции стран и особенно ключевых участников данных процессов относительно мирового порядка и заинтересованности субъектов в справедливом и гармоничном мире.

Происходящие изменения инициируют поиск эффективных институциональных, особенно — нормативно-правовых, механизмов и устойчивых ценностных оснований для формирования стабильных международных отношений. Собы-

тия СВО показали истинное отношение стран как к своей исторической судьбе, так и к общему будущему, заинтересованности в нем. Поэтому уже в настоящее время необходим поиск механизмов, которые смогли бы усилить единство стран, сделав их взаимодействие еще более устойчивым и продуктивным.

Таким институциональным механизмом выступает образование, которое, с одной стороны, выступает одной из сфер, в которой осуществляется межгосударственное взаимодействие. Примером этому, как отмечает Арвинд Гупта, является сотрудничество России и Индии, углубляющих созданное еще в 2010 г. «особое и привилегированное стратегическое партнерство», затрагивающее среди широкого спектра и образование¹. В то же время можно

¹ Арвинд Гупта. Новая траектория индийско-российских отношений // URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/novaya-traektoriya-indijsko-rossiyskikh-otnosheniy> (дата обращения: 25.08.2025).

уверенно заявить о том, что потенциал сферы образования выступает новым стратегическим механизмом коммуникации и формирования институциональной среды доверия в сфере межгосударственных отношений.

Генри Брукс Адамс — историк и мыслитель, которому принадлежит высказывание: «Учитель соприкасается с вечностью: он никогда не знает, где заканчивается его влияние»; эта цитата — вне времени, она подчеркивает значимость науки и образования, которые неразрывно связаны с ролью педагога-наставника как проводника знаний и ценностей, через которые формируются будущие поколения. В международной сфере институт образования и науки используется для возвращения единомышленников — людей, которых объединяют одни и те же ценности, которые они осознанно принимают. А также для разрушения стереотипов, которые успели устойчиво сформироваться за долгий исторический период, особенно между дальними в географическом плане страновыми соседями.

Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»² ставит задачу увеличить число иностранных студентов в российских вузах до 500 тыс. человек к 2030 г. Эта мера направлена на укрепление международного образовательного и культурного сотрудничества. Высшее образование выступает в качестве драйвера внутренней и международной мобильности. Так, «в США обучается около 1,1 млн иностранных студентов, в Канаде — 842 тыс., в Великобритании — 758 тыс., в Австралии — 437 тыс.»³, как можно заметить, лидерами в этом направлении являются страны англосаксонской группы, что дополнительно поддерживает статус английского языка как международного языка — проводника в сфере бизнеса, науки и образования для студентов, преподавателей и ученых.

По данным справочника по языкам мира Ethnologue, «на 2023 год среди самых распространенных в мире языков русский занимает девятое место. На нем говорят 255 млн человек. Годом ранее он был на восьмой позиции (258 млн говорящих), а 10–12 лет назад занимал шестую — после английского, китайского, хинди/урду, испанского и арабского»⁴.

«Уступая в основном лишь английскому, испанскому, китайскому и французскому, занимает 4-е место в мире по статусу в международных организациях, 5-е по количеству научных публикаций, 6-е по числу СМИ, 2-е по доле сайтов и 9-е по числу интернет-пользователей»⁵. На русском языке говорят не только жители нашей многонациональной страны, но также он сохраняет свои позиции в странах бывшего Советского Союза, например, для Белоруссии, Казахстана и Кыргызстана это официальный язык. Также является одним из основных языков общения для русскоязычных диаспор, сформировавшихся по всему миру после распада Советского Союза и предшествующих и последующих волн эмиграции. Но, несмотря на это, мы видим снижение числа говорящих на русском языке и снижение интереса к изучению языка как иностранного.

В связи с этим перед государством стоит задача не просто сохранить данные позиции, а улучшить их, что усложняется демографической ситуацией, которая характеризуется естественной убылью населения и низким коэффициентом рождаемости. Данная нисходящая динамика может частично компенсироваться за счет миграционных потоков, образовательный из которых видится как наиболее предпочтительный. Возрастная группа 17–25 лет способна полноценно интегрироваться и адаптироваться в новой для себя среде и либо, по окончании обучения вернувшись на родину, стать «мостом дружбы и доверия» между странами, либо остаться и успешно встроиться в трудовой поток, обогатив его своей билингвальностью

² URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 25.10.2025).

³ URL: <https://www.vedomosti.ru/ideas/education/articles/2025/08/19/1131531-strategicheskim-resursom-Rossii> (дата обращения: 25.10.2025).

⁴ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6746813> (дата обращения: 25.10.2025).

⁵ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6746813> (дата обращения: 25.10.2025).

и знанием культур сразу нескольких стран, что делает такого кандидата на рынке труда наиболее желанным в международных компаниях и организациях коммерческой направленности.

Если к трудовым мигрантам практически в любом обществе отношение можно охарактеризовать как настороженное (стереотипное, дистанцированное), даже когда их трудовой вклад очевиден, то отношение к представителям образовательной миграции, т.е. иностранным студентам, более позитивное, даже если это представители одной и той же страны. Например: студент из Индии воспринимается преимущественно позитивно или нейтрально с фокусировкой на культурном обмене, а рабочий из Индии — как источник социальной напряженности и дополнительной нагрузки на сферу здравоохранения и др., несмотря на экономическую целесообразность и потребность рынка в данном специалисте.

Сотрудничество между государствами в сфере образования в контексте XXI в. является важнейшим способом как развития национальных образовательных систем, так и формирования прочной системы международных взаимоотношений. Международное сотрудничество Российской Федерации в сфере образования, согласно гл. 14 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», можно назвать многогранным и включающим в себя разработку и реализацию образовательных программ, обеспечение академической мобильности, проведение совместных исследовательских проектов и др.⁶ с целями увеличения возможностей доступа к образовательному ресурсу, совершенствования механизмов как развития самого образования, так и координации взаимодействия России с государствами и международными организациями по образовательной проблематике.

Отметим, что, с одной стороны, образование выступает как сфера, обладающая определен-

ной самодостаточностью, а с другой — оно является неотъемлемым элементом социальной системы и в современных условиях драйвером, определяющим ценностные и институциональные условия новой модели международных отношений. Такая «форвардная» роль образования невозможна без учета аксиологического содержания образования. Институт образования традиционно имеет ключевое значение для социальной системы как базовый механизм социализации и формирования мировоззренческих принципов. Являясь неотъемлемым компонентом общества, образование непосредственно связано с приобщением к высшим духовным ценностям, оно базируется на них и воспроизводит их. Исследователи высшего образования в Индии отмечают, что «ценностно ориентированное воспитание занимает исключительное место во всех образовательных планах и учебных программах»⁷ страны.

Современные условия мы можем обозначить не только как геополитическую конфликтность, но и как межцивилизационное противостояние, в которое вовлечены ценностные, идеологические, институциональные факторы, когда речь идет о сохранении не только политической субъектности, но и национальной идентичности и исторической самостоятельности. Как отмечает Чжао Дань, в случае КНР «для сохранения собственной цивилизационной идентичности Китаю необходимо сохранять традиционные ценности, которые веками определяли процесс воспитания личности»⁸.

Развивающаяся ситуация показывает, что государства, выходя из разрушающейся модели вестернизации-глобализации, формируют собственные основы для стратегии долгосрочного развития. Согласимся с исследователями, отмечаящими потенциал стран, входящих в БРИКС, которые выступают «носителями великих культурных ценностей, создают масштабную сферу взаимодействия с целью противостояния вол-

⁶ URL: http://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (дата обращения: 25.10.2025).

⁷ Мифодьева М. А., Юхименко А. Н. Формирование ценностей в системе образования Индии // Успехи современной науки. 2017. Т. 1. № 3. С. 154.

⁸ Чжао Дань. Развитие высшего образования Китая и России в условиях глобализации и регионализации : дис. ... канд. филос. наук : 5.7.7. Новочеркасск, 2023. С. 34.

нам насилия и аморализма, которые продвигаются под флагом вестернизации и насаждения стандартов западной массовой культуры»⁹.

В этой связи одной из ключевых задач на современном этапе выступает конструирование новой системы международных отношений в сфере образования, основанной на осмыслении общих, сходных ценностных ориентиров. В данном случае речь идет не об универсализации ценностей, а о сближении суверенных позиций на основе осмысления сходных приоритетов. В Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹⁰ говорится о таких ценностях, как высокие нравственные идеалы, крепкая семья, гуманизм, справедливость, историческая правда. Индийская цивилизация также характеризуется своими традиционными ценностями, а «ядро индийской культуры составляет система варна-ашрама-дхарма»¹¹.

Влияние ценностного фактора проявляется в следующих аспектах.

Во-первых, это основа доверия и взаимопонимания между странами, единство ценностных установок выступает в качестве фундамента взаимодействия. Например, ценности традиционной семьи, единства, добра, справедливости являются общими для культуры России и Китая, и, знакомясь с правовой, художественной, философской литературой, обучающиеся замечают общие аксиологические приоритеты, идеалы общества, создавшего их. Возникает взаимопонимание как основа доверия.

Во-вторых, ценностные доминанты определяют институциональные конфигурации при формировании и развитии системы международных отношений в целом и конкретно — международного образования. Так, для Индии это интеграция принципов ненасилия и терпимости, для Китая — гармония в стратегии образовательного сотрудничества. Таким образом, ценностный компонент является не только

содержанием диалога, но и его нормативным оформлением.

Образование как «мягкая сила» в эпоху жестких трансформаций

Ввиду тотального глобального недоверия на первый план выходит «экономика знаний» — этот термин был введен в 1969 г. Питером Друкером в книге «Эпоха разрыва. Ориентиры для нашего меняющегося общества». В этой книге подчеркивается роль знаний для прорывного развития экономики. На первый план выходит человеческий капитал: образование и интеллект становятся главным ресурсом. Производство, использование и интеграция знаний и технологий в различные сферы — основной источник экономического роста.

Несмотря на развернувшуюся гонку за технологическим лидерством, политика внешней открытости и продвижения — «мягкая сила» (soft power) — не теряет своей актуальности. «Не принуждай, а вовлекай, не навязывай, а информируй» — девиз «мягкой силы». Язык, культура, образование — всё, что государство сможет сделать притягательным и умело это преподнести, — это и есть «мягкая сила», играющая знаковую роль в вопросах международных отношений, оказывая внушительное косвенное влияние на мировую политику и бизнес-сферу. Термин «мягкая сила», или «мягкая власть», был введен Джозефом Наем во второй половине 1980-х гг. Он понимается как эффективный инструмент достижения национальных целей без вступления в открытую конфронтацию, через добровольное принятие оппонентами по причине симпатии, а не принуждения. В дальнейшем автор предложил концепцию «умной силы» (smart power), которая включала в себя «жесткую» и «мягкую» силу одновременно, где, по его мнению, достигается баланс военной и экономической мощи с притягательностью культуры, языка, образования и дипломатии.

Первопроходцами в этом направлении можно считать страны англосаксонской группы, сейчас к этой гонке успешно присоединился

⁹ Титаренко М. Л. Россия и Китай: стратегическое партнерство и вызовы времени. М. : Форум, 2014. С. 129.

¹⁰ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 25.10.2025).

¹¹ Степанянц М. Т. Социокультурные основания модернизации Индии // Полис. 2012. № 1. С. 31.

Китай. Они работают по принципу: «Не жди, когда кто-то начнет говорить о тебе, начни сам: презентуй, рекламируй, приглашай, показывай, обучай, вовлекай!» И это дает свои позитивные результаты.

Анализ происходящих процессов показывает, что в условиях усложнения геополитических процессов, возрастания глобальной неопределенности образование приобретает роль механизма, конструирующего и меняющего систему международных связей, становясь полноправно «мягкой силой». Ч. Юйкунь, А. А. Керимов выделяют два механизма трансляции «мягкой силы», относя к первому механизму экспорт культурной продукции (музыка, кино и др., имеющие культурную ценность), а ко второму — «международное образование и международные культурные обмены»¹².

Отметим, что в публикациях, вышедших еще до активизации геополитических процессов

последних лет, обозначается, что «культурные связи имеют существенное отличие от международных отношений в том, что культурный диалог между странами продолжается и тогда, когда политические контакты осложнены межгосударственными конфликтами»¹³, поэтому сфера образования, чувствительная к геополитическим трансформациям, сохраняет возможности для восстановления доверия в постконфликтном периоде. Например, в случае со странами, идущими на сближение, программы по взаимному образовательному диалогу позволяют укрепить взаимодействие, а у конфликтующих сторон — сохранить трек на возможность понимания и доверия.

В этой связи возрастает значимость нормативно-правового регулирования пространства международного образования субъектов-участников, разделяющих единое видение будущего мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Матвеевская А. С., Погодина В. Л. Образовательный туризм как фактор «мягкой силы» в международных отношениях // Проблемы, опыт и перспективы развития туризма, сервиса и социокультурной деятельности в России и за рубежом : материалы III Междунар. науч.-практ. интернет-конференции. Чита, 21–23 декабря 2016 г. — Чита : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2016. — С. 374–395.
2. Мефодьева М. А., Юхименко А. Н. Формирование ценностей в системе образования Индии // Успехи современной науки. — 2017. — Т. 1. — № 3. — С. 152–155.
3. Степанянц М. Т. Социокультурные основания модернизации Индии // Полис. — 2012. — № 1. — С. 26–42.
4. Титаренко М. Л. Россия и Китай: стратегическое партнерство и вызовы времени. — М. : Форум, 2014. — 224 с.
5. Чжао Дань. Развитие высшего образования Китая и России в условиях глобализации и регионализации : дис. ... канд. филос. наук : 5.7.7. — Новочеркасск, 2023. — 163 с.

Материал поступил в редакцию 25 октября 2025 г.

¹² Юйкунь Чжан, Керимов А. А. «Мягкая сила» во взаимоотношениях Китая и России: направления и механизмы реализации // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2024. Т. 47. С. 102. URL: <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.47.100>.

¹³ Матвеевская А. С., Погодина В. Л. Образовательный туризм как фактор «мягкой силы» в международных отношениях // Проблемы, опыт и перспективы развития туризма, сервиса и социокультурной деятельности в России и за рубежом : материалы III Междунар. науч.-практ. интернет-конференции. Чита, 21–23 декабря 2016 г. Чита : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2016. С. 376.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Matveevskaya A. S., Pogodina V. L. *Obrazovatelnyy turizm kak faktor «myagkoy sily» v mezhdunarodnykh otnosheniyakh // Problemy, opyt i perspektivy razvitiya turizma, servisa i sotsiokulturnoy deyatel'nosti v Rossii i za rubezhom: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. internet-konferentsii. Chita, 21–23 dekabrya 2016 g.* — Chita: Izd-vo Zabaykalskogo gos. un-ta, 2016. — S. 374–395.
2. Mefodeva M. A., Yukhimenko A. N. *Formirovaniye tsennostey v sisteme obrazovaniya Indii // Uspekhi sovremennoy nauki.* — 2017. — T. 1. — № 3. — S. 152–155.
3. Stepanyants M. T. *Sotsiokulturnye osnovaniya modernizatsii Indii // Polis.* — 2012. — № 1. — S. 26–42.
4. Titarenko M. L. *Rossiya i Kitay: strategicheskoye partnerstvo i vyzovy vremeni.* — M.: Forum, 2014. — 224 s.
5. Chzhao Dan. *Razvitie vysshego obrazovaniya Kitaya i Rossii v usloviyakh globalizatsii i regionalizatsii: dis. ... kand. filos. nauk: 5.7.7.* — Novocherkassk, 2023. — 163 s.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.026-035

Н. Ф. Попова*

Сбережение народа и развитие человеческого потенциала как стратегический приоритет обеспечения национальной безопасности России

Аннотация. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. (СНБ-2021) сбережение народа и развитие человеческого потенциала отнесены одновременно к стратегическим приоритетам и национальным интересам России. Это не совсем верно с точки зрения закрепленного в СНБ-2021 содержания этих терминов. В статье обосновано предложение сформулировать рассматриваемый национальный интерес РФ в следующей редакции: обеспечение стабильного демографического развития России, раскрытие и развитие человеческих возможностей (способностей), повышение качества жизни и благосостояния граждан. Данные национальный интерес и стратегический приоритет поставлены в СНБ-2021 на первое место как наиважнейшие в настоящее время. Особое внимание уделено анализу правовой природы таких понятий, как «сбережение народа», «развитие человеческого потенциала», «качество жизни» и «благосостояние». Раскрыто влияние внешних и внутренних факторов на определение стратегических приоритетов обеспечения нацбезопасности и очередность их указания в документах стратегического планирования. Названы основные направления деятельности государства по реализации целей сбережения народа и развития человеческого потенциала, обозначены существующие проблемы и пути их решения. Сделан вывод о том, что сбережения народа и развития человеческого потенциала можно достичь только через поддержку семьи, развитие социальной инфраструктуры, укрепление духовных, культурных, семейных ценностей, преодоление демографического кризиса в стране. Выполнение этих мероприятий обеспечит необходимый уровень национальной безопасности России.

Ключевые слова: сбережение народа; человеческий потенциал; качество жизни; благосостояние человека; стратегические национальные приоритеты РФ; национальные интересы России; национальная безопасность; стратегия национальной безопасности; обеспечение национальной безопасности; государственное управление

Для цитирования: Попова Н. Ф. Сбережение народа и развитие человеческого потенциала как стратегический приоритет обеспечения национальной безопасности России // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 4. — С. 26–35. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.026-035

© Попова Н. Ф., 2026

* Попова Наталья Федоровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и публичного права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
Щербаковская ул., д. 38, г. Москва, Российская Федерация, 105187
nfpopova51@mail.ru

Safeguarding the Population and Developing Human Potential as a Strategic Priority in Ensuring the National Security of the Russian Federation

Natalia F. Popova, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of International and Public Law,
Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
nfpopova51@mail.ru

Abstract. In the 2021 Strategy for the National Security of the Russian Federation (hereinafter — SNS2021), the preservation of the population and the development of human potential are simultaneously categorized as both strategic priorities and national interests of the Russian Federation. This characterization is not entirely accurate with respect to the substantive meaning of these terms as set forth in SNS2021. The paper substantiates a proposal to reformulate the expression of the relevant national interest of the Russian Federation as follows: ensuring stable demographic development of Russia; the realization and development of human capacities; and the improvement of citizens' quality of life and wellbeing. This national interest and strategic priority are positioned in SNS2021 as the foremost priorities at present. Particular attention is devoted to the examination of the legal nature of the concepts «preservation of the population», «development of human potential», «quality of life», and «wellbeing». The influence of external and internal factors on the determination of strategic priorities for national security and on the sequencing of those priorities in strategic planning documents is analyzed. The principal directions of state activity for implementing population preservation and the development of human potential, the existing problems in this area, and avenues for their resolution are identified. It is concluded that the preservation of the population and the development of human potential can be achieved only through support for the family, the development of social infrastructure, the strengthening of spiritual, cultural, and family values, and the overcoming of the country's demographic crisis. The implementation of these measures will ensure attainment of the requisite level of national security for the Russian Federation.

Keywords: safeguarding the people; human potential; quality of life; human welfare; strategic national priorities of the Russian Federation; national interests of Russia; national security; a national security strategy; ensuring national security; public administration

Cite as: Popova NF. Safeguarding the Population and Developing Human Potential as a Strategic Priority in Ensuring the National Security of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(4):26-35. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.026-035

Современные вызовы влияют на приоритетные направления обеспечения национальной безопасности государства (ОНБ). Они обусловлены множеством явлений, событий, происходящих в окружающем мире, среди которых можно выделить следующие:

- конфликты в международных отношениях, прежде всего между Россией и Украиной, Россией и Европой;
- возрастание киберопасности для объектов критически важной инфраструктуры государства, обусловленное учащением кибератак на эти объекты и ростом киберпреступности;
- увеличение санкций и экономического давления со стороны недружественных госу-

дарств, что создает угрозы экономической безопасности России;

- экологические риски, вызванные изменением климата и возникновением различных чрезвычайных ситуаций экологического характера;
- наличие социальных проблем в обществе, таких как ухудшение качества жизни населения, уменьшение объема соцподдержки определенных категорий граждан;
- усиление террористических и экстремистских проявлений;
- необходимость постоянного обеспечения военной безопасности, поддержания должного уровня обороноспособности государства, ис-

пользования новых технологий в области обороны;

— спад рождаемости, важность сбережения населения и др.

Противодействие этим угрозам должно осуществляться во взаимодействии различных структур публичной власти с участием населения и бизнеса. Актуальность исследования вызовов связана с необходимостью постоянного мониторинга политической, военной, миграционной, экологической, социальной, экономической и других видов обстановки как внутри государства, так и за его пределами и переоценки стратегических приоритетов (направлений) ОНБ в ответ на них.

По данным Росстата, численность населения России уменьшается каждый год начиная с 2018 г. На 1 января 2021 г. она стала минимальной по сравнению с 2014 г. В 2020 г. отмечена убыль населения более чем в 0,5 млн, численность составила примерно 146,3 млн человек¹. По этой причине закономерно, что в новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (СНБ-2021), утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400², первым среди национальных интересов указано «сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан».

В СНБ-2021 применяется и такой термин, как «стратегические национальные приоритеты РФ». И на первом месте среди них — «сбережение народа России, развитие человеческого потенциала». То есть сбережение народа России, развитие человеческого потенциала одновременно названы и национальными интересами, и приоритетами. Этот факт вызывает вопросы. Ведь СНБ-2021 определяет национальные интересы РФ как «объективно значимые

потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии», а стратегические национальные приоритеты РФ — как «важнейшие направления ОНБ и устойчивого развития РФ».

Ключевыми словами в этих определениях являются «потребность» и «направления ОНБ». Но они имеют разное содержание и не тождественны. В общем виде потребность — это нужда в чем-то необходимом. А направления ОНБ — виды (область, функционал) деятельности органов публичной власти по реализации госполитики в сфере безопасности. Так, в п. 65 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683³ (утратил силу), было установлено, что «одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности на региональном уровне является создание механизма сокращения уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов РФ».

На основании вышесказанного можно предложить такую редакцию рассматриваемого национального интереса РФ, как «обеспечение стабильного демографического развития России, раскрытие и развитие человеческих возможностей (способностей), повышение качества жизни и благосостояния граждан». Устойчивое развитие РФ также отнесено в СНБ-2021 и к национальным интересам, и к стратегическим приоритетам.

В предыдущих стратегиях национальной безопасности (2009⁴ и 2015 г.⁵) на первом месте стоял приоритет обеспечения военной безопасности, а анализируемый национальный интерес (приоритет) в несколько ином изложении был только третьим.

Вопросам обеспечения национальной безопасности после утверждения СНБ-2021 посвя-

¹ Население России впервые за 15 лет снизилось более чем на 500 тыс. человек // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/4663759> (дата обращения: 12.12.2025).

² СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

³ СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

⁴ Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (утратил силу) // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

⁵ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683.

щен ряд научных трудов⁶. Имеются и работы по анализу указанного нового приоритетного направления ОНБ⁷, а также приняты документы стратегического планирования для его реализации⁸.

Рассмотрим содержание таких основных понятий данного национального интереса и приоритета, как «сбережение народа», «человеческий потенциал», «качество жизни» и «благополучие граждан». Эти понятия исследуются учеными с позиций различных отраслей научного познания: социологами, экономистами, психологами, юристами. Поэтому они носят междисциплинарный характер. Имеются разные мнения на их счет.

Термин «сбережение народа» в постсоветской России впервые употребил А. И. Солженицын в работе «Как нам обустроить Россию»⁹ в качестве национальной идеи. Писатель считал ее очень актуальной с учетом огромных потерь

русского народа в XX в. Он вкладывал в содержание этого термина две составляющие — количественную (демографическую) и качественную, показывающую уровень жизни и благополучие населения. Эти показатели, по его мнению, определяются проводимой в государстве социальной политикой¹⁰.

Д. Г. Пантелеймонов также отмечает, что содержание термина «сбережение народа России» не ограничивается одним лишь демографическим фактором, а описывает «характеристику многонационального и многоконфессионального народа России по ряду критериев», помимо названного. Среди них: 1) этнический критерий, определяющий состояние и тенденции развития всех российских этносов, их культур и традиций; 2) конфессиональный — показывающий состояние и тенденции развития существующих в стране религий и конфессий; 3) языковой — отображающий состояние и тен-

⁶ *Мошкина Н. А.* Комплексный подход к обеспечению национальной безопасности Российской Федерации в условиях санкционного давления // *Безопасность бизнеса.* 2024. № 4. С. 39–43 ; *Кардашова И. Б.* Роль национальной идеи в обеспечении национальной безопасности // *Современное право.* 2025. № 1. С. 5–11 ; *Попова Н. Ф.* Новые приоритеты обеспечения национальной безопасности РФ // *Административное право и процесс.* 2022. № 5. С. 16–19 ; *Подберёзкин А. И.* Государственная стратегия безопасности России после февраля 2022 года // *Обозреватель.* 2022. № 5–6. С. 388–389.

⁷ *Стародубцева И. А.* Повышение качества жизни граждан как цель государственной политики Российской Федерации // *Государственная власть и местное самоуправление.* 2025. № 6. С. 8–11 ; *Мигущенко О. Н.* Цель и социальное назначение единой системы публичной власти // *Муниципальная служба: правовые вопросы.* 2025. № 3. С. 6–9 ; *Пантелеймонов Д. Г.* Сбережение народа России : монография. М. : Русайнс, 2024. 110 с. ; *Шомахов К. Р.* Человеческий потенциал как фактор экономического роста и экономической безопасности России // *Экономическая безопасность.* 2023. Т. 6. № 4. С. 1381–1402.

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // *СЗ РФ.* № 13. Ст. 1505 ; распоряжение Правительства РФ от 20.06.2017 № 1298-р «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года» (ред. от 29.11.2023) // *СЗ РФ.* 2017. № 27. Ст. 4062 ; распоряжение Правительства РФ от 11.12.2023 № 3547-р «Об утверждении Концепции сокращения потребления алкоголя в Российской Федерации на период до 2030 года и на дальнейшую перспективу» // *СЗ РФ.* 2023. № 51. Ст. 9435 ; распоряжение Правительства РФ от 16.09.2021 № 2580-р (ред. от 23.01.2024) «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // *СЗ РФ.* 2021. № 39. Ст. 6751.

⁹ *Среднерусский вестник общественных наук.* 2009. № 1. С. 155–163.

¹⁰ *Синявская О., Бирюкова С.* Как Россия боролась за сохранение и преумножение населения // URL: https://history.vz.ru/kak_Rossija_borolas_za_sohranenie_i_preumnozhenie_naselenija/15.html (дата обращения: 12.12.2025).

денции развития языков всех народов России¹¹. Таким образом, сбережение народа означает не только недопущение уменьшения численности населения, но и поддержание его активного долголетия, достойного уровня жизни, интеллектуального, культурного, духовного и нравственного развития.

Перейдем к термину «человеческий потенциал». К. Р. Шомахов относит к его основным компонентам «навыки, знания и способности, которыми обладает отдельная личность»¹². Он подчеркивает, что «их использование помогает бизнесу и государству решать экономические и социальные задачи». А. Н. Осипова считает, что уровень развития человеческого потенциала включает трудовую составляющую, компонент доходов и имущества, компонент образования и культуры, компонент здравоохранения, компонент демографии и миграции, научно-инновационный компонент, экологический компонент¹³. Можно сделать вывод, что понятие «развитие человеческого потенциала» показывает состояние и тенденции развития интеллектуальных, культурных, духовно-нравственных, физических, профессиональных и иных возможностей отдельных граждан РФ и в целом российского народа.

В СНБ-2021 определены цели госполитики в сфере сбережения народа и развития человеческого потенциала: 1) устойчивый естественный рост численности и повышение качества жизни населения; 2) укрепление здоровья граждан; 3) сокращение бедности, снижение уровня социального и имущественного неравенства; 4) повышение уровня образования населения; 5) воспитание гармонично развитого и социально ответственного гражданина. Для реализации названных целей в п. 33 СНБ-2021 указано 17

задач: рост реальных доходов населения, повышение качества социальных и медицинских услуг и их доступности, повышение рождаемости, формирование мотивации к многодетности, увеличение продолжительности жизни, снижение смертности, повышение мотивации граждан к ведению здорового образа жизни, улучшение жилищных условий и др.

То есть госполитика в этой сфере призвана решить демографические, жилищные, социальные, экологические проблемы в России, мотивировать граждан вести здоровый образ жизни, создать условия для их самореализации и т.д. Президент РФ в выступлениях на разных мероприятиях неоднократно повторял, что «важнейшей задачей государства сегодня остается сбережение нашего народа, его культуры и духовности, лучших образовательных и просветительских традиций».

Следует отметить, что в законодательстве РФ не раскрыты понятия «сбережение народа», «развитие человеческого потенциала», «человеческий потенциал». Однако они используются в документах стратегического планирования¹⁴.

Перейдем к термину «качество жизни». В отличие от ранее рассмотренных понятий, его содержание определено в законодательстве. Так, в ГОСТ Р 52495-2005 «Социальное обслуживание граждан. Термины и определения», утвержденном приказом Ростехрегулирования от 30.12.2005 № 532-ст (ред. от 17.10.2013), под качеством жизни понимается «степень удовлетворения комплекса потребностей и интересов гражданина, семьи и общества в целом». Необходимо отметить, что с 2 марта 2026 г. начнет действовать новый национальный стандарт РФ ГОСТ Р 52495-2025 «Социальное обслуживание граждан. Термины и определения»¹⁵.

¹¹ Пантелеймонов Д. Г. Указ. соч. С. 46.

¹² Шомахов К. Р. Указ. соч. С. 1381.

¹³ Осипова А. Н. Базовые компоненты человеческого потенциала // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 276–281.

¹⁴ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977 ; Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 14. Ст. 2406.

¹⁵ Приказ Росстандарта от 06.08.2025 № 848-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

Более широко оно раскрыто в Модельном законе «О цифровой трансформации сферы услуг государств — участников СНГ», принятом 14 апреля 2023 г. в г. Санкт-Петербурге постановлением № 55-10 на 55-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ¹⁶: «Качество жизни — это степень удовлетворения материальных, культурных и духовных потребностей человека, а также уровень соответствия экономических возможностей, правовой, образовательной и иных социальных систем и качества окружающей природной среды современным научным представлениям и общепринятому в обществе представлению о стандартах жизнедеятельности и жизнеобеспечения».

И. А. Стародубцева приводит мнения ВОЗ и исследователей о содержании этого термина¹⁷. Например, ВОЗ под качеством жизни понимает «восприятие человеком его позиции в жизни в контексте той культуры и системы ценностей, к которым он принадлежит и которые разделяет, в соответствии с целями, ожиданиями, нормами и заботами»¹⁸. Для оценки этого феномена применяются показатели осознания человеком разнообразных сторон жизни: «психологические и физические (активность, усталость, боль, энергия), уровень независимости (от лекарств, возможность свободно передвигаться, способ-

ность работать), социальные отношения, окружающая среда, духовная сфера»¹⁹.

С позиции экономической науки «качество жизни» показывает успешность (результативность) всех сторон жизни личности, «уровень удовлетворения его различных потребностей (материальных, социальных, духовных и др.)»²⁰. Очевидно, что качество жизни определяется проводимой в государстве социально-экономической политикой, правильным выбором ее стратегических целей. Это обеспечивает благосостояние каждого гражданина, уровень экономического и социального развития государства. Представители науки гражданского права связывают данное понятие также с защитой чести, достоинства и деловой репутации, а не только с достигнутым уровнем физического, душевного и социального благополучия²¹. Ведь правовая возможность защитить честь, достоинство и репутацию является элементом качества жизни каждого индивида.

В законодательных актах рассматриваемый термин употребляется для обозначения цели реализации госполитики в той или иной области (отрасли) государственного управления. Например, в области культуры²², предпринимательской деятельности²³, пространственного развития²⁴ и др.

В документах стратегического планирования повышение качества жизни и благосостояния

¹⁶ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Стародубцева И. А. Указ. соч. С. 10.

¹⁸ Шипова Н. С. Применение методики «Краткий опросник ВОЗ для оценки качества жизни» в исследовании лиц с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Костромского государственного университета. Серия «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2018. № 4. С. 250–255.

¹⁹ Стародубцева И. А. Указ. соч.

²⁰ Ковынёва О. А., Герасимов Б. И. Управление качеством жизни населения : монография / под науч. ред. д-ра экон. наук, проф. Б. И. Герасимова. Тамбов : Изд-во Тамбовского государственного технического университета. 2006. С. 54.

²¹ Малинова А. Г. Юридизация понятия «качество жизни» в спорах о компенсации морального вреда // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 73–79.

²² Основы законодательства Российской Федерации о культуре, утв. ВС РФ 9 октября 1992 г. № 3612-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 46. Ст. 2615.

²³ Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 29. Ст. 4503.

²⁴ Федеральный закон от 29.11.2014 № 377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // СЗ РФ. 2014. № 48. Ст. 6658.

граждан относится к целям реализации этих документов²⁵.

В федеральных нормативных правовых актах нет определения благосостояния граждан. Но в законодательстве некоторых субъектов РФ ранее раскрывалось содержание этого понятия. Например, утративший силу Закон г. Москвы от 04.06.1997 № 16 «Об организации работы по опеке, попечительству и патронату в городе Москве»²⁶ под благосостоянием ребенка понимал необходимые материальные и иные ресурсы, обеспечивающие его жизнедеятельность. По нашему мнению, данное определение справедливо в отношении всех людей.

«Благосостояние» — категория, которая «включает совокупность показателей достигнутого уровня и качества жизни и доступности основных общественных благ, обеспечивающих жизнедеятельность человека»²⁷. В научных трудах исследуются такие его виды, как «благосостояние граждан»²⁸, «благосостояние ребенка»²⁹, «общественное благосостояние»³⁰, «цифровое благосостояние»³¹.

Согласно СНБ-2021, приоритет ОНБ, направленный на сбережение народа, развитие человеческого потенциала, обусловлен, помимо наличия демографического кризиса в России, о котором было упомянуто выше, еще несколькими причинами:

1) его претворение в жизнь стимулирует поступательное социально-экономическое раз-

витие государства, так как граждане РФ — это основной капитал (ресурс), способствующий его достижению. Российская Федерация — социальное государство, политика которого «направлена на обеспечение достойной жизни и свободного развития человека, создание условий для укрепления здоровья граждан, увеличение продолжительности жизни, снижение смертности, улучшение жилищных условий и расширение возможностей для получения качественного образования, повышения рождаемости и т.п.»;

2) данный приоритет ориентирован также на охрану и защиту прав, свобод и законных интересов граждан РФ с целью предотвращения появления различных социальных конфликтов. Социальная стабильность необходима для обеспечения внутренней безопасности;

3) реализация указанного приоритета связана с защитой духовных и культурных ценностей всех народов России для формирования сплоченности общества и др.

Несмотря на принимаемые государством меры по стимулированию рождаемости (увеличение размера материнского капитала, соцвыплат на детей и др.), не удалось преодолеть демографический кризис. Так, на начало 2025 г. численность населения России равнялась примерно 146 млн человек. В 2024 г. родилось 1,22 млн детей. Это на 3,4 % меньше, чем в 2023 г. Численность населения снизилась на 1,7 млн. Естественная убыль составила около

²⁵ Указ Президента РФ от 26.06.2020 № 427 «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока» // СЗ РФ. 2020. № 26. Ст. 4092 ; Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

²⁶ Ведомости Московской Думы. 1997. № 6. С. 70.

²⁷ Большая российская энциклопедия // URL: <https://bigenc.ru/c/blagosostoianie-acd317> (дата обращения: 14.12.2025).

²⁸ Образование и занятость: правовые вопросы новой цифровой реальности : монография / Н. С. Волкова, О. Ю. Еремина, О. В. Моцная [и др.] ; отв. ред. Н. С. Волкова, Н. В. Путило. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ ; Юриспруденция, 2025. 192 с.

²⁹ Воронина С. В. Реализация принципа заботы о благосостоянии и развитии детей, оставшихся без попечения родителей: частноправовой аспект // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 5. С. 19–23.

³⁰ Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (постатейный) / под ред. О. Л. Дубовик // СПС «КонсультантПлюс». 2011.

³¹ Аристов Е. В., Понкин И. В. Будущее социальности государства и социального государства в контексте цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. № 2. С. 175–191.

500 тыс. человек. Средний коэффициент рождаемости — 1,4–1,45 при требуемом 2,1³². Но есть субъекты РФ, в которых отмечается высокий уровень рождаемости. К ним относятся Дагестан, Чечня, Тыва. Меньше всего детей рождается в Центральной и Северо-Западной России. Еще одна проблема реализации рассматриваемого приоритета ОНБ — старение населения: в настоящее время пожилые люди составляют 16,7 %.

Какие же причины сдерживают рождаемость в РФ? Во-первых, дорогие квартиры, высокая ставка по ипотеке. Во-вторых, поздние сроки вступления в брак — примерно около 30 лет. В-третьих, рост репродуктивных нарушений у женщин. В-четвертых, недостаточное количество детских дошкольных учреждений и школ в ряде регионов РФ. В-пятых, молодежь отдает предпочтение самореализации, а не рождению детей и др.

В целях исправления ситуации в этом году в рамках нацпроекта «Демография» планируется осуществлять:

- поддержку рождаемости путем льготной ипотеки, увеличения размера маткапитала;
- раннее сопровождение женщин, ожидающих ребенка;
- профилактику заболеваний, скрининг, занятость граждан 55+;
- контроль миграции, создание упрощенных условий для привлечения квалифицированных специалистов, готовых интегрироваться в российское общество;
- реализацию программ, образовательных модулей, кампаний по продвижению традиционных культурно-духовных и семейных ценностей;

— поддержку МСП через предоставление субсидий или льготных кредитов;

— модернизацию школьных и медицинских учреждений, особенно в удаленных и сельских районах;

— создание в регионах мест для отдыха и культурных мероприятий, что делает жизнь в них более привлекательной;

— выполнение программ развития моногородов, дорог, ЖКХ, энергетики, что способствует созданию рабочих мест и улучшению качества жизни в регионах РФ, и т.п.

Демографический кризис в постсоветской России обусловлен периодическими спадами в экономическом развитии. И особенно он усилился в связи с проведением СВО, что создает реальную угрозу ОНБ. Понимание необходимости исправления данного положения отражено в СНБ-2021. В этом документе стратегического планирования на первое место поставлен такой национальный интерес России, как «сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан», и соответствующий ему стратегический национальный приоритет «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала». Но, вопреки государственным мерам по исправлению такого положения, достичь данного приоритета ОНБ пока сложно. Чтобы воплотить его в жизнь, государство ежегодно увеличивает социальные меры поддержки семьи, уделяет большое внимание развитию социальной инфраструктуры, укреплению семейных, духовных и культурных ценностей, осуществлению инициатив, направленных на повышение рождаемости, о которых было сказано в статье.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аристов Е. В., Понкин И. В. Будущее социальности государства и социального государства в контексте цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2025. — № 2. — С. 175–191.
2. Воронина С. В. Реализация принципа заботы о благосостоянии и развитии детей, оставшихся без попечения родителей: частноправовой аспект // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2025. — № 5. — С. 19–23.

³² Численность населения России к началу 2025 года снизилась до 146,028 млн человек // URL: <https://www.interfax.ru/russia/1005747> (дата обращения: 14.12.2025).

3. Кардашова И. Б. Роль национальной идеи в обеспечении национальной безопасности // Современное право. — 2025. — № 1. — С. 5–11.
4. Ковынёва О. А., Герасимов Б. И. Управление качеством жизни населения : монография / под науч. ред. д-ра экон. наук, проф. Б. И. Герасимова. — Тамбов : Изд-во Тамбовского государственного технического университета. — 2006. — 88 с.
5. Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ (постатейный) / под ред. О. Л. Дубовик // СПС «КонсультантПлюс». 2011.
6. Малинова А. Г. Юридизация понятия «качество жизни» в спорах о компенсации морального вреда // Российский юридический журнал. — 2020. — № 4. — С. 73–79.
7. Мигущенко О. Н. Цель и социальное назначение единой системы публичной власти // Муниципальная служба: правовые вопросы. — 2025. — № 3. — С. 6–9.
8. Мошкина Н. А. Комплексный подход к обеспечению национальной безопасности Российской Федерации в условиях санкционного давления // Безопасность бизнеса. — 2024. — № 4. — С. 39–43.
9. Образование и занятость: правовые вопросы новой цифровой реальности : монография / Н. С. Волкова, О. Ю. Еремина, О. В. Моцная [и др.] ; отв. ред. Н. С. Волкова, Н. В. Путило. — М. : ИЗиСП при Правительстве РФ ; Юриспруденция, 2025. — 192 с.
10. Осипова А. Н. Базовые компоненты человеческого потенциала // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 2. — С. 276–281.
11. Пантелеймонов Д. Г. Сбережение народа России : монография. — М. : Русайнс, 2024. — 110 с.
12. Подберёзкин А. И. Государственная стратегия безопасности России после февраля 2022 года // Обозреватель. — 2022. — № 5–6. — С. 388–389.
13. Попова Н. Ф. Новые приоритеты обеспечения национальной безопасности РФ // Административное право и процесс. — 2022. — № 5. — С. 16–19.
14. Стародубцева И. А. Повышение качества жизни граждан как цель государственной политики Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. — 2025. — № 6. — С. 8–11.
15. Шипова Н. С. Применение методики «Краткий опросник ВОЗ для оценки качества жизни» в исследовании лиц с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Костромского государственного университета. Серия «Педагогика. Психология. Социокинетика». — 2018. — № 4. — С. 250–255.
16. Шوماхов К. Р. Человеческий потенциал как фактор экономического роста и экономической безопасности России // Экономическая безопасность. — 2023. — Т. 6. — № 4. — С. 1381–1402.

Материал поступил в редакцию 15 декабря 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aristov E. V., Ponkin I. V. Budushchee sotsialnosti gosudarstva i sotsialnogo gosudarstva v kontekste tsifrovizatsii // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2025. — № 2. — S. 175–191.
2. Voronina S. V. Realizatsiya printsipa zaboty o blagosostoyanii i razvitii detey, ostavshikhnya bez popecheniya roditel'ey: chastnopravovoy aspekt // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2025. — № 5. — S. 19–23.
3. Kardashova I. B. Rol natsionalnoy idei v obespechenii natsionalnoy bezopasnosti // Sovremennoe pravo. — 2025. — № 1. — S. 5–11.
4. Kovyneva O. A., Gerasimov B. I. Upravlenie kachestvom zhizni naseleniya: monografiya / pod nauch. red. d-ra ekon. nauk, prof. B. I. Gerasimova. — Tambov: Izd-vo Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. — 2006. — 88 s.
5. Kommentariy k Vodnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii ot 3 iyunya 2006 g. № 74-FZ (postateynyy) / pod red. O. L. Dubovik // SPS «KonsultantPlyus». 2011.

6. Malinova A. G. Yuridizatsiya ponyatiya «kachestvo zhizni» v sporakh o kompensatsii moralnogo vreda // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2020. — № 4. — S. 73–79.
7. Migushchenko O. N. Tsel i sotsialnoe naznachenie edinoy sistemy publichnoy vlasti // Munitsipalnaya sluzhba: pravovye voprosy. — 2025. — № 3. — S. 6–9.
8. Moshkina N. A. Kompleksnyy podkhod k obespecheniyu natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh sanktsionnogo davleniya // Bezopasnost biznesa. — 2024. — № 4. — S. 39–43.
9. Obrazovanie i zanyatost: pravovye voprosy novoy tsifrovoy realnosti: monografiya / N. S. Volkova, O. Yu. Eremina, O. V. Motsnaya [i dr.]; otv. red. N. S. Volkova, N. V. Putilo. — M.: IZiSP pri Pravitelstve RF; Yurisprudentsiya, 2025. — 192 s.
10. Osipova A. N. Bazovye komponenty chelovecheskogo potentsiala // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2020. — № 2. — S. 276–281.
11. Panteleymonov D. G. Sberezhenie naroda Rossii: monografiya. — M.: Rusayns, 2024. — 110 s.
12. Podberezkin A. I. Gosudarstvennaya strategiya bezopasnosti Rossii posle fevralya 2022 goda // Obozrevatel. — 2022. — № 5–6. — S. 388–389.
13. Popova N. F. Novye prioritety obespecheniya natsionalnoy bezopasnosti RF // Administrativnoe pravo i protsess. — 2022. — № 5. — S. 16–19.
14. Starodubtseva I. A. Povyshenie kachestva zhizni grazhdan kak tsel gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie. — 2025. — № 6. — S. 8–11.
15. Shipova N. S. Primenenie metodiki «Kratkiy oprosnik VOZ dlya otsenki kachestva zhizni» v issledovanii lits s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorovya // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika». — 2018. — № 4. — S. 250–255.
16. Shomakhov K. R. Chelovecheskiy potentsial kak faktor ekonomicheskogo rosta i ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii // Ekonomicheskaya bezopasnost. — 2023. — T. 6. — № 4. — S. 1381–1402.

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.036-047

Д. К. Стожко*,
К. П. Стожко**,
Б. А. Воронин***

Совершенствование правового регулирования качества продукции на современном продовольственном рынке России

Аннотация. В контексте проблемы обеспечения продовольственной безопасности страны в настоящее время стоит задача развития системы правового регулирования качества продукции на внутреннем рынке: требуется скорректировать практику правового регулирования продовольственного рынка с учетом реальных масштабов и способов фальсификации продукции. Цель исследования — анализ и систематизация принципов и направлений правового регулирования качества продовольственных товаров. В статье проанализирована ситуация на общероссийском продовольственном рынке и региональном продовольственном рынке Среднего Урала. Обоснована необходимость усиления внешнего и внутреннего контроля за качеством производства и реализации продуктов питания, внесения изменений в законодательство, его унификации. Выявлена негативная тенденция, связанная с фальсификацией продуктов питания, — снижение качества потребляемой продукции. Подчеркнута важность повышения экономико-правовой грамотности потребителей, развития мер защиты их прав. Высказана идея о целесообразности скорейшего принятия федерального закона «Об экологической культуре» и экологического кодекса РФ с четким определением экологических норм в производстве и обороте продовольственных товаров. Предложено более системное изучение и использование накопленного международного опыта правового противодействия производству и обороту фальсифицированных продовольственных товаров, в частности в вопросах борьбы с новыми технологиями фальсификации продуктов, практики их контрабанды, купирования появляющихся рисков и повышения общественного и государственного контроля в области защиты законных прав потребителей продовольственных товаров.

© Стожко Д. К., Стожко К. П., Воронин Б. А., 2026

* *Стожко Дмитрий Константинович*, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры креативного управления и гуманитарных наук Уральского государственного экономического университета
ул. 8 Марта, д. 62, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620144
d.k.stozhko@mail.ru

** *Стожко Константин Петрович*, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии Уральского государственного аграрного университета
ул. Карла Либкнехта, д. 42, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620075
kostskp@mail.ru

*** *Воронин Борис Александрович*, доктор юридических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института аграрно-экономических проблем и управления сельским хозяйством Уральского государственного аграрного университета
ул. Карла Либкнехта, д. 42, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620075
voroninba@yandex.ru

Ключевые слова: государственная экономическая политика; государственное регулирование; государственный контроль; качество продукции; контрафакт; нормативно-правовая база; продовольственная продукция; продовольственный рынок; стратегия; фальсификация продовольственной продукции

Для цитирования: Стожко Д. К., Стожко К. П., Воронин Б. А. Совершенствование правового регулирования качества продукции на современном продовольственном рынке России // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 4. — С. 36–47. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.036-047

Improving the Legal Regulation of Product Quality in the Modern Russian Food Market

Dmitriy K. Stozhko, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Creative Management and Humanities, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation
d.k.stozhko@mail.ru

Konstantin P. Stozhko, Dr. Sci. (History), Professor, Department of Philosophy, Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, Russian Federation
kostskp@mail.ru

Boris A. Voronin, Dr. Sci. (Law), Director of the Research Institute of Agrarian and Economic Problems and Agricultural Management, Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, Russian Federation
voroninba@yandex.ru

Abstract. In connection with ensuring the country's food security, there is presently a need to further develop the system of legal regulation governing the quality of food products in the domestic market; specifically, it is necessary to adjust regulatory practice in light of the actual scale and methods of food adulteration. The purpose of this study is to analyze and systematize the principles and directions of legal regulation of food quality in the food market. The situation in the nationwide food market and in the regional food market of the Middle Urals is examined. The necessity of strengthening both external and internal oversight of the quality of food production and distribution, amending and harmonizing existing legislation, is substantiated. A negative trend associated with the growing adulteration of food products, namely, the decline in the quality of products consumed, is identified. The need to enhance consumers' economic and legal literacy and to develop measures for the protection of their rights is justified. The expediency of the prompt adoption of a federal law «On Environmental Culture» and an Environmental Code of the Russian Federation, with a clear definition of environmental standards applicable to the production and circulation of food products, is advanced. A more systematic study and utilization of accumulated international experience in legally counteracting the production and circulation of adulterated food products is proposed, particularly with respect to combating new technologies of food adulteration, addressing smuggling practices, mitigating the risks arising therefrom, and strengthening public and governmental oversight in the protection of the lawful rights of food consumers.

Keywords: state economic policy; government regulation; state control; product quality; counterfeit; regulatory framework; food products; food market; strategy; falsification of food products

Cite as: Stozhko DK, Stozhko KP, Voronin BA. Improving the Legal Regulation of Product Quality in the Modern Russian Food Market. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(4):36-47. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.036-047

Проблема развития и совершенствования правового регулирования качества продовольственной продукции на современном российском рынке обусловлена необходимостью обеспечения продовольственной безопасности страны и купирования санкционных мер, принимаемых коллективным Западом против Российской Федерации в области продовольственного обеспечения. Объем продовольственного фальсификата и суррогата по большинству категорий переработанной пищевой продукции составляет, по разным оценкам, от 40 до 80 %. При этом на продовольственном рынке присутствуют разные практики и виды фальсификации: полная, частичная, ассортиментная, информационная, упаковочная и т.д.¹

Отдельно следует отметить незаконное производство пищевых продуктов. Статья 171.3 УК РФ определяет такое производство как нелегализованное и предусматривает наказание в виде штрафов от 2 до 3 млн руб. либо принудительных работ на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (также на срок до трех лет)².

В связи с задачей совершенствования законодательной базы в области борьбы с фальсификацией продовольственной продукции необходимо уточнить критерии оценки фальсификата, провести правовую экспертизу новых технологий фальсификации продовольственных товаров и др.

Цель настоящего исследования — оценка проблемного поля правового регулирования

качества товаров на современном российском продовольственном рынке.

Правовое регулирование качества продовольственных товаров — одна из наиболее актуальных проблем развития отечественного законодательства и правоприменительной практики, поскольку главная ценность для государства и общества — здоровье людей. Одним из конкретных вопросов здесь является правовая борьба с фальсификацией продовольственных товаров. Нормативно-правовая база для этой борьбы представлена в Указе Президента РФ «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности РФ»³, Законе «О качестве и безопасности пищевых продуктов»⁴, ряде положений и норм ГК РФ (ст. 469 и др.), УК РФ (ст. 238 и др.), а также ГОСТах. В Законе «О техническом регулировании»⁵ дано определение: «Идентификация — установление тождественности продукции ее существенным признакам». Как видим, фальсификат — это товар, не соответствующий установленным требованиям. Однако каким именно — на этот вопрос Закон четкого ответа не дает. Он отсылает к ГОСТам, которых сегодня столько, что сама идентификация продуктов на предмет их фальсификации оказывается делом сложным, длительным и достаточно условным. Больше того, действует общепринятая практика отклонений (допусков) от устанавливаемых стандартных требований, что соответствует международным стандартам, в частности ИСО ГОСТ Р 9000-2001 «Система менеджмента качества. Общие положения»⁶.

По существу, на текущий момент стандартизация продовольственных товаров оказалась в

¹ Петров А. Н., Ханферьян Р. А., Галстян А. Г. Актуальные аспекты противодействия фальсификации пищевых продуктов // Вопросы питания. 2016. № 5. С. 86–92.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30 декабря 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.08.2025).

³ Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 5. Ст. 502.

⁴ Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» (с изм.) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901751351> (дата обращения: 14.08.2025).

⁵ Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (в ред. федеральных законов от 09.05.2005 № 45-ФЗ, от 01.05.2007 № 65-ФЗ, от 01.12.2007 № 309-ФЗ, от 23.07.2008 № 160-ФЗ, от 18.07.2009 № 189-ФЗ) // URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079587> (дата обращения: 14.08.2025).

⁶ URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200015260> (дата обращения: 14.08.2025).

известной степени замещенной практикой их сертификации, которая отталкивается уже не от стандартов (ГОСТов), а от технических условий (ТУ). Поскольку ТУ часто разрабатываются самими производителями или коммерческими организациями, это создает благоприятные возможности для недобросовестных производителей и продавцов. Каждый ГОСТ регистрируется в Министерстве юстиции РФ и обязателен к исполнению, он ориентирован на соблюдение прав потребителя и обеспечение безопасности продовольственной продукции. В тех случаях, когда отсутствует ГОСТ, предприятия следуют требованиям ТУ. В принципе, ТУ не должны противоречить ГОСТам, но если ГОСТы допускают разное толкование, то принцип соответствия девальвируется.

Определенный интерес представляют и такие инструменты эффективного управления и обеспечения сочетания интересов потребителей, требований государства и эффективности товаропроизводителей, как стандарты организации (СТО) и технические регламенты (ТР), умелое сочетание которых в общем и целом может способствовать снижению объема фальсифицированной продовольственной продукции на отечественном рынке. Но, как показывает практика последних лет, наблюдается возрастание разного рода рисков производства фальсифицированной продукции для потребителей. Это коснулось не только элитных продуктов питания,

но и самых необходимых, например хлеба и хлебобулочных изделий, молока и молочных продуктов и т.д.⁷ Правительство РФ не раз принимало экстренные меры по нормализации отечественного продовольственного рынка. В частности, постановлением от 11.05.2022 № 849⁸ оно отменило льготную ставку НДС для фракций пальмового масла, а еще ранее приняло постановление от 31.05.2021 № 830⁹ о поддержке производителей сухого молока и распоряжением от 20.07.2021 № 2010¹⁰ одобрило инновационный проект по производству компонентов для сухих молочных смесей. Постановлением от 06.05.2023 № 708¹¹ Правительство РФ расширило параметры льготного кредитования производителей молочных смесей и лечебного питания, что крайне важно, поскольку за 2022 г. общее кредитование пищевой промышленности сократилось на 50 % относительно 2021 г.¹² Однако для выхода из режима ручного управления и администрирования на продовольственном рынке и создания эффективного механизма его правового регулирования требуется учитывать самые разные, в том числе и новые, факторы, связанные с глобальным геополитическим и макроэкономическим кризисами, а также ухудшением в экологической сфере.

Данной проблематике уделяется довольно серьезное внимание в современной литературе. Этим вопросам посвящены исследования А. А. Алтуховой¹³, А. А. Бычковой¹⁴, Л. С. Дон-

⁷ Андреев А. В., Фирсова А. П., Соломинова А. Р. Фальсификация качества молока и молочной продукции как ключевая угроза продовольственной безопасности страны // *Агропродовольственная экономика*. 2022. № 5. С. 32–42. DOI: 10.54092/24122521_2022_5_32 ; Апалькова Г. Д., Ботвинникова В. В. Мониторинг качества пищевой продукции: обзор состояния вопроса // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Пищевые и биотехнологии»*. 2020. № 1. С. 5–11. DOI: 10.14529/food200101.

⁸ СЗ РФ. 2022. № 20. Ст. 3312.

⁹ СЗ РФ. 2021. № 24 (ч. II). Ст. 4497.

¹⁰ СЗ РФ. 2021. № 30. Ст. 5870.

¹¹ СЗ РФ. 2023. № 20. Ст. 3544.

¹² Производство продуктов питания и напитков в РФ 2023 года : исследование / INFOline. СПб., 2023. 195 с. URL: <https://infoline.spb.ru/shop/issledovaniya-rynkov/page.php?ID=271730> (дата обращения: 14.08.2025).

¹³ Алтухова А. А. Правовые средства обеспечения качества и безопасности продовольственных товаров // *Вопросы российской юстиции*. 2023. № 23. С. 80–91.

¹⁴ Бычкова А. А. Нормативно-правовое регулирование института качества и безопасности пищевых продуктов // *Юридические науки, правовое государство и современное законодательство : сборник статей XI Международной научно-практической конференции*. Пенза : Наука и просвещение, 2020. С. 95–98.

ченко¹⁵, А. А. Маминева¹⁶, М. А. Николаевой¹⁷, Г. В. Гуринович¹⁸, Д. В. Хрундина¹⁹ и др. Среди конкретных вопросов: соответствие ценообразования качеству продовольственных товаров; безопасность и соответствие стандартам; определение мер административной и уголовной ответственности за несоблюдение требований законодательства в этой области; правовой аудит нормативных (подзаконных) федеральных, региональных и местных актов; реальное применение предусмотренных законодательством мер в правоприменительной практике и т.д.

Отдельно сто́ит обратить внимание на контрафактную продукцию, также относимую к категории фальсифицированной. Согласно ст. 1515 и 1519 ГК РФ контрафактная продукция представляет собой такие товары, на этикетках и упаковке которых незаконно размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение, а также незаконно использованные наименования мест происхождения товаров. Соответственно, для лиц, нарушающих права законных правообладателей, статьями 147 и 180 УК РФ предусмотрена ответственность вплоть до ликвидации юридического лица (ст. 1253 ГК РФ). Всё это свидетельствует о необходимости системного и комплексного подхода к постановке и решению проблемы и определяет задачи правового ее регулирования в ближайшей перспективе.

В настоящее время достаточно распространено представление о том, что «противодейство-

вать фальсификации можно только на основе внешнего контроля» и что «в этом смысле выбор невелик, главное средство здесь — это сертификация продукции»²⁰. Данное мнение видится дискуссионным по ряду причин. Во-первых, недобросовестные производители и посредники вполне могут нарушать требования сертификации продукции точно так же, как они нарушали и нарушают требования ГОСТов и ТР. Выборочный характер сертифицирования не дает полных гарантий того, что вся партия товара будет соответствовать установленным требованиям. Во-вторых, надежды на внешний контроль порой оказываются тщетными, поскольку в условиях лоббирования корпоративных интересов такой контроль неэффективен. В-третьих, нельзя игнорировать и внутренние возможности самих производителей продовольственных товаров по устранению фальсификации продукции, в частности следует развивать службы качества, технического и экологического контроля на предприятиях. И в этом отношении имеет смысл внести определенные корректировки в Федеральный закон от 28.07.2010 № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²¹, в котором следует более четко установить открытый характер мониторинга производственной и логистической деятельности предприятий.

¹⁵ Донченко Л. С. Правовое регулирование качества продовольственной продукции в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 9. С. 160–163. DOI: 10.24411/2500-1000-2018-10034.

¹⁶ Маминев А. А. Механизм государственного регулирования качества и безопасности пищевых продуктов // Молодой ученый. 2020. Т. 309. № 19. С. 330–333.

¹⁷ Николаева М. А., Положишникова М. А. Идентификация и обнаружение фальсификации продовольственных товаров. М. : Инфра-М, 2022.

¹⁸ Гуринович Г. В. Основы законодательства и стандартизации в пищевой промышленности. Кемерово : КемГУ, 2020.

¹⁹ Хрундин Д. В. Основы законодательства и стандартизации в пищевой промышленности. М. : Протектор, 2017.

²⁰ Государственный доклад «О защите прав потребителей в Свердловской области в 2021 году» / Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Свердловской обл. Екатеринбург, 2022. 465 с. URL: https://admivdel.ru/images/doc2023/gosudarstvennyj_doklad_o_zashhite_prav_potrebitelej.pdf (дата обращения: 14.08.2025).

²¹ СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4193.

Кроме того, особое значение имеет создание (наличие) специальных лабораторий и соответствующего внутреннего контроля (самоконтроля) за качеством выпускаемой продовольственной продукции. Развитие партнерских отношений между производителями и реализаторами продовольственной продукции с одной стороны и специализированными организациями, занимающимися анализом качества продовольственных товаров, с другой стороны, а также развитие собственной системы контроля качества продовольственной продукции представляет собой серьезный ресурс для более последовательного соблюдения и защиты прав потребителей и повышения качества продовольственных товаров на российских рынках, а значит, и для решения задачи обеспечения продовольственной безопасности в стране.

Отдельный вопрос — утверждение о том, что необходим дозированный, лимитированный контроль, учитывающий наличие не только крупного частного сектора в пищевой индустрии, но и мелких и средних предпринимательских структур. При всей правомерности такого подхода стоит заметить, что сам по себе он не в состоянии кардинально изменить ситуацию.

Здесь необходим комплексный, регулярный и системный контроль, с помощью которого можно снизить динамику и уровень практики фальсификации продовольственных товаров. Один из форматов такого комплексного и системного контроля — веерные испытания в рамках программы «Идеальный хлеб», проведенные в 62 регионах нашей страны, в ходе которых были выявлены конкретные нарушения качества хлебной продукции²².

К сожалению, таких всероссийских мероприятий на текущий момент проводится не так уж

много, они не имеют системного и регулярного характера, что является одной из причин растущей динамики фальсификации продовольственных товаров и нарушений прав потребителей.

Что касается динамики производства и сбыта фальсифицированной продовольственной продукции, то в Свердловской области в 2020–2024 гг. наблюдался ее рост. Всплеск производства фальсификата пришелся на начало этого периода: по мясной продукции — с 15,5 % в 2020 г. до 18,0 % в 2021 г., по молочной — соответственно с 8,2 до 9,8 %, по рыбной — с 23,6 до 25 %, по алкогольной — с 4,6 до 37 %, по хлебобулочным изделиям — с 1,2 до 9,5 %. Общая структура правонарушений требований Закона «О защите прав потребителей»²³ в Свердловской области выглядела следующим образом: по качеству продуктов питания зафиксировано 20,5 % от общего объема правонарушений, по нарушениям сроков годности — 2,6 %, по нарушениям правил торговли — 61,0 %, по показателю безопасности продуктов — 8,9 %, по иным показателям — 7,8 %.

При этом доля выявленных некачественных продовольственных товаров в Свердловской области в 2021 г. составила 33,8 %, в Челябинской области — до 16 %²⁴. Во многом сходной была ситуация и в других областях Уральского региона. После массового отравления метанолом, содержащимся в алкогольной продукции под маркой «Мистер Сидр», 3–5 июня 2023 г., в результате которого 47 человек погибло, а еще 106 пострадало, Свердловский областной суд отменил приговоры суда первой инстанции (Чкаловского районного суда) и приговорил виновников гибели людей от суррогатного алкоголя на сроки до 10 лет²⁵. К сожалению, случаи именно массового отравления продуктами питания в стране не единичны²⁶.

²² Апалькова Г. Д., Ботвинникова В. В. Указ. соч. С. 5.

²³ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (с изм.) // СЗ РФ. 1992. № 3. Ст. 140.

²⁴ В Челябинской области 16 % продуктов в школьных столовых — фальсификат // URL: <https://chelyabinsk.bezformata.com/listnews/chelyabinskoy-oblasti-16-produktov/104927547/> (дата обращения: 14.08.2025).

²⁵ Суд ужесточил приговор виновным в массовом отравлении «Мистером Сидром» // URL: <https://www.rbc.ru/society/10/11/2023/654e03f69a79471866c97575> (дата обращения: 14.08.2025).

²⁶ Случаи массовых пищевых отравлений в России в 2023 году // URL: <https://ria.ru/20230706/otravleniya-1882535945.html> (дата обращения: 14.08.2025).

Обращает на себя внимание относительное снижение масштаба надзорных мероприятий на продовольственных рынках, в отличие от других отраслевых рынков, что создает несколько искаженную картину сокращения правонарушений в сфере производства и реализации продовольственных товаров. Динамика проведения проверок по вопросам защиты прав потребителей в Свердловской области в 2007–2023 гг. это подтверждает. Самое большое число проверок за последние пять лет приходится на 2019 г. (2 314), а самое низкое — на 2021 г. (785). Количество выявленных правонарушений составило 6 617 и 3 135 соответственно. Если же брать более долгий период, то наибольшее число проверок приходится на 2008 г. (3 778), а выявленных правонарушений — на 2018 г. (1 117).

Вероятно, такое заметное уменьшение количества правонарушений и стало причиной очередного цикла снижения числа проверок в области розничной торговли продовольствием. Однако это тут же отменило прогресс, и число правонарушений стало вновь расти. Поэтому их рост с 2021 г. вполне логичен²⁷.

Важную роль в борьбе с фальсификацией продовольственных товаров играет принцип унификации законодательства и всей нормативно-правовой базы. Не секрет, что многие документы принимались в нашей стране в разное время и в разных условиях, между ними существуют противоречия и нестыковки, да и соблюдение требований, предусмотренных в них, также оказывается непростым делом с организационной точки зрения. Яркий пример — ситуация с молочным производством, в котором действует до 60 национальных и межгосударственных ГОСТов. Несмотря на такое количество стандартов, на отечественном рынке молочных продуктов немало фальсифи-

цированного молока, в связи с чем у многих потребителей больше доверия вызывает фермерская продукция, поскольку фермерское молоко имеет более высокую степень жирности, не подвергнуто высокотемпературной обработке, а значит, по факту остается натуральным. Аналогичные предпочтения наблюдаются и в отношении других фермерских продовольственных продуктов²⁸. И, соответственно, проблемы фальсификации (ценовой, технологической, ассортиментной и иной) здесь возникают намного реже.

Из этих наблюдений можно сделать вывод о необходимости серьезного реформирования совокупности (системы) правовых средств предотвращения выпуска и сбыта фальсифицированной продовольственной продукции и обеспечения ее безопасности. Среди таких средств: более строгая регистрация производственных объектов; регистрация продовольственных продуктов нового и специализированного вида; ужесточение требований по соблюдению установленных характеристик продовольственного продукта; обязательное декларирование предприятиями соответствия продукции; обязательная регулярная ветеринарно-санитарная экспертиза; повышение материальной (финансовой) ответственности за нарушение законодательства. Эти и другие правовые средства, охватывающие все стадии производства и оборота продовольственной продукции, имеют и свои недостатки, связанные прежде всего с определенным несоответствием норм закона и правоприменительной практики, несогласованностью между федеральным и региональным законодательством (например, в вопросах проведения ветеринарно-санитарной экспертизы), избыточностью самих норм, формальным характером составления пищевых реестров и т.д.²⁹

²⁷ Государственный доклад «О защите прав потребителей Свердловской области в 2023 году» / Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Свердловской обл. Екатеринбург, 2024 // URL: https://www.66.rospotrebnadzor.ru/c/document_library/get_file?uuid=27b09cc5-fd98-4011-86a3-62b230e651c1&groupId=11786 (дата обращения: 14.08.2025).

²⁸ Буяров В. С., Червонова И. В., Буяров А. В. Производство яиц и мяса птицы в фермерских и приусадебных хозяйствах // Вестник аграрной науки. 2022. Т. 99. № 6. С. 15. DOI: 10.17238/issn2587-666X.2022.6.13.

²⁹ Матишова Е. С. Правовые меры обеспечения качества и безопасности пищевых продуктов // Таможенное дело. 2016. № 3. С. 24–27.

Избыточность и несоответствие нормативно-правовых норм в области борьбы с продовольственным фальсификатом и обеспечения безопасности продовольственных товаров приводят к замедлению реакции государственных и административных институтов на выявление и пресечение реализации фальсифицированной продовольственной продукции. Одним из последствий этого может стать недобросовестная конкуренция среди производителей продовольственной продукции на продовольственном рынке (ценовая дискриминация, лоббизм, контрафакция, картелирование, редистрибуция, контрабанда и т.д.)³⁰. Это наиболее отчетливо видно по характеру и динамике роста цен именно на продовольственные товары, что связано с их так называемой *стоимостной фальсификацией*, или, иначе говоря, обманом потребителя путем реализации ему низкокачественных товаров по ценам высококачественных продуктов (подделка), либо с меньшими количественными характеристиками, либо по ценам товаров с большими количественными характеристиками (недовложения, обвес).

Последствиями распространения недобросовестной конкуренции и инерции госструктур стали многочисленные негативные эффекты, например эффект замещения спроса на каче-

ственную продукцию спросом на дешевую, но низкосортную продукцию или эффект дискредитации, когда конкуренты начинают активно распространять в электронных сетях ложную информацию друг о друге, и т.д.

В связи с этим необходимо учитывать вызовы времени и в сфере экономико-правовой деятельности. Правительство РФ в 2023 г. уже внесло ряд изменений в законодательство: введена ответственность за незаконное производство и оборот продовольственной продукции, отсутствие лицензии, предусмотрена временная возможность уничтожения без решения суда изъятой или конфискованной алкогольной и спиртосодержащей продукции и т.д.³¹

В силу современной ситуации на российском продовольственном рынке государство и общество должны активизировать работу по предотвращению производства и оборота фальсифицированных продовольственных продуктов.

Во-первых, важно повышать экономико-правовую грамотность потребителей, совершенствовать меры защиты их потребительских прав в рамках правоприменительной практики. В пункте 1 Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания населения, утвержденной Президентом РФ 28 апреля

³⁰ Чагина Е. М. Введение в заблуждение как форма недобросовестной конкуренции // Право и политика. 2024. № 12. С. 79–89. DOI: 10.7256/2454-0706.2024.12.72692 ; Асылбекова Н. Т. Анализ конкурентоспособности пищевой промышленности Республики Казахстан // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 8. С. 145–150 ; Власов В. А., Новикова А. Ю., Кочергина Ю. В. Фальсифицированные пищевые продукты: понятие, признаки, виды // Аграрное и земельное право. 2020. Т. 191. № 11. С. 207–210. DOI: 10.47643/1815-1329_2020_11_207 ; Торопова Н. В., Мехдиев Э. Т., Лебедев И. А. Актуальные проблемы потребления продовольствия: потребление фальсифицированной и контрафактной продукции // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 10-1. С. 630–638. DOI: 10.34670/AR.2020.91.10.071 ; Радько Д. С., Колобов С. В. Проблемы фальсификации и идентификации пищевых продуктов и пути их преодоления // Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК — продукты здорового питания. 2024. № 2. С. 84–91. DOI: 10.24412/2311-6447-2024-2-84-91 ; Шарапова В. М., Пустуев А. Л., Мингалев В. Д., Хмельницкая З. Б. Формирование конкурентной среды на продовольственном рынке // Аграрный вестник Урала. 2012. Т. 96. № 4. С. 103–106 ; Скрыпник Д. В., Шаклеина М. В., Зайцев А. А. Контрсанкции на продовольственном рынке и благосостояние населения России // Экономическая политика. 2024. Т. 19. № 1. С. 30–65. DOI: 10.18288/1994-5124-2024-1-30-65.

³¹ Итоговый доклад о результатах деятельности Федеральной службы по контролю за алкогольным и табачным рынками в 2023 г. (проект). М., 2024. С. 9. URL: https://fsrar.gov.ru/files/30381_%D0%BA%20%D1%81%D0%B7-94.pdf (дата обращения: 14.08.2025).

2011 г., № Пр-1168³², поставлена задача формирования правовой культуры, без которой не могут быть в полной мере реализованы права потребителей. Правовая культура должна включать в себя продовольственную культуру. К сожалению, даже сам термин «продовольственная культура» редко встречается в современном научном лексиконе, а основная масса потребителей имеет слабые представления о ней и ее принципах. Это значит, что нужно более активно и последовательно прививать гражданам продовольственную культуру как составную часть культуры потребления и в целом правовой культуры в системе современного образования.

Во-вторых, необходимо скорейшее принятие федерального закона «Об экологической культуре» (проект которого уже много лет обсуждается) и экологического кодекса РФ, в которых целесообразно четко прописать требова-

ния к экологически чистым продуктам питания и внести ясность в соотношение данного понятия с термином «органические продукты питания»³³. Путаница и нечеткость в определении этих понятий мешает эффективному правовому регулированию, касающемуся их кодификации, регламентации производства и оборота, что порождает тенденцию (и создает определенные условия) к фальсификации.

В-третьих, следует более основательно изучить и использовать накопленный международный опыт правового противодействия производству и обороту фальсифицированных продовольственных товаров, в частности в вопросах борьбы с новыми технологиями фальсификации продуктов, практики их контрабанды, купирования появляющихся в этой связи рисков, повышения общественного и государственного контроля в области защиты законных прав потребителей продовольственных товаров³⁴.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алтухова А. А. Правовые средства обеспечения качества и безопасности продовольственных товаров // Вопросы российской юстиции. — 2023. — № 23. — С. 80–91.
2. Андреев А. В., Фирсова А. П., Соломинова А. Р. Фальсификация качества молока и молочной продукции как ключевая угроза продовольственной безопасности страны // Агропродовольственная экономика. — 2022. — № 5. — С. 32–42. — DOI: 10.54092/24122521_2022_5_32.
3. Апалькова Г. Д., Ботвинникова В. В. Мониторинг качества пищевой продукции: обзор состояния вопроса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Пищевые и биотехнологии». — 2020. — № 1. — С. 5–11. — DOI: 10.14529/food200101.
4. Асылбекова Н. Т. Анализ конкурентоспособности пищевой промышленности Республики Казахстан // Международный журнал экспериментального образования. — 2013. — № 8. — С. 145–150.

³² Российская газета. 2011, 14 июля. № 151.

³³ Лебедев К. А., Андреев Д. Р. Влияние глобальной конкуренции на внутренний продовольственный рынок // Управленческий учет. 2024. № 3. С. 373–387.

³⁴ Воронин Б. А., Воронина Я. В., Стожко Д. К., Стожко К. П. Проблема кодификации «органических продуктов питания»: теоретико-методологические аспекты системного анализа и правового регулирования // Аграрный вестник Урала. 2023. Т. 23. № 5. С. 97–107. DOI: 10.32417/1997-4868-2023-234-05-97-107 ; Эванс Дж. А. Замороженные пищевые продукты. Производство и реализация. СПб. : Профессия, 2010 ; Эвершед Р., Темпл Н. Состав: как нас обманывают производители продуктов питания. М. : Альпина Паблишер, 2018 ; A review of food fraud and food authenticity across the food supply chain, with an examination of the impact of the COVID-19 pandemic and Brexit on food industry / C. Brooks, L. Parr, J. M. Smith [et al.] // Food Control. 2021. Vol. 130. DOI: 10.1016/j.foodcont.2021.108171 ; Food Fraud Conceptualization: An Exploratory Study with Portuguese Consumers / M. J. Costa, I. Sousa, A. P. Moura [et al.] // Journal of Food Protection. 2024. Vol. 87. Iss. 7. DOI: 10.1016/j.jfp.2024.100301.

5. Буяров В. С., Червонова И. В., Буяров А. В. Производство яиц и мяса птицы в фермерских и приусадебных хозяйствах // Вестник аграрной науки. — 2022. — Т. 9. — № 6. — С. 13–27. — DOI: 10.17238/issn2587-666X.2022.6.13.
6. Бычкова А. А. Нормативно-правовое регулирование института качества и безопасности пищевых продуктов // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство : сборник статей XI Международной научно-практической конференции. — Пенза : Наука и просвещение, 2020. — С. 95–98.
7. Власов В. А., Новикова А. Ю., Кочергина Ю. В. Фальсифицированные пищевые продукты: понятие, признаки, виды // Аграрное и земельное право. — 2020. — Т. 191. — № 11. — С. 207–210. — DOI: 10.47643/1815-1329_2020_11_207.
8. Воронин Б. А., Воронина Я. В., Стожко Д. К., Стожко К. П. Проблема кодификации «органических продуктов питания»: теоретико-методологические аспекты системного анализа и правового регулирования // Аграрный вестник Урала. — 2023. — Т. 23. — № 5. — С. 97–107. — DOI: 10.32417/1997-4868-2023-234-05-97-107.
9. Гуринович Г. В. Основы законодательства и стандартизации в пищевой промышленности. — Кемерово : КемГУ, 2020. — 87 с.
10. Донченко Л. С. Правовое регулирование качества продовольственной продукции в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2018. — № 9. — С. 160–163. — DOI: 10.24411/2500-1000-2018-10034.
11. Лебедев К. А., Андреев Д. Р. Влияние глобальной конкуренции на внутренний продовольственный рынок // Управленческий учет. — 2024. — № 3. — С. 373–387.
12. Маминев А. А. Механизм государственного регулирования качества и безопасности пищевых продуктов // Молодой ученый. — 2020. — Т. 309. — № 19. — С. 330–333.
13. Матишова Е. С. Правовые меры обеспечения качества и безопасности пищевых продуктов // Таможенное дело. — 2016. — № 3. — С. 24–27.
14. Николаева М. А., Положишникова М. А. Идентификация и обнаружение фальсификации продовольственных товаров. — М. : Инфра-М, 2022. — 461 с.
15. Петров А. Н., Ханферьян Р. А., Галстян А. Г. Актуальные аспекты противодействия фальсификации пищевых продуктов // Вопросы питания. — 2016. — № 5. — С. 86–92.
16. Радько Д. С., Колобов С. В. Проблемы фальсификации и идентификации пищевых продуктов и пути их преодоления // Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК — продукты здорового питания. — 2024. — № 2. — С. 84–91. — DOI: 10.24412/2311-6447-2024-2-84-91.
17. Скрыпник Д. В., Шаклеина М. В., Зайцев А. А. Контрсанкции на продовольственном рынке и благосостояние населения России // Экономическая политика. — 2024. — Т. 19. — № 1. — С. 30–65. — DOI: 10.18288/1994-5124-2024-1-30-65.
18. Торопова Н. В., Мехдиев Э. Т., Лебедев И. А. Актуальные проблемы потребления продовольствия: потребление фальсифицированной и контрафактной продукции // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2019. — Т. 9. — № 10-1. — С. 630–638. — DOI: 10.34670/AR.2020.91.10.071.
19. Хрундин Д. В. Основы законодательства и стандартизации в пищевой промышленности. — М. : Протектор, 2017. — 815 с.
20. Чагина Е. М. Введение в заблуждение как форма недобросовестной конкуренции // Право и политика. — 2024. — № 12. — С. 79–89. — DOI: 10.7256/2454-0706.2024.12.72692.
21. Шарпова В. М., Пустуев А. Л., Мингалев В. Д., Хмельницкая З. Б. Формирование конкурентной среды на продовольственном рынке // Аграрный вестник Урала. — 2012. — Т. 96. — № 4. — С. 103–106.
22. Эванс Дж. А. Замороженные пищевые продукты. Производство и реализация. — СПб. : Профессия, 2010. — 440 с.
23. Эвершед Р., Темпл Н. Состав: как нас обманывают производители продуктов питания. — М. : Альпина Паблишер, 2018. — 392 с.

24. A review of food fraud and food authenticity across the food supply chain, with an examination of the impact of the COVID-19 pandemic and Brexit on food industry / C. Brooks, L. Parr, J. M. Smith [et al.] // *Food Control*. — 2021. — Vol. 130. — DOI: 10.1016/j.foodcont.2021.108171.
25. Food Fraud Conceptualization: An Exploratory Study with Portuguese Consumers / M. J. Costa, I. Sousa, A. P. Moura [et al.] // *Journal of Food Protection*. — 2024. — Vol. 87. — Iss. 7. — DOI: 10.1016/j.jfp.2024.100301.

Материал поступил в редакцию 15 августа 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Altukhova A. A. Pravovye sredstva obespecheniya kachestva i bezopasnosti prodovolstvennykh tovarov // *Voprosy rossiyskoy yustitsii*. — 2023. — № 23. — S. 80–91.
2. Andreev A. V., Firsova A. P., Solominova A. R. Falsifikatsiya kachestva moloka i molochnoy produktsii kak klyuchevaya ugroza prodovolstvennoy bezopasnosti strany // *Agroprodovolstvennaya ekonomika*. — 2022. — № 5. — S. 32–42. — DOI: 10.54092/24122521_2022_5_32.
3. Apalkova G. D., Botvinnikova V. V. Monitoring kachestva pishchevoy produktsii: obzor sostoyaniya voprosa // *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pishchevye i biotekhnologii»*. — 2020. — № 1. — S. 5–11. — DOI: 10.14529/food200101.
4. Asylbekova N. T. Analiz konkurentosposobnosti pishchevoy promyshlennosti Respubliki Kazakhstan // *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimentalnogo obrazovaniya*. — 2013. — № 8. — S. 145–150.
5. Buyarov V. S., Chervonova I. V., Buyarov A. V. Proizvodstvo yaits i myasa ptitsy v fermerskikh i priusadebnykh khozyaystvakh // *Vestnik agrarnoy nauki*. — 2022. — T. 9. — № 6. — S. 13–27. — DOI: 10.17238/issn2587-666X.2022.6.13.
6. Bychkova A. A. Normativno-pravovoe regulirovanie instituta kachestva i bezopasnosti pishchevykh produktov // *Yuridicheskie nauki, pravovoe gosudarstvo i sovremennoe zakonodatelstvo: sbornik statey XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. — Penza: Nauka i prosveshchenie, 2020. — S. 95–98.
7. Vlasov V. A., Novikova A. Yu., Kochergina Yu. V. Falsifitsirovannyye pishchevyye produkty: ponyatie, priznaki, vidy // *Agrarnoe i zemelnoe pravo*. — 2020. — T. 191. — № 11. — S. 207–210. — DOI: 10.47643/1815-1329_2020_11_207.
8. Voronin B. A., Voronina Ya. V., Stozhko D. K., Stozhko K. P. Problema kodifikatsii «organicheskikh produktov pitaniya»: teoretiko-metodologicheskie aspekty sistemnogo analiza i pravovogo regulirovaniya // *Agrarnyy vestnik Urala*. — 2023. — T. 23. — № 5. — S. 97–107. — DOI: 10.32417/1997-4868-2023-234-05-97-107.
9. Gurinovich G. V. Osnovy zakonodatelstva i standartizatsii v pishchevoy promyshlennosti. — Kemerovo: KemGU, 2020. — 87 s.
10. Donchenko L. S. Pravovoe regulirovanie kachestva prodovolstvennoy produktsii v Rossii // *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. — 2018. — № 9. — S. 160–163. — DOI: 10.24411/2500-1000-2018-10034.
11. Lebedev K. A., Andreev D. R. Vliyaniye globalnoy konkurentsii na vnutrenniy prodovolstvennyy rynek // *Upravlencheskiy uchet*. — 2024. — № 3. — S. 373–387.
12. Maminev A. A. Mekhanizm gosudarstvennogo regulirovaniya kachestva i bezopasnosti pishchevykh produktov // *Molodoy uchenyy*. — 2020. — T. 309. — № 19. — S. 330–333.
13. Matishova E. S. Pravovye mery obespecheniya kachestva i bezopasnosti pishchevykh produktov // *Tamozhennoe delo*. — 2016. — № 3. — S. 24–27.
14. Nikolaeva M. A., Polozhishnikova M. A. Identifikatsiya i obnaruzhenie falsifikatsii prodovolstvennykh tovarov. — M.: Infra-M, 2022. — 461 s.

15. Petrov A. N., Khanferyan R. A., Galstyan A. G. Aktualnye aspekty protivodeystviya falsifikatsii pishchevykh produktov // *Voprosy pitaniya*. — 2016. — № 5. — S. 86–92.
16. Radko D. S., Kolobov S. V. Problemy falsifikatsii i identifikatsii pishchevykh produktov i puti ikh preodoleniya // *Tekhnologii pishchevoy i pererabatyvayushchey promyshlennosti APK — produkty zdorovogo pitaniya*. — 2024. — № 2. — S. 84–91. — DOI: 10.24412/2311-6447-2024-2-84-91.
17. Skrypnik D. V., Shakleina M. V., Zaytsev A. A. Kontrsanktsii na prodovolstvennom rynke i blagosostoyanie naseleniya Rossii // *Ekonomicheskaya politika*. — 2024. — Т. 19. — № 1. — S. 30–65. — DOI: 10.18288/1994-5124-2024-1-30-65.
18. Toropova N. V., Mekhdiiev E. T., Lebedev I. A. Aktualnye problemy potrebleniya prodovolstviya: potreblenie falsifitsirovannoy i kontrafaktnoy produktsii // *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. — 2019. — Т. 9. — № 10-1. — S. 630–638. — DOI: 10.34670/AR.2020.91.10.071.
19. Khrundin D. V. Osnovy zakonodatelstva i standartizatsii v pishchevoy promyshlennosti. — М.: Protektor, 2017. — 815 s.
20. Chagina E. M. Vvedenie v zabluzhdenie kak forma nedobrosovestnoy konkurentsii // *Pravo i politika*. — 2024. — № 12. — S. 79–89. — DOI: 10.7256/2454-0706.2024.12.72692.
21. Sharapova V. M., Pustuev A. L., Mingalev V. D., Khmel'nitskaya Z. B. Formirovanie konkurentnoy sredy na prodovolstvennom rynke // *Agrarnyy vestnik Urala*. — 2012. — Т. 96. — № 4. — S. 103–106.
22. Evans Dzh. A. Zamorozhennyye pishchevyye produkty. Proizvodstvo i realizatsiya. — SPb.: Professiya, 2010. — 440 s.
23. Evershed R., Templ N. Sostav: kak nas obmanyvayut proizvoditeli produktov pitaniya. — М.: Alpina Publisher, 2018. — 392 s.
24. A review of food fraud and food authenticity across the food supply chain, with an examination of the impact of the COVID-19 pandemic and Brexit on food industry / C. Brooks, L. Parr, J. M. Smith [et al.] // *Food Control*. — 2021. — Vol. 130. — DOI: 10.1016/j.foodcont.2021.108171.
25. Food Fraud Conceptualization: An Exploratory Study with Portuguese Consumers / M. J. Costa, I. Sousa, A. P. Moura [et al.] // *Journal of Food Protection*. — 2024. — Vol. 87. — Iss. 7. — DOI: 10.1016/j.jfp.2024.100301.

Новые направления использования стейблкоинов и вопросы правового регулирования

Аннотация. Стейблкоины — цифровой актив, значение которого для мировой платежной инфраструктуры быстро возрастает. По мере повышения прозрачности глобального регулирования стейблкоин из инструмента для торговли криптовалютой превращается в важнейшее решение, позволяющее повысить эффективность и программируемость платежей, выплат и денежных переводов. В статье анализируются новые направления использования стейблкоинов: пилотные проекты международных платежных систем Visa и Mastercard, инициативы межбанковской системы SWIFT по интеграции блокчейн-инфраструктуры, а также проекты создания национальных стейблкоинов. Особое внимание уделено сравнительному обзору подходов отдельных юрисдикций (США, КНР, ЕС, ОАЭ, Казахстан, Кыргызстан и др.) к регулированию данного инструмента: требованиям к резервам, раскрытию информации, выкупу и комплаенсу. С учетом расширения применения стейблкоинов в трансграничных расчетах рассматриваются дискуссионные вопросы их правовой квалификации и направления регулирования в российском законодательстве.

Ключевые слова: стейблкоин; обеспеченные стейблкоины; цифровая валюта; криптовалюта; цифровые права; иностранные цифровые права; цифровые активы; токенизация; Банк России; финансовый инструмент

Для цитирования: Пепеляева Л. В. Новые направления использования стейблкоинов и вопросы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 4. — С. 48–61. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.048-061

Emerging Applications of Stablecoins and the Legal-Regulatory Issues They Raise

Liana V. Pepelyaeva, Cand. Sci. (Economy), Honored Lawyer of the Russian Federation, Advisor to the Deputy Chairman of the Management Board of Sberbank PJSC, Moscow, Russian Federation
liavit@mail.ru

Abstract. Stablecoins are digital assets whose significance for the global payments infrastructure is rapidly increasing. As global regulation becomes more transparent, stablecoins are evolving from instruments used primarily for cryptocurrency trading into critical solutions for enhancing the efficiency and programmability of payments, disbursements, and remittances. The paper analyzes emerging applications of stablecoins, including pilot projects of the international payment systems Visa and Mastercard, initiatives of the interbank system SWIFT to integrate blockchain infrastructure, and projects aimed at creating national stablecoins. Particular attention is devoted to a comparative review of regulatory approaches adopted in various jurisdictions (the United States,

© Пепеляева Л. В., 2026

* Пепеляева Лиана Витальевна, кандидат экономических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, советник заместителя председателя правления ПАО «Сбербанк»
ул. Вавилова, д. 19, г. Москва, Российская Федерация, 117997
liavit@mail.ru

the People's Republic of China, the European Union, the United Arab Emirates, Kazakhstan, Kyrgyzstan, et al.), including requirements relating to reserves, disclosure, redemption, and compliance. In light of the expanding use of stablecoins in cross-border settlements, the article examines debated issues concerning their legal classification and prospective directions for their regulation under Russian law.

Keywords: stablecoin; secured stablecoins; digital currency; cryptocurrency; digital rights; foreign digital rights; digital assets; tokenization; Bank of Russia; financial instrument

Cite as: Pepelyaeva LV. Emerging Applications of Stablecoins and the Legal-Regulatory Issues They Raise. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(4):48-61. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.048-061

Платежный рынок переходит от восприятия стейблкоинов как нишевого инструмента к формированию системы, в которой они являются частью инфраструктуры. Уже по итогам 2024 г. годовой объем переводов стейблкоинов достиг 27,6 трлн долл. США, что на 7,7 % превысило совокупный объем переводов Visa и Mastercard¹. По данным отчета Global Finance & Technology Network сингапурской компании GFTN², совокупный объем транзакций в стейблкоинах с 2019 г. по сентябрь 2025 г. составил 263,4 трлн долл. США.

Лидирующие стейблкоины в настоящее время — USDT компании Tether и USDC компании Circle. Согласно сайту Coingecko, по состоянию на 7 февраля 2026 г.³ капитализация USDT составила 186 млрд долл. США, капитализация USDC — 73 млрд долл. США.

Аналитики предрекают стремительный рост расчетов в стейблкоинах, однако динамику развития рынка оценивают по-разному. По оценкам аналитика Bloomberg Intelligence Д. Геры, к 2030 г. стейблкоины могут использоваться для ежегодных платежей на сумму более 50 трлн долл. США⁴.

Реагируя на тренды токенизации, глобальные игроки перенастраивают свою инфраструктуру под новые реалии. В статье будут проанализированы отдельные направления этой работы и показаны подходы к регулированию в юрисдикциях-лидерах.

Анализу новых цифровых финансовых инструментов в научной литературе посвящено большое количество работ, так как именно финансовая сфера выступает во многих аспектах локомотивом информатизации и токенизации. Е. Ю. Грачева отмечала, что именно с финансовой сферы из-за необходимости ускорения процессов движения финансовых потоков между субъектами как внутри страны, так и на международном уровне, международных расчетов, контроля за финансовыми операциями, борьбы с отмыванием капиталов, полученных незаконным путем, противодействия финансированию терроризма начался активный процесс информатизации правовой сферы⁵.

Исследование такого инструмента, как стейблкоины, началось еще до появления в 2020 г. в российском законодательстве термина «цифровая валюта»⁶. В частности, А. С. Корнаухов

¹ Данные приведены в отчете криптовалютной биржи CEX.io. См.: URL: <https://www.binance.com/ru/square/post/19682749530121> (дата обращения: 04.01.2026).

² GFTN Global Digital Assets Report // URL: <https://gftn.co/gftn-insights/gftn-global-digital-assets-report> (дата обращения: 04.01.2026).

³ URL: <https://www.coingecko.com/> (дата обращения: 07.02.2026).

⁴ Mason E. Visa Offers Stablecoin Settlement for US Banks Using Circle's USDC // URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-12-16/visa-offers-stablecoin-settlement-for-us-banks-using-circle-s-usdc> (дата обращения: 04.01.2026).

⁵ Грачева Е. Ю. Основные тенденции развития финансового права как публично-правовой отрасли // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 7 (119). С. 17–27.

⁶ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5018.

в 2019 г. рассматривал стейблкоин как аналог фиатных денег в среде криптовалют⁷.

Исследованию подвергались различные аспекты этого цифрового инструмента и возможностей его использования: дискуссионные вопросы регулирования, соотношение понятий «цифровая валюта» и «стейблкоин», соотношение понятий «цифровое право» и «стейблкоин», виды стейблкоинов, применение стейблкоинов для трансграничных расчетов, перспективы регулирования.

М. А. Егорова и А. В. Белицкая подчеркивали, что революционным нововведением на рынке виртуальных валют стали стейблкоины, которые претендуют на то, чтобы занять прочное место в механизме глобальной торговли в основном как средство платежа⁸. По замечанию А. А. Ситника, как показывает практика, внешнеторговые расчеты чаще всего производятся именно в стейблкоинах, в первую очередь в USDT⁹.

Разделяя приведенные мнения, в данной статье автор анализирует новые проекты глобальных игроков платежной инфраструктуры, а также вопросы регулирования этого инструмента.

Проекты международной платежной системы Visa

Компания Visa стала одной из первых крупных платежных сетей, протестировавших расчеты в стейблкоинах на этапе эмиссии, начав в 2021 г. изучение возможности использования USDC в своих казначейских операциях. Эта работа привела к успешному запуску пилотного проекта с использованием USDC и блокчейна Ethereum для получения платежей от Crypto.com за трансграничные операции в рамках программы выпуска карт в Австралии¹⁰.

В сентябре 2025 г. Visa начала тестирование стейблкоинов для трансграничных расчетов через Visa Direct¹¹. Компании и финансовые организации смогут пополнять свои кошельки Visa в стейблкоинах внутри Visa Direct; платежная система будет учитывать этот ончейн-баланс как доступные средства и выплачивать получателям фиатные средства. Заявленная цель — сокращение срока проведения трансграничных расчетов до нескольких минут, уменьшение объема замороженных фиатных средств на ностро-счетах и повышение объемов оборота.

Следующий этап: в декабре 2025 г. Visa объявила, что банки США могут применять блокчейн Solana для расчетов с использованием стейблкоина USDC¹². Это означает первое полное развертывание сервиса расчетов стейблкоинов Visa в банковской системе США. Первыми участниками проекта стали Cross River Bank и Lead Bank.

⁷ Корнаухов А. С. Стейблкоин как аналог фиатных денег в среде криптовалют — понятие, назначение и особенности // Школа молодых ученых по проблемам гуманитарных наук : сборник материалов областного профильного семинара. Елец, 2019. С. 147–148.

⁸ Егорова М. А., Белицкая А. В. Финансовая стабильность и «стабильные монеты» (стейблкоин): правовой аспект // Юрист. 2021. № 11. С. 2–7.

⁹ Ситник А. А. Использование криптовалют в трансграничных расчетах: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 8 (177). С. 33–41.

¹⁰ Visa Expands Stablecoin Settlement Capabilities to Merchant Acquirers // URL: <https://investor.visa.com/news/news-details/2023/Visa-Expands-Stablecoin-Settlement-Capabilities-to-Merchant-Acquirers/default.aspx> (дата обращения: 05.01.2026).

¹¹ Visa Tests Stablecoins for Fast Cross-Border Payments via Visa Direct // URL: <https://www.binance.com/ru/square/post/30382382990217> (дата обращения: 05.01.2026).

¹² Visa Integrates USDC for Transaction Settlement on Solana Blockchain // URL: <https://www.binance.com/ru/square/post/12-16-2025-visa-integrates-usdc-for-transaction-settlement-on-solana-blockchain-33789350502969> (дата обращения: 05.01.2026).

Кроме инфраструктурных проектов, Visa начинает проекты с пользователями. Так, объявлено¹³ о тестировании выплат в стейблкоинах для авторов контента, фрилансеров, а также пользователей в странах с нестабильной валютой или ограниченным доступом к банковской системе. Компании производят выплаты в долларах, а получить средства при желании можно в стейблкоинах. Все операции фиксируются в блокчейне, что упрощает аудит и подтверждение транзакций. Согласно исследованию Visa, 57 % авторов контента назвали мгновенный доступ к средствам главной причиной применять цифровые способы оплаты. Пилотный проект запущен с ограниченным числом партнеров. Широкий запуск намечен на 2026 г., но это будет зависеть от развития регулирования.

Проекты Mastercard

В ноябре 2025 г. объявлено о том, что Mastercard объединяется с Ripple, WebBank и Gemini для участия в проекте по внедрению стейблкоина для улучшения фиатных платежей¹⁴. В проекте будет тестироваться стейблкоин RLUSD компании Ripple на базе публичного блокчейна XRP Ledger (XRPL) для процесса обработки платежей с помощью кредитной карты Gemini. Цель проекта — проведение платежей с помощью стейблкоинов и изучение будущих сценариев их применения.

После реализации эта технология станет одним из первых примеров сотрудничества, в рамках которого американский банк проводит традиционные карточные транзакции с исполь-

зованием регулируемого стейблкоина в публичном блокчейне.

Это не первый проект Mastercard по тестированию работы со стейблкоинами. В апреле 2025 г. объявлено о комплексном проекте предоставления возможностей для поддержки платежей в стейблкоинах в сети Mastercard¹⁵, включающем:

- поддержку кошельков, выпуск и прием карт в рамках партнерских отношений с криптовалютными компаниями и биржами MetaMask, Kraken, Gemini, Bybit, Crypto.com, Binance, Monavate и Vlear, что позволит пользователям входить в криптовалютную экосистему, получать вознаграждения, покупать и продавать стейблкоины в своих криптовалютных кошельках с помощью традиционных карт в более чем 150 млн торговых точек по всему миру, принимающих Mastercard, а также выводить стейблкоины на свои банковские счета с помощью Mastercard Move;

- сотрудничество с ОКХ в рамках запуска карты ОКХ, которая обеспечит пользователям доступ к их средствам;

- сотрудничество с Nuvei, Circle и Paxos для предоставления продавцам возможности получать платежи в стейблкоинах (в рамках проекта USDC от Circle и стейблкоинов, выпущенных Paxos);

- использование мультитокенов Mastercard (MTN) для повышения эффективности платежей и коммерческих приложений (возможность осуществления платежей и погашений в режиме реального времени). JPMorgan Chase и Standard Chartered уже подключены к MTN, что позволяет задействовать депозитные счета для новых вариантов применения цифровых активов.

¹³ Visa Direct Stablecoin Payouts Pilot Speeds Up Access to Funds for Creators & Gig Workers // URL: <https://investor.visa.com/news/news-details/2025/Visa-Direct-Stablecoin-Payouts-Pilot-Speeds-Up-Access-to-Funds-for-Creators--Gig-Workers/default.aspx> (дата обращения: 05.01.2026).

¹⁴ Ripple Teams Up with Mastercard, WebBank and Gemini // URL: <https://ripple.com/ripple-press/ripple-teams-up-with-mastercard-webbank-and-gemini/> (дата обращения: 05.01.2026).

¹⁵ Mastercard Unveils End-to-End Capabilities to Power Stablecoin Transactions from Wallets to Checkouts // URL: <https://www.mastercard.com/global/en/news-and-trends/press/2025/april/mastercard-unveils-end-to-end-capabilities-to-power-stablecoin-transactions-from-wallets-to-checkouts.html> (дата обращения: 05.01.2026).

Проект SWIFT

В сентябре 2025 г. компания SWIFT объявила¹⁶ о том, что в сотрудничестве более чем с 30 финансовыми учреждениями и технологическими компаниями работает над созданием блокчейн-системы для обеспечения мгновенных трансграничных транзакций. Основной технологический партнер проекта — компания Consensus. Новая система на базе распределенного реестра расширит возможности SWIFT в сфере финансовых коммуникаций, обеспечив надежное и масштабируемое перемещение токенизированных ценностей между цифровыми экосистемами. SWIFT будет работать над инфраструктурой; типы токенов, которые будут обращаться в системе, будут определять центральные и коммерческие банки, при этом SWIFT планирует работать совместно с ними над тем, как дополнить и использовать новую инфраструктуру.

Новая система будет служить связующим звеном между банками для проверки и записи транзакций в блокчейне. Цель SWIFT — поддерживать обмен токенизированными активами¹⁷. В проекте участвуют глобальные банки, включая Bank of America, Citigroup и NatWest. Они помогут оценить, как блокчейн обрабатывает транзакции для токенизированных продуктов, включая стейблкоины. Предыдущий проект Guardian по интеграции токенизированных ак-

тивов в платежные системы, который SWIFT осуществлял с UBS и Chainlink, завершен в 2024 г.¹⁸

В настоящее время рынок токенизированных активов раздроблен между множеством блокчейнов. Цель проекта SWIFT — преодолеть фрагментацию блокчейн-экосистемы и интегрировать традиционные финансы (TradFi) с цифровыми активами посредством глобальной сети SWIFT.

Опыт Кыргызстана

В ноябре 2025 г. объявлено¹⁹, что Кыргызстан стал первой в мире страной, зарегистрировавшей государственный стейблкоин, обеспеченный золотом. Токен USDKG привязан к курсу доллара в соотношении 1 : 1. Его выпускает ОАО «Эмитент виртуальных активов», 100 % акций которого принадлежит Министерству финансов Кыргызстана. В рамках запуска эмиссии было выпущено в обращение 50 тыс. токенов USDKG в сети Tron.

Еще один стейблкоин Кыргызстана, привязанный уже к курсу киргизского сома в соотношении 1 : 1, был выпущен и в декабре 2025 г. добавлен в листинг криптобиржей Binance — это актив под тикером KGST. Он функционирует на базе сети BNB Chain²⁰. Цель выпуска стейблкоина — развитие трансграничных платежей и углубление связей страны с криптосистемой²¹.

¹⁶ Consensus // URL: https://www.swift.com/search?keywords=Consensus+&search-origin=onsite_search (дата обращения: 08.01.2026).

¹⁷ SWIFT Develops Blockchain Platform With Consensus for 24/7 Real-Time Cross-Border Bank Payments // URL: <https://www.binance.com/ru/square/post/30427026525065> (дата обращения: 06.01.2026).

¹⁸ Swift, UBS Asset Management, and Chainlink successfully complete innovative pilot to bridge tokenized assets with existing payment systems // URL: <https://www.swift.com/news-events/press-releases/swift-ubs-asset-management-and-chainlink-successfully-complete-innovative-pilot-bridge-tokenized-assets-existing-payment-systems> (дата обращения: 06.01.2026).

¹⁹ Kyrgyzstan registered a state stablecoin with a gold reserve // URL: <https://www.binance.com/ru/square/post/32027949741906> (дата обращения: 06.01.2026).

²⁰ KGST/USDT // URL: https://www.binance.com/ru/trade/KGST_USDT?_from=markets&type=spot (дата обращения: 04.01.2026).

²¹ Binance lists som-pegged stablecoin as Kyrgyzstan deepens crypto push // URL: <https://www.binance.com/ru/square/post/34160655675449> (дата обращения: 05.01.2026).

В планах криптобиржи Binance — листинг на бирже и других национальных стейблкоинов²².

Запуск стейблкоина — результат системной работы Кыргызстана по созданию регулируемого рынка виртуальных активов. В январе 2022 г. был принят Закон «О виртуальных активах»²³, который неоднократно дополнялся, в том числе существенно — в сентябре 2025 г.

Цели регулирования²⁴:

— повышение эффективности в сфере деятельности поставщиков услуг виртуальных активов путем передачи полномочий в уполномоченный орган;

— создание правовых условий для выпуска и обращения стейблкоинов, токенов, обеспеченных реальными активами (Real World Asset Tokens, RWA-токенов);

— введение понятий «государственный майнинг» и «государственный криптовалютный резерв».

Выпуск стейблкоинов Кыргызстана — альтернативный подход к цифровизации национальной валюты. Но он может быть и дополнительным инструментом, и промежуточным этапом на пути создания собственной цифровой валюты центрального банка (ЦВЦБ). В качестве преимуществ именно этого подхода можно назвать более короткий срок реализации, чем при разработке собственной ЦВЦБ, а также доступ к глобальной аудитории через листинг на крупнейшей криптобирже. Вместе с тем классический подход к созданию ЦВЦБ, безусловно, имеет свои преимущества, в числе которых выпуск и обращение ЦВЦБ на собственной платформе и по собственным правилам.

До выпуска национальных стейблкоинов, привязанных к доллару и киргизскому сому, в Кыр-

гызстане был выпущен стейблкоин, привязанный к российскому рублю в соотношении 1 : 1, он называется A7A5²⁵. A7A5 обеспечен рублевыми депозитами в банках, выпущен в соответствии с регулированием Кыргызстана, является востребованным и популярным средством платежа при осуществлении международных расчетов. Согласно отчету аналитической компании Chainalysis, Россия стала лидером среди стран Европы по объемам входящих криптовалютных потоков в период с июля 2024 по июнь 2025 г., при этом значительное влияние на такой результат оказало использование стейблкоина A7A5²⁶.

Кроме того, стейблкоин A7A5 стал первым иностранным цифровым правом, допущенным к обращению в Российской Федерации (сентябрь 2025 г., оператор информационной системы по выпуску цифровых финансовых активов ООО «Токены»).

Другие проекты национальных стейблкоинов

Токенизация финансов набирает обороты, в том числе по новым, гибридным сценариям.

В сентябре 2025 г. в Казахстане стартовал пилотный проект по выпуску стейблкоинов в тенге в рамках регуляторной песочницы Национального банка Казахстана по цифровым активам²⁷. Стейблкоин выпущен участником регуляторной песочницы — биржей цифровых активов Intebix совместно с партнерами: международной блокчейн-платформой Solana, международной платежной системой Mastercard и Евразийским банком.

Запуск национального стейблкоина в тенге позволит интегрировать инновационные циф-

²² Binance lists som-pegged stablecoin as Kyrgyzstan deepens crypto push.

²³ Закон Кыргызской Республики от 21.01.2022 № 12 «О виртуальных активах» // URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112346/edition/1220896/ru> (дата обращения: 05.01.2026).

²⁴ Принят законопроект «О внесении изменений в Закон Кыргызской Республики “О виртуальных активах”» в трех чтениях // URL: <https://www.kenesh.kg/ru/posts/14515> (дата обращения: 06.01.2026).

²⁵ A7A5 The Ruble Stablecoin // URL: <https://www.a7a5.kg> (дата обращения: 31.01.2026).

²⁶ European Crypto Adoption Highlights a Patchwork of Convergence and Transformation // URL: <https://www.chainalysis.com/blog/europe-crypto-adoption-2025/> (дата обращения: 10.01.2026).

²⁷ В регуляторной песочнице Национального банка запущен первый стейблкоин в тенге // URL: <https://nationalbank.kz/ru/news/informacionnyye-soobshcheniya/17919> (дата обращения: 08.02.2026).

ровые решения крипторынка с традиционной финансовой инфраструктурой.

В июле 2025 г. в **Узбекистане** запущен пилотный проект по выпуску токена, обеспеченного государственными облигациями²⁸. Его эмитентом является компания HUMO Digital — дочерняя компания Национальной платежной системы HUMO. Регистрация выпуска токена HUMO произведена в едином электронном реестре криптоактивов Национального агентства перспективных проектов Республики Узбекистан.

Цель пилотного проекта — реализовать и протестировать расчетные и интеграционные механизмы с участием бизнеса и розничных участников, а также отработать сценарии применения обеспеченного токена в реальных финансовых процессах.

Эти проекты станут полигоном отработки интеграции национального стейблкоина с традиционной финансовой системой, использования их в трансграничных переводах и розничных платежах.

Основные регуляторные тренды

Как ответ на стремительный рост криптовалютного рынка, в том числе стейблкоинов, в последние годы стало активно формироваться регулирование этих новых цифровых инструментов. Регуляторные подходы разные. Некоторые из них будут рассмотрены в статье.

Лидерами регулирования выступают Европейский Союз с детальным регламентом MiCA; Гонконг, Япония и Сингапур со строгими лицензионными требованиями в части бирж и стейблкоинов; США, принявшие закон GENIUS, регулирующий стейблкоины. При этом в США пока не

принято единого федерального регулирования для бирж и продолжается процесс обсуждения других аспектов регулирования криптовалютного рынка.

Рассмотрим эти вопросы более подробно.

В июле 2025 г. Президентом **США** подписан GENIUS Act²⁹, устанавливающий федеральное регулирование для стейблкоинов. Данный Закон³⁰ устанавливает требование 100-процентного обеспечения резервов ликвидными активами, такими как доллары США или краткосрочные казначейские облигации. Вводится обязательство эмитентов стейблкоинов ежемесячно публиковать информацию о составе резервов. С целью защиты прав потребителей определяются правила маркетинга для эмитентов стейблкоинов. В случае неплатежеспособности эмитента стейблкоина требования держателей стейблкоинов установлены как приоритетные перед требованиями остальных кредиторов.

GENIUS Act распространяет действие законодательства о банковской тайне на эмитентов стейблкоинов, устанавливая для них обязанность внедрения программы по борьбе с отмыванием денег и соблюдением санкционного режима, в том числе идентификации клиентов и оценки рисков. Расширены полномочия Министерства финансов для пресечения нелегальной деятельности на финансовом рынке.

MiCA (Markets in Crypto Assets Regulation)³¹ — всеобъемлющий регуляторный акт **Европейского Союза**, определяющий правила для криптоактивов, в том числе стейблкоинов; он вступил в силу в июне 2023 г., но для ряда положений срок вступления в силу был отложен на 12–18 месяцев.

Акт распространяется на криптоактивы, которые до этого времени не регламентировались

²⁸ В Узбекистане выпустили токен, обеспеченный государственными облигациями // URL: https://humocard.uz/ru/press_center/news/v-uzbekistane-vypustili-token-obespechennyu-gosudarstvennyimi-obligatsiyami/ (дата обращения: 08.02.2026).

²⁹ Fact Sheet: President Donald J. Trump Signs GENIUS Act into Law // URL: <https://www.whitehouse.gov/factsheets/2025/07/fact-sheet-president-donald-j-trump-signs-genius-act-into-law/> (дата обращения: 24.01.2026).

³⁰ An Act to provide for the regulation of payment stablecoins, and for other purposes // URL: <https://www.congress.gov/119/bills/s1582/BILLS-119s1582enr.pdf> (дата обращения: 24.01.2026).

³¹ Markets in Crypto-Assets Regulation (MiCA) // URL: <https://www.esma.europa.eu/esmas-activities/digital-finance-and-innovation/markets-crypto-assets-regulation-mica> (дата обращения: 24.01.2026).

законодательством о финансовых услугах. Ключевые положения касаются прозрачности, раскрытия информации, авторизации и надзора за транзакциями как для лиц, которые выпускают криптоактивы, так и для тех, кто торгует ими. Урегулированы вопросы публичного предложения криптоактивов для защиты прав пользователей в части получения ими более полной информации о криптоактивах и связанных с ними рисках.

В настоящее время MiCA — самое строгое регулирование криптоактивов.

Активно развивается регулирование криптовалют, в том числе стейблкоинов, в Азии.

С августа 2025 г. в Гонконге вступило в силу регулирование для эмитентов стейблкоинов, привязанных к фиатным валютам³². Выпуск стейблкоинов требует лицензирования Управлением денежного обращения Гонконга (НКМА). Требования к лицензированию охватывают целый ряд областей, включая управление резервами, погашение (обратный выкуп активов) по номинальной стоимости, отдельный учет клиентских средств от средств эмитентов, AML-протоколы, раскрытие информации и др.

Управлением денежного обращения Гонконга опубликованы Руководство по надзору за эмитентами стейблкоинов³³ и Руководство по борьбе с отмыванием денег и финансировани-

ем терроризма³⁴ с требованиями к лицензированным эмитентам стейблкоинов.

Но до настоящего времени ни одна лицензия не выдана³⁵.

Регулирование стейблкоинов — это очередной этап в масштабной реформе политики Гонконга, касающейся криптовалюты. С 2024 г. внедрена система лицензирования криптобирж и правила в отношении виртуальных активов.

Парламент Японии принял закон о стейблкоинах³⁶, которым они определены как цифровые деньги. Указано, что привязка стейблкоинов должна быть к иене или другим платежным средствам и должно быть гарантировано держателям активов право их выкупа по номинальной стоимости. Выпускать стейблкоины в Японии могут только лицензированные банки, зарегистрированные операторы по переводу денег и трастовые компании. Данное регулирование считается одним из самых консервативных режимов стейблкоинов в мире³⁷.

Регуляторный процесс в Сингапуре носил длительный и многоэтапный характер. В декабре 2019 г. был принят Закон о платежных услугах³⁸, который уточнил определение поставщиков платежных услуг, требования к ним, регулирование лицензирования.

Денежно-кредитным управлением Сингапура в декабре 2022 г. опубликован Консуль-

³² Regulatory Regime for Stablecoin Issuers // URL: <https://www.hkma.gov.hk/eng/key-functions/international-financial-centre/stablecoin-issuers/> (дата обращения: 17.01.2026).

³³ Guideline on Supervision of Licensed Stablecoin Issuers // URL: https://www.hkma.gov.hk/media/eng/doc/key-functions/ifc/stablecoin-issuers/Guideline_on_supervision_of_licensed_stablecoin_issuers_eng.pdf (дата обращения: 17.01.2026).

³⁴ Guideline on Anti-Money Laundering and Counter-Financing of Terrorism (For Licensed Stablecoin Issuers) // URL: https://www.hkma.gov.hk/media/eng/doc/key-functions/banking-stability/aml-cft/Guideline_on_Anti-Money_Laundering_and_Counter-Financing_of_Terrorism_For_Licensed_Stablecoin_Issuers_eng.pdf (дата обращения: 17.01.2026).

³⁵ Register of Licensed Stablecoin Issuers // URL: <https://www.hkma.gov.hk/eng/regulatory-resources/registers/register-of-licensed-stablecoin-issuers/> (дата обращения: 06.01.2026).

³⁶ Regulatory Framework for Crypto-assets and Stablecoins // URL: <https://www.fsa.go.jp/inter/etc/20220914-2/02.pdf> (дата обращения: 17.01.2026).

³⁷ Закон Японии о стейблкоинах установил глобальные стандарты защиты потребителей, но ограничил инновации в DeFi // URL: <https://www.mexc.com/ru-RU/news/141896> (дата обращения: 17.01.2026).

³⁸ Payment Services Act 2019 (№ 2 of 2019) // URL: <https://sso.agc.gov.sg/Acts-Supp/2-2019/Published/20190220?DocDate=20190220> (дата обращения: 17.01.2026).

тационный документ о предлагаемом подходе к регулированию деятельности, связанной со стейблкоинами³⁹.

В августе 2023 г. представлена Регуляторная структура для стейблкоинов⁴⁰. Стейблкоины определены как цифровые платежные токены, предназначенные для поддержания постоянной стоимости по отношению к одной или нескольким указанным фиатным валютам. Регулирование распространяется на одновалютные стейблкоины, привязанные к сингапурскому доллару или любой валюте стран «Большой десятки», выпущенные в Сингапуре. Эмитенты таких стейблкоинов должны соблюдать требования, касающиеся стабильности стоимости (относится к резервным активам), капитала, выкупа по номинальной стоимости, раскрытия информации.

Несколько слов о других юрисдикциях.

Центральный банк **ОАЭ** опубликовал Регламент по услугам платежных токенов⁴¹, который уточнил определение и нормативную правовую базу для «платежных токенов» (стейблкоинов). Этим документом урегулирована деятельность по эмиссии стейблкоинов на федеральном уровне. В то же время важно учитывать, что правовая база для стейблкоинов в ОАЭ имеет два уровня — федеральный и эмиратский, а также то, что юрисдикция Центрального банка ОАЭ не охватывает две финансовые свободные зоны ОАЭ.

Регламент не употребляет понятие «стабильная монета», используется термин «платежный токен». Этот токен определен как виртуальный актив, предназначенный для поддержания стабильной стоимости за счет привязки к стои-

мости фиатной валюты или другой стабильной монеты, деноминированной в той же валюте.

Регулируются требования к эмитентам токенов, механизм стабилизации стоимости токенов и поддержания резервных активов, требования к обращению и др.

В январе 2026 г. в ОАЭ зарегистрирован первый выпуск стейблкоинов: компания Universal Digital выпустила токен стандарта ERC-20 на Ethereum⁴². Резервы обеспечены долларами США в соотношении 1 : 1 и хранятся на внутренних счетах банковских партнеров эмитента.

Иную позицию по стейблкоинам занимают власти **Китая**.

В ноябре 2025 г. Народный банк Китая провел координационное совещание с участием ключевых регуляторных и правоохранительных ведомств, на котором сделано самое жесткое заявление⁴³ о криптовалютах с момента всеобъемлющего запрета 2021 г. Отмечено, что в последнее время из-за целого ряда факторов возросли спекуляции виртуальной валютой, а предотвращение рисков и контроль над ними сталкиваются с новой ситуацией и новыми вызовами. Главный тезис: Китай не только сохранит, но и усилит запрет на все операции с виртуальными активами, уделив особое внимание новым рискам, связанным с активным развитием рынка стейблкоинов. Подчеркнуто, что стейблкоины не соответствуют требованиям идентификации клиентов и борьбы с отмыванием денег.

В феврале 2026 г. Народный банк Китая и семь профильных ведомств опубликовали совместное заявление⁴⁴, в котором вновь подтвер-

³⁹ Consultation Paper on Proposed Regulatory Approach for Stablecoin-Related Activities // URL: <https://www.mas.gov.sg/publications/consultations/2022/consultation-paper-on-proposed-regulatory-approach-for-stablecoin-related-activities> (дата обращения: 17.01.2026).

⁴⁰ MAS Finalises Stablecoin Regulatory Framework // URL: <https://www.mas.gov.sg/news/media-releases/2023/mas-finalises-stablecoin-regulatory-framework> (дата обращения: 17.01.2026).

⁴¹ Payment Token Services Regulation // URL: <https://rulebook.centralbank.ae/en/rulebook/payment-token-services-regulation> (дата обращения: 08.02.2026).

⁴² Universal Launches UAE's First Central Bank-Registered USD Stablecoin // URL: <https://www.universal.ae/news/universal-launches-uaes-first-central-bank-registered-usd-stablecoin> (дата обращения: 08.02.2026).

⁴³ 打击虚拟货币交易炒作工作协调机制会议召开 // URL: <https://www.nbd.com.cn/articles/2025-11-29/4161822.html> (дата обращения: 08.02.2026).

⁴⁴ 中国人民银行 国家发展改革委 工业和信息化部 公安部 市场监管总局 金融监管总局 中国证监会 国家外汇局关于进一步防范和处置虚拟货币等相关风险的通知 (银发〔2026〕42号) // URL: <https://www.pbc.gov.cn/>

дили запрет на любые операции с криптовалютами внутри страны, включая торговлю, выпуск токенов, посредничество, финансовые продукты и майнинг. Отдельно указано, что стейблкоины с привязкой к юаню запрещены без прямого согласования с регуляторами.

Регулирование в части криптовалют осуществляется **Базельский комитет по банковскому надзору**. В 2022 г. приняты правила в части криптоактивов⁴⁵, которые требуют от банков применять коэффициент риска 1 250 % к волатильным цифровым активам, таким как биткоин. Позднее были внесены дополнения к правилам, в соответствии с которыми криптоактивы, в том числе большинство стейблкоинов (включая USDT и USDC), подпадают под действие этих правил в отношении капитала. Это регулирование должно было вступить в силу с 1 января 2026 г.

ФРС США отказалась применять эти нормы. Банк Англии также подтвердил, что не будет применять правила из-за риска их негативного влияния на инновации в области регулируемых стейблкоинов и токенизированных депозитов. ЕС внедрил правила частично.

После того как регуляторы США и Великобритании отказались внедрять действующие нормы, председатель комитета Э. Тедеен в интервью *Financial Times*⁴⁶ заявил о том, что резкий рост количества стейблкоинов и активов в криптосистеме требует иного подхода.

Регулирование в России

С учетом стремительного развития рынка стейблкоинов и их активного использования российскими компаниями при осуществлении внешнеторговой деятельности важна правовая определенность этого цифрового инструмента.

В российском законодательстве термин «стейблкоин» отсутствует, есть термин «цифровая валюта».

Цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей РФ, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам⁴⁷.

Рассмотрим более подробно один элемент этого определения — в части отсутствия обязательного лица: законодательство определяет, что цифровой валютой признается совокупность электронных данных, в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым их обладателем, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обеспечивающих соответствие порядка выпуска электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

Можно выделить много разновидностей стейблкоинов. Но в контексте рассматриваемого элемента определения цифровой валюты имеет смысл обозначить два вида: алгоритмические и обеспеченные.

Алгоритмическим называется стейблкоин, поддержание стабильности обменного курса ко-

www.pbc.gov.cn/tiaofasi/144941/3581332/2026020619591971323/index.html (дата обращения: 08.02.2026).

⁴⁵ Prudential treatment of cryptoasset exposures // URL: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d545.pdf> (дата обращения: 07.01.2026).

⁴⁶ Global crypto rules for banks need reworking, says Basel chair // URL: <https://www.ft.com/content/a02072d6-2444-44e2-99b4-cfd427d90cc0> (дата обращения: 06.01.2026).

⁴⁷ Закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ».

того достигается путем использования набора алгоритмов, обычно реализуемых с помощью смарт-контрактов, для динамического сопоставления предложения стейблкоинов со спросом. Обеспеченный стейблкоин предполагает обеспечение стабильности стоимости за счет выделения активов на отдельном балансе эмитента (в виде банковских депозитов, драгоценных металлов, ценных бумаг, криптовалют)⁴⁸.

Таким образом, лица, выпускающие обеспеченные стейблкоины, предусматривают соответствующие механизмы, и в первую очередь резервы, для того чтобы иметь возможность отвечать по обязательствам перед обладателями их стейблкоинов. И по этой причине данный вид стейблкоинов не подпадает под закрепленное в законодательстве определение цифровой валюты.

При этом позиция Банка России по отношению стейблкоина к цифровой валюте менялась. В докладе для общественных консультаций «Криптовалюты: тренды, риски, меры»⁴⁹, опубликованном в 2022 г., указано, что «предметом доклада являются криптовалюты (необеспеченные криптовалюты и стейблкоины) — цифровые валюты в соответствии с российским законодательством», то есть стейблкоины отнесены к цифровой валюте. Но уже в аналитическом докладе Банка России «Стейблкоины: опыт использования и регулирования», опубликованном в 2024 г., отмечено: «С учетом значительного многообразия возможных архитектур стейблкоинов отдельные стейблкоины по своим характеристикам могут быть сходными с выпускаемыми в соответствии с российским законодательством

цифровыми правами. Отдельные стейблкоины могут соотноситься с определенными в российском законодательстве цифровыми валютами».

В августе 2024 г. в российском законодательстве появилось новое понятие — «иностранные цифровые права» (ИЦП)⁵⁰. Это обязательственные и иные права, выпуск, учет и обращение которых осуществляются в информационной системе, организованной не в соответствии с российским правом, за исключением иностранных ценных бумаг, относящихся в соответствии с личным законом лица, обязанного по ним, к ценным бумагам.

Иностранные цифровые права при определенных условиях допускаются к обращению в Российской Федерации, при этом их выпуск, учет и обращение осуществляются в информационной системе, организованной не в соответствии с российским правом. Требования к ИЦП установил Банк России⁵¹. К ИЦП могут быть отнесены стейблкоины, если они соответствуют ряду условий: обязанным лицом по ним не является резидент недружественной страны; отсутствует возможность ограничения распоряжения ИЦП со стороны эмитента и ряд других. Самые популярные стейблкоины — USDT и USDC — под эти критерии не подпадают, и данный вопрос составляет предмет дискуссий.

Первая квалификация ИЦП была сделана оператором информационной системы ООО «Токены»: иностранным цифровым правом признан ранее упомянутый рублевый стейблкоин А7А5⁵².

Касательно определения криптоактивов, которые могут быть отнесены к стейблкоинам, а

⁴⁸ Аналитический доклад «Стейблкоины: опыт использования и регулирования» / Банк России. М., 2024. URL: <http://government.ru/news/44519/> (дата обращения: 10.01.2026).

⁴⁹ Доклад для общественных консультаций «Криптовалюты: тренды, риски, меры» / Банк России. М, 2022. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 10.01.2026).

⁵⁰ Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 33. Ст. 4917.

⁵¹ Указание Банка России от 01.04.2025 № 7036-У «О дополнительных требованиях к иностранным цифровым правам, которые могут быть квалифицированы в качестве цифровых прав» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411920058/> (дата обращения: 09.01.2026).

⁵² Допущен к обращению ОИС ООО «Токены» 10 сентября 2025 г. // URL: <https://tokeon.ru/tpost/sblnczhes1-tokeon-pervim-v-Rossii-tokeniziroval-ino> (дата обращения: 09.01.2026).

также отнесения этого цифрового инструмента к регулируемым российским законодательством видам цифровых активов в отечественной научной литературе мнения разнятся. В. С. Никлаус определяет стейблкоин как криптоактив, стоимость которого поддерживается пулом активов, лежащих в его основе, или алгоритмом, формирующим его стоимость посредством смарт-контракта, который может быть принят в качестве средства платежа и (или) инвестиции. Вместе с тем им выделяются две разновидности стейблкоинов — обеспеченные и алгоритмические⁵³. Соглашаясь с предлагаемой дефиницией, хотелось бы обратить внимание на целесообразность дополнения его таким признаком стейблкоина, как привязка к определенному активу (фиатной валюте, драгоценным металлам и др.).

По мнению Н. В. Володиной, стейблкоин — это криптоактив, привязанный к другому активу, такому как фиатная валюта или драгоценный металл. При этом она отмечает, что стейблкоины позволяют держателю фиксировать прибыль и убытки и переводить активы по стабильной цене в одноранговых сетях блокчейна⁵⁴.

А. С. Бирюков полагает, что обеспеченные стейблкоины могут быть реализованы в рамках правового режима цифровых прав⁵⁵. Такая позиция представляется перспективной, но здесь важно сделать уточнение: в рамках правового режима иностранных цифровых прав, если иметь в виду выпуск стейблкоинов не в российских информационных системах.

В. А. Малых, Р. Д. Савельев и Д. А. Савушкина, выделяя разные виды цифровых активов, в том числе криптовалюты на базе распределенного реестра без единого эмитента, стейблкоины,

обеспеченные активами (фиат, товары, криптоактивы), подчеркивают необходимость установления особого правового режима, учитывающего специфику выпуска, обращения и рисков, связанных с их использованием, что позволит повысить правовую определенность и безопасность рынка цифровых валют⁵⁶.

Нельзя не согласиться с этим мнением.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона “О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича»⁵⁷ указано, что определение цифровой валюты в законодательстве не позволяет отнести ее ни к одному из традиционно признаваемых видов имущества (рассматривался договор купли-продажи цифровой валюты (криптовалюты), а именно 1 тыс. USDT). Конституционный Суд отметил незавершенность правового регулирования виртуальных активов. В постановлении федеральному законодателю было рекомендовано внести изменения в правовое регулирование.

После многолетних дискуссий появление такого регулирования становится реальностью. В Концепции регулирования криптовалют, опубликованной Банком России 23 декабря 2025 г. и предусматривающей подготовку законодательной базы до 1 июля 2026 г.⁵⁸, содержится некоторое уточнение в части статуса стейблкоинов: «цифровые валюты и стейблкоины признаются валютными ценностями, их можно покупать и продавать, но ими нельзя расплачиваться внутри страны». Разграничение цифровой валюты

⁵³ Никлаус В. С. О правовой природе и понятии стейблкоинов // Финансовое право. 2024. № 5. С. 34–37.

⁵⁴ Володина Н. В. Дальнейшие перспективы развития цифрового права в современном обществе // Современное право. 2025. № 8. С. 5–10.

⁵⁵ Бирюков А. С. Обеспеченные стейблкоины как цифровые права // Хозяйство и право. 2025. № 8. С. 75–86.

⁵⁶ Малых В. А., Савельев Р. Д., Савушкина Д. А. Трансформация регуляторных подходов к обороту цифровых валют: сравнительно-правовое исследование зарубежных юрисдикций и возможности гармонизации российского законодательства // Современное право. 2025. № 9. С. 153–160.

⁵⁷ URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision882237.pdf> (дата обращения: 08.02.2026).

⁵⁸ Будущее рынка криптовалют: предложения Банка России // URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=28213> (дата обращения: 09.01.2026).

и стейблкоина, видимо, предполагает присвоение ему самостоятельного правового статуса, что давно ожидается экспертами и участниками рынка.

Решение данной задачи возможно несколькими способами. Например, закреплением законодательно дефиниции «стейблкоин»; однако возникают вопросы множественности их видов и необходимости регулирования этих видов как минимум отдельно для алгоритмических и отдельно для обеспеченных стейблкоинов либо,

что представляется более вероятным, отнесением обеспеченных стейблкоинов к иностранным цифровым правам, а алгоритмических стейблкоинов — к цифровой валюте и четким определением этого подхода в законодательстве. При такой ситуации важным будет не только полноценное закрепление правового статуса этого цифрового финансового инструмента, но и обеспечение возможности совершения сделок с доминирующими на рынке стейблкоинами, такими как USDT и USDC.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бирюков А. С. Обеспеченные стейблкоины как цифровые права // *Хозяйство и право*. — 2025. — № 8. — С. 75–86.
2. Володина Н. В. Дальнейшие перспективы развития цифрового права в современном обществе // *Современное право*. — 2025. — № 8. — С. 5–10.
3. Грачева Е. Ю. Основные тенденции развития финансового права как публично-правовой отрасли // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. — 2024. — № 7 (119). — С. 17–27.
4. Егорова М. А., Белицкая А. В. Финансовая стабильность и «стабильные монеты» (стейблкоин): правовой аспект // *Юрист*. — 2021. — № 11. — С. 2–7.
5. Корнаухов А. С. Стейблкоин как аналог фиатных денег в среде криптовалют — понятие, назначение и особенности // *Школа молодых ученых по проблемам гуманитарных наук : сборник материалов областного профильного семинара*. — Елец, 2019. — С. 147–148.
6. Малых В. А., Савельев Р. Д., Савушкина Д. А. Трансформация регуляторных подходов к обороту цифровых валют: сравнительно-правовое исследование зарубежных юрисдикций и возможности гармонизации российского законодательства // *Современное право*. — 2025. — № 9. — С. 153–160.
7. Никлаус В. С. О правовой природе и понятии стейблкоинов // *Финансовое право*. — 2024. — № 5. — С. 34–37.
8. Пепеляева Л. В. Цифровая валюта и майнинг: регулирование : монография. — М. : РЭУ имени Г.В. Плеханова, 2025. — 302 с.
9. Ситник А. А. Использование криптовалют в трансграничных расчетах: проблемы и перспективы правового регулирования // *Актуальные проблемы российского права*. — 2025. — Т. 20. — № 8 (177). — С. 33–41.

Материал поступил в редакцию 16 февраля 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Biryukov A. S. Obespechennyye steyblkoiny kak tsifrovyye prava // *Khozyaystvo i pravo*. — 2025. — № 8. — S. 75–86.
2. Volodina N. V. Dalneyshie perspektivy razvitiya tsifrovogo prava v sovremennom obshchestve // *Sovremennoe pravo*. — 2025. — № 8. — S. 5–10.
3. Gracheva E. Yu. Osnovnyye tendentsii razvitiya finansovogo prava kak publichno-pravovoy otrasli // *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. — 2024. — № 7 (119). — S. 17–27.

4. Egorova M. A., Belitskaya A. V. Finansovaya stabilnost i «stabilnye monety» (steyblkoin): pravovoy aspekt // Yurist. — 2021. — № 11. — S. 2–7.
5. Kornaukhov A. S. Steyblkoin kak analog fiatnykh deneg v srede kriptovalyut — ponyatie, naznachenie i osobennosti // Shkola molodykh uchenykh po problemam gumanitarnykh nauk: sbornik materialov oblastnogo profilnogo seminara. — Elets, 2019. — S. 147–148.
6. Malykh V. A., Savelev R. D., Savushkina D. A. Transformatsiya regulatorynykh podkhodov k obrotu tsifrovyykh valyut: sravnitelno-pravovoe issledovanie zarubezhnykh yurisdiktsiy i vozmozhnosti garmonizatsii rossiyskogo zakonodatelstva // Sovremennoe pravo. — 2025. — № 9. — S. 153–160.
7. Niklaus V. S. O pravovoy prirode i ponyatii steyblkoinov // Finansovoe pravo. — 2024. — № 5. — S. 34–37.
8. Pepelyaeva L. V. Tsifrovaya valyuta i mayning: regulirovanie: monografiya. — M.: REU imeni G.V. Plekhanova, 2025. — 302 s.
9. Sitnik A. A. Ispolzovanie kriptovalyut v transgranichnykh raschetakh: problemy i perspektivy pravovogo regulirovaniya // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2025. — T. 20. — № 8 (177). — S. 33–41.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.062-070

К. А. Шуликов*

Административно-правовые ограничения в сфере связи как средства противодействия распространению противоправного контента в сети «Интернет»: к постановке проблемы

Аннотация. Одним из последствий становления и развития информационного общества стал рост возможностей оказания негативного информационно-психологического воздействия на индивидуальную психику и общественное сознание пользователей сети «Интернет». В условиях несоблюдения информационными посредниками требований российского законодательства по ограничению доступа к противоправному контенту к ним были применены административно-правовые ограничения в сфере связи — «изменение маршрутов сообщений электросвязи». Цель данной статьи состоит в определении оснований, порядка и целесообразности применения данного вида ограничений. К основным результатам следует отнести вывод о том, что ограничения в сфере связи, применяемые к информационным посредникам, влекут ограничение доступа пользователей как к деструктивным информационным ресурсам, так и к полезной информации, что влияет на степень реализации права на свободный поиск, получение, доступ к информации, распространение которой не запрещено законодательством.

Ключевые слова: информационная безопасность; ограничения в сфере связи; правовое регулирование распространения информации; правовое регулирование связи; информационное общество; общество знаний; социальные сети; деструктивный контент; информационные посредники; информационные технологии

Для цитирования: Шуликов К. А. Административно-правовые ограничения в сфере связи как средства противодействия распространению противоправного контента в сети «Интернет»: к постановке проблемы // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 4. — С. 62–70. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.062-070

© Шуликов К. А., 2026

* Шуликов Кирилл Андреевич, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административного права Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации ул. Летчика Пилютова, д. 1, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 198206 k.a.shulikov@yandex.ru

Administrative-Law Restrictions in the Communications Sector as Means of Counteracting the Dissemination of Unlawful Content on the Internet: Toward Framing the Issue

Kirill A. Shulikov, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of Administrative Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation
k.a.shulikov@yandex.ru

Abstract. One of the consequences of the emergence and development of the information society has been the increased capacity to exert negative informational and psychological influence on the individual psyche and public consciousness of Internet users. In circumstances where information intermediaries fail to comply with the requirements of Russian legislation restricting access to unlawful content, administrative-law restrictions in the communications sector — specifically, the «modification of telecommunications message routing» — have been imposed upon them. The purpose of this article is to determine the legal grounds, procedure, and appropriateness of applying this type of restriction. The principal finding is that communications-sector restrictions applied to information intermediaries result in limiting users' access not only to destructive informational resources but also to beneficial information, thereby affecting the extent to which the right to freely seek, receive, and access information, the dissemination of which is not prohibited by law, is realized.

Keywords: information security; restrictions in the field of communications; legal regulation of information dissemination; legal regulation of communications; information society; knowledge society; social media; destructive content; information intermediaries; information technology

Cite as: Shulikov KA. Administrative-Law Restrictions in the Communications Sector as Means of Counteracting the Dissemination of Unlawful Content on the Internet: Toward Framing the Issue. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(4):62-70. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.062-070

Формирование информационного общества и становление на его основе общества знаний предполагает обеспечение прав граждан на объективную, достоверную, безопасную информацию и создание условий для удовлетворения потребностей в постоянном развитии, получении качественных и правдивых сведений, новых компетенций, расширении кругозора¹.

Развитие общества информации обуславливает расширение границ кибернетических систем, вызывает необходимость их защиты от разного рода возмущений — средств изменения состояния системы, которые впоследствии могут привести к уничтожению или существенному изменению качества самой системы². А. Д. Урсул

считает, что «устойчивость системы может быть достигнута, во-первых, если на пути разнообразия возмущений ставится пассивная преграда, во-вторых, если возможна активная защита от него»³.

Под пассивной преградой А. Д. Урсул понимает физические барьеры, которые не позволяют проникнуть критическому уровню возмущений внутрь системы, как представляется, это уровень технической защиты информационной среды. Активная защита предполагает работу регулятора (морального, духовно-нравственного, правового), который ограничивает воздействие этих возмущений до степени, приемлемой для роста и функционирования системы. В нередких случаях регулятор не только выполняет роль ограничителя разнообразия информации, но и

¹ П. 24 Указа Президента РФ от 05.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002?ysclid=m825vcgnr4533695558> (дата обращения: 20.01.2025).

² Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М. : Изд-во иностранной литературы, 1959. С. 115.

³ Урсул А. Д. Природа информации : философский очерк. 2-е изд. Челябинск, 2010. С. 101.

сам становится драйвером информационного развития и наполнения среды ценной, полезной для системы (личности, общества и государства) информацией.

С учетом сказанного, достижение цели построения общества знаний обуславливает необходимость:

1) создания качественного контента, направленного на духовно-нравственное воспитание граждан, их интеллектуальное развитие и вовлечение в орбиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культурно-исторической, цивилизационной традиции отечественного общества и государства;

2) совершенствования механизма административно-правового принуждения, на основе которого органы государственного управления смогут ограничивать доступ к информации и интернет-сервисам, содержащим признаки нарушения законодательства РФ.

Вопросы правового обеспечения информационной безопасности в условиях развития информационного общества довольно обстоя-

тельно исследованы в трудах Т. А. Поляковой⁴, А. А. Чеботаревой⁵, А. А. Смирнова⁶, К. Д. Рыдченко⁷, А. Ю. Соколова⁸ и др. Однако правовое регулирование ограничений в сфере связи остается не до конца теоретически рассмотренным, в то время как актуальность проведения исследований по данной тематике только возрастает. Так, в некоторых регионах РФ для обеспечения государственной, общественной, информационной безопасности произошли временные отключения интернет-связи⁹, ряд интернет-сервисов работает в условиях ограниченного трафика¹⁰. В свете вышеприведенных фактов целесообразно исследовать административно-правовые ограничения в сфере связи в контексте обеспечения информационно-психологической безопасности населения РФ.

Правовые основания и порядок ограничения права на информацию устанавливаются прежде всего федеральными законами от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹¹ и от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи»¹².

⁴ Полякова Т. А. Правовое обеспечение национального суверенитета в информационной сфере: стратегические задачи и проблемы в условиях цифровой трансформации в Российской Федерации // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4, Правоведение. 2025. Т. 15. № 1. С. 25–35.

⁵ Чеботарева А. А. Современные аспекты межотраслевых связей информационного права // Бачиловские чтения : материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 5–6 февраля 2021 г. Саратов : Амирит, 2022. С. 84–89.

⁶ Смирнов А. А. Правовые средства противодействия угрозам, связанным с использованием технологий искусственного интеллекта // Нравственные императивы российской государственности: достоинство личности, суверенитет, солидарность : сборник научных трудов I Белгородского международного юридического форума, Белгород, 11–12 сентября 2024 г. : в 2 т. Т. 1. Белгород : Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2024. С. 147–150.

⁷ Рыдченко К. Д. Административная ответственность за пропаганду педофилии: перспективы применения и пути совершенствования // Общество и право. 2023. № 1 (83). С. 71–78.

⁸ Соколов А. Ю. Правовое противодействие современным вызовам и угрозам информационной безопасности // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 1. С. 22–30.

⁹ См., например: Что говорит Роскомнадзор об отключении мобильного Интернета в Красноярске? // URL: <https://prmira.ru/news/2025-08-06/chto-govorit-roskomnadzor-ob-otklyuchenii-mobilnogo-interneta-v-krasnoyarske-5450907> (дата обращения: 06.08.2025) ; Хуснуллин прокомментировал ограничения связи в Санкт-Петербурге в дни ПМЭФ // URL: <https://ria.ru/20250618/khusnullin-2023723235.html> (дата обращения: 06.08.2025).

¹⁰ Пользователи пожаловались на недоступность YouTube на мобильных сетях // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/19/12/2024/67641a9b9a7947cd3f42f67b (дата обращения: 06.08.2025).

¹¹ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I–II). Ст. 3448.

¹² СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

Связь как философская категория достаточно полно отражена в одном из основных принципов диалектики — принципе всеобщей связи и развития¹³. Такие категории, как причинность, детерминизм, связь состояний, являются видами связи как наиболее общей категории¹⁴. Очевидна взаимозависимость понятий «информация» и «связь». Информация представляет собой объект передачи данных, связь — средство их передачи. Своевременная передача достоверной и актуальной информации — элемент, обеспечивающий эффективность управления, достижение его целей в определенном времени и на определенной территории. В. Ф. Волочич указывает, что «качество работы связи определяется такими показателями, как скорость, устойчивость и точность передачи сообщений»¹⁵.

Отсутствие быстрой, понятной и доступной системы связи влечет обесценивание информации, утрату ее значимости из-за динамично изменяющихся условий. Потеря ценности информации может происходить как ввиду объективных, естественных факторов, так и в силу искусственно созданных обстоятельств. Ко второй категории факторов относятся специальные правовые, технические и организационные меры, принимаемые органами государственного управления для защиты населения от различного рода информационно-психологических угроз (в том числе информационно-психологических, защита от которых составляет предмет настоящего исследования).

Для обеспечения информационной (в том числе информационно-психологической) безопасности населения могут применяться ограничения в сфере связи и информации. Однако эти ограничения не являются тождественными, хотя и направлены на достижение единой цели.

Невозможность доступа к интернет-сервисам вследствие введенных ограничений в сфере связи касается не только информационных, но и экономических, политических, духовных аспектов общественной жизни (реклама товаров и услуг, дистанционные сделки, политическая агитация, использование образовательных ресурсов и т.д.). Поэтому данные ограничения могут затрагивать большее количество прав и свобод граждан в сравнении с предусмотренными Законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

По масштабу ограничений, реализуемых в сфере связи и информации, предлагаем выделить круг административно-правовых ограничений:

— в отношении конкретной информации, обладающей уникальным интернет-адресом, — ограничение, применяемое к отдельному информационному материалу (контенту в сети «Интернет»);

— группы, сообщества, сайта в сети «Интернет», в рамках которых регулярно распространяется противоправный контент, — ограничение, применяемое к отдельно взятому информационному ресурсу и информации, распространяемой с использованием интернет-адреса этого ресурса;

— информационного посредника (социальной сети, аудиовизуального сервиса и т.д.) — ограничение, применяемое ко всей информации, распространяемой в рамках интернет-адреса, принадлежащего информационному посреднику.

Ограничения, реализуемые в сфере связи и применяемые к информационным ресурсам (сообщества в социальных сетях, сайты в сети «Интернет») и информационным посредникам, носят нормативный характер. Тем самым они применяются ко всему объему информа-

¹³ Категории диалектики (теоретико-методологические проблемы) : цикл лекций / И. Я. Лойфман, В. В. Ким, Ю. П. Андреев [и др.] ; под общ. ред. И. Я. Лойфмана. Екатеринбург : Изд-во Уральского государственного университета, 2003. С. 13.

¹⁴ Левин Г. Д. «Связь» как философская категория // Вестник Университета Российской академии образования. 2006. № 2. С. 38.

¹⁵ Волочич В. Ф. Правовая сущность государственного управления связью в современный период // Актуальные вопросы государства и права в современный период : сборник статей. Томск, 1994. С. 80.

ции, содержащемуся и распространяемому на платформе данного интернет-ресурса, информационного посредника. Их применение обусловлено невыполнением администраторами, владельцами сайтов, сообществ в социальной сети требований руководства социальной сети или органов государственного управления по удалению противоправного контента.

Казалось бы, можно провести аналогию и применить указанный подход и к подобного рода действиям информационного посредника. Однако объем информации, а также количество социально значимых проектов, инициатив, действий, направленных на претворение в жизнь отдельных прав и свобод личности (например, право на труд, образование, доступ к культурным ценностям), вызывают необходимость осмысления целесообразности вводимых ограничений, поскольку их результатом станет невозможность просмотра не только деструктивных информационных источников, но и каналов с конструктивной информацией. Таким образом, ограничения в сфере связи подвергаются как деструктивные информационные ресурсы, так и полезные, что, по нашему мнению, существенным образом ограничивает права не только добросовестных авторов контента, но и пользователей сети «Интернет», которые имеют право на получение любой не запрещенной законом информации.

Применение того или иного средства ограничения доступа к информации должно происходить с учетом: степени и характера вреда, общественной опасности, исходящей от распространяемой информационной продукции; степени и качества деструктивной направленности сообщества, группы в сети «Интернет», на сайте которой происходит распространение информации; соответствия норм, устанавливающих правила оборота информации на конкретной

интернет-платформе (например, «ВКонтакте», Telegram, Rutube), национальному законодательству; соблюдения владельцами конкретного информационного ресурса, информационного посредника требований органов государственного управления по ограничению доступа к информации, нарушающей законодательство.

Однако ограничения в сфере связи, применяемые к иностранным информационным посредникам, могут способствовать и развитию отечественных интернет-сервисов, что впоследствии окажет положительное влияние на рост конкуренции в этой сфере, а также переориентирует пользователей на повседневное использование интернет-сервисов, соблюдающих национальное законодательство. Так, по данным аналитиков Mediascope (организация, уполномоченная приказом Роскомнадзора от 08.02.2022 № 32¹⁶ для изучения объемов зрительской аудитории телеканалов), «ВКонтакте» (76,3 %) и Telegram (73,6 %) превзошли YouTube (64,6 %) по охвату российской аудитории пользователей сети «Интернет» по состоянию на апрель 2025 г.¹⁷

Одним из перспективных административно-правовых средств нейтрализации негативного информационно-психологического воздействия деструктивного контента на индивидуальную психику и общественное сознание пользователей сети «Интернет» служит применение административной процедуры¹⁸ «изменение маршрутов сообщений электросвязи» для управления сетями связи общего пользования. В частности, режим централизованного управления сетями связи общего пользования и сетью «Интернет» может вводиться при наличии угроз их устойчивости, безопасности и целостности.

Под угрозой безопасности в соответствии с пп. «в» п. 5 постановления Правительства РФ от 12.02.2020 № 127 «Об утверждении Правил централизованного управления сетью связи общего

¹⁶ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Mediascope. Рейтинги // URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 06.08.2025).

¹⁸ Каплунов А. И., Лебедева О. О. Производство по применению отдельных принудительных мер административного предупреждения как структурный элемент административного процесса // Административное право и процесс. 2017. № 3. С. 72.

¹⁹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202002170013?ysclid=Izqqpw1idl631973634&index=4> (дата обращения: 21.01.2025).

пользования»¹⁹ понимается выявление фактов распространения информации, нарушающей российское законодательство, а также фактов «противодействия (затруднения) ограничению доступа к информации или информационным ресурсам в сети “Интернет”, доступ к которым подлежит ограничению в соответствии с законодательством».

В приведенных случаях вызывает интерес указанное выше основание, поскольку именно данный факт — «противодействие ограничению доступа к информации...» — позволяет вводить ограничение по отношению не только к авторам противоправного контента, но и в целом ко всей интернет-платформе: социальной сети, аудиовизуальному сервису, если их владельцы систематически не выполняют требования уполномоченных органов власти по ограничению доступа к контенту, содержащему признаки нарушения законодательства.

Применение мер административного принуждения обусловлено неприведением владельцами социальной сети пользовательских соглашений, правил пользования в соответствие с национальным законодательством государства, на территории которого распространяется информация, либо противодействием, то есть отсутствием действий, направленных на выполнение требований органов власти по блокировке доступа к интернет-адресу ресурса, на котором размещена противоправная информация.

Список угроз безопасности утвержден приказом Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 28.12.2020 № 780 «Об определении угроз устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации сети Интернет и сети связи общего пользования»²⁰, но он недоступен для просмотра, поскольку содержит гриф «для служебного пользования».

Однако мы можем рассмотреть наиболее значимые примеры применения этой админи-

стративной процедуры. Так, противодействием законным требованиям отечественных органов государственного управления являлась деятельность социальной сети Twitter и видеохостинга YouTube²¹, которые неоднократно не выполняли требования Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, игнорировали решения судов по блокированию контента, содержащего признаки пропаганды суицида, сексуальных девиаций, антиобщественного образа жизни, совершения противоправных деяний и т.д. Поэтому замедление YouTube происходило на легальной, юридически определенной основе. Содержанием административной процедуры «изменение маршрутов сообщений электро-связи» действительно выступает ограничение скорости интернет-трафика, поступающего на электронные устройства, с помощью которых пользователи сети «Интернет» получают доступ к информации, распространяемой на данном сервисе.

Вместе с тем в условиях построения глобального информационного общества запреты как инструменты воздействия на поведение людей — пользователей сети «Интернет» и информационных посредников обладают всё меньшим регулятивным потенциалом. В арсенале пользователей достаточно средств для обхода государственно-правовых ограничений доступа к какому-либо контенту. Для построения общества знаний пользователь должен иметь доступ к ряду информационных источников, на основе анализа материалов которых он сформирует собственную точку зрения. Любое ограничение ведет к искажению, одностороннему взгляду на какой-либо факт, социальный процесс, ввиду чего для более тонкого и точечного регулирования информационных процессов, взаимодействия иностранных информационных посредников и органов государственного управления следует воспользоваться потенциалом актов «мяг-

²⁰ URL: <https://docs.cntd.ru/document/573319898?ysclid=m82vxavlv0999898566> (дата обращения: 23.01.2025).

²¹ Хинштейн заявил о замедлении YouTube до 70 % из-за политики сервиса // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/25/07/2024/66a266439a794721b822daac?ysclid=lz2itcxex765978101 (дата обращения: 22.01.2025).

кого» права²². Представляется, что именно на этой основе государство сможет успешно вести диалог с какой-либо интернет-платформой, находящейся вне его юрисдикции, и соблюдать баланс интересов.

Подводя итог статьи, отметим следующее:

1) «информация» и «связь» — взаимозависимые категории. Ценность информации в условиях становления информационного общества и общества знаний определяется степенью ее актуальности, достоверности, необходимости, полезности в конкретный момент. Связь выступает средством, обеспечивающим доступность и высокую скорость получения информации пользователями сети «Интернет»;

2) доступ к информации может быть ограничен на основании законов «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и «О связи». Ограничения доступа к информации, предусмотренные законодательством о связи, могут носить более масштабный характер, поскольку затрагивают не только информационные права и свободы человека и гражданина, но и эко-

номические, политические и духовные права граждан;

3) ограничения в сфере связи, применяемые к информационным посредникам, препятствуют доступу пользователей как к деструктивным информационным ресурсам, так и к полезному, конструктивному контенту, что влияет на степень реализации права на свободный поиск и получение информации, распространение которой не запрещено законодательством РФ. Однако в равной степени введение данных ограничений может способствовать росту обращения пользователей сети «Интернет» к отечественным интернет-сервисам;

4) одно из средств нейтрализации негативного информационно-психологического воздействия на индивидуальную психику и общественное сознание пользователей сети «Интернет» — применение административной процедуры «изменение маршрутов сообщений электросвязи» при наличии угрозы безопасности сетям связи общего пользования и сети «Интернет», однако оно порождает проблему соразмерности вводимых ограничений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Волович В. Ф.* Правовая сущность государственного управления связью в современный период // Актуальные вопросы государства и права в современный период : сборник статей. — Томск, 1994. — С. 78–80.
2. *Каплунов А. И., Лебедева О. О.* Производство по применению отдельных принудительных мер административного предупреждения как структурный элемент административного процесса // Административное право и процесс. — 2017. — № 3. — С. 70–76.
3. Категории диалектики (теоретико-методологические проблемы) : цикл лекций / И. Я. Лойфман, В. В. Ким, Ю. П. Андреев [и др.] ; под общ. ред. И. Я. Лойфмана. — Екатеринбург : Изд-во Уральского государственного университета, 2003. — 255 с.

²² Под нормами «мягкого» права понимается совокупность формализованных, но не обладающих общеобязательной нормативностью правил (норм, принципов, критериев, стандартов), гарантированных применением социальных, политических и других неправовых санкций и/или имеющих косвенные правовые последствия. См., например: *Усенков И. А.* Национальное мягкое право как правовой феномен и инструмент повышения стабильности законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 1. С. 28–58 ; *Шуликов К. А.* Акты «мягкого» права как средство противодействия распространению деструктивного контента в сети Интернет // Санкт-Петербургские встречи молодых ученых : материалы II Всероссийского конгресса, Санкт-Петербург, 11 июня 2024 г. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 443–447.

4. Левин Г. Д. «Связь» как философская категория // Вестник Университета Российской академии образования. — 2006. — № 2. — С. 36–47.
5. Полякова Т. А. Правовое обеспечение национального суверенитета в информационной сфере: стратегические задачи и проблемы в условиях цифровой трансформации в Российской Федерации // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4, Правоведение. — 2025. — Т. 15. — № 1. — С. 25–35.
6. Рыдченко К. Д. Административная ответственность за пропаганду педофилии: перспективы применения и пути совершенствования // Общество и право. — 2023. — № 1 (83). — С. 71–78.
7. Смирнов А. А. Правовые средства противодействия угрозам, связанным с использованием технологий искусственного интеллекта // Нравственные императивы российской государственности: достоинство личности, суверенитет, солидарность : сборник научных трудов I Белгородского международного юридического форума, Белгород, 11–12 сентября 2024 г. : в 2 т. Т. 1. — Белгород : Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2024. — С. 147–150.
8. Соколов А. Ю. Правовое противодействие современным вызовам и угрозам информационной безопасности // Правовая политика и правовая жизнь. — 2024. — № 1. — С. 22–30.
9. Урсул А. Д. Природа информации : философский очерк. — 2-е изд. — Челябинск, 2010. — 231 с.
10. Усенков И. А. Национальное мягкое право как правовой феномен и инструмент повышения стабильности законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2022. — № 1. — С. 28–58.
11. Чеботарева А. А. Современные аспекты межотраслевых связей информационного права // Бачиловские чтения : материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 5–6 февраля 2021 г. — Саратов : Амирит, 2022. — С. 84–89.
12. Шуликов К. А. Акты «мягкого» права как средство противодействия распространению деструктивного контента в сети Интернет // Санкт-Петербургские встречи молодых ученых : материалы II Всероссийского конгресса, Санкт-Петербург, 11 июня 2024 г. — СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. — С. 443–447.
13. Эшби У. Р. Введение в кибернетику. — М. : Изд-во иностранной литературы, 1959. — 432 с.

Материал поступил в редакцию 8 августа 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Volovich V. F. Pravovaya sushchnost gosudarstvennogo upravleniya svyazyu v sovremennyy period // Aktualnye voprosy gosudarstva i prava v sovremennyy period: sbornik statey. — Tomsk, 1994. — S. 78–80.
2. Kaplunov A. I., Lebedeva O. O. Proizvodstvo po primeneniyu otdelnykh prinuditelnykh mer administrativnogo preduprezhdeniya kak strukturnyy element administrativnogo protsesssa // Administrativnoe pravo i protsess. — 2017. — № 3. — S. 70–76.
3. Kategorii dialektiki (teoretiko-metodologicheskie problemy): tsikl lektsiy / I. Ya. Loyfman, V. V. Kim, Yu. P. Andreev [i dr.]; pod obshch. red. I. Ya. Loyfmana. — Ekaterinburg: Izd-vo Uralskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003. — 255 s.
4. Levin G. D. «Svyaz» kak filosofskaya kategoriya // Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya. — 2006. — № 2. — S. 36–47.
5. Polyakova T. A. Pravovoe obespechenie natsionalnogo suvereniteta v informatsionnoy sfere: strategicheskie zadachi i problemy v usloviyakh tsifrovoy transformatsii v Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 4, Pravovedenie. — 2025. — T. 15. — № 1. — S. 25–35.
6. Rydchenko K. D. Administrativnaya otvetstvennost za propagandu pedofilii: perspektivy primeneniya i puti sovershenstvovaniya // Obshchestvo i pravo. — 2023. — № 1 (83). — S. 71–78.

7. Smirnov A. A. Pravovye sredstva protivodeystviya ugrozam, svyazannym s ispolzovaniem tekhnologiy iskusstvennogo intellekta // Nravstvennye imperativy rossiyskoy gosudarstvennosti: dostoinstvo lichnosti, suverenitet, solidarnost: sbornik nauchnykh trudov I Belgorodskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma, Belgorod, 11–12 sentyabrya 2024 g.: v 2 t. T. 1. — Belgorod: Belgorodskiy gosudarstvennyy natsionalnyy issledovatel'skiy universitet, 2024. — S. 147–150.
8. Sokolov A. Yu. Pravovoe protivodeystvie sovremennym vyzovam i ugrozam informatsionnoy bezopasnosti // Pravovaya politika i pravovaya zhizn. — 2024. — № 1. — S. 22–30.
9. Ursul A. D. Priroda informatsii: filosofskiy ocherk. — 2-e izd. — Chelyabinsk, 2010. — 231 s.
10. Usenkov I. A. Natsionalnoe myagkoe pravo kak pravovoy fenomen i instrument povysheniya stabilnosti zakonodatelstva // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2022. — № 1. — S. 28–58.
11. Chebotareva A. A. Sovremennye aspekty mezhotraslevykh svyazey informatsionnogo prava // Bachilovskie chteniya: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 5–6 fevralya 2021 g. — Saratov: Amirit, 2022. — S. 84–89.
12. Shulikov K. A. Akty «myagkogo» prava kak sredstvo protivodeystviya rasprostraneniyu destruktivnogo kontenta v seti Internet // Sankt-Peterburgskie vstrechi molodykh uchenykh: materialy II Vserossiyskogo kongressa, Sankt-Peterburg, 11 iyunya 2024 g. — SPb.: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2024. — S. 443–447.
13. Eshbi U. R. Vvedenie v kibernetiku. — M.: Izd-vo inostrannoy literatury, 1959. — 432 s.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.071-081

О. Д. Сатаров*

Самозащита в гражданском праве: вид гражданско-правовой возможности и объект защиты

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовой природы самозащиты в рамках гражданского права. Проведен критический анализ подходов в цивилистической доктрине к определению данной категории с акцентом на дискуссионный вопрос о квалификации самозащиты как способа реализации той или иной гражданско-правовой возможности. Дискуссия сосредоточена на соответствии способов самозащиты природе субъективного гражданского права, вторичных прав, а также иных правовых форм. Обосновывается тезис о том, что реализация способов самозащиты опосредуется преимущественно фактическими, а не юридическими действиями, что обуславливает несовместимость самозащиты с механизмом реализации субъективных прав. Детально анализируются условия правомерности применения способов самозащиты, их связь с материальными, юридически значимыми фактами и принципом соразмерности. Отдельное внимание уделено определению объекта гражданско-правовой защиты в контексте самозащиты. Оспаривается традиционный подход, сводящий защиту к защите субъективного права, и аргументируется необходимость признания охраняемого законом интереса в качестве единственного объекта защиты. Анализируется влияние тенденции в судебной практике к эклектичному объединению способов самозащиты с различными правовыми институтами (юридическими поступками, мерами оперативного воздействия, вторичными правами и др.) на теоретическую консолидацию данного правового феномена. С учетом вышеизложенных аргументов выдвигается гипотеза о том, что самозащита может быть наиболее адекватно интерпретирована как элемент динамической правоспособности субъекта гражданского права, требующий дальнейшей теоретической разработки и эмпирической проверки.

Ключевые слова: самозащита; право на самозащиту; объект защиты; гражданско-правовая возможность; вторичное право; охраняемый законом интерес; субъективное право; способы самозащиты; форма защиты; крайняя необходимость; необходимая оборона

Для цитирования: Сатаров О. Д. Самозащита в гражданском праве: вид гражданско-правовой возможности и объект защиты // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 4. — С. 71–81. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.071-081

© Сатаров О. Д., 2026

* Сатаров Олег Дмитриевич, адвокат, член Адвокатской палаты города Москвы, соискатель ученой степени кандидата юридических наук кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
пер. Сивцев Вражек, д. 43, г. Москва, Российская Федерация, 119002
maanweb@rambler.ru

Self-Help in Civil Law: A Form of Civil-Law Authorization and the Object of Protection

Oleg D. Satarov, Lawyer, Member of the Moscow Bar Association, Postgraduate Student,
Department of Civil Law, Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation
maanweb@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to an examination of the legal nature of self-help within the framework of civil law. The study provides a critical analysis of approaches in civil-law doctrine to defining this category, with particular emphasis on the debated issue of whether self-help should be characterized as a method of exercising a particular civil-law entitlement. The discussion centers on the conformity of methods of self-help with the nature of subjective civil rights, secondary rights, and other legal forms. The paper substantiates the thesis that the implementation of self-help measures is mediated predominantly by factual rather than juridical acts, which renders self-help incompatible with the conventional mechanism for exercising subjective rights. The conditions for the lawfulness of self-help measures are examined in detail, including their connection with substantive, legally significant facts and the principle of proportionality. Particular attention is devoted to defining the object of civil-law protection in the context of self-help. The traditional approach, which reduces protection to the protection of a subjective right, is challenged, and the necessity of recognizing a legally protected interest as the sole object of protection is argued. The influence of a tendency in judicial practice toward the eclectic amalgamation of self-help measures with various legal institutions (juridical acts, secondary rights, and others) on the theoretical consolidation of this legal phenomenon is analyzed. In light of the foregoing arguments, the paper advances the hypothesis that self-help may be most adequately interpreted as an element of the dynamic legal capacity of a civil-law subject, requiring further theoretical elaboration and empirical verification.

Keywords: selfhelp; right of selfhelp; object of protection; civil-law entitlement; secondary right; legally protected interest; subjective right; methods of selfhelp; form of protection; state of necessity; necessary defense

Cite as: Satarov OD. Self-Help in Civil Law: A Form of Civil-Law Authorization and the Object of Protection. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(4):71-81. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.071-081

I. Право на самозащиту — что представляет собой эта правовая возможность, выступает ли она в качестве субъективного гражданского права? Традиционный ответ гласит, что данная правовая возможность осуществляется в форме субъективного гражданского права¹. Однако если исходить из тезиса, что в качестве этой правовой возможности выступает субъективное гражданское право, то отсюда с неизбежностью должно следовать, что субъективному гражданскому праву корреспондирует обязанность.

Неразрешенность данного вопроса лучшим образом продемонстрирована в следующем высказывании В. В. Груздева: «Имеющейся... возможности самозащиты или оперативного воздействия в силу ее специфики не может корреспондировать необходимость какого-либо самостоятельного поведения обязанного лица»². Впоследствии ученый выражает следующую мысль: «Правомочие на самозащиту возникает только в составе нарушенного (нарушаемого) права, представляя собой возможность понуж-

¹ См., например: *Веретенникова С. Н.* Меры самозащиты в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 42–43, 100–101, 109–111 ; *Свердлык Г., Страунинг Э.* Способы самозащиты гражданских прав и их классификация // *Хозяйство и право*. 1999. № 1. С. 37 ; *Груздев В. В.* Способы защиты гражданских прав : учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М. : Юрайт, 2020. С. 141 ; *Уздимаева Н. И.* Правовая самозащита как самостоятельное субъективное право // *Современное право*. 2008. № 6. С. 29.

² *Груздев В. В.* Указ. соч. С. 142.

дения обязанного лица силами управомоченного к реальному исполнению негативной обязанности, противостоящей данному праву»³.

Приведем небезынтересное размышление А. В. Милькова: «Поскольку содержание правоотношений по самозащите образуется субъективными правами на совершение односторонних фактических действий и корреспондирующей им формой поведения пассивных субъектов правоотношений, постольку беспрепятственное удовлетворение интереса управомоченного лица в таком правоотношении всегда осуществляется посредством совершения им фактического действия»⁴. Данная позиция подтверждает, что, несмотря на длительное существование самозащиты в гражданском праве, выявить ее правовую природу в полной мере не удалось, так как почти на каждый вопрос найдется несколько диаметрально противоположных ответов. Относительно того, посредством какой гражданско-правовой возможности осуществляются способы самозащиты в гражданском праве, доктрина безапелляционно и порой безосновательно утверждает о субъективном гражданском праве.

II. Прежде всего необходимо ответить на вопрос: какими действиями осуществляется тот или иной способ самозащиты — фактическими, юридическими действиями или же и фактическими, и юридическими?

Обратимся к ГК РФ: способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не должны выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения, — единственное положение, содержащееся в ст. 14.

Требования о соразмерности действий нарушению и о недопущении их выхода за пределы, необходимые для его пресечения, — это условия, при которых результат реализации спо-

собов самозащиты в гражданском праве будет квалифицирован в качестве правомерных действий. Верховный Суд РФ отмечал, что реализация «способа самозащиты гражданских прав возможна только в совокупности трех условий: нарушения права или возможности его нарушения, необходимости пресечения нарушения и применения мер, соответствующих характеру и содержанию правонарушения»⁵.

В цивилистической доктрине более содержательно раскрываются условия для реализации способов самозащиты в гражданском праве:

1. Нарушение или реальная угроза нарушения частноправовой сферы как потерпевшего / потенциального потерпевшего (*при необходимой обороне*), так и дополнительно третьих лиц (*при крайней необходимости*).

2. Возможность реализации способа самозащиты существует строго во временных рамках. В литературе верно отмечается, что она «немыслима ранее начала совершения конкретных действий, нарушающих право, и позднее прекращения таких действий»⁶. Именно временные рамки возможности реализации способов самозащиты позволяют охарактеризовать их в качестве *оперативных действий*.

3. Такие действия должны быть соразмерны нарушению и не должны выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. Данное условие выступает общим требованием ко всем способам самозащиты.

4. Для признания действий правомерными необходимо, чтобы «нападение было действительным (реальным), наличным и противоправным»⁷ — *требование для необходимой обороны*.

5. «Вред причиненный должен быть менее значительным, чем вред предотвращенный»⁸ — *требование для крайней необходимости*.

³ Груздев В. В. Указ. соч. С. 144.

⁴ Мильков А. В. К теории охранительных гражданских правоотношений : учеб. пособие. М. : Проспект, 2018. С. 192.

⁵ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 25.10.2000 № 153-ПВ00 // URL: <https://base.garant.ru/5657439/?ysclid=mddgxmafxc803576703> (дата обращения: 21.07.2025).

⁶ Груздев В. В. Указ. соч. С. 143.

⁷ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000. С. 120.

⁸ Грибанов В. П. Указ. соч. С. 128.

У вышеизложенных условий имеется одно общее свойство — они *материальны*, т.е. находятся не в идеальном мире, где существует право. Оперативное противодействие правонарушению / потенциальному правонарушению, соответственно, также должно находиться в материальном мире, т.е. должно быть осуществлено именно *фактическими действиями*. Соразмерность, т.е. *качественная и количественная* взаимосвязь между допущенным правонарушением и реализуемым способом самозащиты, предполагает своего рода контроль действий со стороны управомоченного субъекта в отношении правонарушения, чтобы такие действия допустимо было квалифицировать в качестве правомерных. Такой контроль можно осуществить исключительно в отношении фактических действий, но не в отношении юридических. С трудом представляется законодательное требование о том, чтобы в отношении правовых возможностей (например, в отношении субъективного права) предъявлялось требование о соразмерности.

Очевидно, что право не должно оставлять без внимания *пределы осуществления* тех или иных правовых возможностей: при реализации правовых возможностей в идеальной сфере (например, субъективное право, секундарное право и пр.) предъявляется требование о *добросовестности* при реализации правовых возможностей (ст. 1, 10 ГК РФ); при реализации способов самозащиты, во-первых, требование о *добросовестности* также необходимо соблюдать, поскольку она должна быть присуща всякой гражданско-правовой возможности, а во-вторых, к способам самозащиты (и только к ним) предъявляется еще одно требование — *соразмерности*, которое уточняет характер осуществляемой правовой возможности при реализации способов самозащиты.

Таким образом, правовая природа самозащиты предполагает осуществление именно фактических действий, в противном случае данное правовое явление способно вместить в себя и иные правовые явления (наиболее ча-

стое смешение/отождествление происходит с мерами оперативного воздействия, например с секундарными правами, которые с правовой возможностью при реализации способов самозащиты сходны только с точки зрения возможности управомоченного лица действовать в одностороннем порядке).

III. Для опровержения либо подтверждения тезиса о том, что способ самозащиты реализуется посредством субъективного гражданского права, необходимо выявить содержание данной правовой возможности. Традиционно субъективное право определяется как мера возможного поведения. Это определение, несомненно, спорное⁹, но для нас важен следующий тезис: субъективное гражданское право — это всегда элемент гражданского правоотношения.

Соответственно, возникает вопрос: может ли субъективное гражданское право быть «облечено» в один из способов самозащиты гражданских прав, например для реализации действий при крайней необходимости или при необходимой обороне?

Думается, что ответ должен быть отрицательный. Как уже было отмечено, субъективное гражданское право — это элемент гражданского правоотношения. Соответственно, возникает ли правоотношение, в котором возможно реализовать один из способов самозащиты, и если да, то что оно собой представляет? Если учитывать, что субъективное гражданское право — это всегда *право требования*, становится очевидно, что такая правовая возможность не может быть «облечена» в субъективное гражданское право. Действительно, трудно себе представить, чтобы участник гражданского оборота, реализуя один из способов самозащиты, требовал от иного лица прекратить осуществлять противоправные действия — не в этом правовая природа самозащиты. Всегда ли вообще есть такое «иное лицо»? Например, если физическое лицо действует в случае крайней необходимости? Думается, ответ очевиден.

Весьма интересную мысль выразил А. В. Мильков: «Специфика функционирования механизма

⁹ Мотовиловкер Е. Я. Обязательственное право требования как явление действительности: пять шагов к определению // Социально-юридическая тетрадь. 2018. № 8. С. 90–101.

гражданско-правовой защиты в рамках правоотношения по самозащите заключается в том, что беспрепятственность (гарантированность) удовлетворения интереса управомоченного лица (а следовательно, и достижение цели защиты) обеспечивается посредством предоставления управомоченному лицу возможности самостоятельно оказывать принудительное воздействие на пассивную сторону гражданского правоотношения»¹⁰. Ученый правильно выразил существо механизма защиты при реализации способа самозащиты: *защита обеспечивается исключительно действиями управомоченного*, но с остальной частью представленного воззрения солидарным быть нельзя. Принимая во внимание, что для автора правовая возможность по реализации способа самозащиты существует в форме субъективного права, выраженное им мнение противоречиво ввиду того, что а) правовая возможность по реализации способа самозащиты существует в форме субъективного права, б) однако гарантированность результата достижения цели предоставляемой правовой возможности зависит исключительно от действий управомоченного, в) что прямо противоречит существу субъективного гражданского права, которое *всегда выступает в качестве права требования*¹¹.

Аргументированный тезис о правовой природе субъективного гражданского права имеется у О. С. Иоффе: «Управомоченный нуждается в юридическом обеспечении не своего собственного поведения, а поведения других, обязанных лиц. Следовательно, право всегда является правом не на свои собственные, а на чужие действия, ибо право не призвано к регулированию отношения

человека к вещи, отношения человека к самому себе или к своим собственным действиям»¹².

Соответственно, способы самозащиты ни при каких обстоятельствах не могут быть реализованы посредством субъективного гражданского права.

Но некоторые цивилисты утверждают, что такая правовая возможность выступает в качестве секундарного права¹³. Однако, как было отмечено, при крайней необходимости, например, не всегда может существовать правоотношение, в рамках которого будет реализован данный способ самозащиты. Как известно, секундарное право — это правовая возможность участника правоотношения изменить/прекратить такое правоотношение без учета воли другого участника, т.е. в одностороннем порядке.

Более того, секундарное право всегда направлено на «идеальную субстанцию» — правоотношение. Для реализации секундарного права требуется волеизъявление в виде заявления (письменного, устного) или реализации посредством конклюдентных действий; для реализации же способов защиты необходимы исключительно фактические/физические действия.

Если и секундарное право, и субъективное гражданское право не подходят для реализации способов самозащиты, то что представляет собой такая правовая возможность? Как известно, существует несколько видов гражданско-правовых форм, в рамках которых реализуется та или иная правовая возможность¹⁴.

Думается, что такая правовая возможность выступает в качестве элемента правоспособности, правовая природа которой остается на данный момент невыясненной. М. М. Агарков

¹⁰ Мильков А. В. Указ. соч. С. 193.

¹¹ Без признания за субъективным правом только права требования, полагаю, развитие иных правовых форм в цивилистике ожидать не стоит, так как практически повсеместно встречается мнение, что если предоставляется какая-либо правовая возможность, то это непременно субъективное гражданское право. Впрочем, относительно объектов защиты ситуация идентичная — защищаются также только субъективные гражданские права.

¹² Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву : Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М. : Статут, 2000. С. 558–559.

¹³ Карапетов А. Г. Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском гражданском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 25.

¹⁴ Белов В. А. Гражданское право : учебник для бакалавриата и магистратуры. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2016. Т. 1 : Общая часть. Введение в гражданское право. С. 398.

в свое время сделал знаменитый вывод о реализации правоспособности, который позже стал именоваться теорией динамической правоспособности. Согласно позиции цивилиста, правоспособность следует понимать не только статически — как совокупность определенных правовых возможностей, которые признаются государством за каждым, но и динамически — как правовые возможности, которые имеются у определенного лица в определенный момент¹⁵.

Постараемся раскрыть данный тезис несколько подробнее.

Как было указано, для законной реализации способов самозащиты необходимо несколько условий:

1. Определенные фактические обстоятельства¹⁶.
2. Соблюдение требования о соразмерности реализации таких способов и о недопущении их выхода за пределы, необходимые для пресечения правонарушения¹⁷.
3. Наличие действительной угрозы¹⁸ (для необходимой обороны).
4. Наличие опасности, угрожающей причинителю вреда или другим лицам (для крайней необходимости).

Данная правовая возможность выступает в качестве элемента правоспособности (по М. М. Агаркову — динамической правоспособности), так как, *во-первых*, она присуща конкретному лицу, оказавшемуся в таких фактических

обстоятельствах, при которых он вправе причинить правомерный вред, т.е. реализовать тот или иной способ самозащиты в целях защиты охраняемого законом интереса; *во-вторых*, она не выступает ни в качестве субъективного гражданского права, так как это исключительно право требования к обязанному лицу, ни в качестве секундарного права, так как оно хотя и реализуется так же, как способ самозащиты — в одностороннем порядке, но воздействует на *идеальное* правоотношение, то есть реализуется *не фактическими действиями*. Важно отметить, что секундарное право развилось от элемента динамической правоспособности до полноценного самостоятельного правового явления.

IV. На что направлена защита при реализации способов самозащиты? Действительно ли, как утверждают некоторые цивилисты, такие действия защищают субъективное гражданское право¹⁹, с учетом того, что субъективное право — это всего лишь право требования? Поскольку способы самозащиты всегда реализуются исключительно фактическими действиями (эти действия материальны), каким образом фактические, материальные действия способны повлиять на мир идеальный (например, право)? Действия по самозащите находятся вне рамок правоотношений²⁰. Если допустить, что объектом защиты выступит субъективное гражданское право, которое подлежит защите, и при этом ре-

¹⁵ Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Ученые труды ВИЮН. Вып. 3. М. : НКЮ СССР, 1940. С. 70–72.

¹⁶ Для нас не принципиально, какие именно фактические обстоятельства, имеющие юридическое значение для возникновения правовой возможности реализовать тот или иной способ самозащиты.

¹⁷ Как уже отмечалось, где есть соразмерность, там есть и фактические/физические действия, в противном случае в понятии «соразмерность» нет никакой необходимости.

¹⁸ Довольно часто встречается мнение, что данное условие размытое, эфемерное, но сто́ит не согласиться с данным выводом: это необходимое оценочное понятие, которое используется и применяется в каждом конкретном случае, с учетом всех фактических обстоятельств. Сходная участь и у такого оценочного понятия, как «добросовестность».

¹⁹ Микшиц Д. В. Самозащита в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 24, 14.

²⁰ При этом, возвращаясь к тезису о том, что секундарное право выступает в качестве гражданско-правовой возможности, следует отметить, что для данной правовой возможности необходимо непременно наличие правоотношений.

ализация способа самозащиты также осуществляется посредством субъективного права, то получается парадокс: при правонарушении / угрозе правонарушения что выступает юридическим фактом для возникновения субъективного гражданского права, посредством которого осуществляется тот или иной способ самозащиты, реализация которого приведет к защите субъективного гражданского права, иными словами приведет к принудительной реализации субъективного права, и при этом под субъективным правом понимается *право требования*.

Очевидно, что: 1) содержание правового явления не может видоизменяться — это константа; 2) субъективное право, реализованное самостоятельными действиями, не есть субъективное право; 3) необходимо будет признать, что в момент абсолютно любого правонарушения / угрозы правонарушения, при котором допустимо будет реализовать способ самозащиты, *уже существует некое право требования*, т.е. субъективное право, которое подлежит защите; 4) при этом если объектом защиты выступает субъективное право, то необходимо установить, какое право требования защищается посредством способа самозащиты, которое может нарушить третье лицо, не выступающее в качестве стороны правоотношения; 5) приведет ли реализация способа самозащиты к защите так называемого субъективного права, если учитывать, что действия, осуществленные в целях защиты нарушенного субъективного права, всегда приводят к принудительной реализации права требования.

Неизбежен вывод, что защите подлежит охраняемый законом интерес.

Что представляет собой охраняемый законом интерес? Это правовая форма, в которую обложен имущественный или неимущественный интерес, подлежащий защите со стороны закона. Значит, при нарушении или угрозе нарушения соответствующего охраняемого законом интереса у участника гражданского оборота есть правовая возможность оперативно воздействовать на нарушителя / потенциального нарушителя определенного интереса.

V. И в судебной практике, и в научной среде нередко под самозащитой понимается конгломерат самых разнообразных как фактических, так и правовых действий. Приведем несколько примеров из судебной практики:

1. «Одним из способов самозащиты нарушенных прав является приостановление исполнения встречного обязательства»²¹.

2. «Досрочное расторжение договора в одностороннем порядке является способом самозащиты права»²².

3. «Осуществление фото- и видеосъемки при фиксации факта реализации контрафактного товара либо ненадлежащего выполнения работ (оказания услуг) является соразмерным и допустимым способом самозащиты»²³.

4. «Удержание обеспечительного взноса, право компенсировать ущерб из обеспечительного взноса являются способами самозащиты нарушенного права»²⁴.

5. «Приобретение и установка водонагревателя являются самозащитой нарушенного пра-

²¹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24.09.2014 № Ф06-14609/13 по делу № А12-123/2014 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=APV&n=131192#Xew3crUUХрPхvJtt> (дата обращения: 21.07.2025).

²² Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.03.2014 № ВАС-3142/14 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56136165/?ysclid=mde7cwhe5u102847035> (дата обращения: 22.07.2025).

²³ Определение Верховного Суда РФ от 27.02.2017 № 309-ЭС16-21250 // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-27022017-n-309-es16-21250-po-delu-n-a60-470322015/?ysclid=mde7qiu47y418124240> (дата обращения: 22.07.2025).

²⁴ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30.10.2015 № Ф09-7386/15 по делу № А60-7270/2015 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a198a37f-f3a8-4433-9985-5fa78515e7ca/520cb959-0f9f-446f-9a6d-b69113da4085/A60-7270-2015_20151030_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 22.07.2025).

ва на получение надлежащих коммунальных услуг»²⁵.

6. «Опечатывание арендодателем принадлежащего ему помещения и прекращение доступа арендатора в помещение является одним из способов самозащиты гражданских прав»²⁶.

8. «Демонтаж рекламных конструкций, эксплуатируемых по окончании срока действия договора на их установку и эксплуатацию, является одним из способов самозащиты гражданских прав»²⁷.

Данная тенденция судебной практики, к сожалению, не привносит ничего в теоретическую разработку рассматриваемого правового явления, а, напротив, лишь усложняет ее, отождествляя различные правовые явления со способами самозащиты. Как можно убедиться на примерах, происходило отождествление с юридическими поступками, с реализацией правоспособности, с мерами оперативного воздействия, с вторичными правами, со способами обеспечения. Все перечисленные правовые возможности квалифицируются в качестве способов самозащиты и в научных работах.

Однако необходимо учитывать, что определенное правовое явление обладает только свойственным ему содержанием, и, если исключить из него хоть один элемент, явление потеряет отличительный признак, с помощью которого его можно было бы отграничить от множества других явлений. Естественно, самозащита не исключение: если, например, допустить, что способы самозащиты реализуются посредством как фактических действий, так и юридических, а также исключить требование об оперативности применения способа самозащиты или требование о соразмерности действий правонарушению, то данное правовое явление допустимо

будет отождествить с мерами оперативного воздействия и, соответственно, принять, что такая гражданско-правовая возможность осуществляется посредством вторичного права.

Невозможно раскрыть правовую природу того или иного явления, не принимая во внимание всё его содержание. Очевидно, что для реализации вторичного права не предъявляется требование о соблюдении соразмерности правонарушению или же требование об оперативности его реализации. Однако трудно представить себе ситуацию, при которой способ самозащиты был бы реализован спустя некоторое время после нарушения / угрозы нарушения охраняемых законом интересов, пусть даже не большое, что допустимо при реализации вторичного права.

VI. Поскольку субъективное право всегда предоставляет право требовать, неизбежно следует вопрос, как данный вывод согласуется с концепцией абсолютного субъективного права, например с правом собственности, которое предоставляет уполномоченному лицу осуществлять право без предъявления требований к неограниченному кругу лиц, при этом на третьих лиц возлагается обязанность воздерживаться от нарушения абсолютного субъективного права. Иными словами, на неопределенный круг лиц возлагается так называемая пассивная *обязанность воздерживаться* от нарушения абсолютного субъективного права, а уполномоченное лицо осуществляет принадлежащее ему право в предусмотренных законом пределах.

В отношении данной концепции, которая существует не один десяток лет, возникает ряд сомнений логико-юридического характера, но в силу ограниченного объема настоящей работы остановимся лишь на нескольких.

²⁵ Апелляционное определение СК по гражданским делам Волгоградского областного суда от 11.10.2012 по делу № 33-9982/2012 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/103367637/?ysclid=mde7vfb2dl817790792> (дата обращения: 22.07.2025).

²⁶ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24.09.2014 № Ф06-14609/13 по делу № А12-123/2014 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/39085897/?ysclid=mde7wy9w5f87988853> (дата обращения: 22.07.2025).

²⁷ Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.02.2014 № ВАС-757/14 // URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/d60100964c4e6ab29fd8def951025abf/?ysclid=mde81d2rhw107618667> (дата обращения: 22.07.2025).

1. Невозможно увидеть факт существования данной обязанности отдельно от акта исполнения данной обязанности, так как логика гласит, что между возникновением обязанности и фактом ее исполнения должен быть временной промежуток.

2. Допустимо ли исполнить обязанность, не зная о ее существовании? Исходя из содержания данной концепции ответ должен быть утвердительный, однако обязанность предполагает конкретизацию исполнения *определенных действий*, ведь невозможно исполнить то, о чем даже не предполагаешь.

3. Есть ли различие между знанием о существовании данной обязанности и незнанием для обязанного лица? Для данной концепции это иррелевантно, а значит, и для уполномоченного лица также безразлично знание третьих лиц о возложенной на них обязанности, ведь для него важно только *беспрепятственное осуществление* принадлежащего ему права.

4. Допустимо ли исполнить данную обязанность ненадлежащим образом и не в срок? Каждая обязанность предполагает совершение *определенных действий и в определенный срок*, однако рассматриваемая концепция вынуждает прийти к иному выводу: *в момент* возникновения права собственности у определенного лица все иные лица уже исполняют надлежащим образом возложенную на них обязанность, существование которой они даже не предполагают.

5. Может ли обладатель субъективного права предъявить требование третьему лицу воздерживаться от нарушения принадлежащего ему права без наличествующего нарушения? Может, однако правовое содержание и субъективного права, и так называемой обязанности не изменится, то есть данное требование будет юридически безразличным. Из этого следует, что уполномоченное лицо может предъявить третьему лицу требование, но право такое отсутствует как минимум по причине отсутствия

необходимости его существования: беспрепятственное осуществление субъективного права обеспечивается не обязанностью каждого, а общим запретом в отношении каждого, третьи лица не вправе осуществлять действия, нарушающие право собственности, у них отсутствует право на такие действия.

Изложенные размышления имеют лишь общий характер: безусловно, требуется более детальное исследование вышеуказанной концепции. Сведение различных гражданско-правовых возможностей к субъективному праву с различным содержанием²⁸, конечно, упрощает восприятие гражданско-правового регулирования, делая его не обремененным иными известными правовыми явлениями, однако одновременно порождает вопросы, которые затруднительно поставить даже на обсуждение в силу заслуженного авторитета тех лиц, которые отстаивают устоявшиеся концепции, хотя это не способствует развитию теории гражданского права.

VII. В заключение перечислим краткие выводы.

1. Право на самозащиту недопустимо квалифицировать в качестве субъективного права как минимум потому, что действия при реализации права на самозащиту всегда имеют материальный (физический характер).

2. Объектом защиты при реализации права на самозащиту выступает охраняемый законом интерес хотя бы в силу того, что возникновение явления или события, которые выступают в качестве юридического факта возникновения права на самозащиту, всегда материально, что исключает его воздействие на идеальную сферу в виде субъективного права.

3. Концепция абсолютного субъективного права требует пересмотра по логико-юридическим основаниям, в том числе из-за невозможности именованного *конкретного* правового явления (например, абсолютного субъективного права) именем правового явления, имеющего

²⁸ Например, субъективное право, позволяющее осуществлять самостоятельные действия (абсолютные субъективные права), или субъективные права, требующие, чтобы для их осуществления непременно была исполнена корреспондирующая им обязанность (относительные субъективные права). Но допустимо ли называть конкретное правовое явление именем другого правового явления, имеющего иное содержание?

иное содержание (например, относительным субъективным правом).

4. Абсолютному праву не может корреспондировать обязанность воздерживаться от действий, нарушающих его, так как беспрепятственное осуществление абсолютного субъективного права обеспечивается общим запретом — отсутствием права у всех иных лиц.

Следует с сожалением отметить, что почти по всем вопросам о правовой природе самозащиты в гражданском праве солидарности среди ученых не наблюдается до сих пор, несмотря на длительное существование данного правового явления.

Думается, причина состоит в совокупности факторов:

а) отсутствие должной теоретической разработки такой гражданско-правовой категории, как гражданско-правовая форма, ввиду чего, как показывает и цивилистическая литература, и судебная практика, почти любая гражданско-правовая возможность управомоченного лица действовать тем или иным образом квалифицируется в качестве субъективного гражданского права;

б) отсутствие теоретической разработки теории объектов гражданско-правовой защиты. В большинстве случаев, когда говорят об объекте гражданско-правовой защиты, говорят о нарушении права. Какого права? Увы, ответ

не всегда удается отыскать, а если он всё же предоставлен тем или иным автором, то объектом защиты выступает именно субъективное гражданское право, несмотря даже на то обстоятельство, что ни о каких субъективных правах не может быть и речи, как в случае с объектом защиты при реализации способа самозащиты.

Стоит еще раз отметить: самозащита в гражданском праве обладает присущим только ей содержанием, включая условия реализации способов самозащиты (например, требование об оперативности, согласно которому реализация способов самозащиты имеет строго определенные временные рамки), тем не менее некоторые цивилисты утверждают, что эта правовая возможность выступает в качестве или субъективного права, или секундарного права.

Допустимо еще раз напомнить о том, что у любого правового явления есть свое содержание, которое присуще исключительно ему, элементы которого функционируют взаимосвязанно и порой взаимообусловленно, причем данное явление требует соблюдения определенных условий для своей реализации (у способов самозащиты свои требования, у секундарного права — свои). Несоблюдение требований формальной логики приводит к тому, что мы имеем сейчас и в цивилистической литературе, и в судебной практике.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Агарков М. М.* Обязательство по советскому гражданскому праву // Ученые труды ВИЮН. Вып. 3. — М. : НКЮ СССР, 1940. — 192 с.
2. *Белов В. А.* Гражданское право : учебник для бакалавриата и магистратуры. Т. 1 : Общая часть. Введение в гражданское право. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2016. — 622 с.
3. *Веретенникова С. Н.* Меры самозащиты в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2004. — 190 с.
4. *Грибанов В. П.* Осуществление и защита гражданских прав. — М. : Статут, 2000. — 411 с.
5. *Груздев В. В.* Способы защиты гражданских прав : учеб. пособие для вузов. — 2-е изд. — М. : Юрайт, 2020. — 350 с.
6. *Иоффе О. С.* Избранные труды по гражданскому праву : Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». — М. : Статут, 2000. — 777 с.
7. *Каратетов А. Г.* Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском гражданском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2011. — 46 с.

8. Микшис Д. В. Самозащита в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2006. — С. 24.
9. Мильков А. В. К теории охранительных гражданских правоотношений : учеб. пособие. — М. : Проспект, 2018. — 224 с.
10. Мотовиловкер Е. Я. Обязательственное право требования как явление действительности: пять шагов к определению // Социально-юридическая тетрадь. — 2018. — № 8. — С. 90–101.
11. Сverdlyk G., Strauning E. Способы самозащиты гражданских прав и их классификация // Хозяйство и право. — 1999. — № 1. — С. 35–41.
12. Уздимаева Н. И. Правовая самозащита как самостоятельное субъективное право // Современное право. — 2008. — № 6. — С. 29–35.

Материал поступил в редакцию 6 августа 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Agarkov M. M. Obyazatelstvo po sovetскому grazhdanskomu pravu // Uchenye trudy VIYuN. Vyp. 3. — М.: NKYu SSSR, 1940. — 192 s.
2. Belov V. A. Grazhdanskoe pravo: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury. T. 1: Obshchaya chast. Vvedenie v grazhdanskoe pravo. — 3-e izd., pererab. i dop. — М.: Yurayt, 2016. — 622 s.
3. Veretennikova S. N. Mery samozashchity v rossiyskom grazhdanskom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2004. — 190 s.
4. Gribanov V. P. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav. — М.: Statut, 2000. — 411 s.
5. Gruzdev V. V. Sposoby zashchity grazhdanskikh prav: ucheb. posobie dlya vuzov. — 2-e izd. — М.: Yurayt, 2020. — 350 s.
6. Ioffe O. S. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: Iz istorii tsivilisticheskoy mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii «khozyaystvennogo prava». — М.: Statut, 2000. — 777 s.
7. Karapetov A. G. Osnovnye tendentsii pravovogo regulirovaniya rastorzheniya narushennogo dogovora v zarubezhnom i rossiyskom grazhdanskom prave: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — М., 2011. — 46 s.
8. Mikshis D. V. Samozashchita v grazhdanskom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2006. — S. 24.
9. Milkov A. V. K teorii okhranitelnykh grazhdanskikh pravootnosheniy: ucheb. posobie. — М.: Prospekt, 2018. — 224 s.
10. Motovilovker E. Ya. Obyazatelstvennoe pravo trebovaniya kak yavlenie deystvitelnosti: pyat shagov k opredeleniyu // Sotsialno-yuridicheskaya tetrad. — 2018. — № 8. — S. 90–101.
11. Sverdlyk G., Strauning E. Sposoby samozashchity grazhdanskikh prav i ikh klassifikatsiya // Khozyaystvo i pravo. — 1999. — № 1. — S. 35–41.
12. Uzdimaeva N. I. Pravovaya samozashchita kak samostoyatelnoe subektivnoe pravo // Sovremennoe pravo. — 2008. — № 6. — S. 29–35.

Гражданско-правовой режим результатов, сгенерированных нейронными сетями: проблемы определения и толкования

Аннотация. В статье рассмотрены критерии оригинальности и творческого характера сгенерированного нейронными сетями результата как необходимые и достаточные условия для признания его охраноспособным объектом авторского права. Обосновано, что промпт имеет юридическое значение как особая форма выражения воли автора и доказательство его творческого вклада. Подробно раскрыты способы записи и фиксации промпта. В качестве примеров проанализированы отдельные судебные акты России, Китая, США и Италии, где ставился вопрос о возможности охраны сгенерированных результатов авторским правом. Выявлены две модели договорного регулирования отношений при использовании генеративных платформ: «нейросеть — инструмент», при которой исключительные права возникают у пользователя и впоследствии ему принадлежат, и «нейросеть — сервис», предполагающая отчуждение имущественных прав в пользу субъекта исключительных прав на программный комплекс (генеративную платформу) с последующим предоставлением пользователю ограниченной лицензии. Сделан вывод о том, что при локальной установке генеративной модели отношения квалифицируются как лицензионный договор, а при облачной архитектуре — как смешанный договор, включающий элементы лицензионного договора и договора возмездного оказания услуг.

Ключевые слова: нейронные сети; генеративная платформа; сгенерированный результат; охраноспособные объекты; искусственный интеллект; объекты авторского права; исключительное право; авторские права; критерии охраноспособности; творческий характер; оригинальность произведения

Для цитирования: Старовойтова А. С. Гражданско-правовой режим результатов, сгенерированных нейронными сетями: проблемы определения и толкования // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 4. — С. 82–90. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.082-090

The Civil-Law Regime of Neural Network-Generated Outputs: Challenges of Definition and Interpretation

Anna S. Starovoytova, Senior Lecturer, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Senior Research Fellow, Federal Institute of Industrial Property, Moscow, Russian Federation
asstarovoytova@msal.ru

© Старовойтова А. С., 2026

* Старовойтова Анна Сергеевна, старший преподаватель кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), старший научный сотрудник Федерального института промышленной собственности
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
asstarovoytova@msal.ru

Abstract. The paper examines the criteria of originality and creative character of outputs generated by neural networks as necessary and sufficient conditions for their recognition as copyrightable objects. The study substantiates the conclusion that a prompt possesses legal significance as a special form of expression of the author's intent and as evidence of the author's creative contribution. The methods of recording and preserving prompts are analyzed in detail. By way of illustration, the paper reviews selected judicial decisions from Russia, China, the United States, and Italy where the possibility of copyright protection for AI-generated outputs was at issue. Two models of contractual regulation governing the use of generative platforms are identified: the «neural network as tool» model, under which exclusive rights initially vest in and subsequently belong to the user; and the «neural network as service» model, which предусматривает the transfer of proprietary rights to the holder of exclusive rights in the software complex (the generative platform), followed by the grant to the user of a limited license. The author concludes that, where a generative model is installed locally, the relationship should be characterized as a license agreement, whereas in the case of a cloud-based architecture it should be classified as a mixed contract incorporating elements of both a license agreement and a contract for compensated services.

Keywords: neural networks; generative platform; AI-generated output; copyrightable object; artificial intelligence; copyrighted works; exclusive right; copyright; criteria of copyrightability; creative character; originality of a work

Cite as: Starovoytova AS. The Civil-Law Regime of Neural Network-Generated Outputs: Challenges of Definition and Interpretation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(4):82-90. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.082-090

Искусственный интеллект¹ (ИИ) творит без вдохновения, но результат вдохновляет. Готово ли право признать ценность без личности и охранять то, что родилось без автора, но живет в культуре? Сегодня юридическая литература пестрит публикациями о дискуссиях в области авторских прав на контент, созданный с помощью технологий ИИ². Перед пользователями нейронных сетей (далее также — нейросеть), юристами, судом встают сложные вопросы. Являются ли охраноспособными результаты, сгенерированные нейронными сетями? Каковы необходимые условия для того, чтобы такие результаты могли быть признаны объектами авторского права? Кто выступает правообладателем? Иными словами, речь идет об определении гражданско-правового режима результатов, сгенерированных нейросетями. Именно эта юридическая категория раскрывает их место в

системе объектов гражданских прав и отвечает на вопросы о том, какие юридически значимые действия можно совершать в отношении таких интеллектуальных продуктов, какие права и у каких лиц возникают в связи с их созданием, какие способы защиты возможно применять при нарушении прав на такие результаты.

Согласно ст. 1257 ГК РФ автором произведения может быть только гражданин, творческим трудом которого оно создано. Авторство неразрывно связано с критериями оригинальности и личного творческого вклада. Эти критерии необходимы при определении охраноспособности результата интеллектуальной деятельности. Несмотря на тесную связь между этими понятиями, они не совпадают по своему содержанию. Оригинальность означает, что произведение создано самостоятельно, без копирования у третьих лиц. Эта категория указывает на индивидуальное

¹ Старовойтова А. С. «Искусственный интеллект»: проблемы юридической квалификации // Интеллектуальная собственность как базовое условие обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации : сборник докладов XXVI Международной научно-практической конференции Роспатента, Москва, 29 сентября 2022 г. / вып. ред. Е. Г. Царева. М. : Федеральный институт промышленной собственности, 2022. С. 101–103.

² См. подробнее о юридической природе ИИ и технологий ИИ: Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 1. М. : Проспект, 2021. С. 102–124 (автор гл. 3 разд. I — д. ю. н., проф. Л. Ю. Василевская).

происхождение результата. Творческий характер предполагает, что в процессе создания произведения автор проявил творческую свободу и индивидуальность, а не механически воспроизвел информацию. Соответственно, оригинальность относится к происхождению произведения, а творческий характер — к способу его создания. Вместе эти критерии формируют единое основание для признания произведения результатом авторского труда, подлежащего правовой охране. И судебная практика демонстрирует позицию, согласно которой при определении охраноспособности результата следует установить, «проявил ли его автор выбором формы продукта свои творческие способности оригинальным способом, сделав свободный и творческий выбор»³.

Таким образом, вопрос о квалификации сгенерированного нейросетью контента в качестве объекта авторских прав в первую очередь касается выявления наличия или отсутствия оригинальности и творческого вклада человека. При использовании нейросетей оригинальность может сохраняться, если человек не просто запускает генеративный алгоритм, а осуществляет осознанный выбор параметров, вмешивается в процесс создания, отбирает и структурирует результат. Тогда итоговое произведение может отражать индивидуальность автора как куратора или режиссера цифрового процесса, что соответствует требованию оригинальности. Если ИИ используется как вспомогательный инструмент, а ключевые решения о содержании, структуре и композиции принимает человек, то можно говорить о наличии творческого характера. Однако если роль пользователя сводится лишь к техническому запуску системы или случайному выбору опций, то творческая составляющая может отсутствовать, что ставит под сомнение охраноспособность результата.

Рассмотрим алгоритм работы нейросетей и процесс создания текстовых, графических,

аудио- и видеорезультатов. Нейросеть — вид компьютерной программы, которая учится на большом объеме данных выявлению закономерностей и генерации новых результатов и по заданным пользователем запросам (промптам) создает текст, музыку, изображения. По сути, нейросеть — программный инструмент, имитирующий работу человеческого мозга для решения конкретных задач. Технически процесс генерации основан на вероятностной модели, которая, например, была обучена на массиве текстов и предсказывает наиболее вероятную последовательность слов, исходя из контекста. Принципиально важно, что результат — не копия, так как нейросеть не извлекает готовую информацию из базы данных и не воспроизводит фрагменты конкретных источников, вместо этого она формирует продукт в реальном времени, опираясь на математически выверенные вероятностные связи между элементами и структурами, ранее усвоенными в процессе обучения. Нейросеть изучает и запоминает паттерны и структуры из данных, не сохраняя их. Например, она может обучаться на тысячах фотографий котов, пытаясь понять общие характеристики (усы, цвет шерсти, хвосты).

В юридической литературе⁴ широко обсуждается проблема правомерности использования охраняемых авторским правом произведений для обучения нейросетей без согласия авторов. Авторы публикаций высказывают свои мысли по поводу того, не является ли процесс генерации результатов просто компиляцией или копированием материалов, на которых обучалась модель. Если результат — лишь переработка или компиляция существующих материалов, то это может ставить под сомнение его оригинальность в юридическом смысле, а следовательно, и возможность его охраны авторским правом.

Однако, на наш взгляд, такой результат нельзя квалифицировать как компиляцию, он

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.04.2021 № 5-КГ21-14-К2 // СПС «Гарант».

⁴ Зуйков С. А. О проблеме обучения генеративных нейросетей на объектах, охраняемых авторским правом // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. 18 сентября. URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729395/> (дата обращения: 20.08.2025); Ефименко Е. Нейросети против авторского права: кто кого // URL: <https://pravo.ru/story/245161/> (дата обращения: 20.08.2025).

не является подборкой или переработкой уже существующих произведений. Так, в США суд рассмотрел дело против разработчика генеративного ИИ — OpenAI — об использовании последним авторского материала для обучения языковой модели ChatGPT. В решении установлено добросовестное использование обучающего материала и отмечено, что нейросеть создает новый контент, а не копирует статьи⁵. Вместе с тем сгенерированный фрагмент может быть сходен с типовыми выражениями, изображениями, звуками или общеупотребимыми конструкциями, особенно если они часто встречаются в обучающем корпусе. С юридической точки зрения вопрос оригинальности результата требует отдельной оценки в каждом конкретном случае. Поскольку он создается вновь и не представляет собой копирование произведения, то может обладать признаками оригинальности. Стоит сказать, что существуют нейросети с открытым исходным кодом (например, Stable Diffusion), что позволяет пользователям-программистам модифицировать и расширять функционал, а главное — обучать модель на своих произведениях и создавать оригинальные работы уже в авторском стиле.

Изучение сгенерированных продуктов приводит к выводу о том, что оригинальность может усматриваться и выражаться в новой форме, возникающей вследствие вероятностной генерации результата, не существовавшего ранее в идентичном виде, в новизне сочетания различных элементов, которая не воспроизводит досконально уже существующие произведения. Такая оригинальность является формальной и объективной, поскольку результат создается заново, а не заимствуется.

Однако, как ранее упоминалось, следующий важный критерий охраноспособности произведения — его творческий характер. А это означает, что произведение должно быть результатом умственной и интеллектуальной деятельности автора, отражающим его индивидуальность и творческое решение, пусть даже в минималь-

ной степени. Так, творческая деятельность предполагает наличие сознания, психических процессов, эмоций, чувств, мировоззрения.

В целях уточнения версии о возможности признания результата, сгенерированного нейросетью, произведением, обладающим творческим характером, автором настоящего исследования был поставлен соответствующий вопрос языковой модели (ChatGPT). Нейросеть ответила: «У меня нет сознания, я не ощущаю мир, не формирую мнение на основе опыта. Поэтому я не могу быть автором. Я — инструмент, который тебе помогает. И только ты — инициатор и вдохновитель». Таким образом, даже сама модель признает свою инструментальную природу. Это подтверждает правовую позицию, согласно которой нейросеть не может быть признана автором произведения, а также указывает на необходимость оценки роли пользователя как субъекта, способного придать сгенерированному результату творческий характер и тем самым обеспечить возможность его правовой охраны.

Рассмотрение проблемы квалификации результата, сгенерированного нейронными сетями в качестве объекта авторских прав, требует выявления наличия или отсутствия творческого вклада человека. Но как определить и доказать такой творческий вклад? При создании произведения с помощью генеративного ИИ автор может не просто задать нейросети случайный запрос, а вложить в него определенную идею, цель и художественное видение. Автор принимает решения о структуре будущего произведения, стиле, содержании, отбирает подходящие варианты из предложенных, дорабатывает, редактирует или комбинирует материалы. В итоге именно гражданин, используя нейросеть как инструмент наравне с кистью, холстом, музыкальным синтезатором, создает произведение, которое полностью воплощает его творческий замысел. Именно эта активная творческая роль человека позволяет говорить о наличии индивидуальности и оригинальности результата, то есть тех признаков, которые необходимы для

⁵ Белоусова Н., Рузавина Н., Баймурзина Р., Трунов А. Авторские права на контент нейросетей: вопросы, которые требуют решений // URL: <https://ezybrand.ru/blog/avtorskie-prava-na-kontent-nejrosetej/> (дата обращения: 20.08.2025).

признания произведения объектом авторского права. Значит, если автор осознанно управляет процессом создания произведения с помощью нейросети, направляет его творчески, вносит собственные решения и доработки, результат может рассматриваться как охраноспособный, поскольку он воплощает творческий замысел конкретного автора.

Для установления факта творческого вклада автора в создание произведения с использованием нейросети необходимо зафиксировать выражение его воли и выявить творческие решения, принимаемые при взаимодействии с нейросетью. Здесь ключевым инструментом выступает промпт — запрос, который автор формулирует для нейросети с целью получения результата. Промпт служит своего рода черновиком, в котором отображаются первоначальные идеи и замыслы автора, а также последовательность действий для достижения конечного результата. Формируя запрос, автор проявляет творческое начало, определяет направление работы, выбирает формулировки, уточняет детали и корректирует варианты. Этот процесс отражает творческую составляющую, так как требует принятия решений при выборе наиболее подходящих параметров запроса для реализации задуманного.

Для закрепления доказательств авторского вклада в создание произведения с помощью нейросети промпт может быть записан и зафиксирован несколькими способами: посредством методов хеширования, создания скриншотов, записи экрана, а также сохранения данных в виде автоматических логов, которые ведутся на платформах, использующих нейросети (например, ChatGPT, Midjourney). Доступ к этим

данным, как правило, возможен для автора, что позволяет удостоверить факты творческого выбора и принятия решений в ходе взаимодействия с системой. Таким образом, промпт как текстовый запрос является важным доказательством творческого вклада автора и может быть использован в качестве подтверждения авторства в случае возникновения спора.

На сегодняшний день российская и международная судебная практика подтверждает точку зрения о том, что результат, сгенерированный нейросетью, может быть признан охраноспособным. Например, разрешая спор о защите прав на видеоролик, Девятый арбитражный апелляционный суд указал, что *deepfake* (генеративная нейросеть) позволяет обработать видеоматериалы и такая обработка не исключает, что исходный видеоряд создан творческим трудом человека. Суд удовлетворил требование о защите исключительных прав на видеоролик⁶.

Народный суд округа Наньшань в Китае в решении от 25.11.2019 признал, что статья, сгенерированная программным обеспечением DreamWrite, охраняется авторским правом, так как была создана при творческом участии человека⁷. Пекинский суд в 2023 г. констатировал, что изображение, созданное с помощью Stable Diffusion (визуальная нейронная модель), следует рассматривать как произведение искусства, так как оно оригинальное и создано творческим трудом физического лица⁸. В Италии Верховный суд кассационной инстанции признал произведение, созданное архитектором с использованием ИИ, объектом интеллектуальных прав⁹.

Следующим при рассмотрении гражданско-правового режима охраноспособных сгенерированных результатов возникает вопрос

⁶ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.04.2024 № 09-АП-642/24 // СПС «Гарант».

⁷ Судебное решение Народного суда КНР (2019 Yue 0305 Min Chu 14010) // China Justice Observer. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/2019-yue-0305-min-chu-14010> (дата обращения: 20.08.2025).

⁸ Искусственный интеллект в Китае получил авторские права на изображение // Computerra. 2020. URL: <https://www.computerra.ru/290743/iskusstvennyj-intellekt-v-kitae-poluchil-avtorskie-prava-na-izobrazhenie/> (дата обращения: 20.08.2025).

⁹ Corte di Cassazione, Sezione I Civile, Sentenza 16 gennaio 2023, n. 1107, copia non ufficiale (Università di Roma — La Sapienza) // URL: https://dei.web.uniroma1.it/sites/default/files/allegati/Cass_ord_1107_2023.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

о том, кто является правообладателем интеллектуальных прав на такие произведения. В соответствии со ст. 1228 ГК РФ, если результат, созданный с использованием нейросети, соответствует критериям охраноспособности (оригинальность и творческий характер), личные неимущественные права (право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения) на него принадлежат лицу, которое внесло творческий вклад в его создание. Таким лицом признается физическое лицо — пользователь генеративной платформы, определивший замысел произведения, принявший творческие решения при подготовке и формулировании исходных данных (промпта), а также осуществивший отбор, структурирование и доработку полученного результата.

Исключительное право на произведение может принадлежать как самому автору, так и иному лицу. В частности, исключительное право первоначально возникает у работодателя (юридического лица или индивидуального предпринимателя) в случае создания произведения работником в рамках исполнения трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя (служебное произведение) (ст. 1295 ГК РФ), переходит к заказчику — физическому или юридическому лицу — при создании произведения по договору авторского заказа с соответствующим условием (ст. 1288 ГК РФ) либо закрепляется за иным лицом посредством договора при создании результата в ходе совместного проекта, например научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (ст. 1296 ГК РФ).

Передача или предоставление исключительного права на результат, созданный с использованием нейросети, возможны также в рамках лицензионного договора (лицензионного или пользовательского соглашения)¹⁰, заключаемого между обладателем исключительных прав на программное обеспечение, базу данных и иные охраняемые элементы, обеспечивающие функционирование генеративного сервиса (далее — субъект исключительных прав на

программный комплекс (генеративную платформу)), и ее пользователем. Условия такого договора могут предусматривать как полное отчуждение исключительного права на результат, так и предоставление права использования произведения в определенных пределах (простой или исключительной лицензии) в соответствии с положениями гл. 69 ГК РФ.

В настоящее время в практике функционирования генеративных платформ сформировалось несколько моделей договорного регулирования отношений по использованию охраноспособных результатов, созданных с помощью нейронных сетей.

Первую модель условно можно обозначить как «нейросеть — инструмент». При таком подходе генеративная платформа рассматривается как техническое средство, применяемое пользователем для выражения собственного творческого замысла. Пользователь формулирует исходные данные (промпт), определяет параметры генерации, осуществляет отбор вариантов и при необходимости вносит коррективы. Такой вклад при соблюдении критериев оригинальности и творческого характера произведения позволяет квалифицировать именно пользователя в качестве автора. В силу ст. 1228 ГК РФ личные неимущественные права (право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения) принадлежат исключительно автору — физическому лицу. Более того, именно у него первоначально возникает исключительное право на результат, которое может быть отчуждено или предоставлено в определенных договором пределах третьим лицам (ст. 1234, 1235 ГК РФ). Исходя из этого разработчик или субъект исключительных прав на программный комплекс не может считаться первоначальным носителем исключительных прав на результат генерации.

Пример — лицензионное соглашение, применяемое к модели Stable Diffusion XL (SDXL), разработанной компанией Stability AI. В тексте лицензии прямо указано: *licensor claims no rights in the output you generate*. Это означает,

¹⁰ Василевская Л. Ю. Договор и соглашение в гражданском праве: критерии разграничения понятий // Юрист. 2012. № 22. С. 9–13.

что исключительное право на сгенерированный результат в полном объеме принадлежит пользователю, который может определять его юридическую судьбу по собственному усмотрению, включая отчуждение, предоставление лицензий и коммерческое осуществление. Аналогичный подход применялся и в отдельных версиях лицензионных соглашений генеративной платформы Kandinsky — программного комплекса на основе технологий ИИ, разработанного лабораторией Sber AI (структурным подразделением ПАО «Сбербанк»). В них также закреплялось, что исключительные права на результаты генерации принадлежат пользователю, реализовавшему творческий замысел посредством формулирования исходных данных. Такая модель по своей сути сближает использование генеративной платформы с применением обычных вспомогательных технических средств (например, кистей, холста, программного редактора), не влияющих на распределение прав на результат.

Вторая модель может быть обозначена как «нейросеть — сервис». Здесь субъект исключительного права на программный комплекс предоставляет пользователю доступ к функционалу программного комплекса, работающего, как правило, в облачной инфраструктуре. Пользователь получает возможность создавать результаты генерации, однако их использование определяется условиями пользовательского (лицензионного) соглашения. Отношения сторон носят смешанный характер, так как им присущи конститутивные признаки двух договорных конструкций: они включают, с одной стороны, элементы лицензионного договора (ст. 1235 ГК РФ), поскольку разрешается вопрос о праве использования как результатов генерации, так и самой генеративной платформы, с другой — элементы договора возмездного оказания услуг (гл. 39 ГК РФ), потому что правообладатель обеспечивает вычислительные мощности, техническую поддержку и доступ к обновлениям модели.

Так, использование модели Midjourney возможно исключительно через облачный интерфейс (в частности, посредством интеграции с мессенджером Discord). При этом условия пользовательского соглашения устанавливают, что

коммерческое использование сгенерированных изображений допускается только для «платных подписчиков», тогда как «бесплатные пользователи» ограничены рамками некоммерческого использования. В данном случае исключительное право первоначально по закону возникает у пользователя как у автора произведения, но условия лицензионного соглашения предусматривают его отчуждение в пользу субъекта исключительного права на программный комплекс, который, став новым правообладателем, может предоставить пользователю ограниченную лицензию, как правило простую и строго ограниченную по целям (например, исключительно для личного или некоммерческого использования). Аналогичный подход закреплен и в новой версии Stable Diffusion 3: для легального коммерческого использования результатов генерации требуется приобретение специальных лицензий (Creator License или Enterprise License).

Таким образом, в модели «нейросеть — сервис» договорные связи фактически имеют трехступенчатый характер:

1) исключительное право первоначально возникает у пользователя (автора);

2) на основании заключенного договора указанное право отчуждается в пользу субъекта исключительных прав на программный комплекс (генеративную платформу);

3) последний может вновь предоставить пользователю право использования результата в ограниченном объеме посредством лицензии.

Как видим, в зависимости от технической формы доступа к генеративной платформе и договорных условий отношения между пользователем и правообладателем могут квалифицироваться: 1) как лицензионный договор (при локальной установке модели, например SDXL в открытом доступе); 2) смешанный договор, сочетающий элементы лицензионного договора и договора возмездного оказания услуг (при облачной архитектуре, как в случае с Midjourney).

Подводя итог, отметим, что ключевым условием охраны результатов, созданных с использованием нейронных сетей, является наличие творческого вклада человека. Творческий вклад выражается в формулировании исходных данных (промпта), выборе параметров генерации,

отборе и доработке полученных вариантов. Именно эти действия позволяют рассматривать пользователя как автора и обеспечивают возможность правовой охраны результата. Благодаря такому подходу выявляется юридическое значение промпта как особой формы выражения воли автора и доказательства его творческого вклада.

Вместе с тем договорное регулирование в этой сфере складывается по двум основным моделям. В первой («нейросеть — инструмент») исключительные права сохраняются за пользователем, как это предусмотрено, например, в лицензионных соглашениях Stable Diffusion XL и Kandinsky. Во второй («нейросеть — сервис») исключительное право, первоначально возникшее у пользователя, на основании договора переходит к субъекту исключительных

прав на программный комплекс, который может предоставить пользователю ограниченную лицензию (например, Midjourney и отдельные версии Stable Diffusion). Вне зависимости от модели сохраняется общий принцип: при генерации результата исключительное право всегда возникает у физического лица, внесшего творческий вклад, и лишь затем может быть отчуждено или передано в определенных договором пределах иным субъектам.

Отношения, связанные с использованием генеративных платформ, в зависимости от формы доступа и условий соглашения могут быть квалифицированы как лицензионный договор (при локальной установке модели) либо как смешанный договор с элементами лицензионного договора и договора возмездного оказания услуг (при облачной архитектуре).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белоусова Н., Рузавина Н., Баймурзина Р., Трунов А. Авторские права на контент нейросетей: вопросы, которые требуют решений // URL: <https://ezybrand.ru/blog/avtorskie-prava-na-kontent-nejrosetej/> (дата обращения: 20.08.2025).
2. Василевская Л. Ю. Договор и соглашение в гражданском праве: критерии разграничения понятий // Юрист. — 2012. — № 22. — С. 9–13.
3. Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 1. — М. : Проспект, 2021. — 288 с.
4. Ефименко Е. Нейросети против авторского права: кто кого // URL: <https://pravo.ru/story/245161/> (дата обращения: 20.08.2025).
5. Зуйков С. А. О проблеме обучения генеративных нейросетей на объектах, охраняемых авторским правом // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2023. — 18 сентября. — URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729395/> (дата обращения: 20.08.2025).
6. Старовойтова А. С. «Искусственный интеллект»: проблемы юридической квалификации // Интеллектуальная собственность как базовое условие обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации : сборник докладов XXVI Международной научно-практической конференции Роспатента (Москва, 29 сентября 2022 г.) / вып. ред. Е. Г. Царева. — М. : Федеральный институт промышленной собственности, 2022. — С. 101–103.

Материал поступил в редакцию 21 августа 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Belousova N., Ruzavina N., Baymurzina R., Trunov A. Avtorskie prava na kontent neyrosetey: voprosy, kotorye trebuyut resheniy // URL: <https://ezybrand.ru/blog/avtorskie-prava-na-kontent-neyrosetej/> (data obrashcheniya: 20.08.2025).
2. Vasilevskaya L. Yu. Dogovor i soglasenie v grazhdanskom prave: kriterii razgranicheniya ponyatiy // Yurist. — 2012. — № 22. — S. 9–13.
3. Vasilevskaya L. Yu., Poduzova E. B., Tasalov F. A. Tsifrovizatsiya grazhdanskogo oborota: problemy i tendentsii razvitiya (tsivilisticheskoe issledovanie): monografiya: v 5 t. T. 1. — M.: Prospekt, 2021. — 288 s.
4. Efimenko E. Neyroseti protiv avtorskogo prava: kto kogo // URL: <https://pravo.ru/story/245161/> (data obrashcheniya: 20.08.2025).
5. Zuykov S. A. O probleme obucheniya generativnykh neyrosetey na obektakh, okhranyaemykh avtorskim pravom // Zhurnal Suda po intellektualnym pravam. — 2023. — 18 sentyabrya. — URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729395/> (data obrashcheniya: 20.08.2025).
6. Starovoytova A. S. «Iskusstvennyy intellekt»: problemy yuridicheskoy kvalifikatsii // Intellektualnaya sobstvennost kak bazovoe uslovie obespecheniya tekhnologicheskogo suvereniteta Rossiyskoy Federatsii: sbornik dokladov XXVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii Rospatenta (Moskva, 29 sentyabrya 2022 g.) / vyp. red. E. G. Tsareva. — M.: Federalnyy institut promyshlennoy sobstvennosti, 2022. — S. 101–103.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.091-108

М. В. Кирилова*

Использование искусственного интеллекта в корпоративном управлении: правовые проблемы

Аннотация. Стремительное распространение искусственного интеллекта (ИИ) во всех сферах жизни общества затронуло также область корпоративного управления. В то время как перспективы и сложности при использовании алгоритмов в управлении корпорациями активно исследуются зарубежными авторами, в русскоязычной юридической литературе эта тема не получила достаточного распространения. Целью настоящего исследования является восполнение этого пробела. Автором выявлен и рассмотрен ряд проблемных аспектов, возникающих в связи с имплементацией систем ИИ в управление корпорациями, обусловленных как общими особенностями искусственного интеллекта (отсутствие прозрачности и объяснимости, возможная предвзятость алгоритмов), так и традиционной проблематикой корпоративного управления (агентская проблема, обязанности и ответственность органов управления, влияние деятельности корпорации на стейкхолдеров). Предложены пути решения основных проблем при использовании ИИ в корпоративном управлении.

Ключевые слова: искусственный интеллект; корпоративное управление; проблема черного ящика; предвзятость искусственного интеллекта; агентская проблема; фидуциарные обязанности; стейкхолдеры; правило защиты делового решения; цифровизация; сравнительное правоведение

Для цитирования: Кирилова М. В. Использование искусственного интеллекта в корпоративном управлении: правовые проблемы // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 4. — С. 91–108. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.091-108

The Use of Artificial Intelligence in Corporate Management: Legal Issues

Maria V. Kirilova, Lawyer, YaPartners Consulting LLC, Moscow, Russian Federation
maria.kirilova@yandex.ru

Abstract. The rapid spread of artificial intelligence (AI) in all spheres of society has also affected the area of corporate governance. While foreign scholars are actively exploring the prospects and challenges of using algorithms in corporate management, this topic has not received sufficient attention in Russian-language legal literature. The

© Кирилова М. В., 2026

* Кирилова Мария Владимировна, юрист общества с ограниченной ответственностью «ЯПартнерс Консалтинг»

Береговой пр-д, д. 5а, помещ. 1/17, г. Москва, Российская Федерация, 121087
maria.kirilova@yandex.ru

aim of this study is to fill this gap. The author identifies and examines a number of problematic aspects arising from the implementation of AI systems in corporate governance, stemming both from the general characteristics of artificial intelligence (lack of transparency and explainability, possible algorithmic bias) and from traditional corporate governance issues (the agency problem, duties and responsibilities of governing bodies, the impact of corporate activities on stakeholders). Solutions to the main problems associated with the use of AI in corporate management are proposed.

Keywords: artificial intelligence; corporate governance; black box problem; artificial intelligence bias; agency problem; fiduciary duties; stakeholders; business decision protection rule; digitalization; comparative law

Cite as: Kirilova MV. The Use of Artificial Intelligence in Corporate Management: Legal Issues. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(4):91-108. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.091-108

Введение

«Цифровая революция» изменила многие аспекты повседневной жизни, в том числе в сфере организации и управления бизнесом. Косвенно о распространении технологий искусственного интеллекта (ИИ) свидетельствует активное создание нормативно-правового регулирования в сфере ИИ: анализ законодательных актов 127 стран показывает, что количество законов, содержащих словосочетание «искусственный интеллект», выросло с одного в 2016 г. до 37 в 2022 г.¹

Однако несмотря на повсеместное внедрение технологий ИИ, до сих пор не сложилось единой оценки их угроз². Это справедливо и в отношении использования систем ИИ в корпоративном управлении. Существует мнение, что

ИИ способен изменить всю систему управления компаниями³, привести к появлению «рободиректоров» и даже «самоуправляемых корпораций», исчезновению органов управления и агентской проблемы⁴. Другие ученые не видят фундаментальных изменений в корпоративном управлении⁵, прогнозируя лишь, что системы ИИ снизят транзакционные издержки на принятие решений, ускорят и автоматизируют корпоративные процедуры⁶, обеспечат более безопасную коммуникацию и более точную отчетность, дополнят бизнес-компетенции и навыки руководства компаний.

ИИ уже сейчас используется в корпоративном управлении при отборе кандидатов в органы управления компаний, подготовке и заключении сделок M&A⁷, для улучшения ком-

¹ Stanford University. Artificial Intelligence Index Report 2023. P. 267 // URL: https://aiindex.stanford.edu/wp-content/uploads/2023/04/HAI_AI-Index-Report_2023.pdf (дата обращения: 04.09.2025).

² Шуткина И. С., Бирюков Д. О. Искусственный интеллект: правовые аспекты. Часть 1 // Право и экономика. 2023. № 11. С. 6.

³ Lieder J. From Corporate Governance to Algorithm Governance: Artificial Intelligence as a Challenge for Corporations and Their Executives // The Cambridge Handbook of Responsible Artificial Intelligence: Interdisciplinary Perspectives / Voeneky S., Kellmeyer P., Mueller O. (eds). Cambridge, 2022. P. 345; Mertens F. The Use of Artificial Intelligence in Corporate Decision-Making at Board Level: A Preliminary Legal Analysis // Financial Law Institute Working Paper Series 2023-01. P. 2.

⁴ Armour J., Eidenmueller H. G. M. Self-Driving Corporations? // European Corporate Governance Institute — Law Working Paper No. 475/2019. P. 36.

⁵ Chiu I., Lim E. Technology vs Ideology: How Far will Artificial Intelligence and Distributed Ledger Technology Transform Corporate Governance and Business? // Berkeley Business Law Journal. 2020. Vol. 18. No. 1. P. 1.

⁶ Lieder J. Op. cit. P. 345.

⁷ Deloitte. 2024 M&A Trends Survey: Mind the gap. P. 19 // URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/pages/mergers-and-acquisitions/articles/m-a-trends-report.html?id=us:2el:3dp:wjsjpon:awa:WSJCIO:2021:WSJFY21> (дата обращения: 04.09.2025).

муникации со стейкхолдерами⁸, выявления и мониторинга рисков⁹, а также для целей аудита и комплаенса¹⁰. В настоящее время известны случаи создания гибридных советов директоров. Так, в 2016 г. финская IT-компания Tieto назначила ИИ полноправным членом руководящей команды своего нового подразделения¹¹.

ИИ помогает органам управления компаний более оперативно и эффективно обрабатывать и анализировать данные и вычленять важные аспекты из большого количества информации¹², избегать группового мышления¹³, конформизма и предубеждений¹⁴. Использование ИИ обеспечивает более высокую независимость принятия решений, поскольку в отличие от людей ИИ не склонен соглашаться с преобладающим мнением, уступая социальному давлению со стороны других членов органов управления¹⁵, а также не склонен менять принятое решение под влиянием межличност-

ных отношений¹⁶, которые могут отразиться на качестве исполнения руководством компании своих обязанностей¹⁷.

При этом внедрение систем ИИ в процессы управления корпорациями сталкивается с рядом проблем, недостаточно исследованных в научной литературе. Они касаются фидуциарных обязанностей органов управления корпорацией при использовании ИИ, ответственности за принятие ИИ неверных решений, трансформации агентской проблемы и (не)возможности делегирования основных управленческих полномочий¹⁸, которые составляют «сердце управления» компанией и традиционно находятся в ведении совета директоров¹⁹. Их анализ и решение являются предпосылкой для эффективного и безопасного использования ИИ в корпоративном управлении, а также для предотвращения негативных последствий в случае необдуманного использования ИИ.

⁸ *Picciau C.* The (Un)Predictable Impact of Technology on Corporate Governance // *Hastings Business Law Journal*. 2021. Vol. 17. P. 134; *Fenwick M., Vermeulen E.* Technology and Corporate Governance: Blockchain, Crypto, and Artificial Intelligence // *European Corporate Governance Institute (ECGI) — Law Working Paper No. 424/2018*. P. 22.

⁹ *Mertens F.* *Op. cit.* P. 4.

¹⁰ European Commission: Directorate-General for Justice and Consumers, Study on the relevance and impact of artificial intelligence for company law and corporate governance — Final report, Publications Office, 2021 // URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2838/790784> (дата обращения: 04.09.2025).

¹¹ Tieto the First Nordic Company to Appoint Artificial Intelligence to the Leadership Team of the New Data-Driven Businesses Unit // URL: <https://www.businesswire.com/news/home/20161016005092/en/Tieto-Nordic-Company-Appoint-Artificial-Intelligence-Leadership> (дата обращения: 04.09.2025).

¹² *Зуб А., Петрова К.* Искусственный интеллект в корпоративном управлении: возможности и границы применения // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2022. № 94. С. 178.

¹³ *Токмаков М. А.* Перспективы применения искусственного интеллекта в корпоративном управлении // *Вопросы экономики и права*. 2022. № 168. С. 56; *Kamalnath A.* The Perennial Quest for Board Independence — Artificial Intelligence to the Rescue? // *Albany Law Review*. 2020. P. 52.

¹⁴ *Никишова М. И.* Применение технологий искусственного интеллекта в системе корпоративного управления : дис. ... канд. экон. наук. М., 2021. С. 73–75.

¹⁵ *Enriques L., Zetsche D. A.* Corporate Technologies and the Tech Nirvana Fallacy // *European Corporate Governance Institute (ECGI) — Law Working Paper No. 457/2019*. 2019. P. 19; *Mertens F.* *Op. cit.* P. 9.

¹⁶ *Mertens F.* *Op. cit.* P. 10.

¹⁷ *Sandys ex rel. Zynga Inc. v. Pincus*, 152 A.3d 124 (Del. 2016) — цитируется *Delaware County Employees Retirement Fund v. Sanchez*, 124 A.3d 1017 (Del. 2015); *Marchand v. Barnhill*, C. A. No. 2017-0586-JRS (Del. Ch. 2018) — цитируется *In re Oracle Corp.*, 824 A.2d 917 (Del. Ch. 2003).

¹⁸ *Mertens F.* *Op. cit.* P. 20; *Möslein F.* Robots in the Boardroom. P. 659.

¹⁹ *Canal Capital Corp. v. French* (Del. Ch. 1992); *In re Bally's Grand Derivative Litig.*, C. A. No. 14644, 1997 WL 305803 (Del. Ch. 1997); *Dairy Containers Ltd v. NZI Bank Ltd* [1995] 2 NZLR 30. P. 79 et seq.

В работе предпринята попытка выявить правовые проблемы использования ИИ в корпоративном управлении, связанные как с особенностями ИИ, так и со спецификой управления компаниями, и предложить пути их решения.

Общие проблемы интеграции ИИ в систему корпоративного управления

Анализ нормативно-правовых документов в сфере ИИ показал, что одними из главных принципов при разработке и внедрении ИИ являются его прозрачность и объяснимость. Данные требования к системам ИИ устанавливаются в актах международных организаций²⁰, Евросоюза²¹ и США²², в российской Стратегии развития ИИ²³.

Между тем при использовании ИИ актуальна проблема черного ящика, то есть невозможность полностью понять процесс принятия решений и предсказать результаты работы ИИ²⁴. Это ведет к невозможности оценить, корректны ли принятые алгоритмами решения и можно ли на них полагаться, а также препятствует выяснению причин принятия неверных решений с целью корректировки систем ИИ²⁵.

Необходимость оценки данных системами ИИ рекомендаций возникает у руководителей компании, когда они определяют, стоит ли учи-

тывать предоставленную алгоритмом информацию, поскольку стандарты должного поведения не позволяют им слепо полагаться на ИИ в процессе принятия корпоративных решений.

Объяснимость принятых ИИ решений важна и в вопросах ответственности. С распространением систем ИИ уровень грамотности в этой сфере может стать одним из критериев, по которым будет оцениваться поведение руководства. Если решение, принятое с опорой на информацию, предоставленную алгоритмом, повлечет убытки для корпорации, осведомленность о механизмах функционирования данной системы ИИ и возможность хотя бы отчасти оценить достоверность данных ею рекомендаций может послужить одним из доказательств принятия директором информированного решения и соблюдения им стандартов должного поведения, что будет основанием применения правила о защите бизнес-решения²⁶.

Здесь возникает вопрос степени и меры, в которой системы ИИ должны быть объяснимы в контексте корпоративного управления. Трудно требовать от руководства компании досконального знания алгоритмов, на основании которых действует система ИИ, и пошагового процесса принятия ею решений. Такой информацией не всегда обладают и сами разработчики систем ИИ, а ее полное раскрытие сопряжено

²⁰ OECD. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. OECD Legal Instruments, 2019 // URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (дата обращения: 04.09.2025) ; Key factors UNESCO's Recommendations on the Ethics of Artificial Intelligence. 2021. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000385082> (дата обращения: 04.09.2025).

²¹ Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (дата обращения: 04.09.2025) ; High-Level Expert Group on Artificial Intelligence. Ethics guidelines for trustworthy AI. 2019 // URL: https://ec.europa.eu/newsroom/dae/document.cfm?doc_id=60419 (дата обращения: 04.09.2025).

²² US National Institute of Standards and Technology (NIST). AI Risk Management Framework. 2023. P. 12 // URL: <https://doi.org/10.6028/NIST.AI.100-1> (дата обращения: 04.09.2025).

²³ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года).

²⁴ *Bathae Y.* The artificial intelligence black box and the failure of intent and causation // *Harvard Journal of Law & Technology*. Vol. 31. No. 2. Spring 2018. P. 905.

²⁵ *Yampolskiy R. V.* Unexplainability and incomprehensibility of artificial intelligence. 2019 // URL: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1907/1907.03869.pdf> (дата обращения: 04.09.2025).

²⁶ *Hacker P., et al.* Explainable AI under contract and tort law: legal incentives and technical challenges // *Artificial Intelligence and Law*. 2020. Vol. 28.

со значительными затратами. Кроме того, разработчики могут быть незаинтересованы или просто неправомочны обнародовать архитектуру созданных ими моделей ИИ, поскольку в отношении подобной информации нередко устанавливается режим коммерческой тайны²⁷. Тем не менее базовое понимание механизмов принятия решений ИИ является необходимым.

Как известно, стандарт разумности, ожидаемой от единоличного исполнительного органа, соответствует уровню некоего среднестатистического директора, руководящего аналогичным предприятием²⁸. Однако в эпоху активного внедрения ИИ в деятельность корпораций нельзя исключать повышения стандартов должного поведения руководителей. От добросовестного директора будет ожидать наличие хотя бы базовой компетенции в сфере ИИ, а ее отсутствие может стать опровержимой презумпцией нарушения стандарта действовать разумно, свидетельством несоблюдения правила информированного решения, существующего в большинстве юрисдикций²⁹. Российские суды в перспективе также могут счесть, что неосведомленность руководителя в вопросах ИИ демонстрирует, что он «не предпринял действий,

направленных на получение необходимой и достаточной для принятия решения информации, которые *обычны для деловой практики при сходных обстоятельствах*»³⁰.

В литературе даже высказывается предложение ввести *обязанность* по использованию систем ИИ в ходе принятия решений как предпосылку соблюдения требований к информированному принятию решений³¹. Действительно, судебная практика знает случаи привлечения директоров к ответственности за неполучение консультации специалиста³²; можно предположить, что при широком распространении ИИ аналогичная ситуация возникнет и с неприменением систем ИИ.

Следующей проблемой, связанной с ИИ, является качество используемых им данных: если они ненадежны, недостаточно репрезентативны или недостоверны, высока вероятность неверного обучения ИИ и принятия им ошибочных решений³³ (принцип «мусор на входе — мусор на выходе»³⁴).

Используя готовые системы ИИ, приобретенные у разработчиков, руководители не могут быть до конца уверены в качестве данных, на основе которых система ИИ приняла то или

²⁷ Харитонова Ю. С. Правовые средства обеспечения принципа прозрачности искусственного интеллекта // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. № 1 (2). С. 348.

²⁸ Степанов Д. И., Михальчук Ю. С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М., 2018. С. 6; *Handbuch Managerhaftung: Vorstand, Geschäftsführer, Aufsichtsrat. Pflichten und Haftungsfolgen. Typische Risikobereiche* / G. Krieger, U. H. Schneider (Hrsg.). 4. Auflage. Köln, 2023. S. 45.

²⁹ *Mertens F.* Op. cit. P. 20; *Ключарева Е. М.* Правило защиты делового решения в делах о привлечении к ответственности директоров: законодательство и практика штата Делавэр (США), Германии и России // *Закон*. 2015. № 11. С. 134–135, 137. См. также: *In re RJR Nabisco, Inc. Shareholders Litig.*, WL 7036 (Del. Ch. 1989); *Smith v. van Gorkom* 488 A.2d 858 (Del. 1985).

³⁰ Пп. 2 п. 3 постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // *Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение)*. № 34. 30.08.2013.

³¹ *Zhao J.* Artificial Intelligence and Corporate Decisions: Fantasy, Reality or Destiny // *Catholic University Law Review*. 2022. No. 71. P. 683.

³² *HM Revenue & Customs v. Holland & Anor* [2008] EWHC 2200 (Ch) at 268 (Eng.); *Kohli v. Lit & Ors* [2009] EWHC 2893 (Ch) at 96.

³³ *Mittelstadt B., et al.* Op. cit. P. 15.

³⁴ Англ. — *garbage in, garbage out*. Принцип в информатике, означающий, что при неверных входящих данных будут получены неверные результаты, даже если алгоритм правильный.

иное решение. Крупные корпорации, в ходе деятельности накопившие значительный объем собственных данных, могут самостоятельно обучать модели ИИ или предоставить эти данные для обучения системы ее разработчиком. Первый вариант представляется более предпочтительным, поскольку позволяет сохранить конфиденциальную и чувствительную информацию внутри компании, а также избежать ее использования при обучении иных систем ИИ разработчиком. Для небольших компаний, однако, эти опции недоступны из-за отсутствия у них достаточного массива данных. Кроме того, подбор огромного количества достоверной, надежной и качественной информации, чтобы обучить систему ИИ, может оказаться экономически нецелесообразным: иногда издержки, связанные с выполнением рутинных заданий силами человека, могут быть значительно ниже, чем временные и финансовые затраты на подбор репрезентативных данных и обучение ИИ.

Еще одной проблемой является возможность принятия системами ИИ предвзятых решений, которые ведут к несправедливому распределению возможностей среди социальных групп, закреплению стереотипов, усилению социального неравенства³⁵. Так, известны многочисленные примеры, когда системы ИИ отказывали в зачислении в университет, приеме на работу, сдаче жилья в аренду и выдаче кредитов людям определенного пола или расы и даже путали

афроамериканцев с гориллами³⁶ и ошибочно признавали их преступниками³⁷.

Дело в том, что разработчики могут (вольно или невольно) закладывать собственные убеждения в код, определяющий механизмы функционирования систем ИИ. Кроме того, разработчик может полагаться на данные, которые отражают исторические предубеждения. Таким образом создается «предвзятый» ИИ, при этом алгоритм, не обладающий предрассудками сам по себе, лишь фиксирует то, что происходит в мире людей³⁸. Так, при гендерной предвзятости при найме на работу, которая отражается в загруженных в систему ИИ данных, алгоритм также будет отдавать предпочтение соискателям мужского пола.

Проблемы предвзятости ИИ возникают и в сфере корпоративного управления³⁹, в первую очередь при использовании ИИ для подбора и назначения членов совета директоров или менеджмента⁴⁰. С одной стороны, использование технологий машинного обучения позволяет отобрать более подходящих кандидатов в члены совета директоров, которые смогут лучше контролировать работу менеджмента, что поможет отчасти решить агентскую проблему⁴¹. Однако случаются и противоположные ситуации: например, недавно в медиа активно обсуждалась созданная компанией «Амазон» рекрутинговая система ИИ, которую СМИ окрестили «роботом-сексистом» за выбор почти исключительно соискателей-мужчин⁴².

³⁵ Stanford University. Artificial Intelligence Index Report 2023. P. 130.

³⁶ Google Mistakenly Tags Black People as «Gorillas», Showing Limits of Algorithms // The Wall Street Journal. 2015. № 1. URL: <https://www.wsj.com/articles/BL-DGB-42522> (дата обращения: 04.09.2025).

³⁷ A black man was wrongfully arrested because of facial recognition // The Verge. 2020. URL: <https://www.theverge.com/2020/6/24/21301759/facial-recognition-detroit-police-wrongful-arrest-robert-williams-artificial-intelligence> (дата обращения: 04.09.2025).

³⁸ Харитонова Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 53. С. 506.

³⁹ Petrin M. Op. cit. P. 1005.

⁴⁰ Моряков М. М., Мяслина Н. Ж. Применение технологий искусственного интеллекта в системе корпоративного управления // XVIII Международный конгресс (международная научно-практическая конференция) «Роль бизнеса в трансформации общества — 2023»: сборник материалов. М., 2023. С. 66–67.

⁴¹ Erel I., et al. Selecting Directors Using Machine Learning // Fisher College of Business Working Paper No. 2018-03-005. 2020. P. 38.

⁴² Робот-сексист: нейросеть от Amazon невзлюбила женщин. 2018 // URL: https://www.gazeta.ru/tech/2018/10/11/12017275/amazon_sexist.shtml?ysclid=lu9xix93ec286965563 (дата обращения: 04.09.2025).

Представляется, что данная проблема решается, во-первых, тщательным отбором данных для обучения ИИ. Так, алгоритм «Амазон» обучался главным образом на мужских резюме, поскольку ранее данные должности в компании занимали преимущественно мужчины; в этой связи неудивительно, что выбор модели также останавливался на соискателях мужского пола. Во-вторых, в отсутствие действенных законодательных мер и технических стандартов, которые бы разрешили вопросы «предвзятости» ИИ, в данной сфере по-прежнему необходим человеческий контроль. Думается, что на современном этапе их развития системы ИИ могут быть полезны при первичном отборе претендентов на должность, однако полномочия по принятию итогового решения о назначении сотрудника следует сохранить за человеком.

Агентская проблема

Предпосылки агентской проблемы были отмечены еще А. Смитом, указавшим на разделение собственности и контроля в корпорациях, склонность акционеров-принципалов к невмешательству в дела компании и возможность оппортунистического поведения агентов⁴³. С развитием корпоративного управления эта схема усложнилась: теперь помимо советов директоров, перенявших функции мониторинга и контроля в интересах акционеров, в компаниях образовалась прослойка наемного менеджмента. В этой связи возникает вопрос, в какой мере внедрение ИИ в корпоративное управление может решить агентскую проблему или хотя бы снизить ее остроту.

Общепринятой является позиция как минимум о снижении агентских издержек и уменьшении информационной асимметрии в связи с имплементацией технологий ИИ и возможностью осуществления принципалами более эффективного мониторинга за деятельностью агентов⁴⁴, пресечения оппортунистического поведения с их стороны⁴⁵.

Существует также мнение, что с появлением автономного ИИ, способного самостоятельно управлять корпорацией, агентская проблема потеряет свою актуальность, поскольку в отличие от руководителей-людей, зачастую действующих в интересах не участников компании, а в своих собственных, алгоритмы будут точно и скрупулезно достигать поставленные перед ними цели⁴⁶. Высказываются также предположения о возникновении новых агентских проблем, во-первых, между пользователями систем ИИ и их разработчиками, которые могут действовать в своих интересах в ущерб интересам заказчиков. Вторая агентская проблема нового типа рассматривает в качестве агента автономный ИИ, чьи действия могут навредить человеку-принципалу⁴⁷ (например, собственникам компании). Данная перспектива, однако, представляется сомнительной, поскольку она предполагает наличие конфликта интересов между акционерами и ИИ; между тем сложно представить наличие у ИИ каких-то собственных устремлений помимо тех, что заложены в архитектуру модели.

Однако преобладает мнение о невозможности ИИ разрешить агентскую проблему как неизбежное следствие делегированного управления⁴⁸. Системы ИИ также не избавят совет директоров от необходимости контролировать

⁴³ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. 4-е изд. М., 1962. С. 532.

⁴⁴ *Бамбуров В. А.* Применение технологий искусственного интеллекта в корпоративном управлении // Государственная служба. 2018. № 3 (113). С. 27 ; *Armour J., et al.* Putting Technology to Good Use for Society: The Role of Corporate, Competition and Tax Law // European Corporate Governance Institute (ECGI) — Law Working Paper No. 427/2018. 2018. P. 12 ; *Hamdani A., et al.* Technological Progress and the Future of the Corporation // Journal of the British Academy. 2018. Vol. 6 (s1). P. 229.

⁴⁵ *Никишова М. И.* Указ. соч. С. 64.

⁴⁶ *Armour J., Eidenmueller H. G. M.* Op. cit. P. 28.

⁴⁷ *Бостром Н.* Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. М., 2016. С. 144.

⁴⁸ *Enriques L., Zetsche D. A.* Op cit. P. 51 ; *Picciau C.* Op. cit. P. 70.

деятельность менеджеров и выступать посредниками между ними и акционерами⁴⁹.

Мы склонны согласиться с данной позицией. Представляется, что и развитие информационных технологий не сможет в полной мере воспрепятствовать менеджменту преследовать собственные цели в противовес интересам собственников. Велика вероятность, что в корпорациях именно менеджмент будет ответственен за выбор, покупку, обслуживание и эксплуатацию систем ИИ. Таким образом, эти лица получают возможность предоставлять или не предоставлять те или иные данные для обучения ИИ, «настраивая» алгоритмы более предпочтительным для себя образом; думается, что и провайдеры систем ИИ будут склонны учитывать пожелания тех, кто покупает их модели, и могут сконструировать алгоритмы, в наибольшей мере отражающие интересы его человеческих «контролеров».

Даже если предположить, что под влиянием новых технологий акционеры примут решение упразднить совет директоров и активно включиться в управление корпорациями (что спорно), исчезновение одного звена из корпоративной триады не нивелирует наличие разнонаправленных интересов между собственниками и наемными управленцами. Мы, однако, не считаем вероятной перспективу исчезновения совета директоров в ближайшем будущем, поскольку системы ИИ играют лишь вспомогательную роль в управлении корпорациями. Данный процесс по-прежнему во многом зависит от специфических компетенций и навыков ведения бизнеса, которыми собственники, как правило, обладают. Кроме того, в случае упразднения советов директоров и непосредственного вовлечения акционеров в управление компаниями риски принятия неверных решений будут нести уже сами собственники, а компенсаторные механизмы привлечения директоров к ответственности

не будут им доступны. В этой связи представляется вполне вероятным, что акционеры предпочтут по-прежнему ограничиться минимальной ролью в управлении корпорациями, описанной еще А. Смитом.

Негативное влияние ИИ на стейкхолдеров

В настоящее время понятие корпоративного управления расширилось за счет включения в него стейкхолдеров — широких социальных групп, не являющихся собственниками компаний, но заинтересованных в результатах ее деятельности⁵⁰. Технологии ИИ могут способствовать более активному участию и вовлеченности стейкхолдеров в процессы управления корпорациями⁵¹ и обладают потенциалом для улучшения коммуникации с ними, поэтому стоит учесть также негативные последствия внедрения ИИ в этой области.

Если говорить о сотрудниках, то они испытывают на себе влияние ИИ уже на стадии приема на работу: многие из дискриминационных решений ИИ связаны именно с отказом назначения на ту или иную должность людей определенного пола, расы или национальности. Аналогичные проблемы возникают, если ИИ используется при принятии решений о повышении или увольнении сотрудников. Представляется, что в таких ситуациях работники должны иметь право получить информацию о том, как было принято то или иное решение. Это соответствует и рекомендованным подходам к регулированию в сфере ИИ о необходимости соблюдения принципов прозрачности и объяснимости работы ИИ. Так, европейский Закон об ИИ включает статью о праве на получение «четких и содержательных разъяснений относительно роли системы ИИ в процедуре принятия решения».

⁴⁹ Ricci S. A. G. Op. cit. P. 877.

⁵⁰ Миловидов В. Д. Корпоративное управление 2.0: эволюция системы корпоративных отношений в информационном обществе // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 4. С. 171.

⁵¹ Fenwick M., Vermeulen E. Op. cit. P. 19.

См. также: Cihon P., Schuett J., Baum S. D. Op. cit. ; Fischer G. End-User Development: Empowering Stakeholders with Artificial Intelligence, Meta-Design, and Cultures of Participation // End-User Development. Lecture Notes in Computer Science / D. Fogli, et al. (eds). Springer, 2021. Vol. 12724. P. 11.

В контексте корпоративного управления право на объяснение имеют и стейкхолдеры, в частности претенденты на должности в компании, не получившие работу в результате решений, принятых системами ИИ. Этим лицам может интересно, насколько беспристрастным был ИИ, какие факторы были использованы им при принятии решения, а также каков был относительный вес этих факторов⁵² (например, был ли фактор расы или национальности определяющим для конкретного результата).

Однако одного права на объяснение недостаточно для защиты прав стейкхолдеров. При выявлении нарушений (например, если система ИИ приняла дискриминирующее решение в отношении соискателя) логичный следующий шаг — реализация права на оспаривание и на человеческое вмешательство. Данный механизм закреплен в европейском регламенте по защите персональных данных в отношении «решений, основанных исключительно на автоматической обработке»⁵³, и, по нашему мнению, должен применяться и при использовании ИИ в управлении корпорациями. Так, не принятые на работу кандидаты или уволенные ИИ сотрудники должны иметь право обратиться к менеджеру по персоналу или иному специалисту с просьбой пересмотреть решение систем ИИ. Думается, здесь должна действовать логика, аналогичная примененной судом в деле *Houston Federation of Teachers et al. v. Houston Independent School District*⁵⁴. Несколько учи-

телей были уволены на основании оценки их деятельности системой ИИ. Однако суд постановил, что права учителей были нарушены, так как применяемый алгоритм являлся коммерческой тайной ее разработчика и не был раскрыт ни руководству школы, ни педагогам, соответственно, отсутствовала возможность проверить или оспорить оценки, данные ИИ.

Кроме того, имплементация современных технологий автоматизирует выполнение рутинных задач и повысит производительность труда, однако обратной стороной медали является возможность замены человеческой рабочей силы системами ИИ и сокращение штата корпорации. Эти опасения небезосновательны: о замене сотрудников ИИ говорят такие компании, как *Golden Sachs*⁵⁵, *IBM*⁵⁶, *Duolingo*, *Google* и *Dropbox*⁵⁷. Такие изменения на рынке труда могут привести к значительным негативным последствиям: падение уровня доходов, покупательской способности и уровня жизни части населения, рост депрессивных состояний у уволенных работников и социальная напряженность в обществе в целом. Аналогичные опасения были и в прошлом: в начале XIX в. в Англии возникло движение луддитов: группа ремесленников-текстильщиков протестовала против автоматизации текстильного производства, пытаясь уничтожить станки. Беспокойство по поводу «безработных от автоматизации» (*Automation Jobless*⁵⁸) представляется не менее обоснованным и в эпоху ИИ⁵⁹.

⁵² *Doshi-Velez F., et al. Accountability of AI Under the Law: The Role of Explanation // SSRN Electronic Journal. 2017. 21 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/320867322_Accountability_of_AI_Under_the_Law_The_Role_of_Explanation (дата обращения: 04.09.2025).*

⁵³ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (General Data Protection Regulation) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (дата обращения: 04.09.2025).

⁵⁴ *Hous. Fed'n of Teachers v. Hous. Indep. Sch. Dist.*, 251 F. Supp. 3d 1168 (S. D. Tex. 2017).

⁵⁵ Goldman Sachs допустил замену 300 млн рабочих искусственным интеллектом. 2023 // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/28/03/2023/642321789a794784ffdda29?ysclid=luaz5yesn8620961123 (дата обращения: 04.09.2025).

⁵⁶ IBM приостановит наем сотрудников, которых может заменить ИИ // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/02/05/2023/6450c7ed9a794773c152d6f5 (дата обращения: 04.09.2025).

⁵⁷ Новый год начался с массовых увольнений: людей заменяет искусственный интеллект // URL: <https://www.kp.ru/daily/27550/4875363/?ysclid=luazbdfxfz930265992> (дата обращения: 04.09.2025).

⁵⁸ *The New York Times. The Automation Jobless. 1961 // URL: <https://www.flomartin.com/single-post/2017/06/28/the-automation-jobless> (дата обращения: 04.09.2025).*

Клиенты и потребители также могут пострадать в результате применения технологий ИИ. Анализ их предпочтений и отзывов системами ИИ, безусловно, позволит компаниям более точно оценивать качество предоставляемых услуг и продаваемых товаров, а также адаптироваться к предпочтениям целевой аудитории. Проблема заключается в том, что в процессе используется (порой без согласия самих субъектов) значительное количество персональных данных, чувствительной и конфиденциальной информации потребителей и возникает риск ее утечки и нарушения права на неприкосновенность частной жизни. Шансы на реализацию этого риска значительно увеличиваются в отсутствие в корпорациях должных механизмов управления и защиты данных.

Наконец, использование ИИ может оказать негативное воздействие на окружающую среду и на общество в целом: обучение крупных моделей ИИ⁶⁰ сопровождается значительными выбросами углекислого газа.

Ответственность за неверные решения ИИ

Крайне важным является и вопрос возложения ответственности за неверные решения, принятые системами ИИ, и возникшие вследствие этого убытки у компании, а также вред, причиненный третьим лицам.

Глобально существует два варианта ответственности за действия ИИ: ответственность пользователя и ответственность разработчика⁶¹. Необходимо также решить, какой режим ответственности — виновная или безвиновная (возможно, в комбинации с обязательным страхованием) — будет оптимальным по отношению к системам ИИ; представляется, что ответ будет зависеть от степени автономности алгоритма⁶².

Кроме того, такие особенности ИИ, как отсутствие прозрачности и сложность объяснения логики принятия решений, а также способность к постоянному обучению без участия человека затрудняют доказывание в целях привлечения к ответственности. Может потребоваться введение ряда опровержимых презумпций для перераспределения бремени доказывания: так, проект директивы⁶³ ЕС об ответственности ИИ предусматривает, что при соблюдении ряда условий причинно-следственная связь между действиями ответчика и причиненным заявителю вредом считается доказанной.

Представляется, что при использовании ИИ в корпоративном управлении разработчик будет нести ответственность в случае наличия вины (например, при некорректном обучении модели), ведь именно он обладает информацией и опытом, необходимыми для обеспечения безопасности автономных систем.

Ответственность пользователя ИИ, то есть корпорации, можно обосновать, по аналогии

⁵⁹ Brynjolfsson E., McAfee A. *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. N.Y., 2014. P. 11.

⁶⁰ Stanford University. *Artificial Intelligence Index Report 2023*. P. 120–121.

⁶¹ Knetsch J. Are Existing Tort Theories Ready for AI? A Continental European Perspective // *The Cambridge Handbook of Artificial Intelligence: Global Perspectives on Law and Ethics* / DiMatteo L. A., Poncibò C., Cannarsa M. (eds). Cambridge, 2022. P. 101 ; Tjin Tai E. T. Op. cit. P. 119 ; Wendehorst C. Liability for Artificial Intelligence: The Need to Address Both Safety Risks and Fundamental Rights Risks // *The Cambridge Handbook of Responsible Artificial Intelligence: Interdisciplinary Perspectives* / Voenekey S., Kellmeyer P., Mueller O. (eds). Cambridge, 2022. P. 209.

⁶² Речь идет о вспомогательном или консультативном искусственном интеллекте; вопросы ответственности за действия автономного ИИ, самостоятельно принимающего решения, рассматриваются в следующем разделе работы.

⁶³ Proposal for a directive of the European Parliament and of the Council on adapting non-contractual civil liability rules to artificial intelligence (AI Liability Directive). Brussels, 28.09.2022 COM (2022) 496 final // URL: https://commission.europa.eu/system/files/2022-09/1_1_197605_prop_dir_ai_en.pdf (дата обращения: 04.09.2025).

применив нормы об ответственности работодателя за деятельность работника (ст. 1068 ГК РФ). В самом деле, если компания получает прибыль от использования систем ИИ, логично, что она должна отвечать и за вред, причиняемый ими.

В контексте корпоративного управления, однако, более актуален вопрос ответственности руководства компании за неверные решения, принятые с учетом данных, полученных с использованием ИИ. Обоснованием такой ответственности может послужить следующее: принятие решения об имплементации ИИ в деятельность компании и выбор конкретных моделей ИИ, а также мониторинг их корректного функционирования является задачей совета директоров и/или менеджмента. Напомним также, что надзорные обязанности совета директоров являются неделегированными⁶⁴.

В случае принятия причинившего корпорации убытки решения, основанного на данных из систем ИИ, руководство компании может избежать ответственности, апеллируя к правилу защиты делового решения. Здесь будет учитываться, насколько информированным было данное решение⁶⁵. Представляется, что безоговорочное доверие рекомендациям ИИ и игнорирование данных, полученных из других источников, вкупе с отсутствием у директора базового понимания механизмов функционирования системы ИИ и комплаенс-систем по проверке надлежащего функционирования алгоритма, который использовался для принятия решения, будут свидетельствовать о невыполнении директором стандарта должной осмотрительности, что заблокирует применение правила защиты делового решения.

Использование автономного ИИ в корпоративном управлении

Перспектива замены человеческого менеджмента и совета директоров и возникновения «рободиректоров» может быть и не совсем отдаленной, особенно в компаниях с узко определенными сферами деятельности — например, SPV в финансовом секторе или парк самоуправляемых такси⁶⁶. Плюсом «рободиректоров» является то, что они будут менее склонны к злоупотреблениям в личных целях, а нарушение ими фидуциарных обязанностей или возникновение конфликта интересов с участием автономного ИИ видится крайне маловероятным. Однако, прежде чем допустить использование «рободиректоров» в корпоративном управлении, необходимо решить несколько проблем.

В первую очередь спорным представляется наделение такой системы ИИ правосубъектностью. В некоторых странах, например в Германии, правление, наблюдательный совет в АО, директор в ООО должны быть физическими лицами⁶⁷, также и английское корпоративное законодательство предписывает наличие хотя бы одного «человекодиректора»⁶⁸. Аналогичное требование относительно совета директоров (но не менеджмента) содержится в Законе о корпорациях штата Делавэр (с возможностью вообще исключить из устава компании положение о необходимости назначения в ней указанного органа)⁶⁹. В некоторых сферах к членам органов управления предъявляются дополнительные требования. Так, в соответствии с европейским законодательством, члены совета директоров кредитных организаций должны

⁶⁴ *Marchand v. Barnhill* (Del. 2019) 2019 WL 2509617 ; *Armour J., Eidenmueller H. G. M. Op. cit.* P. 24 ; *Lieder J. Op. cit.* P. 338.

⁶⁵ *Ключарева Е. М.* Указ. соч. С. 134 ; *Aronson v. Lewis*, 473 A.2d 805, 812 (Del. 1984).

⁶⁶ *Armour J., Eidenmueller H. G. M. Op. cit.* P. 25.

⁶⁷ § 76(3), § 100(1) Aktiengesetz (AktG) Deutschlands vom 06.09.1965 (BGBl. I S. 1089), zuletzt geändert durch Gesetz vom 11.12.2023 (BGBl. I S. 354) m. W. v. 15.12.2023 ; § 6(2) Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung Deutschlands vom 20.04.1892, zuletzt geändert durch Artikel 9 des Gesetzes vom 22. Februar 2023 (BGBl. 2023 I Nr. 51).

⁶⁸ § 155(1) of the UK Companies Act 2006.

⁶⁹ § 141(a), (b), Chapter 1, Title 8 of the Delaware Code.

«иметь достаточно хорошую репутацию»⁷⁰, что представляется слабо применимым по отношению к системам ИИ. С технической точки зрения изменение законодательства в отдельных странах, возможно, не представляет особой сложности, однако может возникнуть ряд политико-правовых возражений.

Второй вопрос касается определения цели корпорации, способности «рободиректора» предпринимать действия для ее достижения и измерять свои успехи, особенно если цель не ограничивается максимизацией прибыли компании⁷¹, а также принимать решения при наличии нескольких конфликтующих между собой целей. Впрочем, некоторые авторы считают, что ИИ может преследовать несколько корпоративных целей одновременно, а «необходимость учитывать разнообразные интересы при принятии корпоративных решений может быть учтена и точно определена в алгоритмах»⁷².

Встает вопрос и фидуциарных обязанностей, выполнения которых сложно требовать от систем ИИ. Например, в немецком Законе об акционерных обществах указано, что менеджмент должен действовать «в (наилучших) интересах компании» (in the best interests of the company / zum Wohle der Gesellschaft). Такая широкая формулировка требует определенной степени дискреции при руководстве компанией; представляется довольно непросто задать какой-либо алгоритм принятия решений системой ИИ для соблюдения такого рода законодательных требований⁷³.

Непонятно также, какие стимулы могут использоваться для систем ИИ. Поскольку алгоритмы не могут стать неплатежеспособными,

сомнительно, что они будут стараться избегать личной ответственности так же, как люди. Денежные стимулы, в частности режим оплаты по результатам работы (a pay-for-performance regime), при котором ИИ будет получать вознаграждение за максимизацию прибыли или успешное достижение иных целей корпорации, также едва ли будут эффективными. Представляется, что ex post стратегии (такие как контроль поведения директоров путем введения фидуциарных обязанностей) будут малоприменимы в отношении «рободиректоров», тогда как ex ante стратегии⁷⁴ (установление определенных требований к алгоритму, проверяемых при назначении директоров), напротив, приобретут основное значение⁷⁵.

Наконец, нерешенным остается и вопрос ответственности «рободиректоров». Думается, что при наличии вины разработчика вред, причиненный автономным ИИ, должен возмещаться именно им. Не исключено и применение аналога ответственности за качество продукции (product liability): вместо косвенных исков в пользу корпорации участники смогут предъявлять требования разработчикам и поставщикам систем ИИ⁷⁶. Ответственность за сбой алгоритма можно возложить и на организацию, использующую его, так как именно она принимает решение о приобретении конкретной системы ИИ и ее использовании⁷⁷.

Кроме того, существуют следующие механизмы для возмещения вреда, причиненного «рободиректорами»: учреждение компенсационного фонда в корпорации, введение обязанности обязательного страхования систем ИИ либо — в исключительных случаях — привле-

⁷⁰ Art. 91 of the Directive 2013/36/EU of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2013/36/oj> (дата обращения: 04.09.2025).

⁷¹ Armour J., Eidenmueller H. G. M. Op. cit. P. 29.

⁷² Petrin M. Op. cit. P. 1022 ; Zhao J. Op. cit. P. 691–692.

⁷³ Mertens F. Op. cit. P. 14–15.

⁷⁴ Подробнее об ex post и ex ante стратегиях см.: Armour J., Hansmann H., Kraakman R. Agency Problems and Legal Strategies // The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach / Kraakman R., et al. (eds). 3rd ed. Oxford, 2017. P. 31–38.

⁷⁵ Möslein F. Op. cit. P. 17.

⁷⁶ Petrin M. Op. cit. P. 971.

⁷⁷ Armour J., Eidenmueller H. G. M. Op. cit. P. 31.

чение к ответственности участников компании с использованием механизма снятия корпоративной вуали⁷⁸, хотя такая мера может повлечь нежелание инвесторов приобретать доли в компаниях.

Так же, как и в случае с вспомогательным и консультационным ИИ, встает вопрос о режиме ответственности. С одной стороны, режим строгой безвиновной ответственности может снизить стимулы для использования инновационных технологий в компаниях (или же, наоборот, побудит разработчиков к созданию новых, более совершенных систем ИИ⁷⁹). С другой стороны, режим виновной ответственности (за небрежность, халатность) во многих случаях оставил бы пострадавшую сторону без компенсации и повлек бы значительные трудности при определении стандарта должной осмотрительности (*standard of care*)⁸⁰. Потребуется перераспределение бремени доказывания путем введения опровержимых презумпций о наличии вины и/или причинно-следственной связи, поскольку сама компания имеет наилучший доступ к информации о своих системах ИИ, которую пострадавшему будет сложно получить.

Даже если допустить создание в будущем автономного ИИ, следует признать, что замена органов управления корпорации «рободиректором» потребует разрешения ряда вопросов, на которые в настоящее время нет однозначного ответа, а также внесения изменений в корпоративное законодательство.

Заключение

Активное распространение ИИ и его применение во всех областях общественной жизни затронуло в том числе и сферу корпоративного управления. Поскольку системы ИИ уже используются значительным количеством компаний,

вопросы о возможностях и потенциальных рисках имплементации ИИ в управление корпорациями являются как нельзя более актуальными, а их разрешение является залогом эффективного и безопасного внедрения ИИ в систему корпоративного управления.

Проблемные аспекты связаны как с общими особенностями ИИ, так и с вопросами, составляющими суть корпоративного управления (агентская проблема, цели существования корпорации и влияние ее деятельности на стейкхолдеров, ответственность органов управления корпораций). В случае создания автономного ИИ и передачи ему функций самостоятельного осуществления управления компаниями также предстоит переосмыслить ряд концепций корпоративного управления, таких как фидуциарные обязанности и создание эффективных стимулов для их должного осуществления «рободиректорами».

Следует отметить, что дискуссии об использовании ИИ в корпоративном управлении главным образом ведутся в зарубежной литературе; основная часть нормативно-правового регулирования и большинство актов мягкого права в этой сфере также разработаны европейскими или американскими регуляторами. В этом смысле возникает вопрос, насколько актуальной является рассмотренная в данной работе проблема для российской правовой действительности.

Существует мнение — высказанное, впрочем, еще в 2017 г. — о консерватизме корпоративного управления в России⁸¹. Однако результаты исследований свидетельствуют об улучшении ситуации за прошедшие годы: так, по состоянию на 2023 г. цифровизация в той или иной мере затронула корпоративные процедуры практически во всех компаниях-респондентах (97,2 %), а 58,4 % опрошенных отметили применение цифровых технологий в большинстве или во всех бизнес-процессах⁸². С учетом этих данных, а так-

⁷⁸ Armour J., Eidenmueller H. G. M. Op. cit. P. 27.

⁷⁹ Lieder J. Op. cit. P. 344; Tjin Tai E. T. Op. cit. P. 129.

⁸⁰ Armour J., Eidenmueller H. G. M. Op. cit. P. 32.

⁸¹ Миловидов В. Д. Указ. соч. С. 187.

⁸² Янковский Р. М. Внедрение информационных технологий и искусственного интеллекта в практику корпоративного управления: количественное исследование. Национальный совет по корпоративному управ-

же внимания, которое уделяется развитию ИИ на государственном уровне, можно прогнозировать интеграцию ИИ в корпоративное управление в России. Соответственно, данный процесс потребует решения вопросов, уже сейчас актив-

но обсуждаемых мировым сообществом; в этом смысле учет зарубежного опыта представляется необходимым для совершенствования корпоративного управления в российских компаниях с использованием систем ИИ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бамбуров В. А. Применение технологий искусственного интеллекта в корпоративном управлении // Государственная служба. — 2018. — № 3 (113). — С. 23–28.
2. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. — М., 2016. — 404 с.
3. Зуб А., Петрова К. Искусственный интеллект в корпоративном управлении: возможности и границы применения // Государственное управление. Электронный вестник. — 2022. — № 94. — С. 173–187.
4. Ключарева Е. М. Правило защиты делового решения в делах о привлечении к ответственности директоров: законодательство и практика штата Делавэр (США), Германии и России // Закон. — 2015. — № 11. — С. 132–141.
5. Миловидов В. Д. Корпоративное управление 2.0: эволюция системы корпоративных отношений в информационном обществе // Проблемы национальной стратегии. — 2017. — № 4. — С. 171–189.
6. Моряков М. М., Мьялина Н. Ж. Применение технологий искусственного интеллекта в системе корпоративного управления // XVIII Международный конгресс (международная научно-практическая конференция) «Роль бизнеса в трансформации общества — 2023»: сборник материалов. — М., 2023. — С. 64–68.
7. Никишова М. И. Применение технологий искусственного интеллекта в системе корпоративного управления : дис. ... канд. экон. наук. — М., 2021. — 165 с.
8. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — 4-е изд. — М., 1962. — 684 с.
9. Степанов Д. И., Михальчук Ю. С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. — М., 2018. — 207 с.
10. Токмаков М. А. Перспективы применения искусственного интеллекта в корпоративном управлении // Вопросы экономики и права. — 2022. — № 168. — С. 53–58.
11. Харитонова Ю. С. Правовые средства обеспечения принципа прозрачности искусственного интеллекта // Journal of Digital Technologies and Law. — 2023. — № 1 (2). — С. 337–358.
12. Харитонова Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2021. — Вып. 53. — С. 488–515.
13. Шиткина И. С., Бирюков Д. О. Искусственный интеллект: правовые аспекты. Часть 1 // Право и экономика. — 2023. — № 11. — С. 5–14.
14. Янковский Р. М. Внедрение информационных технологий и искусственного интеллекта в практику корпоративного управления: количественное исследование. Национальный совет по корпоративному управлению, 2023. — 66 с. — URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/877480404.pdf> (дата обращения: 04.09.2025).
15. Armour J., Eidenmueller H. G. M. Self-Driving Corporations? // European Corporate Governance Institute — Law Working Paper No. 475/2019. — 44 p.

лению, 2023. С. 16–17. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/877480404.pdf> (дата обращения: 04.09.2025).

16. *Armour J.*, et al. Putting Technology to Good Use for Society: The Role of Corporate, Competition and Tax Law // European Corporate Governance Institute (ECGI) — Law Working Paper No. 427/2018. — 2018. — 36 p.
17. *Armour J., Hansmann H., Kraakman R.* Agency Problems and Legal Strategies // The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach / Kraakman R., et al. (eds). — 3d ed. — Oxford, 2017. — P. 29–47.
18. *Bathae Y.* The artificial intelligence black box and the failure of intent and causation // Harvard Journal of Law & Technology. — Spring 2018. — Vol. 31. — No. 2. — P. 889–938.
19. *Brynjolfsson E., McAfee A.* The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. — N.Y., 2014. — 336 p.
20. *Chiu I., Lim E.* Technology vs Ideology: How Far will Artificial Intelligence and Distributed Ledger Technology Transform Corporate Governance and Business? // Berkeley Business Law Journal. — 2020. — Vol. 18. — No. 1. — 52 p.
21. *Cihon P., Schuett J., Baum S. D.* Corporate Governance of Artificial Intelligence in the Public Interest // Information 12. — 2021. — No. 7 (275). — 30 p.
22. *Doshi-Velez F.*, et al. Accountability of AI Under the Law: The Role of Explanation // SSRN Electronic Journal. — 2017. — 21 p. — URL: https://www.researchgate.net/publication/320867322_Accountability_of_AI_Under_the_Law_The_Role_of_Explanation (дата обращения: 04.09.2025).
23. *Enriques L., Zetsche D. A.* Corporate Technologies and the Tech Nirvana Fallacy // European Corporate Governance Institute (ECGI) — Law Working Paper No. 457/2019. — 2019. — 51 p.
24. *Erel I.*, et al. Selecting Directors Using Machine Learning // Fisher College of Business Working Paper No. 2018-03-005. — 2020. — 62 p.
25. *Fenwick M., Vermeulen E.* Technology and Corporate Governance: Blockchain, Crypto, and Artificial Intelligence // European Corporate Governance Institute (ECGI) — Law Working Paper No. 424/2018. — 26 p.
26. *Fischer G.* End-User Development: Empowering Stakeholders with Artificial Intelligence, Meta-Design, and Cultures of Participation // End-User Development. Lecture Notes in Computer Science / D. Fogli, et al. (eds). — Springer, 2021. — Vol. 12724. — 17 p.
27. *Hacker P.*, et al. Explainable AI under contract and tort law: legal incentives and technical challenges // Artificial Intelligence and Law. — 2020. — Vol. 28. — P. 415–439.
28. *Hamdani A.*, et al. Technological Progress and the Future of the Corporation // Journal of the British Academy. — 2018. — Vol. 6 (s1). — P. 215–245.
29. *Kamalnath A.* The Perennial Quest for Board Independence — Artificial Intelligence to the Rescue? // Albany Law Review. — 2020. — P. 43–60.
30. *Knetsch J.* Are Existing Tort Theories Ready for AI? A Continental European Perspective // The Cambridge Handbook of Artificial Intelligence: Global Perspectives on Law and Ethics / DiMatteo L. A., Poncibò C., Cannarsa M. (eds). — Cambridge, 2022. — P. 99–115.
31. *Krieger G., Schneider U. H.* (Hrsg.). Handbuch Managerhaftung: Vorstand, Geschäftsführer, Aufsichtsrat. Pflichten und Haftungsfolgen. Typische Risikobereiche. — 4. Auflage. — Köln, 2023. — 616 S.
32. *Lieder J.* From Corporate Governance to Algorithm Governance: Artificial Intelligence as a Challenge for Corporations and Their Executives // The Cambridge Handbook of Responsible Artificial Intelligence: Interdisciplinary Perspectives / Voeneky S., Kellmeyer P., Mueller O. (eds). — Cambridge, 2022. — P. 331–346.
33. *Mertens F.* The Use of Artificial Intelligence in Corporate Decision-Making at Board Level: A Preliminary Legal Analysis // Financial Law Institute Working Paper Series 2023-01. — 29 p.
34. *Mittelstadt B.*, et al. The Ethics of Algorithms: Mapping the Debate // Big data & Society. — July–December 2016. — Vol. 3. — Iss. 2. — 68 p.
35. *Möslein F.* Robots in the Boardroom: Artificial Intelligence and Corporate Law // Research Handbook on the Law of Artificial Intelligence / Barfield W., Pagallo U. (eds). — Cheltenham, 2018. — P. 649–670.

36. *Petrin M.* Corporate Management in the Age of AI // *Columbia Business Law Review*. — 2019. — № 3. — P. 965–1030.
37. *Picciau C.* The (Un)Predictable Impact of Technology on Corporate Governance // *Hastings Business Law Journal*. — 2021. — Vol. 17. — P. 67–135.
38. *Ricci S. A. G.* Artificial Agents in Corporate Boardrooms // *Cornell Law Review*. — 2020. — Vol. 105. — P. 869–908.
39. *Tjin Tai E. T.* Liability for AI Decision-Making // *The Cambridge Handbook of Artificial Intelligence: Global Perspectives on Law and Ethics* / DiMatteo L. A., Poncibò C., Cannarsa M. (eds). — Cambridge, 2022. — P. 116–132.
40. *Wendehorst C.* Liability for Artificial Intelligence: The Need to Address Both Safety Risks and Fundamental Rights Risks // *The Cambridge Handbook of Responsible Artificial Intelligence: Interdisciplinary Perspectives* / Voeneky S., Kellmeyer P., Mueller O. (eds). — Cambridge, 2022. — P. 187–209.
41. *Yampolskiy R. V.* Unexplainability and incomprehensibility of artificial intelligence. 2019 // URL: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1907/1907.03869.pdf> (дата обращения: 04.09.2025).
42. *Zhao J.* Artificial Intelligence and Corporate Decisions: Fantasy, Reality or Destiny // *Catholic University Law Review*. — 2022. — № 71. — P. 663–698.

Материал поступил в редакцию 5 сентября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Bamburov V. A.* Primenenie tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v korporativnom upravlenii // *Gosudarstvennaya sluzhba*. — 2018. — № 3 (113). — S. 23–28.
2. *Bostrom N.* *Iskusstvennyy intellekt. Etapy. Ugrozy. Strategii* / per. s angl. S. Filina. — M., 2016. — 404 s.
3. *Zub A., Petrova K.* *Iskusstvennyy intellekt v korporativnom upravlenii: vozmozhnosti i granitsy primeneniya* // *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*. — 2022. — № 94. — S. 173–187.
4. *Klyuchareva E. M.* *Pravilo zashchity delovogo resheniya v delakh o privlechenii k otvetstvennosti direktorov: zakonodatelstvo i praktika shtata Delaver (SShA), Germanii i Rossii* // *Zakon*. — 2015. — № 11. — S. 132–141.
5. *Milovidov V. D.* *Korporativnoe upravlenie 2.0: evolyutsiya sistemy korporativnykh otnosheniy v informatsionnom obshchestve* // *Problemy natsionalnoy strategii*. — 2017. — № 4. — S. 171–189.
6. *Moryakov M. M., Myavlina N. Zh.* *Primenenie tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v sisteme korporativnogo upravleniya* // XVIII Mezhdunarodnyy kongress (mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya) «Rol biznesa v transformatsii obshchestva — 2023»: sbornik materialov. — M., 2023. — S. 64–68.
7. *Nikishova M. I.* *Primenenie tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v sisteme korporativnogo upravleniya: dis. ... kand. ekon. nauk*. — M., 2021. — 165 s.
8. *Smit A.* *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov*. — 4-e izd. — M., 1962. — 684 s.
9. *Stepanov D. I., Mikhalechuk Yu. S.* *Otvetstvennost direktora pered korporatsiyey za prichinennyye ey ubytki v sudebnoy praktike*. — M., 2018. — 207 s.
10. *Tokmakov M. A.* *Perspektivy primeneniya iskusstvennogo intellekta v korporativnom upravlenii* // *Voprosy ekonomiki i prava*. — 2022. — № 168. — S. 53–58.
11. *Kharitonova Yu. S.* *Pravovyye sredstva obespecheniya printsipa prozrachnosti iskusstvennogo intellekta* // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2023. — № 1 (2). — S. 337–358.
12. *Kharitonova Yu. S., Savina V. S., Panini F.* *Predvyzatost algoritmov iskusstvennogo intellekta: voprosy etiki i prava* // *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. — 2021. — Vyp. 53. — S. 488–515.
13. *Shitkina I. S., Biryukov D. O.* *Iskusstvennyy intellekt: pravovyye aspekty. Chast 1* // *Pravo i ekonomika*. — 2023. — № 11. — S. 5–14.

14. Yankovskiy R. M. Vnedrenie informatsionnykh tekhnologiy i iskusstvennogo intellekta v praktiku korporativnogo upravleniya: kolichestvennoe issledovanie. Natsionalnyy sovets po korporativnomu upravleniyu, 2023. — 66 s. — URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/877480404.pdf> (data obrashcheniya: 04.09.2025).
15. Armour J., Eidenmueller H. G. M. Self-Driving Corporations? // European Corporate Governance Institute — Law Working Paper No. 475/2019. — 44 p.
16. Armour J., et al. Putting Technology to Good Use for Society: The Role of Corporate, Competition and Tax Law // European Corporate Governance Institute (ECGI) — Law Working Paper No. 427/2018. — 2018. — 36 p.
17. Armour J., Hansmann H., Kraakman R. Agency Problems and Legal Strategies // The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach / Kraakman R., et al. (eds). — 3d ed. — Oxford, 2017. — P. 29–47.
18. Bathaee Y. The artificial intelligence black box and the failure of intent and causation // Harvard Journal of Law & Technology. — Spring 2018. — Vol. 31. — No. 2. — P. 889–938.
19. Brynjolfsson E., McAfee A. The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. — N.Y., 2014. — 336 p.
20. Chiu I., Lim E. Technology vs Ideology: How Far will Artificial Intelligence and Distributed Ledger Technology Transform Corporate Governance and Business? // Berkeley Business Law Journal. — 2020. — Vol. 18. — No. 1. — 52 p.
21. Cihon P., Schuett J., Baum S. D. Corporate Governance of Artificial Intelligence in the Public Interest // Information 12. — 2021. — No. 7 (275). — 30 p.
22. Doshi-Velez F., et al. Accountability of AI Under the Law: The Role of Explanation // SSRN Electronic Journal. — 2017. — 21 p. — URL: https://www.researchgate.net/publication/320867322_Accountability_of_AI_Under_the_Law_The_Role_of_Explanation (data obrashcheniya: 04.09.2025).
23. Enriques L., Zetsche D. A. Corporate Technologies and the Tech Nirvana Fallacy // European Corporate Governance Institute (ECGI) — Law Working Paper No. 457/2019. — 2019. — 51 p.
24. Erel I., et al. Selecting Directors Using Machine Learning // Fisher College of Business Working Paper No. 2018-03-005. — 2020. — 62 p.
25. Fenwick M., Vermeulen E. Technology and Corporate Governance: Blockchain, Crypto, and Artificial Intelligence // European Corporate Governance Institute (ECGI) — Law Working Paper No. 424/2018. — 26 p.
26. Fischer G. End-User Development: Empowering Stakeholders with Artificial Intelligence, Meta-Design, and Cultures of Participation // End-User Development. Lecture Notes in Computer Science / D. Fogli, et al. (eds). — Springer, 2021. — Vol. 12724. — 17 p.
27. Hacker P., et al. Explainable AI under contract and tort law: legal incentives and technical challenges // Artificial Intelligence and Law. — 2020. — Vol. 28. — P. 415–439.
28. Hamdani A., et al. Technological Progress and the Future of the Corporation // Journal of the British Academy. — 2018. — Vol. 6 (s1). — P. 215–245.
29. Kamalnath A. The Perennial Quest for Board Independence — Artificial Intelligence to the Rescue? // Albany Law Review. — 2020. — P. 43–60.
30. Knetsch J. Are Existing Tort Theories Ready for AI? A Continental European Perspective // The Cambridge Handbook of Artificial Intelligence: Global Perspectives on Law and Ethics / DiMatteo L. A., Poncibò C., Cannarsa M. (eds). — Cambridge, 2022. — P. 99–115.
31. Krieger G., Schneider U. H. (Hrsg.). Handbuch Managerhaftung: Vorstand, Geschäftsführer, Aufsichtsrat. Pflichten und Haftungsfolgen. Typische Risikobereiche. — 4. Auflage. — Köln, 2023. — 616 S.
32. Lieder J. From Corporate Governance to Algorithm Governance: Artificial Intelligence as a Challenge for Corporations and Their Executives // The Cambridge Handbook of Responsible Artificial Intelligence: Interdisciplinary Perspectives / Voeneky S., Kellmeyer P., Mueller O. (eds). — Cambridge, 2022. — P. 331–346.

33. Mertens F. The Use of Artificial Intelligence in Corporate Decision-Making at Board Level: A Preliminary Legal Analysis // *Financial Law Institute Working Paper Series 2023-01*. — 29 p.
34. Mittelstadt B., et al. The Ethics of Algorithms: Mapping the Debate // *Big data & Society*. — July–December 2016. — Vol. 3. — Iss. 2. — 68 p.
35. Möslein F. Robots in the Boardroom: Artificial Intelligence and Corporate Law // *Research Handbook on the Law of Artificial Intelligence / Barfield W., Pagallo U. (eds)*. — Cheltenham, 2018. — P. 649–670.
36. Petrin M. Corporate Management in the Age of AI // *Columbia Business Law Review*. — 2019. — № 3. — P. 965–1030.
37. Picciau C. The (Un)Predictable Impact of Technology on Corporate Governance // *Hastings Business Law Journal*. — 2021. — Vol. 17. — P. 67–135.
38. Ricci S. A. G. Artificial Agents in Corporate Boardrooms // *Cornell Law Review*. — 2020. — Vol. 105. — P. 869–908.
39. Tjin Tai E. T. Liability for AI Decision-Making // *The Cambridge Handbook of Artificial Intelligence: Global Perspectives on Law and Ethics / DiMatteo L. A., Poncibò C., Cannarsa M. (eds)*. — Cambridge, 2022. — P. 116–132.
40. Wendehorst C. Liability for Artificial Intelligence: The Need to Address Both Safety Risks and Fundamental Rights Risks // *The Cambridge Handbook of Responsible Artificial Intelligence: Interdisciplinary Perspectives / Voeneky S., Kellmeyer P., Mueller O. (eds)*. — Cambridge, 2022. — P. 187–209.
41. Yampolskiy R. V. Unexplainability and incomprehensibility of artificial intelligence. 2019 // URL: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1907/1907.03869.pdf> (data obrashcheniya: 04.09.2025).
42. Zhao J. Artificial Intelligence and Corporate Decisions: Fantasy, Reality or Destiny // *Catholic University Law Review*. — 2022. — № 71. — P. 663–698.

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.109-124

А. А. Лепешкин*

Определение правовой природы зачета в российской юридической науке: историко-правовой анализ

Аннотация. В статье проведен историко-правовой анализ института зачета в российской юридической науке, охватывающий три ключевых периода: дореволюционный, советский и современный. Показано формирование трех конкурирующих моделей: теорий автоматического зачета, одностороннего волеизъявления и договорной теории зачета. Установлено наличие процессуального и материально-правового подходов к природе зачета, сложившихся в дореволюционной цивилистике и сохранившихся до настоящего времени. Выявлено, что правовая природа зачета не может быть однозначно сведена ни к способу прекращения обязательств, ни к форме их исполнения. Обосновано сущностное противоречие между базовой юридической конструкцией зачета и принципами конкурсного производства при банкротстве, которое трансформировалось в современный принцип равенства кредиторов. Аргументировано, что современный этап развития института характеризуется возрастающей ролью судебного толкования и формированием концепции зачета как специфической формы надлежащего исполнения. Результаты исследования демонстрируют преемственность доктринальных разработок при минималистском законодательном регулировании, а также необходимость дальнейшего теоретического осмысления дуалистической природы зачета.

Ключевые слова: зачет; правовая природа зачета; институт зачета; способ прекращения обязательств; обязательственное право; односторонняя сделка; конкурсное производство; банкротство; зачет в банкротстве; кредитор; должник

Для цитирования: Лепешкин А. А. Определение правовой природы зачета в российской юридической науке: историко-правовой анализ // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 4. — С. 109–124. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.109-124

Determining the Legal Nature of Setoff in Russian Legal Scholarship: A Historical-Legal Analysis

Aleksandr A. Lepeshkin, Postgraduate Student, Department of Entrepreneurial and Corporate Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
lepeshkin90@mail.ru

Abstract. The paper provides a historical and legal analysis of the institution of setoff in Russian legal science, covering three key periods: pre-revolutionary, Soviet and modern. It demonstrates the formation of three competing theoretical models: the automatic setoff theory, the theory of unilateral declaration of will, and the contractual theory of setoff. The existence of procedural and substantive approaches to the nature of offset, which developed in

© Лепешкин А. А., 2026

* Лепешкин Александр Александрович, аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
lepeshkin90@mail.ru

pre-revolutionary civil law and have survived to the present day, has been established. It has been revealed that the legal nature of setoff cannot be unambiguously reduced to either the method of terminating obligations or the form of their fulfillment. The paper substantiates the essential contradiction between the basic legal structure of setoff and the principles of bankruptcy proceedings, which has been transformed into the modern principle of equality of creditors. It is argued that the current stage of development of the institute is characterized by the increasing role of judicial interpretation and the formation of the concept of setoff as a specific form of due execution. The results of the study demonstrate the continuity of doctrinal developments under minimalist legislative regulation, as well as the need for further theoretical understanding of the dualistic nature of setoff.

Keywords: setoff; legal nature of setoff; institute of setoff; method of terminating obligations; law of obligations; unilateral transaction; bankruptcy proceedings; setoff in bankruptcy; creditor; debtor

Cite as: Lepeshkin AA. Determining the Legal Nature of Setoff in Russian Legal Scholarship: A Historical-Legal Analysis. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(4):109-124. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.109-124

Правовая природа зачета в системе юридических фактов гражданского права представляет сложную теоретическую проблему, являющуюся предметом дискуссии с момента первых попыток его доктринального осмысления отечественными цивилистами конца XIX в. Поливариантность подходов к определению правовой природы зачета, выражающаяся в его квалификации как односторонней сделки, автоматического действия закона, особого способа исполнения обязательства или специфического основания его прекращения, демонстрирует не только сложность самого феномена, но и эволюцию методологических подходов к его изучению.

Определение места зачета в системе юридических фактов, его соотношения с исполнением обязательства, основаниями его прекращения и иными смежными конструкциями позволяет сформировать целостное представление о системных связях данного института и его функциональной роли в механизме правового регулирования имущественных отношений.

Научно-практическое значение установления правовой природы зачета детерминировано его влиянием на решение конкретных правоприменительных вопросов, в частности о моменте прекращения обязательств при зачете, о применимости к зачету норм о недействительности сделок, о допустимости зачета в процедурах несостоятельности, о процессуальных способах реализации права на зачет. Данные аспекты приобретают особую актуальность в контексте реформирования гражданского законодатель-

ства и формирования единообразной судебной практики.

В статье предпринята попытка комплексного историко-правового анализа эволюции представлений о правовой природе зачета в отечественной цивилистике с момента первых научных исследований данного института до современных концепций в доктрине и судебной практике. Исследование проведено в хронологической последовательности, отражающей основные этапы развития российского права: дореволюционный, советский и современный, постсоветский. Такой подход позволяет выявить преемственность и трансформацию научных концепций сущности зачета, а также определить влияние доктринальных разработок на законодательное регулирование и правоприменительную практику.

Аксиологическое значение зачета как инструмента рационализации гражданского оборота проявляется в его способности минимизировать движение денежных средств и иных материальных ценностей при сохранении эквивалентности имущественного обмена, что обеспечивает экономию трансакционных издержек и повышение эффективности хозяйственной деятельности. Как свидетельствует исторический опыт, потребность в подобном механизме возникает в различных экономических формациях: от рыночной модели дореволюционной России до плановой экономики советского периода и современных рыночных отношений, что подтверждает его имманентный характер для любой развитой экономической системы.

В законодательной сфере конец XIX в. ознаменовался для России востребованностью «монолитного цивилистического законодательства»¹, в целях достижения которого началась подготовительная деятельность по составлению нового проекта Гражданского уложения². Зачет упоминается в ст. 154–162 гл. IV книги пятой проекта Гражданского уложения Российской империи 1899 г.³ (далее — проект Гражданского уложения). Статья 154 проекта Гражданского уложения закрепляла фундаментальную норму, согласно которой стороны обязательственных правоотношений наделялись правом произвести зачет при условии наступления срока исполнения по взаимным обязательствам, если предмет таковых выступали денежные средства либо иные заменимые вещи, обладающие идентичными характеристиками и качественными параметрами. В рамках данного законопроекта детально регламентировались процедурные аспекты института зачета: устанавливалась императивная обязанность извещения контрагента о намерении осуществить зачет; формулировались критерии соразмерности погашаемых требований; фиксировались территориальные особенности исполнения; определялись характеристики допустимых к зачету обязательств, включая специальные правила в отношении арестованного имуще-

ства и договорных конструкций с вовлечением третьих лиц в качестве бенефициаров.

Проект Гражданского уложения совершенствовался на протяжении почти двух десятилетий, однако фундаментальные социально-политические трансформации, вызванные революционными событиями 1917 г., привели к прерыванию этого законотворческого процесса. Несмотря на незавершенность данной кодификационной работы, рассматриваемый документ внес значительный вклад⁴ в развитие отечественной гражданско-правовой доктрины, став катализатором углубленного теоретического осмысления юридического механизма зачета встречных требований в профессиональной среде российских правоведов.

Отсутствие отдельного регулирования зачета не мешало его применению. Статья 494 Устава судопроизводства торгового 1893 г. допускала применение зачета в процедуре несостоятельности. Для этого было необходимо, чтобы должником несостоятельного лица и его кредитором являлось одно и то же лицо и чтобы зачитываемая против долга претензия была отнесена к первому роду долгов банкротства⁵.

Как отмечают ученые⁶, первое монографическое исследование зачета — работа Н. Г. Вавина «Зачет обязательств»⁷ 1914 г. Правовед охарак-

¹ См.: *Афанасьев С. Ф.* Заметки об институционно-пандектном подходе в частном праве и цивилистическом процессе: история и современность // Вестник гражданского процесса. 2023. № 5. С. 49–88.

² Попытки кодификации гражданского права при Александре I не имели логического завершения. В рамках подготовки первой части Гражданского уложения была осуществлена самостоятельная научно-исследовательская кампания, наработки которой стали основой проекта 1899 г.

³ Проект высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. СПб. : Государственная типография, 1899. Т. 1.

⁴ См.: *Томсинов В. А.* Разработка проекта Гражданского уложения и развитие науки гражданского права в России в конце XIX — начале XX века // Законодательство. 2015. № 2. С. 88–94 ; № 3. С. 88–94 ; № 4. С. 88–94 ; № 5. С. 88–94.

⁵ Устав судопроизводства торгового. Администрация. Несостоятельность : с разъяснениями по решениям бывшего 4-го, судебного, гражданского, кассационного департаментов и 2-го Общего собрания Правительствующего сената. Вып. II (ст. 384–549) / сост. А. Добровольский, обер-прокурор Судебного департамента Правительствующего сената. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Издание книжного магазина «Законоведение», 1909. С. 102–103.

⁶ См.: *Бевзенко Р. С., Фахретдинов Т. Р.* Зачет в гражданском праве: опыт исследования теоретической конструкции и обобщения судебной практики. М. : Статут, 2006.

⁷ *Вавин Н. Г.* Зачет обязательств. 2-е изд. М. : Издательство книжного магазина «Правоведение» И. К. Голубева, 1914.

теризовал и оценил теории зачета Марцолля, Леонарда, Винштейна, Колера. Основные тезисы Н. Г. Вавина отражают результаты исследования законодательства и судебной практики по вопросам зачета в Российской империи, основные принципы и правила зачета. В частности, ученый выделяет следующие правила допустимости зачета:

- взаимность претензий;
- зачитываемые обязательства должны подлежать исполнению, т.е. для каждого из встречных требований срок удовлетворения является наступившим;
- условия одинакового достоверного исчисления срока;
- однородность требований по их предмету.

Рассматриваемое исследование включает комплексный анализ аспектов реализации зачета как способа прекращения обязательств. Особую теоретическую значимость имеет разработанная Н. Г. Вавиным классификация, в рамках которой ученый выделил исключительные юридические ситуации, когда имплементация зачетного механизма невозможна без явно выраженного согласия непосредственно заинтересованного субъекта правоотношений. К таковым относятся обстоятельства, потенциально затрагивающие имущественные или иные законные интересы третьих лиц, а также случаи, когда погашаемые посредством зачета требования проистекают из правоотношений, характеризующихся общественной значимостью и социальной ценностью.

В работе исследуется взаимосвязь зачета с другими явлениями гражданского права (договором, обязательством), сформированы рекомендации по совершенствованию законодательного регулирования положений о зачете. Н. Г. Вавин понимал зачет как особый институт гражданского права.

Рассматривая зачет через совпадение должника и кредитора в одном лице, Ф. Бенргефт, И. Колер отмечали: «Должник, который обязан уплатить сто, но столько же должен получить, поручает своему кредитору уплатить самому себе те сто, которые он, кредитор, ему должен, и тем удовлетвориться... уплата самому себе может быть совершена путем простого заявления и не нуждается в реальной деятельности: она есть сделка с самим собой»⁸. Позиция И. Колера наиболее близка к подходу Н. Г. Вавина, поскольку также объясняет зачет совпадением должника и кредитора в одном лице.

Г. Ф. Шершеневич рассматривал зачет как «способ прекращения обязательства посредством взаимного погашения двух однородных по содержанию прав требований»⁹, отдельно отмечая необходимость однородности содержания обязательств, а не оснований их происхождения. Уже по состоянию на 1915 г. Г. Ф. Шершеневич отмечает необходимость устранения возможности произвести зачет с должником, находящимся в процедуре банкротства, поскольку это «было бы равносильно установлению в пользу одного кредитора на основании случайного обстоятельства преимуществ, которых не имеют все другие кредиторы»¹⁰. Фактически автор указывает на нарушение принципов равенства и пропорциональности¹¹ конкурсного производства в случае проведения зачета между одним из кредиторов и несостоятельным должником.

Фундаментальные научные труды Г. Ф. Шершеневича заложили теоретический базис инновационной концепции наличия принципиального противоречия между абсолютным правом кредитора на зачет и основополагающими принципами конкурсного процесса. Эта новаторская идея в последующем получила доктринальное развитие, трансформировавшись в

⁸ См.: Бенргефт Ф., Колер И. Гражданское право Германии : пер. с нем. СПб. : Сенат. тип., 1910. С. 247.

⁹ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1915. Т. 2. С. 67–68.

¹⁰ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 69.

¹¹ По утверждению С. А. Карелиной, в правовой литературе высказывается мнение о том, что принцип равенства в рамках института несостоятельности находит выражение в наделении участников правоотношений равными охранительными правами, что основывается на принципах соразмерности, про-

комплексную теоретическую конструкцию, обосновывающую необходимость существенного ограничения применения зачетных механизмов в условиях экономической несостоятельности субъектов гражданского оборота. Именно Г. Ф. Шершеневич выступил первопроходцем в российской юриспруденции, сформулировав фундаментальный постулат о юридической невозможности создания привилегированного положения для отдельных кредиторов экономически несостоятельного должника посредством использования института зачета. Данная концептуальная позиция в современном конкурсном праве преобразовалась в базовый принцип равенства кредиторов (*pari passu*), обеспечивающий равную защиту имущественных прав всех кредиторов при банкротстве должника.

В монографическом исследовании В. И. Адамовича «Встречный иск (к учению о зачете)»¹², опубликованном в 1899 г., представлена оригинальная научно-правовая концепция данного процессуального института. Исследователь интерпретировал встречный иск как специальный процессуальный инструмент, позволяющий посредством судебной процедуры достичь полноценного и комплексного урегулирования взаимных претензий спорящих сторон. В теоретиче-

ской конструкции, предложенной В. И. Адамовичем, встречный иск предстает в качестве особого процессуального механизма практической реализации материально-правового института зачета в условиях судебного разбирательства.

Из анализа работы В. И. Адамовича следует, что зачет можно произвести не только в одном судебном процессе, но и в нескольких; в зависимости от суммы встречных требований зачет может быть полным (полное погашение) и частичным (с остатком задолженности перед кредитором); при зачете обязательств необходимо учитывать стороны, между которыми они возникли; зачет допускается по различным основаниям (поставка товара, выполнение работ, купля-продажа).

Согласно критической оценке современных исследователей права Р. С. Бевзенко и Т. Р. Фахретдинова¹³, научный труд В. И. Адамовича характеризуется преимущественно процессуально-правовой направленностью аналитических изысканий, тогда как материально-правовая концепция зачета как самостоятельного гражданско-правового института освещена с недостаточной теоретической глубиной.

В историческом контексте развития отечественной юридической мысли теории права П. П. Цитович¹⁴ и В. Л. Исаченко¹⁵ последо-

порциональности и всеобщности удовлетворения требований. См.: Карелина С. А. Принципы правового регулирования отношений, возникающих в связи с несостоятельностью (банкротством) должника // Предпринимательское право. 2008. № 2.

«Удовлетворение требований кредиторов производится на основе принципов справедливости, соразмерности, пропорциональности в очередности, установленной статьей 134 Закона о банкротстве» (Ершова И. В., Енькова Е. Е. Банкротство хозяйствующих субъектов : учебник для бакалавров. М. : Проспект, 2016. С. 170).

Е. Д. Суворов отмечает, что принцип равенства кредиторов, в соответствии с которым каждый из кредиторов несостоятельного должника должен одинаково пострадать от такой несостоятельности, равно как и одинаково получить из массы несостоятельного должника, является основным принципом банкротного права, применимым как в российском, так и в зарубежных правовых порядках. Подробнее см.: Суворов Е. Д. Реализация принципа равенства кредиторов при исполнении обязательства по выполнению работ и передаче их результата в случае несостоятельности подрядчика // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 2. С. 130.

¹² См.: Адамович В. И. Встречный иск (к учению о зачете). Вып. 1. СПб. : Типо-лит. А. Лейферта, 1899.

¹³ Бевзенко Р. С., Фахретдинов Т. Р. Указ. соч.

¹⁴ См.: Цитович П. П. Гражданский процесс : конспект лекций, чит. в Ун-те св. Владимира орд. проф. П. П. Цитовичем (осен. семестр 1887 г.). Киев, 1887. С. 49.

¹⁵ См.: Исаченко В. Л. Русское гражданское судопроизводство : практическое руководство для студентов и начинающих юристов : в 3 т. Минск : Типо-лит. Б. И. Соломонова, 1901. Т. 1 : Судопроизводство исковое. С. 71–77.

вательно придерживались функционального подхода к данной проблематике, определяя телеологическую сущность встречного иска именно через его инструментальную направленность на юридическое оформление зачета взаимных обязательств участников гражданского процесса.

И сегодня в практике судов¹⁶ правовая природа встречного иска объясняется через материально-правовое основание, направленное на зачет требований по первоначальному иску.

В научно-теоретической позиции И. Н. Трепицына¹⁷ особо акцентируется положение о том, что определяющим юридическим условием для легитимного осуществления зачета выступает однородность предметов сопоставляемых обязательственных правоотношений. При этом исследователь принципиально подчеркивал

нерелевантность однородности юридических оснований возникновения таких встречных обязательств для возможности их взаимного погашения посредством зачета. Аналогичную траекторию научного осмысления данного института можно проследить в фундаментальных цивилистических работах А. М. Гуляева, который концептуализировал юридическую сущность зачета преимущественно как эффективный правовой механизм аннулирования встречных имущественных требований контрагентов¹⁸.

Представляет значительный теоретический интерес тот факт, что К. П. Победоносцев, сознательно воздерживаясь от догматической трактовки зачета через категориальный аппарат теории сделки, применял в научных трудах более нейтральную терминологическую конструкцию «замена обязательства»¹⁹.

¹⁶ Так, согласно п. 1 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.12.2001 № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований» обязательство не может быть прекращено зачетом встречного однородного требования, срок которого наступил, после предъявления иска к лицу, имеющему право заявить о зачете. В этом случае зачет может быть произведен при рассмотрении встречного иска, который принимается судом на основании п. 1 ч. 3 ст. 110 АПК РФ.

Как указано в п. 25 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2018), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018, предъявление встречного иска, направленного к зачету первоначальных исковых требований, является, по сути, тем же выражением воли стороны, оформленным в исковом заявлении и поданном в установленном процессуальным законодательством порядке.

Согласно абз. 2 п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» обязательства могут быть прекращены зачетом после предъявления иска по одному из требований. В этом случае сторона по своему усмотрению вправе заявить о зачете как во встречном иске (ст. 137, 138 ГПК РФ, ст. 132 АПК РФ), так и в возражении на иск, юридические и фактические основания которых исследуются судом равным образом (ч. 2 ст. 56, ст. 67, ч. 1 ст. 196, ч. 3, 4 ст. 198 ГПК РФ, ч. 1 ст. 64, ч. 1–3.1 ст. 65, ч. 7 ст. 71, ч. 1 ст. 168, ч. 3, 4 ст. 170 АПК РФ).

См. также постановления: Арбитражного суда Уральского округа от 27.02.2024 № Ф09-8938/23 по делу № А71-10347/2022, от 04.07.2022 № Ф09-2319/22 по делу № А76-2634/2020; Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 15.03.2024 № Ф02-7614/2023, Ф02-7617/2023 по делу № А33-22004/2020; Арбитражного суда Московского округа от 29.05.2023 № Ф05-7641/2023 по делу № А40-158153/2022; от 22.04.2022 № Ф05-3505/2022 по делу № А40-93709/2021; Арбитражного суда Поволжского округа от 14.04.2023 № Ф06-21635/2022 по делу № А72-1329/2021.

¹⁷ См.: *Трепицын И. Н.* Гражданское право губерний Царства Польского и русское в связи с Проектом гражданского уложения. Общая часть обязательственного права / проф. И. Н. Трепицын. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1914. С. 311–312.

¹⁸ См.: *Гуляев А. М.* Русское гражданское право: обзор действующего законодательства, кассационной практики Прав. сената и Проекта гражданского уложения: пособие к лекциям. 4-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. С. 369.

¹⁹ См.: *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1880. Ч. 3: Договоры и обязательства. С. 177–181.

В классическом доктринальном исследовании Д. И. Мейера содержится оригинальная юридическая дефиниция зачета как специфического способа «прекращения одного обязательства посредством действия другого»²⁰. Данный теоретический подход к определению правовой природы института зачета концептуально разделял видный представитель отечественной цивилистики В. И. Синайский, характеризуя зачет преимущественно в функциональном аспекте — в качестве особого юридического инструмента взаимного погашения встречных притязаний участников гражданско-правовых отношений²¹.

Анализ дореволюционных исследований показывает, что ученые не делали однозначных выводов о том, является зачет сделкой или нет. Анализируя данный феномен, Р. С. Бевзенко и Т. Р. Фахретдинов обращают внимание на отсутствие сформированного правового регулирования института зачета в определенные исторические периоды²². В силу этого правоведы обращались к двум основным источникам: иностранным юридическим моделям (причем до 1896 г. преимущественно к достижениям римского права и французской кодификации, а впоследствии — к нормативным положениям Германского гражданского уложения) или сложившейся национальной правоприменительной практике. При этом отечественный юридический опыт ограничивался признанием лишь двух форм зачета: договорного, безусловно представлявшего собой гражданско-правовую сделку, и процессуального, реализуемого через механизм встречного искового требования.

Правовая природа зачета в дореволюционный период трактовалась преимущественно с функциональной точки зрения, без отнесения к конкретной категории юридических фактов, что отражало практический подход к решению вопросов прекращения обязательств.

Анализ дореволюционного периода развития института зачета позволяет сформулировать ряд принципиально важных выводов, имеющих методологическое значение для современной

цивилистической науки. Исследование показывает, что правовая конструкция зачета в российском гражданском праве создавалась в условиях отсутствия кодифицированного гражданского законодательства, что определило приоритет доктринальных разработок над нормативным регулированием. Фактически российская цивилистика сформировала теоретическую модель зачета до полноценного законодательного закрепления, что представляет собой особый случай опережающего доктринального развития правового института.

Отдельного внимания заслуживает выявленное в ходе исследования наличие процессуального и материально-правового подходов к природе зачета, сложившихся в дореволюционной цивилистике. Процессуальный подход, развиваемый В. И. Адамовичем через концепцию встречного иска, сосуществовал с материально-правовым пониманием зачета как особого способа прекращения обязательств, что создало прецедент дуалистического восприятия правовой природы института.

В дореволюционный период не было сформировано единого подхода к квалификации зачета как сделки, что объясняется как объективными причинами отсутствия системного законодательного регулирования, так и влиянием различных моделей зачета, воспринятых из европейской правовой традиции. Воздействие римского, французского и германского права на российскую цивилистику создало методологический плюрализм в понимании правовой природы зачета, сохранившийся в определенной степени до настоящего времени.

Советский период характеризовался фрагментарным нормативным регулированием института зачета при одновременном развитии доктринальных подходов к определению его правовой природы и условий применения.

11 ноября 1922 г. решением Всероссийского центрального исполнительного комитета был принят и внедрен в правовое поле новый Гражданский кодекс РСФСР. В статье 129 зако-

²⁰ Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. М., 1997. Ч. 2. С. 344.

²¹ См.: Синайский В. И. Русское гражданское право. М. : Статут, 2002. С. 352.

²² См.: Бевзенко Р. С., Фахретдинов Т. Р. Указ. соч.

нодатель установил исчерпывающий перечень оснований для полного либо частичного прекращения обязательственных правоотношений. К таким основаниям относились выполнение обязательства, проведение зачета по встречным однородным требованиям с наступившим сроком исполнения, юридическое объединение субъектов обязательства в одном лице (с оговоркой о возобновлении обязательства при разделении этих субъектов), достижение взаимного согласия сторон (включая случаи новации — заключения нового договора взамен существующего), а также объективная невозможность исполнения, не вызванная виновными действиями должника²³.

Гражданский кодекс РСФСР не устанавливал порядка и способов выполнения зачета. Подобный пробел в законе позволял ученым предлагать свои доктринальные подходы в вопросах регулирования зачета.

Согласно научной позиции И. Брауде, механизм зачета реализуется непосредственно на основании законодательных норм. Ученый подчеркивал, что нормативные положения Гражданского кодекса РСФСР не содержат требования о необходимости оформления каких-либо особых волеизъявлений для осуществления зачета. По его мнению²⁴, подобные заявления носят исключительно информационный характер, поскольку фактическое аннулирование взаимных претензий происходит автоматически при возникновении встречных требований (принцип *ipso iure compensatur* — «зачет происходит в силу самого права»). Воззрения И. Брауде в современной цивилистической доктрине принято классифицировать как концепцию автоматического зачета обязательств.

В своих исследованиях М. М. Агарков выступал сторонником альтернативной концепции — одностороннего волеизъявления в механизме зачета: «Теория автоматического зачета приводит к непреодолимым затруднениям, если одна из сторон должна другой стороне две денежные суммы по различным обязательствам, причем условия для зачета имеются по той и по другой сумме. Эта теория не может объяснить, которое из двух обязательств погашено. Теория одностороннего волеизъявления легко решает этот вопрос: погашенным будет то обязательство, на которое укажет производящая зачет сторона»²⁵.

В. И. Десятков отмечал, что в зависимости от числа участников и периодичности зачетов (разовые или постоянные) взаимные расчеты подразделяются на ряд форм²⁶. Ученый называл зачет специфическим способом исполнения обязательств. По его мнению, обязательства, зачитываясь, тем самым и исполняются.

Альтернативную научную позицию выдвигал В. С. Толстой²⁷, который подвергал критике изложенные концепции. В его интерпретации зачет не является ни разновидностью, ни методом исполнения обязательственных правоотношений, а представляет собой специфический юридический механизм, направленный на оптимизацию экономических взаимосвязей между субъектами гражданско-правового оборота без необходимости осуществления фактических действий по исполнению. Воззрения В. С. Толстого получили развитие в работах Л. А. Новоселовой²⁸, которая квалифицирует институт зачета встречных требований в качестве особого инструментария организации и структурирования взаиморасчетов между контрагентами.

²³ Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (с изм. от 02.02.1923) «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ См.: Брауде И. Проблемы зачета в Гражданском кодексе // Право и жизнь. 1924. Кн. 10. С. 75.

²⁵ Гражданское право / под ред. проф. М. М. Агаркова, проф. Д. М. Генкина. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1944. Т. 1. С. 389.

²⁶ См.: Десятков В. М. Правовые вопросы взаимных расчетов в советском хозяйстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1954. С. 8.

²⁷ См.: Толстой В. С. Исполнение обязательств. М. : Юридическая литература, 1973. С. 16.

²⁸ См.: Новоселова Л. А. Денежные расчеты в предпринимательской деятельности. М. : ЮрИнфоР, 1996. С. 117.

Схожего методологического подхода, отрицающего трактовку зачета как способа исполнения обязательств, придерживается С. В. Сарбаш²⁹, допуская интерпретацию зачета как «суррогата исполнения»³⁰.

В научных исследованиях института зачета в советской цивилистической доктрине значительное внимание уделялось проблематике однородности предмета зачитываемых требований. В частности, А. А. Сарнэ³¹ обосновывал необходимость соблюдения принципа однородности, исходя из фундаментального права кредитора отказаться от принятия исполнения, которое не соответствует изначально согласованным параметрам обязательства. Исследователь подчеркивал, что в практической плоскости доминирующее положение занимает зачет в сфере денежных обязательств, тогда как применение данного механизма к иным категориям однородных обязательств представляет собой исключительные случаи в гражданском обороте.

Говоря о постоянных зачетах, А. И. Казанцев указывал, что экономическая природа, цели и организация постоянно действующих форм взаимных зачетов коренным образом отличаются от форм зачетов взаимных требований, осуществляемых в разовом порядке³². Обосновывается данный подход тем, что в основе постоянных зачетов лежат прочные экономические отношения, а разовые зачеты возникают главным образом как результат несвоевременного платежа.

Уже в советский период М. М. Усоскин отмечал, что «зачет между несколькими организациями может быть проведен даже в том случае, если у отдельных участников расчетного оборота нет прямых встречных взаимоотношений друг с другом. Зачет между несколькими организациями не только количественно, но и качественно отличается от за-

чета между двумя организациями»³³. Данную концепцию многостороннего зачета можно считать инновационным вкладом в советскую юридическую науку, выходящим за пределы традиционных двусторонних отношений. Этот подход не только расширил функциональные возможности зачета, но и заложил основы для последующего развития сложных форм клиринговых отношений в постсоветский период, что демонстрирует прогностический потенциал советской цивилистической мысли.

Принципиально важным достижением советской цивилистики следует признать формирование трех конкурирующих теоретических моделей зачета: автоматического зачета (И. Брауде), одностороннего волеизъявления (М. М. Агарков) и договорной теории зачета. Эта полемика заложила фундамент для последующего осмысления правовой природы зачета в постсоветский период и предопределила многообразие современных подходов к данному институту.

Особое значение в советский период приобрела экономическая сторона зачета как механизма, позволяющего сократить денежный оборот, что соответствовало задачам экономии ресурсов в условиях дефицита.

Несмотря на трансформацию экономических отношений, институт зачета сохранил свое значение как эффективный механизм упорядочения хозяйственных связей, демонстрируя устойчивость основных правовых конструкций, независимо от типа экономической системы.

В настоящее время ГК РФ не содержит понятия зачета. Зачет лишь определяется как один из способов прекращения обязательств. На юридическую природу зачета до сих пор существуют различные точки зрения. В современном гражданском праве преобладает мнение³⁴, согласно которому зачет является сделкой, поскольку

²⁹ Сарбаш С. В. Исполнение договорного обязательства. М. : Статут, 2005. С. 50.

³⁰ Сарбаш С. В. Элементарная догматика обязательств : учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2020. С. 413.

³¹ См.: Сарнэ А. А. Прекращение обязательств исполнением : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1950. С. 45.

³² См.: Казанцев А. И. Взаимные расчеты в народном хозяйстве СССР. М. : Госфиниздат, 1959. С. 23.

³³ Усоскин М. М. Организация и планирование кредита. Изд. 4-е, перераб. и доп. М. : Финансы, 1967. С. 35.

³⁴ См.: Гражданское право России. Общая часть : курс лекций / М. И. Брагинский, В. В. Залесский, Н. И. Клейн [и др.] ; отв. ред. О. Н. Садилов. М. : Юристъ, 2001. С. 709 ; Суханов Е. А. Гражданское право. М. : Бек, 2003. Т. 1. Полутом 1. С. 143–144.

направлен на установление, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей. В частности, его придерживаются Е. А. Суханов, О. Н. Садиков.

В абзаце 2 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 разъяснено, что основания прекращения обязательства могут как являться односторонней сделкой (например, заявление о зачете) или соглашением (например, предоставление и принятие отступного), так и не зависеть от воли сторон. Однако уже в п. 17 постановления отмечается, что зачет как односторонняя сделка (п. 2 ст. 154 ГК РФ) может быть признан судом недействительным, в частности по основаниям, предусмотренным главой 9 ГК РФ. В силу п. 1 данного постановления перечень оснований прекращения обязательств не является закрытым, поэтому стороны могут в соглашении предусмотреть не упомянутое в законе или ином правовом акте основание прекращения обязательства и прекратить как договорное, так и внедоговорное обязательство, а также определить последствия его прекращения, если иное не установлено законом или не вытекает из существа обязательства (п. 3 ст. 407 ГК РФ).

Принципиально важно, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 явно разграничены односторонние и двусторонние основания прекращения обязательств. К первым отнесен, например, зачет встречных требований, осуществляемый в форме одностороннего заявления, ко вторым — предоставление отступного, для которого необходима воля не только кредитора, но и должника. Такое разграничение влияет на определение момента прекращения обязательства, процедуру оформления, а также возможность оспаривания действий по прекращению обязательства. Это деление также отражает широкий спектр юридических механизмов, которыми оперирует современное гражданское право: от одно-

сторонних актов реализации субъективных прав до договорных конструкций и юридических событий, наступающих независимо от воли субъектов.

В юридической науке активно обсуждается фундаментальный вопрос о правовой квалификации зачета: следует ли его рассматривать как особую форму надлежащего исполнения обязательства или исключительно как один из способов прекращения обязательственных правоотношений? Научную позицию по данному вопросу высказывает Т. Р. Фахретдинов, утверждая, что зачет фактически выступает заменой традиционного предоставления предмета обязательства, сохраняя при этом характеристики способа исполнения³⁵. Особенностью такого механизма является законодательно установленная возможность одностороннего волеизъявления (в отличие от других способов, таких как отступное или новация), что обосновано невозможностью ухудшения положения кредитора при зачете, поскольку он применяется исключительно к однородным требованиям в совпадающем объеме. На основании этого ученый формулирует вывод, что зачет представляет собой специфическую разновидность надлежащего исполнения обязательственных правоотношений. Данный теоретический подход находит подтверждение в правовой позиции Конституционного Суда РФ³⁶, согласно которой ГК РФ трактует денежную плату лишь как один из возможных вариантов исполнения возмездных договорных обязательств и положения налогового законодательства о фактически уплаченных суммах не должны интерпретироваться только как требование непосредственной передачи денежных средств, исключая возможность признания уплатой зачета встречных требований в соответствии со ст. 410 ГК РФ.

Встречается квалификация зачета как способа исполнения обязательства и в определении Судебной коллегии по экономическим спорам

³⁵ См.: Фахретдинов Т. Р. Проблемы применения зачета в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2006. С. 24.

³⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.02.2001 № 3-П «По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 7 Федерального закона «О налоге на добавленную стоимость» в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Востокнефтересурс»».

Верховного Суда РФ от 26.09.2024 № 310-ЭС24-8524 по делу № А08-10172/2019³⁷.

Сущность зачета, по мнению В. А. Белова, заключается в том, что «два (или более) обязательства, соответствующие определенным условиям, могут быть прекращены полностью или частично в результате отказа кредиторов от реализации принадлежащих им субъективных прав по данным обязательствам»³⁸.

Из законодательного регулирования можно сделать вывод, что зачет является самостоятельным способом прекращения обязательств, посредством которого происходит зачисление одного встречного однородного обязательства за счет другого, в результате чего оба обязательства прекращаются в части их совпадения.

Выделяя формы зачета, И. А. Исаев³⁹ считает, что, помимо числа участников и периодичности, формы зачета могут быть обусловлены правовым статусом участников зачета, сферой применения (существом отношений), а также наличием (отсутствием) третьих лиц, участвующих в организации зачета.

Е. А. Крашенинников отмечает, что нельзя квалифицировать зачет как прощение долга, поскольку это противоречит правовой цели сделки по зачету⁴⁰. Правовая природа прощения долга заключается в распоряжении субъективным правом кредитора, поскольку требование обладает имущественной ценностью и является предметом правового оборота. В научной дискуссии участвует М. А. Егорова⁴¹, предлагая

рассматривать юридическую природу зачета через призму дуалистической конструкции, состоящей из двух неразрывно связанных элементов: с одной стороны, отказа субъекта от исполнения своей обязанности в рамках одного обязательственного правоотношения, а с другой — отказа от реализации права требования в контексте встречного обязательства. Исследователь особо подчеркивает, что оба элемента не существуют изолированно, а представляют собой органически связанные акты волеизъявления, которые в гражданском обороте воспринимаются и функционируют как единое и неделимое волеизъявление лица, иницилирующего процедуру зачета. Примечательно, что такое комплексное волеизъявление обладает правовой вариативностью и может юридически оформляться различными способами: в виде односторонней сделки, двустороннего соглашения (договорного зачета), а также трансформироваться в требование, направленное на реализацию судебной защиты нарушенного права.

Анализ правовой доктрины демонстрирует сохраняющуюся концептуальную неопределенность в вопросе о корреляции между институтом исполнения обязательства и механизмом зачета встречных требований. Исследуя данную проблематику, Р. С. Бевзенко и Т. Р. Фахретдинов формулируют положение о том, что зачет функционально замещает непосредственное предоставление предмета обязательства, при этом сохраняя сущностные характеристики

³⁷ «...Судебная коллегия полагает, что как добросовестный участник правоотношений общество «БФС» должно было своевременно и полностью исполнить обязательства перед обществом «Белая птица», оплатив ему свой долг непосредственно или посредством зачета своих платежей кредиторам общества «Белая птица» в счет погашения своего долга. Такое поведение общества «БФС» ожидаемо от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы своего кредитора, и соответствует общим нормам и принципам, регулирующим исполнение обязательств, в частности статьям 309 и 310 ГК РФ...» (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.09.2024 № 310-ЭС24-8524 по делу № А08-10172/2019 // СПС «КонсультантПлюс»).

³⁸ Белов В. А. Прекращение обязательств зачетом встречных требований по векселям (на примере обязательств из кредитных договоров) // Законодательство. 1997. № 1. С. 13.

³⁹ См.: Исаев И. А. О сущности и формах зачета // Журнал российского права. 2005. № 2. С. 56–67.

⁴⁰ См.: Крашенинников Е. А. К вопросу о «собственности на требование» // Очерки по торговому праву: сборник научных трудов / под ред. Е. А. Крашенинникова. Вып. 12. Ярославль: ЯРГУ, 2005. С. 31.

⁴¹ См.: Егорова М. А. Правовой режим зачета в гражданско-правовых обязательствах. М.: Дело, РАНХиГС, 2012.

формы исполнения обязательственного правоотношения. Важным юридическим свойством этого механизма выступает его реализуемость посредством одностороннего волеизъявления, что обусловлено прямым предписанием законодателя. Основываясь на комплексном анализе правовой природы данного института, ученые приходят к выводу, что зачет представляет собой особую модификацию надлежащего исполнения обязательства⁴².

Научная концепция, разработанная Р. С. Бевзенко и Т. Р. Фахретдиновым, характеризующая зачет как специфическую форму надлежащего исполнения обязательства, получившая частичное признание в правовых позициях Конституционного Суда РФ, формирует инновационную теоретико-методологическую модель зачета. Данная модель противопоставляется традиционной категоризации зачета исключительно как способа прекращения обязательства, причем он рассматривается как особый вид исполнения, обладающий уникальными характеристиками. Предложенная концептуальная конструкция создает фундаментальную основу для переосмысления устоявшегося положения института зачета в структурной иерархии юридических оснований прекращения обязательственных правоотношений.

На протяжении всех исторических периодов сохранялась дискуссионность вопроса о правовой природе зачета, что свидетельствует о сложности и многогранности данного правового института, его неоднозначном месте в системе юридических фактов гражданского права.

Историко-правовой анализ позволяет выявить устойчивую тенденцию к функциональному пониманию зачета не только как способа прекращения обязательств, но и как особой формы их исполнения, что подтверждается как доктринальными позициями различных периодов, так и современными подходами высших судебных инстанций.

Примечательно, что при кодификации гражданского законодательства в постсоветский период законодатель сохранил минималистский подход к регулированию зачета, не закрепив

его понятие и правовую природу. Эта законодательная неопределенность создала условия для продолжения доктринальной полемики о сущности зачета.

Важной особенностью современного этапа развития института зачета является возрастающая роль судебного толкования в формировании его правового режима. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6, квалифицирующее зачет как одностороннюю сделку, фактически осуществило нормотворческую функцию, восполнив пробел в законодательном регулировании. Это свидетельствует о формировании специфической модели развития института зачета, при которой судебная практика становится первичным источником права, а доктрина и законодательство — вторичными.

Качественно новой составляющей в доктринальном осмыслении юридической сущности зачета стала его теоретическая интерпретация в парадигме исполнения обязательственных правоотношений.

Сохраняя фундаментальную функцию по прекращению взаимных обязательственных требований без их фактического материального исполнения, институт зачета претерпел значительную эволюцию: от преимущественно частноправового механизма в дореволюционном гражданском праве, через трансформацию в специфический инструмент регулирования экономических отношений в условиях плановой экономики советского периода, до современного многофункционального правового института, адаптированного к потребностям рыночной экономической модели. Такая историческая устойчивость и адаптивность зачета свидетельствуют о его глубинной юридической значимости как правового механизма, отвечающего объективным требованиям экономического взаимодействия субъектов, независимо от типа хозяйственной системы и политико-экономической формации.

Системный историко-правовой анализ эволюции института зачета позволяет идентифицировать сущностное противоречие между его

⁴² См.: Бевзенко Р. С., Фахретдинов Т. Р. Указ. соч.

базовой юридической конструкцией и основополагающими принципами конкурсного производства при несостоятельности (банкротстве). Теоретическое положение, впервые сформулированное видным российским цивилистом Г. Ф. Шершеневичем на рубеже XIX–XX вв., о концептуальной несовместимости безусловного права на зачет встречных требований с фундаментальным принципом равенства правового положения кредиторов несостоятельного должника в рамках конкурсных отношений сохраняет актуальность и в современной юридической доктрине. Указанное противоречие выступает теоретико-методологическим основанием для разработки специализированной правовой конструкции зачета в условиях банкротства, которая должна учитывать оптимальный баланс между индивидуальными имущественными интересами отдельного кредитора и коллективными интересами всех участников конкурсного процесса, имеющими публично-правовое значение.

Детальное изучение исторических аспектов правового регулирования выявляет характер-

ную закономерность: эволюционное развитие института зачета в отечественной правовой системе осуществлялось преимущественно путем доктринальной разработки при относительно лаконичной законодательной регламентации данных отношений. Такая особенность формирования института зачета подчеркивает особую роль научного осмысления в его становлении и развитии, что делает соответствующие теоретические исследования особенно значимыми для правоприменительной практики.

Многообразие научных концепций относительно правовой природы зачета свидетельствует о сложности и многогранности данного института, который не может быть однозначно отнесен только к способам прекращения обязательств или исключительно к формам их исполнения. Подобная дуалистичность юридической природы зачета отражает его особую роль в системе обязательственных правоотношений, требующую дальнейшего теоретического осмысления и законодательного совершенствования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Адамович В. И.* Встречный иск (к учению о зачете). — Вып. 1. — СПб. : Типо-лит. А. Лейферта, 1899. — 290 с.
2. *Афанасьев С. Ф.* Заметки об институционно-пандектном подходе в частном праве и цивилистическом процессе: история и современность // Вестник гражданского процесса. — 2023. — № 5. — С. 49–88.
3. *Бевзенко Р. С., Фахретдинов Т. Р.* Зачет в гражданском праве: опыт исследования теоретической конструкции и обобщения судебной практики. — М. : Статут, 2006.
4. *Белов В. А.* Прекращение обязательств зачетом встречных требований по векселям (на примере обязательств из кредитных договоров) // Законодательство. — 1997. — № 1.
5. *Бернгейт Ф., Колер И.* Гражданское право Германии : пер. с нем. — СПб. : Сенат. тип., 1910.
6. *Брауде И.* Проблемы зачета в Гражданском кодексе // Право и жизнь. — 1924. — Кн. 10.
7. *Вавин Н. Г.* Зачет обязательств. — 2-е изд. — М. : Издательство книжного магазина «Правоведение» И. К. Голубева, 1914. — 66 с.
8. Гражданское право России. Общая часть : курс лекций / М. И. Брагинский, В. В. Залесский, Н. И. Клейн [и др.] ; отв. ред. О. Н. Садиков. — М. : Юрист, 2001. — 779 с.
9. Гражданское право / под ред. проф. М. М. Агаркова, проф. Д. М. Генкина. Т. 1. — М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1944. — 419 с.
10. *Гуляев А. М.* Русское гражданское право : обзор действующего законодательства, кассационной практики Правительствующего сената и Проекта гражданского уложения : пособие к лекциям. — 4-е изд., пересмотр. и доп. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. — 638 с.
11. *Десятков В. М.* Правовые вопросы взаимных расчетов в советском хозяйстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Свердловск, 1954. — 24 с.

12. *Егорова М. А.* Правовой режим зачета в гражданско-правовых обязательствах. — М. : Дело, РАНХиГС, 2012.
13. *Ершова И. В., Енькова Е. Е.* Банкротство хозяйствующих субъектов : учебник для бакалавров. — М. : Проспект, 2016. — 336 с.
14. *Исаев И. А.* О сущности и формах зачета // Журнал российского права. — 2005. — № 2. — С. 56–67.
15. *Исаченко В. Л.* Русское гражданское судопроизводство : практическое руководство для студентов и начинающих юристов : в 3 т. Т. 1 : Судопроизводство исковое. — Минск : Типо-лит. Б. И. Соломонова, 1901. — 304 с.
16. *Казанцев А. И.* Взаимные расчеты в народном хозяйстве СССР. — М. : Госфиниздат, 1959.
17. *Карелина С. А.* Принципы правового регулирования отношений, возникающих в связи с несостоятельностью (банкротством) должника // Предпринимательское право. — 2008. — № 2.
18. *Крашенинников Е. А.* К вопросу о «собственности на требование» // Очерки по торговому праву : сборник науч. трудов / под ред. Е. А. Крашенинникова. — Вып. 12. — Ярославль : ЯрГУ, 2005.
19. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право : в 2 ч. Ч. 2. — М., 1997. — 453 с.
20. *Новоселова Л. А.* Денежные расчеты в предпринимательской деятельности. — М. : ЮрИнфоР, 1996. — 160 с.
21. *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. Ч. 3 : Договоры и обязательства. — СПб. : Тип. II Отд-ния С. Е. И. В. Канцелярии, 1880. — 629 с.
22. *Сарбаш С. В.* Исполнение договорного обязательства. — М. : Статут, 2005. — 635 с.
23. *Сарбаш С. В.* Элементарная догматика обязательств : учеб. пособие. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Статут, 2020. — 436 с.
24. *Сарнэ А. А.* Прекращение обязательств исполнением : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1950.
25. *Синайский В. И.* Русское гражданское право. — М. : Статут, 2002. — 638 с.
26. *Суворов Е. Д.* Реализация принципа равенства кредиторов при исполнении обязательства по выполнению работ и передаче их результата в случае несостоятельности подрядчика // Вестник Московского государственного областного университета. — 2019. — № 2. — С. 129–145.
27. *Суханов Е. А.* Гражданское право. Т. 1. Полутом 1. — М. : Бек, 2003. — 783 с.
28. *Толстой В. С.* Исполнение обязательств. — М. : Юридическая литература, 1973. — 206 с.
29. *Томсинов В. А.* Разработка проекта Гражданского уложения и развитие науки гражданского права в России в конце XIX — начале XX века // Законодательство. — 2015. — № 2. — С. 88–94 ; № 3. — С. 88–94 ; № 4. — С. 88–94 ; № 5. — С. 88–94.
30. *Трепицын И. Н.* Гражданское право губерний Царства Польского и русское в связи с Проектом гражданского уложения. Общая часть обязательственного права / проф. И. Н. Трепицын. — Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1914. — XVII, 345 с.
31. *Усоскин М. М.* Организация и планирование кредита. — Изд. 4-е, перераб. и доп. — М. : Финансы, 1967.
32. *Фахретдинов Т. Р.* Проблемы применения зачета в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2006. — 183 с.
33. *Цитович П. П.* Гражданский процесс : конспект лекций, чит. в Ун-те св. Владимира орд. проф. П. П. Цитовичем (осен. семестр 1887 г.). — Киев : Типо-лит. И. Н. Кушнерева и К°, 1887. — [2], II, 110 с.
34. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. Т. 2. — М., 1915. — 544 с.

Материал поступил в редакцию 21 июля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Adamovich V. I. Vstrechnyy isk (k ucheniyu o zachete). — Vyp. 1. — SPb.: Tipo-lit. A. Leyferta, 1899. — 290 s.
2. Afanasev S. F. Zametki ob institutsionno-pandektnom podkhode v chastnom prave i tsivilisticheskom protsesse: istoriya i sovremennost // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2023. — № 5. — S. 49–88.
3. Bevzenko R. S., Fakhretdinov T. R. Zachet v grazhdanskom prave: opyt issledovaniya teoreticheskoy konstruktssii i obobshcheniya sudebnoy praktiki. — M.: Statut, 2006.
4. Belov V. A. Prekrashchenie obyazatelstv zachetom vstrechnykh trebovaniy po vekselyam (na primere obyazatelstv iz kreditnykh dogovorov) // Zakonodatelstvo. — 1997. — № 1.
5. Berngeft F., Koler I. Grazhdanskoe pravo Germanii: per. s nem. — SPb.: Senat. tip., 1910.
6. Braude I. Problemy zacheta v Grazhdanskom kodekse // Pravo i zhizn. — 1924. — Kn. 10.
7. Vavin N. G. Zachet obyazatelstv. — 2-e izd. — M.: Izdatelstvo knizhnogo magazina «Pravovedenie» I. K. Golubeva, 1914. — 66 s.
8. Grazhdanskoe pravo Rossii. Obshchaya chast: kurs lektsiy / M. I. Braginskiy, V. V. Zalesskiy, N. I. Kleyn [i dr.]; otv. red. O. N. Sadikov. — M.: Yurist, 2001. — 779 s.
9. Grazhdanskoe pravo / pod red. prof. M. M. Agarkova, prof. D. M. Genkina. T. 1. — M.: Yuridicheskoe izdatelstvo NKYu SSSR, 1944. — 419 s.
10. Gulyaev A. M. Russkoe grazhdanskoe pravo: obzor deystvuyushchego zakonodatelstva, kassatsionnoy praktiki Pravitelstvuyushchego senata i Proekta grazhdanskogo ulozheniya: posobie k lektsiyam. — 4-e izd., peresmotr. i dop. — SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1913. — 638 s.
11. Desyatkov V. M. Pravovye voprosy vzaimnykh raschetov v sovetskom khozyaystve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Sverdlovsk, 1954. — 24 s.
12. Egorova M. A. Pravovoy rezhim zacheta v grazhdansko-pravovykh obyazatelstvakh. — M.: Delo, RANKhiGS, 2012.
13. Ershova I. V., Enkova E. E. Bankrotstvo khozyaystvuyushchikh subektov: uchebnik dlya bakalavrov. — M.: Prospekt, 2016. — 336 s.
14. Isaev I. A. O sushchnosti i formakh zacheta // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2005. — № 2. — S. 56–67.
15. Isachenko V. L. Russkoe grazhdanskoe sudoproizvodstvo: prakticheskoe rukovodstvo dlya studentov i nachinayushchikh yuristov: v 3 t. T. 1: Sudoproizvodstvo iskovoe. — Minsk: Tipo-lit. B. I. Solomonova, 1901. — 304 s.
16. Kazantsev A. I. Vzaimnye raschety v narodnom khozyaystve SSSR. — M.: Gosfinizdat, 1959.
17. Karelina S. A. Printsipy pravovogo regulirovaniya otnosheniy, vznikayushchikh v svyazi s nesostoyatelnostyu (bankrotstvom) dolzhnika // Predprinimatelskoe pravo. — 2008. — № 2.
18. Krasheninnikov E. A. K voprosu o «sobstvennosti na trebovanie» // Ocherki po trgovomu pravu: sbornik nauch. trudov / pod red. E. A. Krasheninnikova. — Vyp. 12. — Yaroslavl: YarGU, 2005.
19. Meyer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo: v 2 ch. Ch. 2. — M., 1997. — 453 s.
20. Novoselova L. A. Denezhnye raschety v predprinimatelskoy deyatel'nosti. — M.: YurInfoR, 1996. — 160 s.
21. Pobedonostsev K. P. Kurs grazhdanskogo prava. Ch. 3: Dogovory i obyazatelstva. — SPb.: Tip. II Otd-niya S. E. I. V. Kantselyarii, 1880. — 629 s.
22. Sarbash S. V. Ispolnenie dogovornogo obyazatelstva. — M.: Statut, 2005. — 635 s.
23. Sarbash S. V. Elementarnaya dogmatika obyazatelstv: ucheb. posobie. — 3-e izd., ispr. i dop. — M.: Statut, 2020. — 436 s.
24. Sarne A. A. Prekrashchenie obyazatelstv ispolneniem: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 1950.
25. Sinayskiy V. I. Russkoe grazhdanskoe pravo. — M.: Statut, 2002. — 638 s.
26. Suvorov E. D. Realizatsiya printsipa ravenstva kreditorov pri ispolnenii obyazatelstva po vypolneniyu rabot i peredache ikh rezultata v sluchae nesostoyatel'nosti podryadchika // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. — 2019. — № 2. — S. 129–145.
27. Sukhanov E. A. Grazhdanskoe pravo. T. 1. Polutom 1. — M.: Bek, 2003. — 783 s.

28. Tolstoy V. S. Ispolnenie obyazatelstv. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1973. — 206 s.
29. Tomsinov V. A. Razrabotka proekta Grazhdanskogo ulozheniya i razvitie nauki grazhdanskogo prava v Rossii v kontse XIX — nachale XX veka // Zakonodatelstvo. — 2015. — № 2. — S. 88–94; № 3. — S. 88–94; № 4. — S. 88–94; № 5. — S. 88–94.
30. Trepitsyn I. N. Grazhdanskoe pravo guberniy Tsarstva Polskogo i russkoe v svyazi s Proektom grazhdanskogo ulozheniya. Obshchaya chast obyazatelstvennogo prava / prof. I. N. Trepitsyn. — Varshava: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga, 1914. — XVII, 345 s.
31. Usoskin M. M. Organizatsiya i planirovanie kredita. — Izd. 4-e, pererab. i dop. — M.: Finansy, 1967.
32. Fakhretdinov T. R. Problemy primeneniya zacheta v grazhdanskom prave Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. — Samara, 2006. — 183 s.
33. Tsitovich P. P. Grazhdanskiy protsess: konspekt lektsiy, chit. v Un-te sv. Vladimira ord. prof. P. P. Tsitovichem (osen. semestr 1887 g.). — Kiev: Tipo-lit. I. N. Kushnereva i K^o, 1887. — [2], II, 110 s.
34. Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. T. 2. — M., 1915. — 544 s.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.125-138

А. Ю. Епихин*,
А. А. Хайдаров**

Уголовно-процессуальные гарантии соблюдения охраняемой законом тайны

Аннотация. Статья посвящена обеспечению тайны, охраняемой законом, в уголовном процессе России. Авторы анализируют состояние института свидетельского иммунитета применительно к государственной, профессиональной и иным видам тайн. Выявлена неурегулированность ряда аспектов допроса следователем лиц, обладающих государственной тайной, без судебного решения. Сделан вывод, что имеются противоречия между обязанностью лиц, обладающих секретными сведениями, сохранять тайну и обязанностью дачи показаний в ходе уголовного судопроизводства. В статье изучается теоретическая составляющая возможностей и способов преодоления свидетельского иммунитета в уголовном процессе. В УПК РФ недостаточно полно регламентируется обеспечение государственной, профессиональной, служебной и личной тайны. В статье обосновываются необходимость повышения эффективности обеспечения в отечественном уголовном процессе государственной тайны и недопустимость произвольного рассекречивания сведений, относящихся к государственной и охраняемой законом тайне, по усмотрению следователя (дознателя). Авторы настаивают на введении судебного контроля за деятельностью следователя (дознателя) в случае допроса лица, обладающего сведениями, отнесенными к разряду государственной или иной охраняемой законом тайны, при отсутствии разрешения на допрос от органа, должностного лица, ответственного за сохранение государственной тайны.

Ключевые слова: государственная тайна; охрана тайны; уголовный процесс; закрытое судебное разбирательство; иммунитет; свидетельский иммунитет; конфиденциальность; конфиденциальные данные; профессиональная тайна; служебная тайна; журналистская тайна; рассекречивание данных; интересы государства; обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса; право отказаться от дачи показаний; допрос свидетеля; усмотрение

Для цитирования: Епихин А. Ю., Хайдаров А. А. Уголовно-процессуальные гарантии соблюдения охраняемой законом тайны // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 4. — С. 125–138. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.125-138

© Епихин А. Ю., Хайдаров А. А., 2026

* *Епихин Александр Юрьевич*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета
Кремлевская ул., д. 18, г. Казань, Российская Федерация, 420008
doc@epihin.ru

** *Хайдаров Альберт Анварович*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юридических дисциплин Набережночелнинского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета
просп. Мира, д. 68/19 (1/18), г. Набережные Челны, Российская Федерация, 423810
skywriter_al@mail.ru

Criminal Procedural Guarantees for the Classified Information Protection

Aleksandr Yu. Epikhin, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation
doc@epihin.ru

Albert A. Khaidarov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Legal Disciplines, Naberezhnye Chelny Institute (Branch) of Kazan (Volga Region) Federal University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation
skywriter_al@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the protection of classified information in criminal proceedings in Russia. The authors analyze the state of the institution of witness immunity in relation to official, professional and other types of secrets. A number of aspects of the investigator's interrogation of persons possessing official secrets without a court order have been identified as unsettled. In addition, it was concluded that there are contradictions between the duty of persons possessing classified information to maintain secrecy and the duty to give testimony during criminal proceedings. The paper examines the theoretical component of the possibilities and methods of overcoming witness immunity in criminal proceedings. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not sufficiently regulate the protection of official, professional, business and personal secrets. The paper substantiates the need to increase the effectiveness of ensuring official secrets in domestic criminal proceedings and the inadmissibility of arbitrary declassification of information related to classified information, at the discretion of the investigator (inquiry officer). The authors insist on the introduction of judicial control over the activities of the investigator (inquiry officer) in the event of the interrogation of a person possessing information classified as classified information, in the absence of permission for interrogation from the body or official responsible for maintaining official secrets.

Keywords: classified information; protection of secrets; criminal proceedings; closed trial; immunity; witness immunity; confidentiality; confidential data; privileged information; official secret; journalistic secret; declassification of data; interests of the state; ensuring the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings; right to refuse to testify; interrogation of a witness; discretion

Cite as: Epikhin AYu, Khaidarov AA. Criminal Procedural Guarantees for the Classified Information Protection. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(4):125-138. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4. 125-138

В Российской Федерации предусмотрена правовая регламентация статуса государственной и иных видов тайн, включая ответственность за их нарушение. Правовой режим тайны регулируется Конституцией РФ, федеральными законами, а также ведомственными нормативными актами.

В Конституции РФ четыре раза используется понятие тайны: «семейная тайна» (ст. 23), «тайна переписки, телефонных переговоров,

почтовых, телеграфных и иных сообщений» (ст. 23), «государственная тайна» (ст. 29), «тайна голосования» (ст. 81). Традиционно выделяют и другие виды тайн: врачебную, коммерческую, банковскую, налоговую, нотариальную. Как полагаем, к охраняемой тайне следует отнести и конфиденциальность сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства на основании ч. 3 ст. 11 УПК РФ¹.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

См.: *Епихин А. Ю., Мишин А. В.* Допрос потерпевшего, свидетеля под псевдонимом в досудебном и судебном производствах (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты) // Вестник Удмур-

В российском правовом поле действует значительное количество федеральных законов, регулирующих правовой режим того или иного вида тайны. Правовой режим тайны регламентируется и другими нормативными правовыми актами: указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ, ведомственными нормативными актами. Как справедливо пишет О. С. Морозова, на сегодняшний день насчитывается более 100 нормативных актов, относящихся к категории ограниченного доступа². Несоблюдение правил обращения с тайной может приводить к гражданско-правовой, дисциплинарной, административной (ст. 13.11, 13.14 КоАП РФ) и уголовной ответственности (ст. 137, 183 УК РФ). Отметим, что условия раскрытия тайн для многих из них различные. Доступ к сведениям, относящимся к государственной тайне, определяет Президент РФ, а порядок работы с государственной тайной (доступ, допуск и т.д.) — Правительство РФ, контроль за соблюдением тайны возлагается на отдельные государственные органы. Кроме этого, вопросы охраны тайн были предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Так, пределы усмотрения правоприменителя были ограничены постановлением Суда от 23.11.2017 № 32-П³. В нем указано на необходимость ознакомления лиц, чьи права и свободы непосредственно затрагиваются постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, с материалами проверки сообщения о преступлении, относящимися к государственной тайне, хотя эти лица допуска к таким сведениям не имеют. И для таких лиц необходимо проработать механизм предоставления доступа к государственной тайне. Как минимум у них следует

брать подписку о неразглашении и предупреждать об уголовной ответственности за распространение сведений, относящихся к подобной категории. Конституционный Суд РФ еще раз подтвердил, что произвольное раскрытие государственной тайны недопустимо, а лицам, желающим ознакомиться с материалами процессуальной деятельности, необходимо оформлять допуск в том или ином виде.

Суд (судья) рассматривает уголовные, гражданские и административные дела о нарушениях законодательства Российской Федерации о государственной тайне; обеспечивает судебную защиту граждан, органов государственной власти, предприятий, учреждений и организаций в связи с их деятельностью по защите государственной тайны; гарантирует в ходе рассмотрения данных дел защиту государственной тайны. При этом Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» не содержит указаний, как эту деятельность должен осуществлять конкретный суд (судья) либо иной правоприменитель. Отмечено только, что организации и органы государственной власти Российской Федерации, к которым относится и суд (судья), вправе обратиться в органы государственной власти, на предприятия, в учреждения, организации, в том числе в государственные архивы, с запросом о рассекречивании сведений, отнесенных к государственной тайне (ст. 15 Закона). В остальном председательствующий судья определяет возможность раскрытия охраняемой законом информации по своему усмотрению применительно к каждому уголовному делу в отдельности. Уголовно-процессуальный закон

тского университета. Серия «Экономика и право». 2019. Т. 29. № 4. С. 480–486 ; *Епихин А. Ю.* Повышение уголовно-правовой защищенности имущественных и иных прав потерпевшего // *Современное право*. 2014. № 6. С. 110–113 ; *Он же.* Институт безопасности участников уголовного процесса: сравнительный анализ законодательства зарубежных стран // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2008. № 1. С. 139–145 ; *Он же.* Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар, 2004 ; *Он же.* Концепция безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар, 2000.

² См.: *Морозова О. С.* Некоторые особенности уголовно-процессуального статуса свидетеля // *Сибирское юридическое обозрение*. 2023. № 3. С. 323.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.2017 № 32-П «По делу о проверке конституционности статей 21 и 21.1 Закона Российской Федерации “О государственной тайне” в связи с жалобой гражданина Е. Ю. Горovenko» // СПС «КонсультантПлюс».

не устанавливает ограничений в отношении расследования и рассмотрения уголовных дел, связанных с охраняемой законом тайной. В таком случае уголовный процесс производится в общем порядке, без каких-либо исключений. При этом на органы следствия, прокуратуры и судей распространяются ограничения в связи с допуском к государственной тайне.

Допуск защитников по уголовным делам, по которым рассматриваются вопросы, связанные с государственной тайной, осуществляется также в общем порядке. При этом такой допуск сам по себе накладывает различные ограничения на адвоката в последующем⁴, существенно отличающиеся от ограничений, действующих в отношении представителей государственных органов. Остается актуальным вопрос о допуске к государственной тайне адвокатов и иных лиц, участвующих в деле, и о том, как этим лицам пользоваться своими правами в условиях допуска, выданного в порядке ст. 21.1 Закона РФ «О государственной тайне». Особенно остро стоит вопрос об обращении адвокатов к специалистам и о пределах оглашения адвокатами информации этим специалистам по делам, где фигурирует государственная тайна.

Важным для исследования является то, что законодательством РФ не предусматривается возможность выдачи специального документа (ордера, предписания, постановления), который бы позволял носителю государственных секретов либо каких-либо тайн давать показания в уголовном судопроизводстве. Это означает, что лицо не может отказаться давать показания следователю, суду (судье). При этом очевидна разница в значимости раскрытия государственной и иной охраняемой законом тайны.

По нашему мнению, правовой режим сохранения государственной тайны в уголовном процессе должен быть более строгим, нежели режим допуска к другим тайнам. Следует подчеркнуть, что идея повышенной охраны государственной тайны ярко прослеживается в

уголовно-процессуальном законе зарубежных стран.

Охраняемые законом сведения регулярно попадают в сферу уголовного процесса в том или ином качестве. Зачастую они становятся предметом уголовного судопроизводства — выступают в качестве предмета преступного посягательства, например по делам о шпионаже, государственной измене и т.д.

Следует подчеркнуть важность судебного контроля за получением доступа к охраняемой законом тайне. Доступ следователя (дознателя) к охраняемой тайне, которая содержится в каком-либо учреждении, организации, возможен лишь на основании судебного решения. Нередко суды отказывают следователям (дознателям) в предоставлении таких сведений, что говорит о реальных гарантиях охраняемой законом тайны в правоприменительной практике⁵.

Остаются актуальными и правоприменительные проблемы, касающиеся статьи 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», допускающей получение следователем, с согласия руководителя следственного органа, у банков информации по счетам и вкладам физических лиц. Значит, судебный контроль не распространяется на некоторые виды информации, охраняемой законом. Следовательно, есть тайна, которая подлежит раскрытию по судебному решению, а есть тайна, для раскрытия которой судебное решение не нужно. Подчеркнем, что для получения информации о вкладах и счетах юридических лиц следователю потребуются предварительное судебное решение. Дознаватели информацию о счетах и вкладах в банках физических лиц получают по судебному решению. Это приводит к процессуальным нарушениям в практической деятельности, когда дознаватели, не желая обращаться в суд, передают материалы уголовного дела внутри подразделения МВД России из отдела дознания в следственный отдел. Следователь получает информацию о вкладах

⁴ Письмо Федеральной палаты адвокатов РФ от 23.05.2024 № 170-05/24-АП «О вопросе предварительного уведомления о выезде из Российской Федерации».

⁵ Апелляционное постановление Курского областного суда от 03.05.2018 № 22к-510/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

и счетах в банке на физическое лицо без судебного решения, а затем материал возвращается обратно в отдел дознания. Всё это делается с разрешения руководителя следственного органа и начальника подразделения дознания. Такие нарушения выявляются прокурорами. Об этих фактах также стало известно при проведении занятий на факультете повышения квалификации прокуроров Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ. В целях пресечения подобных нарушений и обеспечения соответствующих гарантий предлагаем информацию о вкладах и счетах физических лиц предоставлять следователям только по судебному решению. Поскольку следователи в практической деятельности получают подобную информацию по запросу в рамках проверки сообщения о преступлении, данное предложение выглядит еще более актуальным.

Следующей проблемой является то, что для допроса лица, обладающего охраняемыми законом сведениями, следователю (дознавателю) не нужно получать каких-либо разрешений и это лицо обязано давать показания. В этом смысле явно наблюдается противоречие: для получения охраняемой законом тайны из той или иной организации необходимо судебное решение, а для получения аналогичной информации из уст допрашиваемого никаких разрешений не нужно.

Действительно, лица, ведущие судопроизводство (следователь, судья), могут потребовать от участников процесса раскрыть охраняемую законом тайну и дать показания, поскольку без этих данных целей уголовного процесса не достигнуть. Если у подозреваемого (обвиняемого) есть право не свидетельствовать против себя и близких родственников, которое в полной мере позволяет гарантировать правовой режим той или иной тайны, отказавшись от дачи показаний без какой-либо боязни привлечения к уголовной

ответственности, то такого выбора у свидетеля и потерпевшего нет. Отказ свидетельствовать в уголовном процессе при наличии охраняемой тайны не гарантирует свидетелю (потерпевшему) непривлечение к уголовной ответственности по ст. 308 УК РФ. Даже при наличии обязанности хранить охраняемую законом тайну свидетель обязан давать показания следователю и судье, а в случае отказа может быть привлечен к уголовной ответственности.

Права отказаться от дачи показаний свидетелю (потерпевшему) вышеуказанные нормативные правовые акты не предоставляют. Если в отношении свидетеля предусмотрены случаи, когда он может отказаться от дачи показаний о сведениях, составляющих охраняемую законом тайну, то применительно к потерпевшему такие правила отсутствуют. Подчеркнем, что допрашиваемый свидетель, потерпевший не «владелец» этой тайны и на ее раскрытие должны получить разрешение. По крайней мере по такому пути идет процессуальное законодательство ряда зарубежных стран. Данный вопрос будет исследоваться подробно далее.

Следующей проблемой охраны тайны является ограниченный перечень свидетельских иммунитетов в ст. 56 УПК РФ. В указанную статью регулярно вносятся изменения, касающиеся обязанности сохранения сведений в тайне лицами определенных профессий или занимающих определенную должность. Так, часть 3 ст. 56 УПК РФ в 2015 г. была дополнена положениями о возможности отказа от дачи показаний должностным лицом налогового органа в части, касающейся добровольного декларирования физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках⁶. В том же году внесены изменения, относящиеся к участию арбитра (третейского судьи) в арбитраже (третейском суде) и необходимости сохранения в тайне его деятельности⁷. В 2020 г. в УПК РФ был предоставлен свидетель-

⁶ Федеральный закон от 08.06.2015 № 140-ФЗ (ред. от 09.03.2022) «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 24. Ст. 3367.

⁷ Федеральный закон от 29.12.2015 № 409-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6

ский иммунитет Уполномоченному по правам человека в РФ и уполномоченному по правам человека в субъекте РФ.

Таким образом, отечественный законодатель занял позицию максимально полного регулирования перечня случаев отказа от дачи показаний лицами, на которых возлагается сохранение той или иной тайны. Из вышеупомянутых положений УПК РФ можно сделать вывод, что только указанные в ст. 56 Кодекса лица могут отказаться от дачи показаний, ссылаясь на свою должность (профессию) и сведения, ставшие им известными в силу занимаемой должности или положения. Получается, что во всех остальных случаях это невозможно, под угрозой привлечения лиц к уголовной ответственности. Как представляется, применительно к данной ситуации речь идет о том, что уголовно-процессуальный закон не успевает за стремительно меняющимся законодательством.

Не все предусмотренные законом случаи свидетельского иммунитета закреплены в ч. 3 ст. 56 УПК РФ. Например, у лиц, пользующихся дипломатической неприкосновенностью, есть возможность не являться на допрос к следователю (суду) без получения согласия иностранного государства, на службе которого находится или находилось лицо, пользующееся иммунитетом (ст. 3 УПК РФ). Несмотря на отсутствие в ч. 3 ст. 56 Кодекса подобной категории лиц, это право за ними признается учеными.

Впрочем, в российской правовой действительности есть категории лиц, деятельность которых регулируется федеральным законодательством и которые, безусловно, связаны с охраняемой законом тайной личной жизни, такие как медиаторы⁸, психологи (участвующие в следственных действиях, психологи в органах исполнительной власти, в школах, психологи, работающие с малолетними правонарушителями, и т.д.)⁹, педагогические работники¹⁰, сотрудники органов пробации¹¹. Уголовно-процессуальный закон не предоставляет указанным лицам право отказа свидетельствовать по вопросам тайны личной жизни их подопечных, которая им стала известна в ходе деятельности. Когда речь идет о тайне ноу-хау, не защищены патентные поверенные¹², да и в целом коммерческая тайна уголовно-процессуальным законом не гарантируется. Не так давно на страницах юридической печати мы писали об отсутствии возможности не свидетельствовать у анонимных свидетелей относительно своей личности, когда им не обеспечивается в полной мере безопасность государственными органами. Следователь (судьи) не вправе отказать от допроса анонимного свидетеля в отечественном уголовном процессе. В судебной практике регулярно возникают вопросы о возможности обсуждения в судебных заседаниях данных, полученных кадровыми работниками, которым известны подробности личной жизни

Федерального закона “О саморегулируемых организациях” в связи с принятием Федерального закона “Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации” // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 29.

⁸ Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

⁹ Психологи — участники уголовного процесса (ст. 425 УПК РФ); психологи в школах (распоряжение Минпросвещения России от 28.12.2020 № Р-193 (ред. от 26.09.2023) «Об утверждении методических рекомендаций по системе функционирования психологических служб в общеобразовательных организациях» // СПС «КонсультантПлюс»); психологи в центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей (приказ МВД России от 27.11.2023 № 908 «Об утверждении Наставления по организации деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел» // СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁰ Ст. 179 ГПК РФ, ст. 425 УПК РФ.

¹¹ Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 6. Ст. 917.

¹² Федеральный закон от 30.12.2008 № 316-ФЗ (ред. от 31.07.2023) «О патентных поверенных» // СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 24.

подопечных, или данных, полученных сотрудниками ФСИН России из личных дел осужденных. Несмотря на гарантированность тайны личной жизни, никто из перечисленных категорий лиц свидетельским иммунитетом не обладает.

Таким образом, не все тайны в полной мере гарантируются уголовно-процессуальным законом. Отсутствие вышеуказанного перечня лиц в ч. 3 ст. 56 УПК РФ свидетельствует о том, что следователь (дознатель) может потребовать раскрыть тайну любого характера без соответствующего судебного контроля, а у потенциального свидетеля нет возможности защитить свои права в порядке ст. 124 и 125 УПК РФ, поскольку Кодекс не гарантирует сохранность тайны, которую свидетель обязан хранить в силу закона. Не обеспечивается возможность сохранения тайны свидетелями и со стороны должностных лиц (органов). Отсутствие возможности судебного контроля в досудебном производстве по вопросу охраны государственной и иной охраняемой законом тайны негативно сказывается на защите государственных интересов в сфере защиты государственной тайны, а также не позволяет защитить лиц, которые в силу служебного положения должны хранить тайны.

Проблема расширения свидетельского иммунитета стоит остро достаточно давно, в УПК РФ регулярно вносятся изменения и дополнения. Мы хотим вновь обратиться к этой теме, опираясь на современные мировые тенденции расширения свидетельского иммунитета. Еще в 1995 г. один из авторов статьи в диссертации поднимал вопрос о необходимости расширения перечня лиц, на которых распространяется свидетельский иммунитет. Правом отказа от свидетельствования и освобождения от уголовной ответственности за отказ от дачи показаний в качестве свидетеля, по его мнению, должны были также обладать 1) законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого,

обвиняемого, подсудимого; 2) депутат, журналист — в части сообщения сведений об источнике информации, имеющей значение по делу; 3) государственный служащий, работа которого связана с государственной или служебной тайной. С тех пор автор и другие процессуалисты неоднократно возвращались к этому вопросу.

Н. В. Сидорова предлагала в 2004 г. дополнить перечень лиц, освобождаемых от обязанности давать свидетельские показания, указанием на граждан, сотрудничающих с оперативно-розыскными органами на конфиденциальной основе, которые могут быть допрошены в качестве свидетелей только с их согласия¹³. Несколько странно выглядит ситуация, когда, с одной стороны, данные оперативно-розыскной деятельности, согласно инструкции, передаются с разрешения ответственного за сохранность тайны руководителя, а допрос лиц о тех же самых данных, которые не рассекречены, производится по решению следователя (дознателя).

И. С. Дикарев обращал внимание на наличие свидетельского иммунитета у несовершеннолетних, не достигших возраста привлечения к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний. Кроме того, он предлагал предоставить иммунитет лицам, содействовавшим адвокату при оказании им юридической помощи гражданину (например, переводчикам, присутствовавшим при свидании адвокатов с их подзащитными, помощникам адвокатов и др.)¹⁴.

В 2015 г. в своей диссертации Н. Ю. Волосова предлагала включить в перечень лиц, наделенных обязанностью сохранения доверенных им тайн, журналистов, врачей, стажеров и помощников адвокатов, переводчиков, приглашенных адвокатом для участия в процессе¹⁵.

Вопрос о возможности раскрытия государственной и иной охраняемой законом тайны в рамках уголовного судопроизводства и о пределах такой деятельности являлся предметом

¹³ Сидорова Н. В. Правовое регулирование показаний свидетеля в российском уголовном процессе: история, современное состояние : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 7.

¹⁴ Дикарев И. С. Свидетельский иммунитет в уголовном процессе // Журнал российского права. 2012. № 3. С. 76–81.

¹⁵ Волосова Н. Ю. Уголовно-процессуальный институт свидетельского иммунитета: теория, законодательное регулирование и практика : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 332–333.

исследования как в России, так и за рубежом. Иностранных авторов заботят проблемы пределов разглашения государственной тайны в судебных разбирательствах¹⁶, гарантии врачебной тайны¹⁷, гарантии конфиденциальности в вопросах медиации¹⁸, защиты журналистской тайны¹⁹, раскрытия в судебных разбирательствах тайн государственными компаниями или компаниями, связанными с государственными структурами, имеющими доступ к государственной тайне²⁰.

Как справедливо пишут зарубежные процессуалисты, привилегия разглашения государственной тайны позволяет органам исполнительной власти предотвратить раскрытие важной государственной тайны в ходе судебного разбирательства²¹. Иными словами, органы исполнительной власти в лице руководителей, исходя из служебной необходимости, самостоятельно определяют, могут ли их сотрудники разглашать ту или иную охраняемую законом информацию в уголовном процессе или нет.

Мы убеждены, что процессуальные гарантии сохранения различных видов тайн в уголовном процессе должны быть разными. У государственной тайны должны быть наивысшие гарантии. По крайней мере по этому пути идут некоторые зарубежные страны (УПК Швейцарии, УПК ФРГ, УПК Республики Молдова). Так, согласно УПК Швейцарии даже суд (судья) не может преодо-

леть государственную тайну, если идет речь об органах власти. Это может сделать лишь орган, отвечающий за сохранение тайны. Например, в соответствии со ст. 170 УПК Швейцарии «сотрудники органов власти вправе отказаться от дачи свидетельских показаний о тайнах, которые им доведены в официальном качестве или которые стали им известны при исполнении своих обязанностей *ex officio*. Они обязаны давать показания, если они на это уполномочены вышестоящим органом в письменной форме. Вышестоящий орган уполномочивает лицо на дачу показаний, если интерес к установлению истины превышает интерес сохранения сведений в тайне»²².

Отечественный уголовно-процессуальный закон не требует специального разрешения на разглашение государственной и иной служебной тайны. Следователем подобные разрешения не запрашиваются, а в ходе предварительного расследования обсуждаются сведения, охраняемые законом, в присутствии лиц, которые к подобным данным допуска не имеют. В случае если судья берет на себя решение о возможности обсуждения этих данных, то он должен выносить отдельное постановление с разрешением вопроса о проведении закрытого судебного заседания.

Предлагаем обязать лиц, ответственных за сохранение в тайне тех или иных сведений, ин-

¹⁶ Chesney R. State Secrets and the Limits of National Security Litigation // *George Washington Law Review*. 2007. Vol. 75 (5). Wake Forest University Legal Studies Paper No. 946676. URL: <https://ssrn.com/abstract=946676/> ; Nasu H. State secrets law and national security // *The International and Comparative Law Quarterly*. 2015. Vol. 64. No. 2 (April). P. 365–404 ; Setty S. Litigating Secrets: Comparative Perspectives on the State Secrets Privilege // *Brooklyn Law Review*. 2009. Vol. 75. URL: <https://brooklynworks.brooklaw.edu/blr/vol75/iss1/4/>.

¹⁷ Mendelson D., Wolf G. Health Privacy and Confidentiality. Chapter 23 // *Tensions and Traumas in Health Law* / I. Freckelton, K. Petersen (eds.). Sydney, 2017. URL: <https://ssrn.com/abstract=2952275>.

¹⁸ Alfini J. J., McCabe C. Mediating in the Shadow of the Courts: A Survey of the Emerging Case Law // *Arkansas Law Review*. 2001. Vol. 54. No. 2. URL: <https://ssrn.com/abstract=2690503>.

¹⁹ Banisar D. Silencing Sources: An International Survey of Protections and Threats to Journalists' Sources // *SSRN Electronic Journal*. November 8, 2007. URL: <https://ssrn.com/abstract=1706688> ; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1706688>.

²⁰ Donohue L. K. The Shadow of State Secrets // *University of Pennsylvania Law Review*. 2010. Vol. 159. Issue 1. P. 77–216. Georgetown Public Law Research Paper No. 10-10. URL: <https://ssrn.com/abstract=1566982>.

²¹ Miller A. R. Confidentiality, Protective Orders, and Public Access to the Courts // *Harvard Law Review*. 1991. Vol. 105. No. 2. P. 427–502. URL: <https://doi.org/10.2307/1341696>.

²² Трефилов А. А. Уголовный процесс зарубежных стран. М., 2016. Т. 1 : Уголовный процесс Швейцарии. С. 730.

формировать суд (судью) о том, что обсуждаемая информация является государственной тайной. Кроме этого, следует обязать брать у должностных лиц и органов обязательно подписку о неразглашении государственной тайны, ответственность за разглашение которой предусмотрена статьей 283 УК РФ, либо оформлять допуск к государственной тайне в особом порядке (ст. 21.1 Закона РФ «О государственной тайне»), без каких-либо исключений.

Следует положительно оценить изменения, которые были внесены в Закон РФ «О государственной тайне», в котором предусматривается обязательное оформление допуска адвоката и иных участвующих в процессе лиц к государственной тайне (ст. 21.1). Ранее оформлялась следователем лишь подписка о неразглашении данных предварительного следствия. В этом плане отечественное федеральное законодательство идет по пути ужесточения правил допуска к государственной тайне в уголовном процессе.

На практике возникает вопрос о пределах использования адвокатом данных, охраняемых законом, в том числе после допуска к государственной тайне. Так, адвокат использовал копии документов, содержащиеся в деле, для обжалования и был осужден по ст. 283 УК РФ²³. Вопросы вставали и при обращении адвоката с копиями секретных документов из дела в Конституционный Суд РФ²⁴. Здесь возникает практический вопрос: как адвокату воспользоваться правом обратиться к специалисту, предусмотренным пунктом 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ? Может ли адвокат раскрывать секретные сведения специалисту в целях защиты доверителя, попросив его подготовить заключение? Так, недавно получил резонанс случай, когда в отношении адвоката возбудили уголовное дело за разглашение тайны следствия при обращении к специалисту²⁵. Речь в этом деле шла даже не о государствен-

ной тайне, а об охраняемой законом тайне следствия. Как представляется, ограничение права адвоката на обжалование либо обращение к специалисту недопустимо, поэтому необходимо создавать гарантии неразглашения данных предварительного расследования, содержащих государственную тайну, так же как обеспечивать возможность обращения адвоката к специалисту по уголовным делам. В этих целях должен быть закреплен специальный режим обжалования, в условиях которого адвокат может оперировать документами, содержащими государственную тайну, а специалисту, к которому обращается адвокат, должен быть обеспечен допуск к государственной тайне в особом порядке, предусмотренном статьей 21.1 Закона РФ «О государственной тайне». Для этого адвокату необходимо обратиться к следователю с просьбой о предоставлении такого допуска специалисту, которого адвокат хочет привлечь к делу. Необходимо внести соответствующие изменения в уголовно-процессуальный закон.

Теперь следует обратить внимание на новую проблему. В УПК РФ нет различных порядков раскрытия тайн в зависимости от их видов. Исходя из п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК РФ, мы также не будем предлагать предусматривать такие различия для преодоления свидетельского иммунитета.

Верно было подмечено О. С. Морозовой, что за последние несколько десятилетий были приняты и вступили в силу множество федеральных законов, которые устанавливают ограниченный характер доступа к той или иной информации. «На сегодняшний день таких сведений свыше сотни, и этот список постоянно пополняется. Только в последние месяцы к сведениям ограниченного доступа добавлена контрсанкционная информация»²⁶.

Но возможно ли все указанные случаи предусмотреть в законе и постоянно вносить измене-

²³ Адвоката, осужденного на четыре месяца за разглашение гостайны, переосудили на условный срок // URL: <https://pravo.ru/news/view/101394/> (дата обращения: 24.04.2025).

²⁴ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/779501> (дата обращения: 24.04.2025).

²⁵ Адвоката обвинили в разглашении тайны следствия за обращение к эксперту // URL: <https://pravo.ru/news/237855/?ysclid=m9uz7mrzw3825713677> (дата обращения: 24.04.2025).

²⁶ Морозова О. С. Некоторые особенности уголовно-процессуального статуса свидетеля // Сибирское юридическое обозрение. 2023. № 3. С. 323–325.

ния в уголовно-процессуальный закон? В литературе есть предложения образовать общую норму для всех видов тайн. Тогда не придется каждый раз вносить изменения в УПК РФ. Так, О. С. Морозова предлагает в целях защиты государственной и иной защищаемой законом тайны ч. 3 ст. 56 УПК РФ дополнить запретом на получение показаний у всех лиц, которые в силу своих должностных обязанностей являются ее носителями и должны ее сохранять²⁷.

Впрочем, принятие только этой нормы не решит обозначенную проблему. Очевидно, что в УПК РФ должен быть указан способ преодоления свидетельского иммунитета. Данные способы могут иметь различия, когда речь, например, заходит об отдельных видах тайн (государственная, служебная, профессиональная и т.д.). Вопросы обеспечения тайн, как мы уже выяснили, имеют свои особенности.

В литературе подробно исследуются вопросы соотношения публичных и частных начал свидетельского иммунитета. Предлагается полностью передать решение вопроса о свидетельствовании допрашиваемым²⁸. Н. Ю. Волосова разработала понятие усмотрения при свидетельствовании. Под ним она подразумевает процессуально-правовое средство, предоставленное законодателем участникам уголовного судопроизводства для отстаивания своих прав, свобод и интересов, а также прав, свобод и интересов других лиц. Усмотрение лица, которому предоставлено право отказаться от дачи показаний, выступает в качестве правовой возможности, предусмотренной законодателем для участников уголовного судопроизводства, выбрать один из законных способов реализации этого права²⁹. Мы же предлагаем посмотреть на этот вопрос с другой стороны, с точки зрения случаев, когда затрагиваются интересы общества и государства. Мы согласны с Н. Ю. Волосовой в том, что часть свидетельских иммунитетов принадлежит частным лицам, а раскрытие личной тайны в ряде случаев действительно невозможно. Раскрытие этой тайны должно принадлежать до-

прашиваемым. Однако немало ситуаций, когда интересы раскрытия преступления могут перевешивать интересы частные в сокрытии тайны, служебной, профессиональной, государственной. В УПК РФ должна оставаться гарантированная возможность установления истины по делу исходя из государственных интересов.

С учетом складывающейся практики вполне достаточно того, что судья рассматривает уголовное дело, когда предметом обсуждения являются тайны, охраняемые законом. Как представляется, суд (судья) должен убедиться, что у лица, дающего такие показания, есть разрешение на это. Аналогично разрешению, выносимому для рассекречивания данных оперативно-розыскной деятельности при использовании в уголовном судопроизводстве. Мы осознаем возможность ситуации, при которой интересы государства перевешивают интересы отдельно взятого человека, а раскрытие его тайны будет меньшим злом, нежели недостижение результатов в установлении истины по уголовному делу.

Мы также исходим из возможности преодоления свидетельского иммунитета применительно к государственной тайне. Но как найти баланс между интересами государства, национальной безопасности, обороноспособности страны и необходимостью защитить потерпевших от посягательств, вопросами установления истины по уголовному делу и достижения цели уголовного процесса? Как суд (судья) должен определить ситуации, когда интерес к установлению истины по уголовному делу превышает интерес сохранения сведений в тайне? Мы убеждены, что такие случаи могут быть в практической деятельности следователя, прокурора и суда (судьи). Однако законодательно урегулировать данный вопрос невозможно. Он находится в сфере усмотрения правоприменителя.

Неизменным остается постулат о том, что раскрытие тайн возможно только по судебному решению, а следователь (дознатель) в обязательном порядке должен обращаться с

²⁷ См.: Морозова О. С. Указ. соч. С. 331–332.

²⁸ Волосова Н. Ю. Указ. соч. С. 215–230.

²⁹ Волосова Н. Ю. Указ. соч. С. 18.

соответствующим ходатайством в суд в порядке судебного контроля.

Мы убеждены, что порядок допроса лиц, обладающих иным видом тайн, может отличаться от допроса лиц, обладающих государственной тайной. Например, в уголовно-процессуальном законе допустимо предусмотреть основания для преодоления свидетельского иммунитета, если речь не идет о государственной тайне. Эти основания для раскрытия государственной тайны могут проверяться судом в порядке судебного контроля.

Например, обоснованно предложение о допросе лиц, обладающих государственной тайной, только при наличии особого документа о разрешении допроса и разглашении сведений, составляющих государственную тайну. Это можно реализовать по образцу постановления о рассекречивании данных оперативно-розыскной деятельности.

Предлагаем вариант новой статьи 56.2 «Право лица на отказ от дачи свидетельских показаний по вопросам, связанным с государственной тайной» УПК РФ, направленной на обеспечение государственной тайны в уголовном судопроизводстве:

«1. Лица, являющиеся носителем государственной тайны, вправе отказаться от дачи свидетельских показаний о сведениях, составляющих государственную тайну. При этом они могут давать показания, если на это они были уполномочены руководителем органа государственной власти, предприятия, учреждения и организации, ответственным за сохранение государственной тайны.

2. В случае отказа руководителя органа государственной власти, предприятия, учреждения и организации, ответственного за сохранение государственной тайны, в предоставлении такого разрешения свидетелю следователь (дознатель) обязан обратиться в суд за разрешением на производство допроса такого свидетеля в порядке, установленном статьей 165 настоящего Кодекса.

3. В судебном заседании вправе участвовать представитель органа государственной власти, предприятия, учреждения и организации, ответственный за сохранение государственной

тайны, который может обосновывать необходимость сохранения в тайне сведений и возражать против раскрытия государственной тайны при допросе участвующих лиц».

Таким образом, бесконтрольный допрос следователями лиц, обладающих информацией о государственной тайне, нас устроить не может. Необходимо предоставить право органу, должностному лицу, ответственному за сохранение государственной тайны, давать разрешение лицу на дачу показаний. А в случае отказа дать разрешение следователь может обратиться в суд с ходатайством о получении разрешения на допрос такого лица.

Считаем, что суд в рамках судебного разбирательства по своему усмотрению может разрешить вопрос о возможности раскрытия государственной или иной охраняемой законом тайны в интересах производства по уголовному делу и установления истины.

В современных условиях необходимо усилить обеспечение сохранности государственной тайны в уголовном процессе. В уголовно-процессуальном законе должны быть предусмотрены дополнительные гарантии неразглашения этих данных. В судебном заседании участвуют значительное количество лиц, допуска у которых к охраняемой законом тайне не имеется. Государственная тайна должна сохраняться соответствующими должностными лицами и органами, поэтому раскрытие (рассекречивание) данных должно находиться в сфере усмотрения руководителя органа государственной власти, предприятия, учреждения и организации, ответственного за сохранение государственной тайны. Суд (судья) в каждом случае обязан взвешенно принимать решение об обсуждении вопросов государственной тайны в ходе судебных заседаний.

Необходимо внести изменения в УПК РФ, которые позволили бы адвокату качественно исполнять свои обязанности по защите доверителя: разрешить вопрос с обжалованием судебных решений с использованием документов, содержащих охраняемую законом государственную тайну.

Процессуальные вопросы свидетельского иммунитета должны находить отражение в уго-

ловно-процессуальном законе в соответствии с федеральными законами, охраняющими различные виды тайн. Уголовно-процессуальный закон является единственным источником, позволяющим освободить лицо от дачи показаний

и от уголовной ответственности за отказ от дачи показаний. Отсутствие регулирования в УПК РФ случаев отказа от дачи показаний может привести к злоупотреблениям со стороны органов исполнительной власти в сфере расследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Волосова Н. Ю.* Уголовно-процессуальный институт свидетельского иммунитета: теория, законодательное регулирование и практика : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — 426 с.
2. *Дикарев И. С.* Свидетельский иммунитет в уголовном процессе // Журнал российского права. — 2012. — № 3. — С. 76–81.
3. *Епихин А. Ю.* Институт безопасности участников уголовного процесса: сравнительный анализ законодательства зарубежных стран // Актуальные проблемы экономики и права. — 2008. — № 1. — С. 139–145.
4. *Епихин А. Ю.* Концепция безопасности личности в уголовном судопроизводстве. — Сыктывкар, 2000. — 164 с.
5. *Епихин А. Ю.* Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. — Сыктывкар, 2004. — 167 с.
6. *Епихин А. Ю.* Повышение уголовно-правовой защищенности имущественных и иных прав потерпевшего // Современное право. — 2014. — № 6. — С. 110–113.
7. *Епихин А. Ю., Мишин А. В.* Допрос потерпевшего, свидетеля под псевдонимом в досудебном и судебном производствах (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты) // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2019. — Т. 29. — № 4. — С. 480–486.
8. *Завидов Б. Д., Орлова А. А., Попов И. А., Сурыгина Н. Е., Шумилин С. Ф.* Правовое положение участников уголовного судопроизводства. Комментарий законодательства: основные положения, проблемы и новации (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс», 2004.
9. *Коваленко Е. В., Мазняк В. К., Тарновский А. А.* Проблемы получения доступа к сведениям, составляющим журналистскую тайну в ходе предварительного расследования // Сборник статей VII Международного научно-исследовательского конкурса. — Пенза : Наука и просвещение, 2002. — С. 123–126.
10. *Морозова О. С.* Некоторые особенности уголовно-процессуального статуса свидетеля // Сибирское юридическое обозрение. — 2023. — № 3. — С. 323–332.
11. *Сидорова Н. В.* Правовое регулирование показаний свидетеля в российском уголовном процессе: история, современное состояние : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2004. — 269 с.
12. *Трефилов А. А.* Уголовный процесс зарубежных стран. Т. 1 : Уголовный процесс Швейцарии. — М., 2016. — 1020 с.
13. *Alfini J. J., McCabe C.* Mediating in the Shadow of the Courts: A Survey of the Emerging Case Law // Arkansas Law Review. — 2001. — Vol. 54. — No. 2. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2690503>.
14. *Banisar D.* Silencing Sources: An International Survey of Protections and Threats to Journalists' Sources // SSRN Electronic Journal. — November 8, 2007. — URL: <https://ssrn.com/abstract=1706688> ; URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1706688>.
15. *Chesney R.* State Secrets and the Limits of National Security Litigation // George Washington Law Review. — 2007. — Vol. 75 (5). — Wake Forest University Legal Studies Paper No. 946676. — URL: <https://ssrn.com/abstract=946676/>.
16. *Donohue K. L.* The Shadow of State Secrets // University of Pennsylvania Law Review. — 2010. — Vol. 159. — P. 77–216. — Georgetown Public Law Research Paper. No. 10-10. — URL: <https://ssrn.com/abstract=1566982>.
17. *Mendelson D., Wolf G.* Health Privacy and Confidentiality. Chapter 23 // Tensions and Traumas in Health Law / I. Freckelton, K. Petersen (eds.). — Sydney, 2017. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2952275>.

18. Miller A. R. Confidentiality, Protective Orders, and Public Access to the Courts // Harvard Law Review. — 1991. — Vol. 105. — No. 2. — P. 427–502. — URL: <https://doi.org/10.2307/1341696>.
19. Nasu H. State secrets law and National security // The International and Comparative Law Quarterly. — 2015. — Vol. 64. — No. 2 (April). — P. 365–404.
20. Setty S. Litigating Secrets: Comparative Perspectives on the State Secrets Privilege // Brooklyn Law Review. — 2009. — Vol. 75. — URL: <https://brooklynworks.brooklaw.edu/blr/vol75/iss1/4/>.

Материал поступил в редакцию 27 июля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Volosova N. Yu. Ugolovno-protsessualnyy institut svidetelskogo immuniteta: teoriya, zakonodatelnoe regulirovanie i praktika: dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2015. — 426 s.
2. Dikarev I. S. Svidetelskiy immunitet v ugovnom protsesse // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2012. — № 3. — S. 76–81.
3. Epikhin A. Yu. Institut bezopasnosti uchastnikov ugovnogo protsessa: sravnitelnyy analiz zakonodatelstva zarubezhnykh stran // Aktualnye problemy ekonomiki i prava. — 2008. — № 1. — S. 139–145.
4. Epikhin A. Yu. Kontsepsiya bezopasnosti lichnosti v ugovnom sudoproizvodstve. — Syktyvkar, 2000. — 164 s.
5. Epikhin A. Yu. Obespechenie bezopasnosti lichnosti v ugovnom sudoproizvodstve. — Syktyvkar, 2004. — 167 s.
6. Epikhin A. Yu. Povyshenie ugovno-pravovoy zashchishchennosti imushchestvennykh i inykh prav poterpevshego // Sovremennoe pravo. — 2014. — № 6. — S. 110–113.
7. Epikhin A. Yu., Mishin A. V. Dopros poterpevshego, svidetelya pod psevdonomom v dosudebnom i sudebnom proizvodstvakh (ugolovno-protsessualnye i kriminalisticheskie aspekty) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo». — 2019. — T. 29. — № 4. — S. 480–486.
8. Zavidov B. D., Orlova A. A., Popov I. A., Surygina N. E., Shumilin S. F. Pravovoe polozhenie uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva. Kommentarii zakonodatelstva: osnovnye polozheniya, problemy i novatsii (postateynny) // SPS «KonsultantPlyus», 2004.
9. Kovalenko E. V., Maznyak V. K., Tarnovskiy A. A. Problemy polucheniya dostupa k svedeniyam, sostavlyayushchim zhurnalistskuyu taynu v khode predvaritel'nogo rassledovaniya // Sbornik statey VII Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa. — Penza: Nauka i prosveshchenie, 2002. — S. 123–126.
10. Morozova O. S. Nekotorye osobennosti ugovno-protsessual'nogo statusa svidetelya // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. — 2023. — № 3. — S. 323–332.
11. Sidorova N. V. Pravovoe regulirovanie pokazaniy svidetelya v rossiyskom ugovnom protsesse: istoriya, sovremennoe sostoyanie: dis. ... kand. jurid. nauk. — Ekaterinburg, 2004. — 269 s.
12. Trefilov A. A. Ugolovnyy protsess zarubezhnykh stran. T. 1: Ugolovnyy protsess Shveytsarii. — M., 2016. — 1020 s.
13. Alfini J. J., McCabe C. Mediating in the Shadow of the Courts: A Survey of the Emerging Case Law // Arkansas Law Review. — 2001. — Vol. 54. — No. 2. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2690503>.
14. Banisar D. Silencing Sources: An International Survey of Protections and Threats to Journalists' Sources // SSRN Electronic Journal. — November 8, 2007. — URL: <https://ssrn.com/abstract=1706688>; URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1706688>.
15. Chesney R. State Secrets and the Limits of National Security Litigation // George Washington Law Review. — 2007. — Vol. 75 (5). — Wake Forest University Legal Studies Paper No. 946676. — URL: <https://ssrn.com/abstract=946676/>.

16. Donohue K. L. The Shadow of State Secrets // *University of Pennsylvania Law Review*. — 2010. — Vol. 159. — P. 77–216. — Georgetown Public Law Research Paper. No. 10-10. — URL: <https://ssrn.com/abstract=1566982>.
17. Mendelson D., Wolf G. Health Privacy and Confidentiality. Chapter 23 // *Tensions and Traumas in Health Law* / I. Freckelton, K. Petersen (eds.). — Sydney, 2017. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2952275>.
18. Miller A. R. Confidentiality, Protective Orders, and Public Access to the Courts // *Harvard Law Review*. — 1991. — Vol. 105. — No. 2. — P. 427–502. — URL: <https://doi.org/10.2307/1341696>.
19. Nasu H. State secrets law and National security // *The International and Comparative Law Quarterly*. — 2015. — Vol. 64. — No. 2 (April). — P. 365–404.
20. Setty S. Litigating Secrets: Comparative Perspectives on the State Secrets Privilege // *Brooklyn Law Review*. — 2009. — Vol. 75. — URL: <https://brooklynworks.brooklaw.edu/blr/vol75/iss1/4/>.

АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.139-150

Д. Н. Софронов*

Противоречия в сфере правового регулирования разглашения адвокатом сведений, составляющих адвокатскую тайну, без согласия доверителя

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового регулирования разглашения адвокатом без согласия доверителя полученных от него сведений, в том числе составляющих адвокатскую тайну. Автор доказывает, что в правоприменительной практике субъекты рассматриваемых правоотношений руководствуются пунктом 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, допускающим совершение адвокатом указанных действий при рассмотрении гражданского спора между ним и доверителем или для своей защиты по возбужденному против него дисциплинарному производству или уголовному делу. Однако данное положение противоречит подпункту 5 п. 4 ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», содержащему запрет на разглашение без согласия доверителя полученных от него сведений. В целях устранения юридической коллизии предлагается внести изменения в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», закрепив норму, идентичную по содержанию части 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Ключевые слова: адвокат; адвокатура; адвокатская тайна; разглашение профессиональной тайны; доверитель; юридическая коллизия; запрет; дозволение; юридические ограничения; профессиональная этика

Для цитирования: Софронов Д. Н. Противоречия в сфере правового регулирования разглашения адвокатом сведений, составляющих адвокатскую тайну, без согласия доверителя // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 4. — С. 139–150. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.139-150

Contradictions in the Legal Regulation of Disclosure by an Attorney of Information Constituting Attorney-Client Privilege without the Client's Consent

Dmitry N. Sofronov, Assistant to the Rector of Vologda State University, Vologda, Russian Federation
sdn_35@mail.ru

Abstract. The paper examines the specifics of legal regulation regarding the disclosure by an advocate of information received from a client without the client's consent, including information constituting attorney-client privilege. The author demonstrates that in law enforcement practice the parties to the legal relations in question are guided by paragraph 4 of Article 6 of the Code of Professional Ethics of Lawyers, which permits the lawyer to perform the specified actions when considering a civil dispute between him and the client or for his own defense in disciplinary proceedings or a criminal case initiated against him. However, this provision contradicts subparagraph 5

© Софронов Д. Н., 2026

* Софронов Дмитрий Николаевич, помощник ректора Вологодского государственного университета
ул. Ленина, д. 15, г. Вологда, Российская Федерация, 160000
sdn_35@mail.ru

of paragraph 4 of Article 6 of the Federal Law of 31.05.2002 No. 63-FZ «On Attorney Activities and Advocacy in the Russian Federation», which contains a prohibition on the disclosure of information received from the client without their consent. To eliminate this legal conflict, it is proposed to amend the Federal Law «On Attorney Activities and Advocacy in the Russian Federation» by establishing a provision identical in content to Part 4 of Article 6 of the Code of Professional Ethics of Advocates.

Keywords: advocate; advocacy; attorney-client privilege; disclosure of privileged information; client; legal conflict; prohibition; permission; legal restrictions; professional ethics

Cite as: Sofronov DN. Contradictions in the Legal Regulation of Disclosure by an Attorney of Information Constituting Attorney-Client Privilege without the Client's Consent. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(4):139-150. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.139-150

Убежденность доверителя в том, что адвокат без его согласия не предаст огласке сведения, полученные в процессе осуществления профессиональной (адвокатской) деятельности, связанной с защитой его прав и интересов, является одним из условий формирования доверительных отношений между субъектами рассматриваемых правоотношений. В этой связи законодатель максимально расширил перечень сведений, относящихся к предмету адвокатской тайны, и установил особый правовой режим, призванный обеспечить ее сохранность.

Несмотря на это, вопрос о пределах действия адвокатской тайны остается дискуссионным. Основное внимание теоретиков и практиков сосредоточено на оценке допустимости ее ограничения. В отличие от сторонников абсолютизации адвокатской тайны критики данного подхода полагают целесообразным признать правомерным предоставление адвокатом компетентным органам полученной от доверителя информации о готовящемся преступлении. При этом проблема дозволенности в целях самозащиты огласки адвокатом без согласия доверителя полученных от него сведений не получила должного освещения в юридической литературе. Между тем заявленная тематика является актуальной, достойна отдельного внимания и детального осмысления.

Как отмечено И. С. Токмаковым, споры между адвокатом и доверителем, становящиеся предметом как дисциплинарных, так и судебных

разбирательств, не являются редким случаем¹. По мнению Ф. Г. Лашкина, несмотря на то что большинство таких споров, влекущих юридические и репутационные риски, решается во внесудебном порядке, каждый адвокат должен рассматривать «риск судебного иска недовольного клиента к нему в качестве реального и быть к этому готовым»². Применительно к тематике настоящей работы важен сам факт того, что в условиях дисциплинарных или судебных разбирательств огласка сведений, полученных от доверителя, является одним из инструментов механизма самозащиты адвокатов, правовое регулирование которого не лишено противоречий.

Теоретическая значимость анализируемой проблемы обусловлена тем, что формирование правового механизма огласки адвокатом без согласия доверителя полученных от него сведений является неотъемлемой частью решения общей (комплексной) задачи, связанной с определением характера адвокатской тайны и границ ее действия. Практический интерес состоит в оценке эффективности способов преодоления имеющих место противоречий в сфере правового регулирования рассматриваемых правоотношений, которыми следует руководствоваться правоприменителю в конкретных ситуациях.

В пункте 2 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката (КПЭА), принятого I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.³, установлен неограниченный срок хранения адвокат-

¹ Токмаков И. С. Соглашение об оказании юридической помощи: теория и практика адвокатской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 4.

² Лашкин Ф. Г. Судебные споры адвокатов с доверителями // Уголовный процесс. 2019. № 7. С. 22–31.

³ Бюллетень Министерства юстиции РФ. 2004. № 3 (75).

ской тайны. При этом в п. 3 ст. 6 КПЭА не просто закреплено требование о том, что «адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя», — конкретизирован механизм соответствующей процедуры, предусматривающий необходимость получения согласия доверителя на прекращение действия адвокатской тайны «в письменной форме в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц». Кроме того, в пп. 4 п. 1 ст. 9 КПЭА установлен запрет на разглашение без согласия доверителя сведений, сообщенных им адвокату в связи с оказанием ему юридической помощи, и на их использование адвокатом в своих интересах или в интересах третьих лиц.

Вместе с тем из этого правила имеется единственное исключение. В соответствии с п. 4 ст. 6 КПЭА «без согласия доверителя адвокат вправе использовать сообщенные ему доверителем сведения в объеме, который адвокат считает разумно необходимым для обоснования своей позиции при рассмотрении гражданского спора между ним и доверителем или для своей защиты по возбужденному против него дисциплинарному производству или уголовному делу». Тем самым КПЭА наделяет адвокатов правом на разглашение информации, полученной от доверителя, без его согласия в целях самозащиты при наличии одного из трех оснований, указанных в анализируемом предписании.

Более того, согласно Рекомендациям по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката при осуществлении адвокатами профессиональной деятельности, утвержденным решением Совета Федеральной палаты

адвокатов РФ от 30.11.2009 (протокол № 3), с дополнениями от 28.09.2016 (протокол № 7), от 05.10.2017 (протокол № 5)⁴, исключение из запретов, установленных Федеральным законом от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон об адвокатской деятельности⁵) и КПЭА и действующих в целях обеспечения иммунитета доверителя (п. 2 и 3 ст. 5, п. 6 ст. 6, пп. 1, 2, 4 п. 1 ст. 9 КПЭА и пп. 3 и 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности), предусмотрено пунктом 4 ст. 6 КПЭА. Аналогичная позиция представлена в Разъяснении Комиссии Федеральной палаты адвокатов РФ по этике и стандартам по вопросу предания адвокатом огласке сведений о преступлениях и иных правонарушениях⁶.

Логика составителей Кодекса вполне понятна и очевидна: в п. 3 ст. 6 и в пп. 4 п. 1 ст. 9 КПЭА сформулировано общее правило обращения со сведениями, полученными адвокатом от доверителя, из которого есть исключение, предусмотренное пунктом 4 ст. 6 Кодекса. По мнению С. К. Бураевой, данное исключение «призвано оградить адвоката от злоупотреблений со стороны доверителя»⁷. Полагаем, что мотивация внесения соответствующего предписания в Кодекс не ограничивается ситуациями, связанными с негативным умыслом этой категории лиц. В отдельных случаях претензии доверителей могут быть обоснованными, что не лишает адвоката права на защиту. Как представляется, закрепление в КПЭА анализируемого положения продиктовано необходимостью наделяния адвокатов инструментом для самозащиты, позволяющим представить свою позицию при рассмотрении компетентными инстанциями спора между указанными субъектами.

⁴ URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/recommendations-to-ensure-attorney-client-privilege-and-guarantees-the-independence-of-the-lawyer-in/> (дата обращения: 11.06.2025).

⁵ Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

⁶ См.: Разъяснения Комиссии Федеральной палаты адвокатов РФ по этике и стандартам по вопросу предания адвокатом огласке сведений о преступлениях или иных правонарушениях (утв. решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ от 28.06.2017 № 07/17 (протокол № 4)) // URL: http://fparf.ru/documents/resheniya_komissii_po_etike_i_standartam/40465/ (дата обращения: 11.06.2025).

⁷ Бураева С. К. Об адвокатской тайне // Вестник Бурятского государственного университета. 2024. № 2. С. 264–265.

Впрочем, обращает на себя внимание то обстоятельство, что пункт 4 ст. 6 КПЭА противоречит положениям, закрепленным в пп. 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности, не предусматривающим каких-либо исключений из требований, определяющих порядок огласки адвокатом информации, полученной в ходе осуществления профессиональной (адвокатской) деятельности. Из его содержания следует, что единственным основанием для разглашения адвокатом сведений, сообщенных ему доверителем «в связи с оказанием последнему юридической помощи», является согласие непосредственно самого доверителя. То есть анализируемое предписание КПЭА позволяет адвокатам совершение действий, которые запрещены нормой Федерального закона.

Необходимо учитывать, что в целях своей защиты адвокат, руководствуясь п. 4 ст. 6 Кодекса, может огласить сведения, содержащие адвокатскую тайну, понятие и содержание которой определено в п. 1 ст. 8 Закона об адвокатской деятельности и конкретизировано в п. 5 ст. 6 КПЭА. По мнению В. Ф. Анисимова, несмотря на закрепление в законодательстве абсолютного характера адвокатской тайны, правоприменительная практика свидетельствует о том, что она относительна⁸. В качестве одного из примеров ограничения адвокатской тайны приводится Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»⁹. В соответствии со ст. 7 указанного законодательного акта при сопровождении финансовых и имущественных операций клиентов при наличии сомнений относительно происхождения средств или их использования в целях финансирования терроризма адвокат обязан уведомлять об этом уполномоченный орган. При этом согласно п. 5 ст. 7.1 Закона положения о передаче информации в Федеральную службу по финансовому контролю и мониторингу не относятся к сведениям, на которые распространяется требование законода-

тельства Российской Федерации о соблюдении адвокатской тайны.

Не останавливаясь на анализе данного нормативного правового акта, следует отметить, что согласно п. 1 ст. 4 Закона об адвокатской деятельности законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре состоит не только из этого, но и из других федеральных законов. Соответственно, Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ также относится к нормативным правовым актам, регламентирующим отдельные аспекты адвокатской деятельности. При этом статья 7 и пункт 5 ст. 7.1 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ содержат не просто требования, противоречащие п. 1 ст. 8 Закона об адвокатской деятельности, а положения, которые выводят из предмета адвокатской тайны соответствующие сведения.

Сказанное позволяет отграничить противоречия между п. 4 ст. 6 КПЭА и пп. 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности от коллизии норм Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ и Закона об адвокатской деятельности.

Анализируемое предписание КПЭА по объекту регулирования не приводит к полной невозможности применения в практической плоскости указанной нормы Федерального закона. Тем не менее следует констатировать, что адвокатское сообщество, принявшее в лице участников I Всероссийского съезда адвокатов Кодекс, фактически наделило адвокатов правом на совершение действий, которые неизбежно влекут нарушение границ дозволений и запретов, сформулированных в пп. 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности.

Обращает на себя внимание сам факт закрепления в Кодексе предписания, расширяющего пределы допустимого поведения адвокатов в условиях установленных Законом об адвокатской деятельности запретов, не предусматривающих исключений. Огласка соответствующих сведений, в том числе составляющих адвокатскую тайну, в порядке, предусмотренном частью 4 ст. 6 КПЭА, санкционирована самим адвокат-

⁸ Анисимов В. Ф. Пределы адвокатской тайны // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 3. С. 66–68.

⁹ СЗ РФ. 2001. № 333 (ч. I). Ст. 3418.

ским сообществом, которому законодатель не делегировал полномочий по изменению границ действия установленных им правовых дозволений и запретов в рассматриваемой сфере.

Кроме того, необходимо акцентировать внимание на том, что пункт 4 ст. 6 КПЭА не только расширяет права адвокатов, признавая правомерными их действия в рамках самозащиты по огласке без согласия доверителей полученных от них сведений. В юридической литературе отмечается, что адвокат не вправе использовать эти сведения против доверителя¹⁰. Следует согласиться, что данный инструмент должен применяться только для самозащиты, т.е. в качестве ответной реакции на вызовы извне. Это продиктовано тем, что при ее осуществлении интересы доверителя формально нарушаются. Не останавливаясь на проблеме оценочного характера посылки о разумно необходимом для обоснования своей позиции объеме сообщаемых сведений, применительно к тематике настоящей работы следует сосредоточиться на ином важном аспекте. Вопреки установкам законодателя адвокатское сообщество по собственному усмотрению в интересах непосредственно адвокатов де-юре ограничило право доверителей на сохранение этих сведений в тайне и предание их гласности только при условии соблюдения требований, предусмотренных подпунктом 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности.

Сложившуюся ситуацию А. Д. Бойков объяснил неудачной формулировкой статьи 8 Закона об адвокатской деятельности, в числе других накладывающей на адвоката необоснованные обременения, «противоречащие его профессиональному и гражданскому долгу либо угрожающие его интересам»¹¹. Кроме того, по мнению автора, составители Кодекса, не отвергая «мысль об абсолютном характере адвокатской

тайны», проигнорировали ст. 6 Закона об адвокатской деятельности и наделили адвокатов правом, предусмотренным пунктом 4 ст. 6 КПЭА¹². Проблема, обозначенная А. Д. Бойковым и заслуживающая, по нашему мнению, внимания, не получила последующего обсуждения и осмысления в юридической литературе.

До настоящего времени противоречия между анализируемым предписанием КПЭА и нормами Закона об адвокатской деятельности не устранены, попыток унификации подходов к формированию механизма правового регулирования рассматриваемых правоотношений не предпринималось. Более того, изменения, внесенные Федеральным законом от 20.12.2004 № 163-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»¹³, лишь усилили несогласованность позиций законодателя и адвокатского сообщества в этой сфере.

В соответствии с п. 2 ст. 4 и пп. 4 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатской деятельности корпоративные нормы адвокатского сообщества (КПЭА, решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов РФ, принятые в пределах их компетенции) обязательны для исполнения каждым адвокатом. В силу этого адвокаты поставлены перед необходимостью выбора способа правового регулирования рассматриваемых правоотношений, которым будут руководствоваться в конкретных обстоятельствах. Опираясь на требования Закона об адвокатской деятельности и следуя правилам разрешения (преодоления) иерархической коллизии, адвокат фактически должен отказаться от апеллирования к п. 4 ст. 6 КПЭА и использования предоставленного ему указанным корпоративным актом права на разглашение полученных от доверителя сведений в целях самозащиты.

¹⁰ См.: Григорьева Т. А., Щербакова Л. Г. Этические проблемы сохранения адвокатской тайны // Правовая культура. 2018. № 3 (34). С. 40; Исанов С. Н. О некоторых нормах законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре // Адвокат. 2004. № 11. С. 10–16.

¹¹ Бойков А. Д. Нужно действовать в интересах права. В предмет профессиональной тайны адвоката не должны входить сведения о готовящемся тяжком и особо тяжком преступлении // Адвокатская газета. 2010. № 1 (66).

¹² Бойков А. Д. Указ. соч.

¹³ СЗ РФ. 2004. № 52 (ч. I). Ст. 5267.

Вместе с тем в подобных условиях существенно ограничиваются его возможности обоснования своей позиции в любой из трех ситуаций, определенных пунктом 4 ст. 6 КПЭА, а в отдельных случаях это становится невозможным. Руководствуясь п. 4 ст. 6 КПЭА, адвокат фактически пользуется правом, предоставленным ему Кодексом, но совершает действия, противоречащие пп. 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности. Как следствие, они могут быть оспорены заинтересованной стороной в установленном, в том числе судебном, порядке.

По мнению А. Д. Бойкова, при введении п. 2 ст. 4 и пп. 4 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатской деятельности законодатель закрыл глаза на противоречие рассматриваемого корпоративного предписания Федеральному закону¹⁴. Полагаем, что при внесении соответствующих изменений законодатель не подвергал анализу предписания КПЭА на предмет соответствия Закону об адвокатской деятельности и даже не ставил такой цели. Более того, как представляется, посыл, сформулированный в п. 2 ст. 4 и пп. 4 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатской деятельности, не следует рассматривать в качестве законодательного признания легитимности исключения, предусмотренного пунктом 4 ст. 6 КПЭА. Указанные нормы Федерального закона придают положениям Кодекса императивный характер, обязывая адвокатов их исполнять. Однако это вовсе не

означает, что законодатель при наличии противоречий в правовом регулировании рассматриваемых правоотношений установил приоритет предписаний локального корпоративного акта над нормами Закона об адвокатской деятельности и санкционировал право руководствоваться ими, игнорируя правила разрешения (преодоления) юридической коллизии.

КПЭА представляет собой «совокупность правил поведения этико-правового характера, действующих в отношении лиц, осуществляющих профессиональную юридическую деятельность, обеспечивающих нравственный характер взаимоотношений, обусловленных профессиональной деятельностью»¹⁵. В юридической литературе остается дискуссионным вопрос о его правовом статусе. Среди различных точек зрения наиболее распространены подходы, рассматривающие КПЭА в качестве правового акта¹⁶; нормативного, но не правового акта¹⁷; акта, содержащего как правовые, так и этические нормы¹⁸, обладающего фактически нормативным действием в отношении адвокатов¹⁹. Конституционный Суд РФ в определениях от 16.12.2010 № 1580-О-О и от 25.02.2013 № 278-О рассматривает КПЭА в качестве нормативного корпоративного правового акта²⁰. Вариативность подходов обусловлена продолжающимися спорами по вопросу о наличии или об отсутствии правового характера корпоративных норм²¹. Кроме того,

¹⁴ Бойков А. Д. Указ. соч.

¹⁵ Лобач Д. В. Профессиональная этика юриста : учеб. пособие. Владивосток : Издательство Дальневосточного федерального университета, 2022. С. 37.

¹⁶ См.: Бусурина Е. О. Дисциплинарная ответственность судей и адвокатов: сравнительный анализ // Адвокатская практика. 2012. № 4. С. 40–48 ; Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» / под общ. ред. А. Г. Кучерены. М. : Деловой мир, 2009.

¹⁷ Малиновский А. А. Кодекс профессиональной этики: понятие и юридическое значение // Журнал российского права. 2008. № 4. С. 39–41.

¹⁸ Лазарев В. В. Общетеоретические положения, подлежащие учету в оценке предложений по внесению изменений и дополнений в КПЭА // Вестник Федеральной палаты адвокатов. 2013. № 1. С. 187–189.

¹⁹ Рагулин А. В. Кодекс профессиональной этики адвоката как средство борьбы с критикой в адвокатуре // Евразийская адвокатура. 2020. № 6 (49). С. 26–39.

²⁰ Захаренков Д. Н. К вопросу о Кодексе профессиональной этики адвоката // Евразийская адвокатура. 2017. № 1 (26). С. 25–26.

²¹ Козырева А. Б. Корпоративные нормы: правовой характер, признаки, санкции и соотношение с законодательными нормами // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3 (76). С. 28.

нет полной ясности касательно соотношения категорий «локальный нормативный правовой акт» и «корпоративный нормативный правовой акт»²². По мнению М. Л. Давыдовой, данные термины могут использоваться в качестве синонимов, т.к. «понятие “корпоративный” характеризует... происхождение акта, а “локальный” — его положение в системе источников права, масштаб действия»²³. Отдельные авторы относят КПЭА к категории регулирующих нравственные отношения в профессиональной юридической деятельности кодексов, являющихся подзаконными корпоративными нормативными правовыми актами, принятыми «самим профессиональным сообществом в рамках делегированного подзаконного правотворчества»²⁴ и порождающими «конкретные юридические последствия для субъектов корпоративного сообщества»²⁵.

Автор не претендует на выработку концептуального решения указанных проблем. Акцент на них необходим для понимания того, что правовой статус КПЭА априори не равнозначен правовому статусу отраслевых кодексов и федеральных законов, что необходимо учитывать при выборе правоприменителем правового предписания, которым следует руководствоваться в условиях юридической коллизии. Как справедливо отмечено Д. В. Лобачем, в силу принципа комплементарности положения КПЭА «в контексте их толкования и применения не могут противоречить законодательству об адвокатской деятельности и адвокатуре», а должны развивать и конкретизировать нормы Закона об адвокатской деятельности²⁶.

Принимая во внимание изложенное, полагаем, что безусловному выполнению подлежат лишь предписания КПЭА, которые регламенти-

руют не урегулированные федеральным законодательством отношения, а также установки Кодекса, конкретизирующие нормы федерального законодательства, не вступающие с ними в противоречие. Соответственно, положения КПЭА и решений Федеральной палаты адвокатов РФ, не отвечающие этим характеристикам, не подлежат исполнению.

Необходимо обратить внимание на то, что апеллирование к п. 4 ст. 6 КПЭА в обстоятельствах, указанных в предписании, является правом, а не обязанностью адвоката. Воспользоваться данным инструментом для самозащиты или нет, определяет он сам. Однако, совершая выбор в его пользу, адвокат должен понимать: осуществление действий, признаваемых допустимыми пунктом 4 ст. 6 Кодекса, если при этом не руководствоваться правилами разрешения (преодоления) иерархической коллизии, влечет нарушение установок, сформулированных в пп. 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности.

Следует признать, что в Законе об адвокатской деятельности подобный инструментарий для обеспечения самозащиты адвокатов, предусмотренный КПЭА, отсутствует. Маловероятно, что посредством принятия КПЭА, содержащего п. 4 ст. 6, адвокатское сообщество стремилось обеспечить продвижение собственных интересов путем использования одного из способов, по мнению Н. И. Суховой, противодействия реализации закона посредством подзаконного правотворчества²⁷. С большей степенью уверенности можем полагать: составители Кодекса введением п. 4 ст. 6 КПЭА пытались устранить пробел в правовом регулировании рассматриваемых правоотношений.

В этой связи не вызывает удивления то, что, согласно материалам, имеющимся в открытом

²² Давыдова М. Л. Локальный (корпоративный) нормативный правовой акт как предмет теории права: модификация понятия и терминологические дискуссии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2016. № 1 (30). С. 96.

²³ Давыдова М. Л. Указ. соч.

²⁴ Лобач Д. В. Указ. соч. С. 37–39.

²⁵ Лобач Д. В. Указ. соч. С. 37–39.

²⁶ Лобач Д. В. Указ. соч. С. 86.

²⁷ Сухова Н. И. Способы подзаконного противодействия реализации закона // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 2 (139). С. 52.

доступе, подход, основанный на правилах разрешения (преодоления) коллизии, в правоприменительной деятельности игнорируется, а применяется данное предписание КПЭА²⁸. В этом отношении показательно разъяснение Совета Адвокатской палаты города Москвы о действиях в сложной этической ситуации, утвержденное решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 26.11.2020²⁹, сформулированное на основании рассмотрения ситуации по представлению адвокатом суду без согласия доверителя соглашения об оказании помощи. Совет признал, что в силу п. 4 ст. 6 КПЭА подобные действия, связанные с оглашением сведений, содержащих адвокатскую тайну, совершенные с соблюдением условий и в обстоятельствах, изложенных в указанном предписании, не являются нарушением требований Закона об адвокатской деятельности и КПЭА о защите адвокатской тайны.

Необходимо отметить, что подобный подход представлен и в юридической литературе. Так, Н. Ю. Акинина и Н. С. Чистяков относят ситуации, когда адвокат становится объектом уголовного преследования и имеется необходимость защиты его прав и интересов, к законным условиям, позволяющим ему раскрывать сведения, полученные от доверителя³⁰. Ранее Н. Ю. Акинина рассматривала защиту позиции адвоката в рам-

ках дисциплинарного производства в качестве особой ситуации, когда также возможен его отказ от обязанностей сохранения адвокатской тайны³¹. Ряд авторов рассматривают возбужденное в отношении адвоката дисциплинарное или уголовное производство в качестве основания разглашения адвокатской тайны³².

Полагаем, что признание действий адвокатов, совершение которых влечет нарушение пп. 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности, правомерными и законными только на основании их соответствия п. 4 ст. 6 КПЭА, неприемлемо. В противном случае следует констатировать, что предписания Кодекса не только обладают приоритетом в правоприменительной деятельности перед нормами Федерального закона, но и могут изменять пределы их регулирования, становясь общим правилом, регламентирующим рассматриваемые правоотношения и имеющим большую юридическую силу. Однако это противоречит ч. 5 ст. 76 Конституции РФ, в соответствии с которой при наличии противоречия между федеральным законом и иным актом, изданным в Российской Федерации, действует федеральный закон³³.

В силу необходимости обеспечения корпоративных интересов адвокатское сообщество заинтересовано в функционировании отсутствующего в Законе об адвокатской деятельности

²⁸ См.: *Пивень Н.* Адвокатская тайна: когда доверитель против адвоката // Адвокатская газета. 2018. № 16 (273) ; *Иванов С.* Нетипичный случай : О праве адвоката на раскрытие адвокатской тайны без согласия доверителя // Адвокатская газета. 2018. № 16 (273) ; *Кипнис Н.* Предложенный вариант изменения редакции п. 4 ст. 6 КПЭА требует совершенствования // Адвокатская газета. 2018. № 19 (276) ; *Павлова Э.* Адвоката не стали привлекать к ответственности за дачу показаний и разглашение адвокатской тайны // Адвокатская газета. 2021. 19 июля.

²⁹ URL: <http://advokatymoscow.ru/advocate/activity/info7923/> (дата обращения: 25.05.2025).

³⁰ *Акинина Н. Ю., Чистяков Н. С.* Некоторые проблемы нарушения адвокатской тайны // Научные высказывания. 2024. № 9 (56). С. 66–69.

³¹ *Акинина Н. Ю.* Проблемы соблюдения адвокатской тайны // Вестник Югорского государственного университета. 2015. Вып. 1 (36). С. 96.

³² См.: *Рябцева Е. В.* Адвокатская тайна — основа независимости адвоката // Вестник Оренбургского университета. 2013. № 3 (152). С. 160–161 ; *Литвинцева Н. Ю., Сарибекян А. В.* Адвокатская тайна и уголовно-процессуальный закон: пределы вмешательства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 4 (26). С. 131.

³³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/>.

правового механизма защиты адвокатом своих прав в условиях гражданского спора между ним и доверителем либо в рамках возбужденного против адвоката дисциплинарного производства или уголовного дела. Однако объективная потребность адвокатов и адвокатского сообщества в целом не может рассматриваться в качестве достаточного основания для признания приемлемости и правомерности сложившейся практики применения п. 4 ст. 6 КПЭА. Пункт 4 ст. 6 КПЭА, содержащий исключения из правил, закрепленных в п. 3 ст. 6 и пп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса, не должен восприниматься в качестве исключения из положений, предусмотренных подпунктом 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности.

Сохранение ситуации в неизменном состоянии фактически вынуждает адвокатов в нарушение пп. 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности продолжать по умолчанию руководствоваться пунктом 4 ст. 6 КПЭА. Следование в правоприменительной деятельности предписанию пп. 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности ставит адвоката в условия, когда он, по мнению Е. В. Судоргиной и О. А. Поляковой, не защищен от своего доверителя³⁴. Вместе с тем полагаем, что подобная правовая незащищенность адвоката является поводом для инициирования внесения изменений в нормативные правовые акты, регламентирующие указанные правоотношения, а не основанием для обхода закона.

Таким образом, сложившаяся к настоящему времени в правоприменительной сфере практика основана на алгоритме действий, который противоречит федеральному законодательству. Сохранение в неизменном виде ситуации, при которой адвокаты в рассматриваемых обстоятельствах вынуждены руководствоваться п. 4 ст. 6 КПЭА, противоречит принципам построения правового государства. При этом следует признать, что объективная необходимость правового механизма самозащиты адвокатов имеется.

Выбор способа правового регулирования рассматриваемых правоотношений, основан-

ный на абсолютизации адвокатской тайны и недопустимости ее разглашения без согласия доверителя, не лишает адвоката непосредственно самого права на самозащиту. Однако в условиях невозможности использования на законных основаниях правовых средств и инструментов, позволяющих доказать правомерность своих действий при оказании квалифицированной юридической помощи, данное право становится декларативным. Более того, в перспективе не исключен рост числа фактов злоупотребления правом недобросовестными доверителями и, как следствие, привлечения адвокатов к дисциплинарной и иной юридической ответственности.

В этой связи полагаем, что адвокаты и адвокатура заинтересованы в формировании правового механизма самозащиты, в том числе предусматривающего возможность разглашения без согласия доверителя сведений, полученных при осуществлении профессиональной (адвокатской) деятельности. Признание допустимости предания огласке соответствующих сведений фактически влечет закрепление на законодательном уровне относительного характера адвокатской тайны, продиктованного наличием исключения из установленных в нормативных правовых актах запретов, регламентирующих ее границы. Однако без этого формирование подобного правового механизма невозможно. При этом в его рамках необходимо наделить адвокатов правом на разглашение в необходимом объеме таких сведений без согласия доверителя, получение которого в условиях конфликта между указанными субъектами крайне проблематично, если вообще возможно. Полагаем, что в предлагаемой модели правового регулирования анализируемых правоотношений эти сведения используются не против доверителя в условиях оказания ему квалифицированной юридической помощи, а исключительно для аргументации позиции адвоката при его самозащите.

Принимая во внимание изложенное, полагаем, что в рассматриваемой ситуации исполь-

³⁴ Судоргина Е. В., Полякова О. А. Адвокатская тайна как проблема нравственного регулирования деятельности адвоката в России // Аллея науки. 2019. № 1 (28). С. 49–54.

зование правила разрешения иерархической коллизии для преодоления противоречий между п. 4 ст. 6 КПЭА и пп. 5 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности неэффективно. Это приводит к лишению адвокатов инструмента защиты в вышеуказанных обстоятельствах. Интересам адвокатского сообщества в создании правомерно функционирующего правового механизма самозащиты адвоката в спорах с дове-

рителем отвечает устранение рассматриваемой юридической коллизии. В этих целях следует в установленном законом порядке внести изменения в ст. 6 Закона об адвокатской деятельности, направленные на корректировку предмета и границ адвокатской тайны посредством закрепления положения, идентичного или сходного по содержанию с предписанием, сформулированным в п. 4 ст. 6 КПЭА.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Акинина Н. Ю.* Проблемы соблюдения адвокатской тайны // Вестник Югорского государственного университета. — 2015. — Вып. 1 (36). — С. 95–98.
2. *Акинина Н. Ю., Чистяков Н. С.* Некоторые проблемы нарушения адвокатской тайны // Научные высказывания. — 2024. — № 9 (56). — С. 66–69.
3. *Анисимов В. Ф.* Пределы адвокатской тайны // Правовая политика и правовая жизнь. — 2013. — № 3. — С. 64–70.
4. *Бойков А. Д.* Нужно действовать в интересах права. В предмет профессиональной тайны адвоката не должны входить сведения о готовящемся тяжком и особо тяжком преступлении // Адвокатская газета. — 2010. — № 1 (66).
5. *Буряева С. К.* Об адвокатской тайне // Вестник Бурятского государственного университета. — 2024. — № 2. — С. 263–265.
6. *Бусурина Е. О.* Дисциплинарная ответственность судей и адвокатов: сравнительный анализ // Адвокатская практика. — 2012. — № 4. — С. 40–48.
7. *Григорьева Т. А., Щербакова Л. Г.* Этические проблемы сохранения адвокатской тайны // Правовая культура. — 2018. — № 3 (34). — С. 38–44.
8. *Давыдова М. Л.* Локальный (корпоративный) нормативный правовой акт как предмет теории права: модификация понятия и терминологические дискуссии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. — 2016. — № 1 (30). — С. 93–98. — DOI: 10.1732/2072-8166.2021.4.4.24.
9. *Захаренков Д. Н.* К вопросу о Кодексе профессиональной этики адвоката // Евразийская адвокатура. — 2017. — № 1 (26). — С. 21–28.
10. *Исанов С. Н.* О некоторых нормах законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре // Адвокат. — 2004. — № 11. — С. 10–16.
11. *Козырева А. Б.* Корпоративные нормы: правовой характер, признаки, санкции и соотношение с законодательными нормами // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 3 (76). — С. 28–40.
12. *Лазарев В. В.* Общетеоретические положения, подлежащие учету в оценке предложений по внесению изменений и дополнений в КПЭА // Вестник Федеральной палаты адвокатов. — 2013. — № 1. — С. 187–189.
13. *Лашкин Ф. Г.* Судебные споры адвокатов с доверителями // Уголовный процесс. — 2019. — № 7. — С. 22–31.
14. *Литвинцева Н. Ю., Сарибекян А. В.* Адвокатская тайна и уголовно-процессуальный закон: пределы вмешательства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2019. — № 4 (26). — С. 128–136.
15. *Лобач Д. В.* Профессиональная этика юриста : учеб. пособие. — Владивосток : Издательство Дальневосточного федерального университета, 2022. — 102 с.

16. Малиновский А. А. Кодекс профессиональной этики: понятие и юридическое значение // Журнал российского права. — 2008. — № 4. — С. 39–41.
17. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» / под общ. ред. А. Г. Кучерены. — М. : Деловой мир, 2009. — 248 с.
18. Рагулин А. В. Кодекс профессиональной этики адвоката как средство борьбы с критикой в адвокатуре // Евразийская адвокатура. — 2020. — № 6 (49). — С. 26–39.
19. Рябцева Е. В. Адвокатская тайна — основа независимости адвоката // Вестник Оренбургского университета. — 2013. — № 3 (152). — С. 158–161.
20. Судоргина Е. В., Полякова О. А. Адвокатская тайна как проблема нравственного регулирования деятельности адвоката в России // Аллея науки. — 2019. — № 1 (28). — С. 49–54.
21. Сухова Н. И. Способы подзаконного противодействия реализации закона // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2021. — № 2 (139). — С. 44–53. — DOI: 10.24412/2227-7315-2021-2-44-53.
22. Токмаков И. С. Соглашение об оказании юридической помощи: теория и практика адвокатской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — 21 с.

Материал поступил в редакцию 14 июля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Akinina N. Yu. Problemy soblyudeniya advokatskoy tayny // Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2015. — Вып. 1 (36). — С. 95–98.
2. Akinina N. Yu., Chistyakov N. S. Nekotorye problemy narusheniya advokatskoy tayny // Nauchnye vyskazyvaniya. — 2024. — № 9 (56). — С. 66–69.
3. Anisimov V. F. Predely advokatskoy tayny // Pravovaya politika i pravovaya zhizn. — 2013. — № 3. — С. 64–70.
4. Boykov A. D. Nuzhno deystvovat v interesakh prava. V predmet professionalnoy tayny advokata ne dolzhny vkhodit svedeniya o gotovyashchemsya tyazhkom i osobo tyazhkom prestuplenii // Advokatskaya gazeta. — 2010. — № 1 (66).
5. Buraeva S. K. Ob advokatskoy tayne // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2024. — № 2. — С. 263–265.
6. Busurina E. O. Distiplinarnaya otvetstvennost sudey i advokатов: sravnitelnyy analiz // Advokatskaya praktika. — 2012. — № 4. — С. 40–48.
7. Grigoreva T. A., Shcherbakova L. G. Eticheskie problemy sokhraneniya advokatskoy tayny // Pravovaya kultura. — 2018. — № 3 (34). — С. 38–44.
8. Davydova M. L. Lokalnyy (korporativnyy) normativnyy pravovoy akt kak predmet teorii prava: modifikatsiya ponyatiya i terminologicheskie diskussii // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, Yurisprudentsiya. — 2016. — № 1 (30). — С. 93–98. — DOI: 10.1732/2072-8166.2021.4.4.24.
9. Zakharenkov D. N. K voprosu o Kodeke professionalnoy etiki advokata // Evraziyskaya advokatura. — 2017. — № 1 (26). — С. 21–28.
10. Isanov S. N. O nekotorykh normakh zakonodatelstva ob advokatskoy deyatelnosti i advokature // Advokat. — 2004. — № 11. — С. 10–16.
11. Kozyreva A. B. Korporativnye normy: pravovoy kharakter, priznaki, sanktsii i sootnoshenie s zakonodatelnymi normami // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2017. — № 3 (76). — С. 28–40.
12. Lazarev V. V. Obshcheteoreticheskie polozheniya, podlezhashchie uchetu v otsenke predlozheniy po vneseniyu izmeneniy i dopolneniy v KPEA // Vestnik Federalnoy palaty advokатов. — 2013. — № 1. — С. 187–189.
13. Lashkin F. G. Sudebnye spory advokатов s doveritelyami // Ugolovnyy protsess. — 2019. — № 7. — С. 22–31.

14. Litvintseva N. Yu., Saribekyan A. V. Advokatskaya tayna i ugovorno-protsessualnyy zakon: predely vmeshatelstva // Sibirskie ugovorno-protsessualnye i kriminalisticheskie chteniya. — 2019. — № 4 (26). — S. 128–136.
15. Lobach D. V. Professionalnaya etika yurista: ucheb. posobie. — Vladivostok: Izdatelstvo Dalnevostochnogo federalnogo universiteta, 2022. — 102 s.
16. Malinovskiy A. A. Kodeks professionalnoy etiki: ponyatie i yuridicheskoe znachenie // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2008. — № 4. — S. 39–41.
17. Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Federalnomu zakonu ot 31 maya 2002 g. № 63-FZ «Ob advokatskoy deyatel'nosti i advokature v Rossiyskoy Federatsii» / pod obshch. red. A. G. Kuchereny. — M.: Delovoy mir, 2009. — 248 s.
18. Ragulin A. V. Kodeks professionalnoy etiki advokata kak sredstvo borby s kritikoy v advokature // Evraziyskaya advokatura. — 2020. — № 6 (49). — S. 26–39.
19. Ryabtseva E. V. Advokatskaya tayna — osnova nezavisimosti advokata // Vestnik Orenburgskogo universiteta. — 2013. — № 3 (152). — S. 158–161.
20. Sudorgina E. V., Polyakova O. A. Advokatskaya tayna kak problema npravstvennogo regulirovaniya deyatel'nosti advokata v Rossii // Alleya nauki. — 2019. — № 1 (28). — S. 49–54.
21. Sukhova N. I. Sposoby podzakonnogo protivodeystviya realizatsii zakona // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. — 2021. — № 2 (139). — S. 44–53. — DOI: 10.24412/2227-7315-2021-2-44-53.
22. Tokmakov I. S. Soglasenie ob okazanii yuridicheskoy pomoshchi: teoriya i praktika advokatskoy deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2013. — 21 s.

Международно-правовые основания ликвидации иностранных военных баз

Аннотация. Практика размещения государствами воинских формирований на территориях иностранных государств, являясь инструментом их внешней политики, может стать фактором напряженности в межгосударственных отношениях. С учетом этого исследование юридических оснований прекращения иностранного военного присутствия обретает особую актуальность. Проанализировав межгосударственную практику, автор выделяет следующие международно-правовые основания ликвидации иностранных военных баз: заключение соглашения между государством, контролирующим военную базу, и государством, на территории которого база размещена; одностороннее решение государства, контролирующего военную базу; одностороннее решение государства, предоставившего территорию в аренду для создания военной базы. При этом односторонние решения не должны противоречить нормам международного права, устанавливающим основания для одностороннего отказа от международного договора, что предопределяется договорным характером отношений, связанных с размещением военных баз на территориях иностранных государств. Особое внимание уделено анализу ситуации с арендой США участков на Кубе под угольные и военно-морские базы на основе двусторонних соглашений. Поскольку вопросы создания и ликвидации иностранных военных баз имеют политический оттенок, единственным реалистичным путем предотвращения осложнений межгосударственных отношений на этой почве, по мнению автора, является качественное прогнозирование всех возможных последствий, связанных с наличием на территории государства иностранных военных баз, которое должно предшествовать заключению международных договоров о базах.

Ключевые слова: военные базы; международный договор; ликвидация военных баз; денонсация; отказ от договора; Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г.; международные отношения; международное право; иностранное военное присутствие; зависимые территории; деколонизация; Организация Объединенных Наций; американо-кубинские соглашения

Для цитирования: Ильинская О. И. Международно-правовые основания ликвидации иностранных военных баз // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 4. — С. 151–160. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.151-160

© Ильинская О. И., 2026

* Ильинская Ольга Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993 oiiinskaya@msal.ru

International Legal Grounds for the Liquidation of Foreign Military Bases

Olga I. Ilinskaya, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
oiiinskaya@msal.ru

Abstract. The practice of states deploying military formations on the territories of foreign states, being an instrument of their foreign policy, can become a factor of tension in interstate relations. In this regard, the study of legal grounds for the termination of foreign military presence takes on particular relevance. Having analyzed interstate practice, the author identifies the following international legal grounds for the liquidation of foreign military bases: the conclusion of an agreement between the state controlling the military base and the state on whose territory the base is located; a unilateral decision of the state controlling the military base; a unilateral decision of the state that has leased the territory for the establishment of a military base. At the same time, unilateral decisions must not contradict the norms of international law that establish grounds for unilateral withdrawal from an international treaty, which is predetermined by the contractual nature of relations related to the deployment of military bases on the territories of foreign states. Particular attention is given to the analysis of the situation with the US leasing of areas for coal and naval bases in Cuba based on bilateral agreements. Since the issues of establishing and liquidating foreign military bases are politically charged, the only realistic way to prevent complications in interstate relations on this basis, in the author's opinion, is a high-quality forecast of all possible consequences associated with the presence of foreign military bases on the territory of a state, which should precede the conclusion of international agreements on bases.

Keywords: military bases; treaty; liquidation of military bases; denunciation; withdrawal from a treaty; Vienna Convention on the Law of Treaties of 1969; international relations; international law; foreign military presence; dependent territories; decolonization; United Nations; US-Cuba agreements

Cite as: Ilinskaya OI. International Legal Grounds for the Liquidation of Foreign Military Bases. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(4):151-160. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.151-160

Международно-правовые вопросы функционирования военных баз, находящихся на территориях иностранных государств, не раз становились предметом исследований как в отечественной, так и в зарубежной науке международного права¹.

Размещение государствами, обладающими значительными военными потенциалами, своих воинских формирований на территориях иностранных государств является мощным инструментом их внешней политики, способным стать дестабилизирующим фактором в межго-

сударственных отношениях. В этом плане показательно отношение Российской Федерации к развёртыванию (наращиванию) иностранного военного присутствия на территориях сопредельных стран, зафиксированное в Военной доктрине 2014 г., согласно которой «развёртывание (наращивание) воинских контингентов иностранных государств (групп государств) на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками, а также в прилегающих акваториях, в том числе для политического и военного давления на Российскую

¹ См., например: *Лазарев М. И.* Иностранные военные базы на чужих территориях и современное международное право : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1961 ; *Крюков Н.* Правовое регулирование размещения российских военных баз за рубежом // *Военно-юридический журнал*. 2008. № 7 ; *Селиверстова О. И.* Международно-правовой режим военных баз Российской Федерации за рубежом : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012 ; *Harkavy R. E.* Bases Abroad: The Global Foreign Military Presence. Oxford ; New York : Oxford University Press, 1989 ; *Lachowski Z.* Foreign Military Bases in Eurasia. Solna : Stockholm international peace research institute, 2007.

Федерацию» относится к основным внешним военным опасностям².

Поскольку военные базы являются «потенциальными, а нередко и действительными инструментами вмешательства во внутренние дела стран, предоставивших свою территорию под размещение иностранных баз, применения силы и угрозы ей в отношении других государств»³, вопрос о необходимости ликвидации иностранных военных баз не раз поднимался в международных организациях, в первую очередь в ООН. Здесь, правда, необходимо уточнить: он рассматривался в ООН исключительно в связи с проблемой осуществления Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г. Так, 5 декабря 1966 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «О ликвидации иностранных военных баз в странах Азии, Африки и Латинской Америки», в которой содержался призыв к ликвидации военных баз, размещенных в перечисленных регионах⁴. В 2002 г. Комитет по специальным политическим вопросам и вопросам деколонизации подготовил доклад, в котором рекомендовал Генеральной Ассамблее ООН включить в резолюцию раздел «Военная деятельность и мероприятия, которые колониальные державы проводят в территориях, находящихся под их управлением», где было бы зафиксировано, в частности, следующее: «Генеральная Ассамблея... вновь подтверждает свою твердую убежденность в том, что военные базы и сооружения в соответствующих

территориях (имеются в виду зависимые территории. — О. И.) могут являться препятствием для осуществления народами этих территорий их права на самоопределение, и вновь заявляет о своей глубокой убежденности в том, что необходимо ликвидировать существующие базы и сооружения, которые препятствуют осуществлению Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам»⁵. Однако в принятый текст резолюции «Экономическая и иная деятельность, которая затрагивает интересы народов самоуправляющихся территорий» приведенный раздел включен не был⁶. Позднее, в ходе 72-й сессии Генеральной Ассамблеи (2017 г.), данный вопрос вновь был рассмотрен, что зафиксировано в резолюции «Осуществление Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам», содержащей призыв к управляющим державам прекратить военную деятельность и ликвидировать военные базы на самоуправляющихся территориях⁷. Аналогичные призывы в годы холодной войны не раз включались и в декларации Движения неприсоединения. Так, в Декларации глав государств или правительств неприсоединившихся стран, принятой по итогам Первой конференции неприсоединившихся стран (Белград, 1961 г.), создание иностранных военных баз на территории того или иного государства против его ясно выраженной воли рассматривалось как серьезное нарушение суверенитета такого государства. Поэтому государствам, имеющим

² Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976) // Российская газета. № 298. 30.12.2014.

³ Лазарев М. И. Конверсия иностранных военных баз в гражданские объекты // Советский журнал международного права. 1991. № 1. С. 33.

⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 05.12.1966 A/RES/2165(XVI) «О ликвидации иностранных военных баз в странах Азии, Африки и Латинской Америки» // URL: <http://www.un.org/ru/ga/21/docs/21res.shtml> (дата обращения: 07.12.2025).

⁵ Проект резолюции от 11.12.2002 A/57/525 // URL: <http://undocs.org/ru/A/57/525>.

⁶ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25.02.2003 A/RES/57/132 «Экономическая и иная деятельность, которая затрагивает интересы народов самоуправляющихся территорий» // URL: <http://undocs.org/ru/A/RES/57/132> (дата обращения: 07.12.2025).

⁷ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 07.12.2017 A/RES/72/111 «Осуществление Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам» // URL: <http://undocs.org/ru/A/RES/72/111> (дата обращения: 07.12.2025).

военные базы на чужой территории, был адресован призыв «серьезно отнестись к их ликвидации». Другая декларация — Программа мира и международного сотрудничества, выработанная в ходе Второй конференции неприсоединившихся стран (Каир, 1964 г.), — даже содержала специальный раздел «Военные блоки, иностранные войска и базы за границей», где говорилось о недопустимости наличия или создания на зависимых территориях баз, которые могут использоваться для сохранения колониализма, и опять призыв ликвидировать такие базы. Перечень подобных деклараций можно было бы продолжать⁸.

Стоит отметить, что подобные призывы в целом остаются не услышанными, свидетельством тому является продолжающееся военное присутствие на зависимых территориях⁹.

О том, насколько порой неохотно бывшие метрополии соглашались на ликвидацию военных баз, размещенных на территориях бывших колоний, свидетельствует следующий факт. После подписания 20 марта 1956 г. франко-туниского протокола о признании Францией независимости Туниса, в соответствии с которым Франция признавала «осуществление Тунисом своей ответственности в области внешних сношений, безопасности и обороны, а также в создании тунисской национальной армии»¹⁰, на территории Туниса были сохранены 350 военных лагерей, гарнизонов и баз бывшей метрополии, в том числе крупнейшая военно-морская база в Бизерте. Правительство Франции игнорировало требования Туниса о выводе французских войск. Более того, в феврале 1958 г. французская авиация бомбардировала и разрушила тунисское

селение Сакиет Сиди-Юсеф, результатом чего стала постановка тунисского вопроса перед Советом Безопасности ООН. 17 июня 1958 г. Франции пришлось подписать соглашение о выводе войск. Однако военная база в Бизерте сохранялась.

В июле 1961 г. вопрос о Бизерте послужил причиной франко-тунисского конфликта, спровоцированного Францией. Такое развитие событий побудило Тунис обратиться в ООН с протестом против действий Франции. Однако Совету Безопасности не удалось принять резолюцию о выводе французских войск из Бизерты. Но на специальной сессии Генеральной Ассамблеи 25 августа 1961 г. была принята резолюция, признавшая законным требование Туниса об эвакуации с его территории всех французских войск. В итоге в 1962 г. между Францией и Тунисом была достигнута договоренность об эвакуации Бизерты¹¹. Однако по соображениям престижа Франция отказалась оформить эту договоренность в виде двустороннего соглашения. В обмен на обязательство Франции эвакуировать Бизерту Тунис подписал 2 марта 1963 г. соглашение (далеко не первое) о выкупе земель французских колонистов. Оно предусматривало выкуп одной части и пятилетние гарантии «мирного пользования» для другой части колониальных земель¹².

Подчеркнем, что причиной столь явного нежелания Франции прекратить военное присутствие на территории Туниса являлось ее стремление сохранить здесь экономические позиции французских монополий.

Далее рассмотрим некоторые международно-правовые основания ликвидации иностранных военных баз.

⁸ Тексты указанных, а также других деклараций Движения неприсоединения см.: Движение неприсоединения в документах и материалах. Изд. 2-е, испр. и доп. / сост. и авт. вступ. ст. Р. А. Тузмухамедов. М.: Наука, 1979.

⁹ Например, на островах Святой Елены, Вознесения и Тристан-да-Кунья (владение Великобритании) расположена военно-воздушная база США, а также радиорелейная станция Великобритании; на Гибралтаре расположена военно-морская база НАТО. Есть, правда, и примеры закрытия военных баз: в 1995 г. США прекратили использование военных баз на Бермудах.

¹⁰ Новейшая история арабских стран (1917–1966). М.: Наука, 1968. С. 517.

¹¹ Подробнее см.: Новейшая история Африки. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, 1968. С. 125.

¹² Подробнее см.: Новейшая история арабских стран. С. 528.

Иностранные военные базы могут быть ликвидированы в результате заключения специального соглашения между государством, контролирующим военную базу, и государством, на территории которого такая база размещена. Так, в 1955 г. СССР и Финляндия подписали Соглашение о досрочном отказе СССР от прав на использование территории Порккала-Удд и выводе советских войск в течение трех месяцев с момента обмена ратификационными грамотами. В 1956 г. государства подписали Заключительный протокол о безвозмездной передаче Финляндии территории полуострова Порккала-Удд и находящегося на ней имущества, в том числе возведенного Советским Союзом за время аренды. Напомним, что в соответствии со ст. 8 Соглашения о перемирии с Финляндией 1944 г. территория и водные пространства в районе полуострова Порккала-Удд были предоставлены Советскому Союзу Финляндией на правах аренды в пользование и управление сроком на 50 лет для создания там советской военно-морской базы. Право аренды района Порккала-Удд СССР получил за отказ от прав на аренду полуострова Ханко, что зафиксировано Мирным договором 1940 г. Положение, закрепленное в ст. 8 Соглашения о перемирии, было повторено и в ст. 4 Мирного договора с Финляндией 1947 г.: «В соответствии с Соглашением о перемирии Советский Союз подтверждает, что он отказался от своих прав на аренду полуострова Ханко, предоставленных ему Советско-Финским Мирным Договором от 12 марта 1940 года, а Финляндия, со своей стороны, подтверждает, что она предоставила Советскому Союзу на правах аренды в пользование и управление сроком на 50 лет, с ежегодной уплатой Советским Союзом 5 миллионов финских марок, территорию и водные пространства для создания советской военно-морской базы в районе Порккала-Удд...»¹³.

Другим примером соглашения, формирующего правовую основу для вывода иностранных военных баз, является Соглашение между Российской Федерацией и Грузией о сроках, порядке временного функционирования и выводе российских военных баз и других военных объектов Группы российских войск в Закавказье, расположенных на территории Грузии, 2006 г.¹⁴ Как заявлено в преамбуле, Россия и Грузия решили заключить это Соглашение, «учитывая новые политические реалии в Европе и в мире в целом». Такой шаг, по мнению сторон, должен был способствовать укреплению доверия между ними. Излишне говорить о том, что провозглашенная цель так и не была достигнута.

Особенностью Соглашения 2006 г., действовавшего до 31 декабря 2008 г., являлось положение о праве любой из сторон заявить о намерении прекратить его действие в случае существенного нарушения другой стороной (ст. 22).

По мнению О. И. Селиверстовой, «вывод войск с территории иностранного государства и закрытие военной базы возможны после прекращения международного договора о базе»¹⁵. В целом приведенное утверждение справедливо, но стоит отметить, что оно касается лишь тех случаев, когда речь идет о ликвидации иностранных военных баз, которые были размещены на основании двусторонних договоров. Однако, как было показано выше, создание иностранной военной базы может предусматриваться не только специально заключаемым с этой целью двусторонним договором¹⁶. Общим правовым основанием иностранного военного присутствия в виде военных баз может являться и многосторонний международный договор о коллективной обороне, например Североатлантический договор 1949 г. Так, военные базы

¹³ Мирный договор с Финляндией 1947 г. М. : Госполитиздат, 1947.

¹⁴ СЗ РФ. 2007. № 6. Ст. 687.

¹⁵ Селиверстова О. И. Международно-правовой режим военных баз Российской Федерации за рубежом : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 133.

¹⁶ В приведенном примере говорилось о ликвидации военной базы, созданной в соответствии с соглашением о перемирии и мирным договором.

Организации Североатлантического договора (НАТО) создаются на основании специальных двусторонних соглашений о базах и на основе решений руководящих органов НАТО¹⁷.

Ликвидация иностранной военной базы может быть осуществлена по решению контролирующего ее государства. Известным примером такого одностороннего решения может служить решение, принятое Советским Союзом в 1955 г., о досрочной ликвидации его военно-морской базы Порт-Артур. Еще в 1898 г. между Россией и Китаем была заключена Конвенция о Ляодунском полуострове, в соответствии с которой Россия арендовала у Китая часть Ляодунского полуострова с Порт-Артуром для строительства военно-морской базы. Цель такого шага определялась в ст. 1 Конвенции: «В видах обеспечения для русских военно-морских сил вполне надежной опоры на побережье Северного Китая е. в. император китайский соглашается предоставить российскому правительству в арендное пользование порты Артур (Люшунь-коу) и Та-лянь-вань вместе с прилегающим к этим портам водным пространством. Арендой этой, однако, никоим образом не нарушаются верховные права е. в. императора китайского на вышесказанную территорию»¹⁸. Таким образом, эта база создавалась для осуществления оборонительно-сдерживающей функции ввиду агрессивных планов Японии. Срок аренды был установлен в ст. 3 и составлял 25 лет со дня подписания Конвенции, причем предусматривалась возможность его продления по обоюдному согласию государств. Однако право аренды Порт-Артура, как известно, было нарушено в результате на-

падения Японии в 1904 г. Восстановлено оно было лишь в 1945 г. в соответствии с Ялтинским соглашением.

В качестве примера ликвидации иностранной военной базы по решению государства, предоставившего территорию в аренду с целью создания военной базы, укажем решение Киргизии, принятое в 2009 г., о денонсации Соглашения с США относительно создания авиабазы «Манас»¹⁹. Указанное Соглашение было заключено в 2001 г. путем обмена дипломатическими нотами. В ноте Посольства США в Киргизии от 04.12.2001 № 542/01, адресованной МИД Киргизии, содержалась просьба Правительства США о разрешении на использование объектов в Киргизии, включая международный аэропорт «Манас», для гуманитарной помощи, боевых действий и их поддержки в рамках операции «Несокрушимая свобода», проводившейся в Афганистане антитеррористической коалицией во главе с США. Ответная нота МИД Киргизии № 011-22/1655 была направлена 15 декабря 2001 г. Не вдаваясь в описание скандалов, связанных с функционированием авиабазы США «Манас»²⁰, подчеркнем, что они в конечном счете оказали определенное влияние на позицию киргизского парламента по вопросу дальнейшего пребывания этой авиабазы: 20 февраля 2009 г. в Киргизии был принят Закон о денонсации ответной ноты МИД Киргизии на ноту Посольства США от 04.12.2001, образующих вместе Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Соединенных Штатов Америки²¹. И практически сразу Закон был подписан президентом, по словам которо-

¹⁷ Военные базы этой организации представляют собой сложную, комплексную систему, состоящую из сети военно-морских баз и портов, авиабаз, военных аэродромов, ракетодомов, средств связи, складов, баз снабжения и т.п.

¹⁸ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 309–312.

¹⁹ Эта авиабаза США создавалась по мандату ООН с целью поддержки операции в Афганистане «Несокрушимая свобода».

²⁰ Столкновение американского авиазаправщика с киргизским пассажирским самолетом, убийство американским военным гражданина Киргизии и др.

²¹ Закон Кыргызской Республики от 20.02.2009 № 55 «О денонсации ответной ноты Министерства иностранных дел Кыргызской Республики на ноту Посольства Соединенных Штатов Америки от 4 декабря 2001 года № 542, образующих вместе Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и

го речь здесь шла «только об экономической составляющей»²².

Вполне понятно, что такое решение Киргизии не устраивало США, что побудило официальный Вашингтон инициировать новые переговоры по данному вопросу. Их результатом стало подписание 22 июня 2009 г. нового соглашения с Киргизией — о создании Центра транзитных перевозок ВВС США в международном киргизском аэропорту «Манас»²³. Примечательно, что условия пребывания американского военного и гражданского персонала на территории Киргизии, содержащиеся в Соглашении 2001 г., оставались прежними. По Соглашению 2009 г. вновь созданному центру передавалась вся инфраструктура, имевшаяся на территории американской авиабазы. По сути, произошло лишь реформатирование военного присутствия США в Киргизии, что продолжалось до июля 2014 г., когда указанный центр был закрыт²⁴.

Международные договоры о создании военных баз являются по общему правилу неопределенно-срочными, а значит, любая из сторон может воспользоваться правом денонсации, разумеется при условии строгого соблюдения всех закрепленных в договоре формальностей. Приведем типичную формулировку о сроке действия и денонсации двустороннего договора о военной базе: «Настоящее Соглашение действу-

ет в течение сорока девяти лет и автоматически продлевается на последующие пятнадцатилетние периоды, если ни одна из Сторон не позднее чем за шесть месяцев до истечения первоначального или любого последующего периода его действия не направит другой Стороне письменного уведомления о своем намерении прекратить его действие»²⁵. Подчеркнем, что если какая-либо из сторон договора о военной базе воспользуется правом заявить о его денонсации, то сам факт прекращения действия такого договора еще не будет означать завершение функционирования созданной на его основе военной базы: в этом случае база будет функционировать в режиме вывода в соответствии с положениями нового договора. Как отмечает О. И. Селиверстова, круг вопросов, подлежащих решению на этапе закрытия военной базы, «чрезвычайно широк и далеко не всегда полностью урегулирован международными договорами»²⁶.

Намного сложнее дело обстоит в том случае, когда в международном договоре, предусматривающем создание иностранной военной базы, ничего не сказано о сроке его действия и возможности денонсации. Уникальным примером такого договора является Соглашение о сдаче в аренду США земельных участков на Кубе под угольные и военно-морские базы, подписанное президентами Кубы и США

Правительством Соединенных Штатов Америки» // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/4-3943/edition/457485/ru?ysclid=mjsn74ghwm945087412> (дата обращения: 07.12.2025).

Что касается сроков ликвидации авиабазы «Манас», то было установлено, что она должна быть выведена в течение 180 дней после официального уведомления Посольства США.

²² Российская газета. № 30 (4854). 20.02.2009.

²³ Киргизия и США договорились о создании Центра транзитных перевозок в аэропорту «Манас» // URL: <https://rg.ru/2009/06/23/kirgazia-usa-anons.html> (дата обращения: 07.12.2025).

²⁴ Первоначально Соглашение 2009 г. было заключено сроком на один год с возможностью ежегодного продления, что и происходило до 2014 г.

²⁵ Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия об объединенной российской военной базе на территории Республики Южная Осетия от 07.04.2010 // СЗ РФ. 2012. № 11. Ст. 1276.

Минимальный срок направления письменного уведомления о денонсации может быть и более продолжительным. Например, согласно ст. 12 Соглашения между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил РФ на территории Сирийской Арабской Республики 2015 г., любая из сторон Соглашения, которая пожелает прекратить его действие, должна будет уведомить об этом другую сторону не менее чем за год до истечения очередного периода действия Соглашения (СЗ РФ. 2017. № 4. Ст. 522).

²⁶ Селиверстова О. И. Указ. соч. С. 138.

в 1903 г.²⁷, а также Договор между США и Кубой об отмене «поправки Платта» 1934 г.²⁸ В соответствии со ст. 3 Договора 1934 г. «до тех пор, пока обе Договаривающиеся Стороны не согласятся изменить или отменить условия соглашения о сдаче в аренду США земельных участков на Кубе под угольные и военно-морские базы, подписанного президентом Кубы 16 февраля 1903 г. и президентом США 23-го числа того же месяца и года, условия соглашения о военно-морской базе Гуантанамо остаются в силе. Дополнительное соглашение о военно-морских и угольных базах, подписанное обоими правительствами 2 июля 1903 г., в той части, где речь идет о военно-морской базе Гуантанамо, остается в силе на прежних условиях. До тех пор пока США не откажутся от вышеупомянутой военно-морской базы Гуантанамо или до тех пор пока оба правительства не согласятся изменить ее границы, база будет занимать ту же территорию, которую она занимает и сейчас, то есть ко дню подписания настоящего Договора»²⁹. Подчеркнем, что соглашение о передаче в аренду военно-морской базы в Гуантанамо 1903 г. было заключено менее чем через год после официального провозглашения Кубинской республики (20 мая 1902 г.). К тому времени на Кубе уже действовала Конституция 1901 г., содержавшая так называемую поправку Платта,

внесенную под давлением США. Именно эта поправка, цель которой сводилась к определению принципов кубино-американских отношений, и обусловила заключение такого аномального договора об аренде, как соглашение 1903 г.³⁰

В свое время М. И. Лазарев четко сформулировал причину, по которой США в 1903 г. фактически навязали Кубе соглашение об аренде Гуантанамо, — это «экономическое господство американских монополий»³¹.

В ходе работы 21-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1966 г., где, как отмечалось выше, рассматривался вопрос об иностранных военных базах, известный кубинский юрист Фернандо А. Табио заявил о том, что постоянное пребывание военно-морской базы США на территории Кубы не имеет законной силы ввиду ущерба, нанесенного основным правам страны. Если правительство Кубы не согласно уступить часть национальной территории навечно, то цель пребывания базы становится незаконной и, следовательно, правительство принуждается к этому несправедливыми средствами морального насилия. Куба, по мнению Табио, имеет право разорвать соглашение о Гуантанамо в силу того, что прошло много времени с момента его заключения, а также того, что использование базы наносит ущерб принципам суверенитета, самоопределения³².

²⁷ Agreement between the United States and Cuba for the Lease of Lands for Coaling and Naval stations (February 23, 1903) // Yale Law School. The Avalon Project: Documents in Law, History and Diplomacy. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/dip_cuba002.asp (дата обращения: 07.12.2025).

²⁸ Согласно ст. 1 этого Договора со дня его вступления в силу прекратил действие Договор о взаимоотношениях, заключенный между США и Кубой 22 мая 1903 г. (Постоянный договор).

²⁹ League of Nations Treaty Series. 1934. Vol. CI.

³⁰ В соответствии с «поправкой Платта» США получили фактически право вмешательства во внутренние дела Кубы: за ними признавалось право вводить войска на Кубу для «охраны» ее независимости, для «поддержания» правительства, способного защищать жизнь, собственность и свободу кубинских граждан, и для выполнения обязательств по отношению к Кубе, возложенных на США Парижским договором 1898 г., по которому Испания отказалась от прав на Кубу и остров перешел под контроль США. Обратим внимание на тот факт, что Соединенные Штаты отказывались прекратить оккупацию острова, начатую ими в 1899 г., до внесения в Конституцию Кубы упомянутой поправки.

³¹ Подробнее см.: Лазарев М. И. Военные базы США в Латинской Америке — международный деликт. М., 1970. С. 67.

³² Official records of the General Assembly. XXI Session, I Committee, 1467th Meeting, 29.11.1966. New York : UN, 1968. P. 243–244.

О нарушении суверенитета и территориальной целостности Кубы в связи с нахождением на ее территории базы Гуантанамо неоднократно говорилось в декларациях упоминавшегося Движения неприсоединения. См.: Движение неприсоединения в документах и материалах. С. 58 и далее.

Надо сказать, что попытки избавиться от соглашения об аренде Гуантанамо Куба предпринимала неоднократно. Например, подпункт «b» п. 1 ст. 56 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.³³ о том, что международный договор может быть денонсирован, если характер договора подразумевает право денонсации³⁴, был включен по настоянию Великобритании и Кубы. В частности, делегация Кубы полагала, что некоторые категории договоров в силу своей природы подразумевают возможность денонсации. Например, как в национальном, так и в международном праве договоры об аренде, о союзах не могут иметь бессрочный характер³⁵.

После создания Соединенными Штатами в 2002 г. в Гуантанамо тюрьмы Куба заявила о нецелевом использовании этой территории, ссылаясь на то, что согласно договору территория передавалась в аренду исключительно под угольные и военно-морские базы. Создание тюрьмы, таким образом, представляет собой нарушение договора об аренде. Указывая на это обстоятельство, Куба потребовала ликвидировать базу, на что США вполне резонно возразили, что не существует каких-либо правовых запретов в отношении создания тюрем на военных базах, а значит, не может идти речь о нецелевом использовании Гуантанамо³⁶.

Оценивая приведенные американо-кубинские договоры, можно, на наш взгляд, констатировать, что в них, по сути, легализован захват части кубинской территории, причем немалой: площадь базы Гуантанамо составляет 110 кв. км. Наивно ожидать одностороннего отказа США от этой базы, о котором говорится в цитирован-

ной выше статье 3 Договора 1934 г. Упомянутая возможность изменить или отменить по обоюдному согласию условия договора об аренде 1903 г. также представляется нереализуемой.

Специфическое основание прекращения иностранного военного присутствия предусматривалось Англо-египетским договором о дружбе и союзе 1936 г.³⁷, сохранившим основные военные позиции Великобритании в Египте. В статье 8 этого Договора закреплялось следующее положение: «Ввиду того факта, что Суэцкий канал, будучи нераздельной частью Египта, является в то же время мировым средством сообщений, так же как и необходимым средством сообщений между различными частями Британской империи, е. в. король Египта до того времени, как высокие договаривающиеся стороны согласятся, что египетская армия в состоянии своими собственными ресурсами обеспечить свободу и полную безопасность мореплавания в канале, уполномочивает е. в. короля и императора содержать силы на египетской территории по соседству с каналом... с целью обеспечения в сотрудничестве с египетскими силами обороны канала...»³⁸ Таким образом, вывод английских войск из зоны Суэцкого канала мог состояться по Договору только в результате достижения обоюдного согласия сторон, что могло иметь место в соответствии с той же статьей 8 лишь «в конце периода в 20 лет». На наш взгляд, приведенное положение Договора предоставляло Великобритании достаточно большие возможности для сохранения Суэцкой базы и по истечении указанного 20-летнего периода. Обратим внимание, что возможность недостижения сторонами согласия

³³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

³⁴ Это положение Конвенции сформулировано следующим образом: «Договор, который не содержит положений о его прекращении и который не предусматривает денонсации или выхода из него, не подлежит денонсации и выход из него не допускается, если только:

<...>

b) характер договора не подразумевает права денонсации или выхода».

³⁵ Ильинская О. И. Прекращение действия международных договоров : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 113.

³⁶ URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/5169600.stm> (дата обращения: 07.12.2025).

³⁷ Согласно ст. 1 Договора с его подписанием прекращалась военная оккупация Египта английскими войсками.

³⁸ Суэцкий канал : сборник документов. М. : Изд. ИМО, 1957. С. 62.

по вопросу о целесообразности присутствия британских сил предусматривалась в самом Договоре: в этом случае вопрос должен был решаться согласно установленному статьей 8 порядку³⁹.

Поводя краткий итог, подчеркнем, что отношения, связанные с ликвидацией иностранных военных баз, по своей природе являются договорными, что предопределяет необходимость принятия любых решений о ликвидации баз в соответствии с международным правом. Так, односторонние решения в этой сфере должны базироваться как на соответствующих двусторон-

них соглашениях, так и на положениях Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., закрепляющей основания прекращения действия международных договоров.

Так как вопросы создания и ликвидации иностранных военных баз имеют политический оттенок (как, впрочем, и многие другие международно-правовые вопросы), заключению международных договоров о базах должно предшествовать качественное прогнозирование всех возможных последствий, связанных с наличием на территории государства иностранных военных баз.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Движение неприсоединения в документах и материалах. — Изд. 2-е, испр. и доп. / сост. и авт. вступ. статьи Р. А. Тузмухамедов. — М.: Наука, 1979. — 431 с.
2. Ильинская О. И. Прекращение действия международных договоров: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 250 с.
3. Лазарев М. И. Военные базы США в Латинской Америке — международный деликт. — М., 1970. — 134 с.
4. Лазарев М. И. Конверсия иностранных военных баз в гражданские объекты // Советский журнал международного права. — 1991. — № 1. — С. 33–39.
5. Новейшая история арабских стран (1917–1966). — М.: Наука, 1968. — 658 с.
6. Новейшая история Африки. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Наука, 1968. — 659 с.
7. Селиверстова О. И. Международно-правовой режим военных баз Российской Федерации за рубежом: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2012. — 208 с.
8. Суэцкий канал: сборник документов. — М.: Изд. ИМО, 1957. — 179 с.

Материал поступил в редакцию 8 декабря 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Dvizhenie neprisoedineniya v dokumentakh i materialakh. — Izd. 2-e, ispr. i dop. / sost. i avt. vstup. stati R. A. Tuzmukhamedov. — M.: Nauka, 1979. — 431 s.
2. Ilinskaya O. I. Prekrashchenie deystviya mezhdunarodnykh dogovorov: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2008. — 250 s.
3. Lazarev M. I. Voennye bazy SShA v Latinskoy Amerike — mezhdunarodnyy delikt. — M., 1970. — 134 s.
4. Lazarev M. I. Konversiya inostrannykh voennykh baz v grazhdanskije obekty // Sovetskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. — 1991. — № 1. — S. 33–39.
5. Noveyshaya istoriya arabskikh stran (1917–1966). — M.: Nauka, 1968. — 658 s.
6. Noveyshaya istoriya Afriki. — Izd. 2-e, ispr. i dop. — M.: Nauka, 1968. — 659 s.
7. Seliverstova O. I. Mezhdunarodno-pravovoy rezhim voennykh baz Rossiyskoy Federatsii za rubezhom: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2012. — 208 s.
8. Suetskiy kanal: sbornik dokumentov. — M.: Izd. IMO, 1957. — 179 s.

³⁹ В 1954 г. (после национально-освободительной революции в Египте) Великобритания и Египет подписали соглашение о выводе английских войск из Египта, согласно которому войска из зоны Суэцкого канала должны были быть выведены в течение 20 месяцев, что и было осуществлено точно в срок.

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.161-175

М. Е. Мунтян*

От национальных стратегий к глобальному консенсусу: международно-правовые аспекты кибербезопасности космической деятельности

Аннотация. Проблема безопасности космической деятельности с каждым годом становится всё острее в связи с достижениями научно-технического прогресса. В поддержании бесперебойного функционирования спутниковых систем особую роль играет кибербезопасность, правовое обеспечение которой является одним из наиболее дискуссионных вопросов в мировом сообществе. Космическая инфраструктура уязвима для киберугроз как технического, так и социально-инженерного характера. В статье рассмотрены инициативы по решению проблемы обеспечения кибернетической безопасности космических систем на национальном, региональном и международно-правовом уровнях; проанализированы основные проблемы, подлежащие разрешению на начальном этапе формирования соответствующей правовой базы; проведена оценка влияния кибербезопасности космической инфраструктуры на управление космическим движением. В завершение подчеркивается необходимость разрешения вопросов обеспечения кибербезопасности космической деятельности преимущественно на уровне многосторонних переговоров, предложены варианты решения поставленной задачи.

Ключевые слова: космос; международное космическое право; кибербезопасность; космическая деятельность; управление космическим движением; космическая безопасность; международное право; спутниковые системы; Комитет ООН по космосу; Будапештская конвенция

Для цитирования: Мунтян М. Е. От национальных стратегий к глобальному консенсусу: международно-правовые аспекты кибербезопасности космической деятельности // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 4. — С. 161–175. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.161-175

From National Strategies to Global Consensus: International Legal Aspects of Cybersecurity in Outer Space Activities

Marina E. Muntyan, Head of the Competitions and Grants Department, Autonomous Non-Commercial Organization Research Center for Space Economics and Policy, Postgraduate Student, Department of International Law, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
m.e.muntyan@yandex.ru

Abstract. The issue of security in space activities is becoming increasingly acute due to scientific and technological advancements. Cybersecurity plays a crucial role in maintaining the smooth operation of satellite systems, and its

© Мунтян М. Е., 2026

* Мунтян Марина Евгеньевна, руководитель направления «Конкурсы и гранты» автономной некоммерческой организации «Исследовательский центр “Космическая экономика и политика”», аспирант кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России) Красноармейская ул., д. 4, г. Москва, Российская Федерация, 125167
m.e.muntyan@yandex.ru

legal framework is one of the most controversial issues in the global community. Space infrastructure is vulnerable to cyber threats of both technical and social engineering nature. This paper examines initiatives to address the issue of ensuring cybersecurity of space systems at the national, regional, and international legal levels. It also analyzes the key issues to be addressed at the initial stage of developing the relevant legal framework. It also assesses the impact of cybersecurity of space infrastructure on space traffic management. In conclusion, the need to resolve issues of ensuring cybersecurity in space activities primarily at the level of multilateral negotiations is emphasized, and options for solving this problem are proposed.

Keywords: space; international space law; cybersecurity; space activities; space traffic management; space security; international law; satellite systems; UN Committee on Outer Space; Budapest Convention

Cite as: Muntyan ME. From National Strategies to Global Consensus: International Legal Aspects of Cybersecurity in Outer Space Activities. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(4):161-175. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.161-175

В соответствии с данными ABI Research¹, по состоянию на декабрь 2024 г. в космическом пространстве функционировало более 10 тыс. искусственных спутников из более чем 100 стран². Реестр космических объектов ООН говорит о наличии на начало 2025 г. на орбите более 13 тыс. спутников, и речь идет только о тех космических объектах, которые были непосредственно в нем зарегистрированы³. При этом практически вся критически важная инфраструктура, к числу которой относятся телекоммуникации, воздушный и морской транспорт, финансовые системы, онлайн-банкинг, системы военной связи и обороны, научный мониторинг, а также интеллектуальные сети, зависит от спутниковых систем. Это понятие включает в себя не только отдельные спутники и их группировки (satellite constellations), но и наземные системы. Космические операции полностью зависят от

безопасности киберпространства, через которое проходят восходящие (передача сигнала от наземной станции к спутнику) и нисходящие (от спутника к наземной станции) линии связи, передается информация непосредственно между космическими объектами, а также осуществляется сообщение между наземными станциями, поддерживающими космическую деятельность⁴.

Спутниковая система, как правило, включает 3 операционных компонента, а именно космический, наземный и пользовательский сегменты, причем оценка уязвимости спутника для киберугроз по большей части сосредоточена на первых двух⁵. Сами кибернетические угрозы космической деятельности можно разделить на две основные категории: технические и социально-инженерные, заключающиеся в обмане или давлении на ответственных лиц с целью

¹ Международная аналитическая компания, проводящая маркетинговые исследования, стратегический анализ и предоставляющая консультационные услуги по трансформационным технологиям в различных отраслях промышленности.

² Over 480 Orbital Launches and 43 000 Active Satellites Expected by 2032 // ABI Research. December 19, 2024. URL: https://www.abiresearch.com/press/over-480-orbital-launches-and-43000-active-satellites-expected-by-2032?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 23.07.2025).

³ Online Index of Objects Launched into Outer Space // United Nations Office for Outer Space Affairs. URL: https://www.unoosa.org/oosa/osoindex/search-ng.jsp?lf_id=#?c=%7B%22filters%22:%5B%5D,%22sortings%22:%5B%7B%22fieldName%22:%22object.launch.dateOfLaunch_s1%22,%22dir%22:%22desc%22%7D%5D%7D (дата обращения: 23.07.2025).

⁴ Housen-Couriel D. IAC-21-E-9 (Paper ID: 67116) information sharing for the mitigation of outer space — related cybersecurity threats // *Acta Astronautica*. 2023. Vol. 203. P. 548.

⁵ Breda P., Markova R., Abdin A. F., et al. An extended review on cyber vulnerabilities of AI technologies in space applications: Technological challenges and international governance of AI // *Journal of Space Safety Engineering*. 2023. Vol. 10. Iss. 4. P. 449.

проникновения в систему⁶. Технические кибер-угрозы для космической инфраструктуры включают в себя создание помех и, как следствие, ухудшение качества связи, манипулирование данными и взлом действующих систем⁷. Такие вредоносные действия могут быть направлены как против самих спутников, так и против систем управления ими, в том числе наземных центров контроля. Среди конкретных способов осуществления подобных атак особое место занимает смена IP-адреса с целью сокрытия шпионажа, а также создание помех в функционировании навигационных спутниковых систем (например, GPS или ГЛОНАСС). Социально-инженерные кибернетические угрозы, например фишинг⁸, направлены на операторов спутниковых систем и предполагают различные способы манипулирования поведением и психологией жертвы с целью получения необходимых для авторизации в системе данных или ее непосредственного взлома.

Несмотря на столь широкий круг угроз, стоящих перед спутниковыми системами и их операторами, обеспечение кибербезопасности современной космической деятельности на данный момент осуществляется исключительно в соответствии с актами национального и регионального характера, т.к. международно-правовые нормы, регулирующие данные отношения,

отсутствуют. Первая попытка унифицировать требования к кибербезопасности спутниковых систем на национальном уровне была предпринята лишь в 2013 г., когда Aerospace Industries Association⁹ опубликовала Стандарты аэрокосмической кибербезопасности (Aerospace Cybersecurity Standards), предназначенные для обеспечения «динамической оценки рисков и принятия на ее основании соответствующих решений» с целью устранения угроз кибербезопасности и выступающие в качестве дополнения к требованиям Министерства обороны США¹⁰.

Определения понятий «космическое пространство» и «киберпространство» всё еще находятся в процессе разработки как в большинстве национальных правовых систем, так и на международно-правовом уровне. Ни одно из международных соглашений, касающихся космической деятельности (Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г., Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство, 1968 г., Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, 1972 г., Конвенция

⁶ Carlo A., Manti N. P., Bintang A. S. W. A. M., et al. The importance of cybersecurity frameworks to regulate emergent AI technologies for space applications // *Journal of Space Safety Engineering*. 2023. Vol. 10. Iss. 4. P. 476.

⁷ Carlo A., Veazoglou N. ASAT Weapons: Enhancing NATO's Operational Capabilities in the Emerging Space Dependent Era // *Modelling and Simulation for Autonomous Systems: 6th International Conference, MESAS, 2019, Palermo, Italy, October 29–31, 2019, Revised Selected Papers* / J. Mazal, A. Fagiolini, P. Vasik (eds.). Springer, 2019.

⁸ Фишинг (phishing, от fishing — «рыбная ловля, выуживание» и password — «пароль») — вид интернет-мошенничества, цель которого — получить идентификационные данные пользователей информационных систем. См.: Энциклопедия: проект «Лаборатории Касперского». URL: <https://encyclopedia.kaspersky.ru/knowledge/what-is-phishing/> (дата обращения: 23.07.2025).

⁹ Американская торговая ассоциация, представляющая производителей и поставщиков гражданских, военных и бизнес-самолетов, вертолетов, беспилотных летательных аппаратов, спутниковых систем, авиационных двигателей, ракет, материалов и сопутствующих компонентов, оборудования, услуг и информационных технологий в США.

¹⁰ Falco G. Cybersecurity Principles for Space Systems // *Journal of Aerospace Information Systems*. 2019. Vol. 16. Iss. 2. P. 1.

о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, 1975 г. и Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г.¹¹), не затрагивает напрямую вопросы ограничения кибероружия или обеспечения кибербезопасности в рамках космической деятельности. Причина очевидна: во время принятия данных договоров государства если даже и предполагали, насколько частыми будут кибератаки на космическую инфраструктуру в ближайшем будущем, то уж точно не намеревались заложить правовую основу для их предотвращения в рамках фундаментальных соглашений по космосу.

Существует мнение, что не все киберугрозы в отношении спутниковых систем, например взлом наземных систем контроля за спутником с целью хищения данных, подпадают под действие международного космического права, т.к. большая их часть направлена против наземного сегмента космической инфраструктуры¹² и не преследует целей космической деятельности¹³. Классическим примером кибератаки, на которую будут распространяться нормы международного космического права, является вмешательство в управление полетом космического объекта, которое впоследствии приводит к причинению ущерба на поверхности Земли или воздушному судну в полете. В соответствии со ст. II Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, в данном случае запускающее государство будет нести абсолютную ответственность за такой ущерб, что, по мнению ряда исследователей, налагает на него «непропорциональное бремя ответственности за кибератаки, которые оно не планировало»¹⁴.

В соответствии со ст. IV Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г. государства «обязуются не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом»¹⁵. Из этого следует, что запрет на вывод оружия на орбиту не распространяется на виды вооружений, отличных от оружия массового уничтожения, а также на использование кибероружия как в отношении самих спутников, так и против наземных систем управления ими. Ввиду того что целый ряд спутников, принадлежащих России, США, Китаю и ЕС, имеют двойное назначение, различие между гражданскими и военными целями становится всё более размытым как в киберпространстве, так и в космосе. Это во многом препятствует разработке ключевой терминологии, которая, по сути, стала бы отправной точкой на пути к урегулированию проблем в рассматриваемой области. Например, в рамках универсальных международных соглашений не раскрываются такие понятия, как «кибертерроризм», «кибероружие», «космическое оружие», «кибератака», «киберугроза» и пр. Даже термин «оружие» довольно широк и не поддается универсальному толкованию. Тем не менее официальные испытания систем, в перспективе подпадающих под категорию «кибероружие», уже проводятся. Так, в 2021 г. в рамках программы AsterX Франция совместно с Германией, Италией и США провела первые военные учения, предназначенные для подготов-

¹¹ Колосов Ю. М. Борьба за мирный космос: правовые вопросы. 2-е изд., стер. М. : Статут, 2014. С. 6.

¹² Li D. Upgrading space debris mitigation measures to cope with proliferating cyber threats to space activities // *Advances in Space Research*. 2023. Vol. 71. Iss. 10. P. 4186.

¹³ К таким целям относят, например, исследование космоса, разработку космической техники, применение космической техники и внедрение результатов исследования космоса и технологий.

¹⁴ Suwijak C. Global Internet Access from the Low Earth Orbit: Legal Issues regarding Cybersecurity in Outer Space // *Journal of East Asia and International Law*. 2022. Vol. 15. Iss. 1. P. 102.

¹⁵ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 23.07.2025).

ки так называемых космических комбатантов¹⁶. В рамках миссии были отработаны не менее 18 различных космических событий и сценариев, в том числе и подавление спутниковой связи с использованием кибернетических технологий. Официальная цель учений заключается в «подготовке подразделений Космического командования Франции¹⁷ в максимально приближенной к реальной, комплексной, имитируемой среде к решению задач, возникающих в связи с постоянно растущими угрозами различной природы» в космическом пространстве¹⁸. Программа уже приобрела характер ежегодной, и к ней присоединилась Бельгия. Учения AsterX, проведенные в феврале — марте 2023 г., включали уже 23 космические ситуации, в том числе одну в киберпространстве.

Первым международным договором о преступлениях, совершенных через Интернет и другие компьютерные сети, является Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации от 23.11.2001 ETS № 185 (вступила в силу 1 июля 2004 г., далее — Будапештская конвенция)¹⁹, заключенная с целью выработки общей правоохранительной политики для защиты общества от киберпреступности. Тем не менее Конвенция не получила широкого распространения. По состоянию на июнь 2025 г. ее участниками являются 80 государств, среди которых наиболее значимы в области исследования и использования космического пространства США, Япония, Франция, Германия, Великобритания, Италия и Канада²⁰. Российская Федерация в Конвенции не участвует. Будапештская конвенция

признает в качестве преступлений против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем такие действия, как неправомерный доступ к компьютерной системе в целом или любой ее части (ст. 2); неправомерный перехват не предназначенных для общего пользования компьютерных данных (ст. 3); воздействие на компьютерные данные, заключающееся в их умышленном повреждении, удалении, ухудшении качества, изменении или блокировке (ст. 4); воздействие на функционирование компьютерной системы посредством умышленного создания неправомерно серьезных помех ее функционированию путем ввода, передачи, повреждения, удаления, ухудшения качества, изменения или блокировки компьютерных данных (ст. 5); неправомерное использование устройств, включая компьютерные программы, и компьютерных паролей, кодов доступа или иных аналогичных данных, с помощью которых может быть получен доступ к компьютерной системе в целом или любой ее части, с намерением использовать их в целях совершения упомянутых ранее правонарушений (ст. 6).

В 2005 г. Российская Федерация сделала заявление о возможном участии в Будапештской конвенции лишь при условии пересмотра п. «b» статьи 32, положения которой могли быть истолкованы как способные «нанести ущерб суверенитету и национальной безопасности государств-участников, правам и законным интересам их граждан и юридических лиц»²¹. Указанная статья Конвенции предусматривает

¹⁶ Delaporte M. ASTERX 2021: French Space Forces Reach For Higher «Orbit» // Breaking Defense. April 9, 2021. URL: <https://breakingdefense.com/2021/04/asterx-2021-french-space-forces-reach-for-higher-orbit/> (дата обращения: 23.07.2025).

¹⁷ Созданное в 2019 г. формирование Воздушно-космических сил Франции, которое занимается вопросами обеспечения безопасности космической деятельности.

¹⁸ French Space Exercise AsterX Builds on Realistic Scenario and Integration // NATO Allied Air Command. 2023. URL: https://ac.nato.int/archive/2023/FRA_AsterX23 (дата обращения: 23.07.2025).

¹⁹ Council of Europe Convention on Cybercrime ETS No. 185 // Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/cybercrime/the-budapest-convention> (дата обращения: 23.07.2025).

²⁰ Parties/Observers to the Budapest Convention and Observer Organisations to the T-CY // Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/cybercrime/parties-observers> (дата обращения: 21.07.2025).

²¹ Распоряжение Президента РФ от 15.11.2005 № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности» (утратило силу) // СЗ РФ. 2005. № 47. Ст. 4929.

право одной из сторон «получать через компьютерную систему на своей территории доступ к хранящимся на территории другой Стороны компьютерным данным или получать их, если эта Сторона имеет законное и добровольное согласие лица, которое имеет законные полномочия раскрывать эти данные этой Стороне через такую компьютерную систему» без согласия второй стороны. Положения ст. 32 остались неизменными, в связи с чем в 2008 г. Российской Федерацией было принято решение об отказе от участия в ней²². В июне 2021 г. отечественной делегацией был представлен проект Конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях²³ в качестве альтернативы Будапештской конвенции.

Уже 24 декабря 2024 г. резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеи ООН была принята Конвенция ООН против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям²⁴. Отмечается, что вопрос создания данного документа стал для российской стороны еще более актуальным «с учетом того, что в 2022 г. Россия перестала быть государством — членом Совета Европы»²⁵, по большей части в рамках которого

действует Будапештская конвенция. Конвенция ООН против киберпреступности, однако, также не содержит положений об особой защите космических систем от киберпреступлений и является актом общего характера.

В 2017 г. Международная группа экспертов под руководством профессора Майкла Н. Шмитта подготовила Таллинское руководство 2.0²⁶, целью которого являлась оценка применения международного права к кибератакам. Руководство содержит 154 правила проведения киберопераций, в том числе и в отношении космического пространства, а также подробные комментарии к каждому из них. Под кибератакой авторы Таллинского руководства понимают «кибероперацию как наступательного, так и оборонительного характера, которая, как обоснованно ожидается, может привести к травмам или смерти людей, повреждению или уничтожению объектов»²⁷. Таллинское руководство не относит к кибератакам такие виды деятельности, как «психологические кибероперации и кибершпионаж», т.к. они являются ненасильственными²⁸. Кибершпионаж, с точки зрения авторов, при его проведении в мирное время не нарушает международное право *per se*, однако неправомерным может признаваться способ его осуществления (например, если органы одного государства с целью извлечения данных взламывают киберинфраструктуру, расположенную в другом государстве, что приводит к потере ее

²² Распоряжение Президента РФ от 22.03.2008 № 144-рп «О признании утратившим силу распоряжения Президента РФ от 15 ноября 2005 г. № 557-рп “О подписании Конвенции о киберпреступности”» // СЗ РФ. 2008. № 13. Ст. 1295.

²³ Проект Конвенции Организации Объединенных Наций о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, 29.06.2021 // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/Comments/RF_28_July_2021_-_R.pdf (дата обращения: 23.07.2025).

²⁴ Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243> (дата обращения: 23.07.2025).

²⁵ Штодина Д. Д. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности 2024 г. — итог «киберкомпромисса»? // Московский журнал международного права. 2025. № 1. С. 115.

²⁶ Schmitt M. Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. Cambridge University Press, 2017.

²⁷ «...A cyber operation, whether offensive or defensive, that is reasonably expected to cause injury or death to persons or damage or destruction to objects» (Schmitt M. Op. cit. P. 415).

²⁸ Schmitt M. Op. cit. P. 415.

функциональности и, следовательно, представляет собой нарушение государственного суверенитета)²⁹.

В отношении кибернетических операций применительно к космической деятельности и пространству Руководство предусматривает следующие правила: их проведение должно ограничиваться исключительно мирными целями в понимании «неагрессивных» (п. «а» правила 58)³⁰; на них распространяются международно-правовые ограничения на применение силы (п. «b» правила 58); они должны проводиться с должным учетом необходимости избегать вмешательства в мирную космическую деятельность других государств (п. «b» правила 59); другие государства обязаны уважать право государства регистрации на осуществление юрисдикции и контроля над космическими объектами, включенными в его регистры (п. «а» правила 59); государства несут обязательства по санкционированию и контролю за кибернетической деятельностью в космическом пространстве, осуществляемой их неправительственными юридическими лицами (п. «а» правила 60); на кибероперации с участием космических объектов распространяется режим ответственности, предусмотренный нормами международного космического права (п. «b» правила 60)³¹. Указанные правила предлагается распространить на все виды киберопераций, проводимых в космическом пространстве, из него или через него³².

Еще одной инициативой в данной области является приглашение к столу переговоров, опубликованное Учебным и научно-исследовательским институтом ООН под названием «Право киберпространства»³³. В отличие от Будапештской конвенции, по большей части затрагива-

ющей чувствительные для любого государства вопросы юрисдикции, оно сосредоточено не только на концепции киберпреступности, но и на таком широком спектре вопросов, как право на доступ к данным, их защита, интеллектуальная собственность и пр. Однако обозначенные акты и документы относительно международно-правового обеспечения кибербезопасности либо носят научный или рекомендательный характер, либо не находят поддержки значительного количества государств, что препятствует формированию единого подхода к вопросам кибербезопасности. Более того, лишь малая их часть напрямую затрагивает проблемы, связанные с кибербезопасностью непосредственно космической деятельности.

Тем не менее определенный прогресс в данной области всё же наблюдается. По вопросу обеспечения кибербезопасности Генеральной Ассамблеей ООН принимаются резолюции «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» и «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях». Еще с 1958 г. в качестве специального, а с 1959 г. в качестве постоянного при ООН функционирует Комитет по использованию космического пространства в мирных целях (далее — Комитет ООН по космосу), а также с 2012 г. работает Группа правительственных экспертов ООН по мерам транспарентности и укрепления доверия в космосе. По результатам деятельности этих органов Генеральной Ассамблеей ООН принимаются такие резолюции, как «Международное сотрудничество в использовании космического пространства в мирных целях» и «Меры по обеспечению транспарентности и укреплению доверия

²⁹ Schmitt M. Op. cit. P. 170.

³⁰ В самом правиле не употребляется термин «неагрессивные цели», однако соответствующее толкование дано в п. 7 разъяснений к правилу 58. О различии понятий «мирные цели» и «неагрессивные цели» см.: Колосов Ю. М. Указ. соч. С. 51–56.

³¹ Schmitt M. Op. cit. P. 270–283.

³² Schmitt M. Op. cit. P. 270.

³³ Kamal A. The Law of Cyber-Space: An Invitation to the Table of Negotiations / United Nations Institute of Training and Research. Geneva, 2005. P. 197.

в космической деятельности»³⁴. Ряд проблемных аспектов обеспечения кибербезопасности космической деятельности были рассмотрены первой Рабочей группой по долгосрочной устойчивости космической деятельности, созданной в 2010 г. при Научно-техническом подкомитете Комитета ООН по космосу³⁵.

В 2021 г. Международный союз электросвязи (МСЭ) выпустил второе издание Справочного руководства по разработке национальной стратегии кибербезопасности³⁶, участие в работе над которым приняли как межправительственные организации, так и представители частного сектора. Целью Справочного руководства является «помощь ответственным за проведение внешней политики лицам в разработке национальной стратегии кибербезопасности»³⁷. Документ, однако, содержит лишь общие рекомендации в отношении обеспечения кибербезопасности, умалчивая о проблемных аспектах ее поддержания в рамках космической деятельности. МСЭ также развивает объявленную еще в 2007 г. Глобальную программу по кибербезопасности³⁸, в рамках которой был подготовлен и опубликован в марте 2022 г. проект Руководящих принципов,

где в качестве первоосновы отдельно обозначена потребность в разработке соответствующей правовой базы³⁹.

В 2021 г. на площадке Комитета ООН по космосу прозвучало предложение о включении в повестку его Юридического подкомитета проблематики кибербезопасности космической деятельности с целью «анализа касающихся обеспечения кибербезопасности космической деятельности политики, принципов, правил и передового опыта государств» в качестве первого этапа работы и «подготовки материалов (сборника, руководства и т.д.) и их распространения среди государств в качестве рекомендаций для выработки общих подходов к управлению угрозами кибербезопасности космической деятельности»⁴⁰, однако ряд государств выразили мнение о том, что круг вопросов, поднимаемых в данном предложении, выходит за рамки деятельности подкомитета⁴¹. В повестке Научно-технического подкомитета Комитета ООН по космосу подобный пункт также отсутствует.

Во многом более эффективными в решении вопросов кибербезопасности в космической деятельности оказались двусторонние и регио-

³⁴ Себекин С. Кибербезопасность космической инфраструктуры: векторы развития международного сотрудничества // ПИР-Центр. URL: <https://pircenter.org/editions/kiberbezopasnost-kosmicheskoy-infrastruktury-vektory-razvitija-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva/> (дата обращения: 23.07.2025).

³⁵ Report of the Scientific and Technical Subcommittee on its Forty-Seventh Session, Held in Vienna from 8 to 19 February 2010. UN Doc. A/AC.105/958 // United Nations Office for Outer Space Affairs. URL: https://www.unoosa.org/oosa/oosadoc/data/documents/2010/aac.105/aac.105958_0.html (дата обращения: 21.07.2025).

³⁶ Guide to Developing a National Cybersecurity Strategy. 2nd edition // NCS Guide. URL: <https://ncsguide.org/the-guide/> (дата обращения: 21.07.2025).

³⁷ Guide to Developing a National Cybersecurity Strategy. P. 8.

³⁸ Global Cybersecurity Agenda (GCA) // International Telecommunication Union. URL: <https://www.itu.int/en/action/cybersecurity/Pages/gca.aspx> (дата обращения: 21.07.2025).

³⁹ Guidelines for Utilization of the Global Cybersecurity Agenda by the ITU // International Telecommunication Union. URL: <https://www.itu.int/en/action/cybersecurity/Documents/Guidelines%20for%20utilization%20of%20the%20GCA.pdf> (дата обращения: 23.07.2025).

⁴⁰ The Proposal of the Ukrainian Delegation on the Establishment of a New Item on the Agenda of the Legal Subcommittee on the Cybersecurity of Space Activities, Submitted to United Nations Committee on the Peaceful Uses of Outer Space, Legal Subcommittee, 60th Session, Vienna, 2021. UN Doc. A/AC.105/C.2/2021/CRP.27 // United Nations Office for Outer Space Affairs. URL: https://www.unoosa.org/oosa/en/oosadoc/data/documents/2021/aac.105c.22021crp/aac.105c.22021crp.27_0.html (дата обращения: 21.07.2025).

⁴¹ Доклад Юридического подкомитета о работе его шестидесятой сессии, проведенной в Вене 31 мая — 11 июня 2021 г. // Организация Объединенных Наций. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/v21/047/19/pdf/v2104719.pdf> (дата обращения: 23.07.2025). П. 267.

нальные соглашения. Например, еще в 2013 г. США и Россия создали постоянную Рабочую группу по вопросам безопасности киберпространства, двусторонние переговоры в рамках которой привели к принятию ряда мер по обеспечению транспарентности и укреплению доверия в указанной сфере⁴². В 2015 г. Россия и Китай подписали двустороннее соглашение, содержащее взаимный запрет на проведение киберопераций друг против друга⁴³. Государства также договорились совместно реагировать на технологии, которые, по их мнению, могут оказать дестабилизирующее воздействие на политическую и социально-экономическую сферы или позволяют вмешиваться во внутренние дела государств.

Всё большую популярность получает заключение соглашений по кибербезопасности на региональном уровне. Например, в рамках ЕС действует Директива Совета Европы 2008/114/ЕС об идентификации и обозначении европейских критических инфраструктур и оценке необходимости улучшения их защиты (*Directive on the identification and designation of European critical infrastructures and the assessment of the need to improve their protection*), принятая 8 декабря 2008 г. Она интересна тем, что в ней к критической причисляется и так называемая цифровая инфраструктура. Несмотря на то что космические объекты и системы сами по себе не признаются в рамках Директивы критически важной инфраструктурой, в ряде исследований отмечается, что они могут рассматриваться как таковая, поскольку прямо или косвенно обеспечивают функционирование всех непосредственно признаваемых критическими инфраструктур (в том числе в сфере энергетики, транспорта,

банковского дела, здравоохранения, цифровых технологий и т.д.)⁴⁴.

В 2019 г. Европейское космическое агентство запустило проект «Финансирование и поддержка космических служб кибербезопасности» (*Cyber security and space based services*), действующий компании, которые занимаются разработкой инновационных продуктов и услуг в области информационно-коммуникационных технологий. Программа сосредоточена на инициативах по обеспечению устойчивости служб, инфраструктур и операций, вовлеченных в осуществление космической деятельности и подверженных возможным киберугрозам. Ключевыми областями являются транспорт (морской, наземный и воздушный, включая автономные транспортные средства), энергетика, коммунальные услуги, финансы и общественная безопасность.

Стремительный рост объема данных, собираемых и предоставляемых спутниками, требует использования новых технологий для их быстрого и точного анализа, в связи с чем в космической деятельности всё чаще используются системы искусственного интеллекта (ИИ)⁴⁵. Так, НАСА (*National Aeronautics and Space Administration, NASA*) уже на протяжении нескольких лет активно внедряет ИИ в космические системы, а 18 мая 2022 г. марсоход *Perseverance* впервые использовал ИИ *AEGIS* с целью обнаружения, фокусировки изображения и самостоятельного изучения определенного камня без команды с Земли⁴⁶. Два года ранее был запущен первый европейский спутник с использованием ИИ в целях наблюдения за Землей под названием *Phi-Sat-1* (*φ-Sat-1*)⁴⁷. В декабре 2023 г. Европейский парламент и Европейский совет

⁴² *Bilodeau M.* The risk that cyber-attacks pose to outer space assets: how can international dialogue and cooperation help? McGill University, Institute of Air and Space Law, 2020. P. 47.

⁴³ *Roth A.* Russia and China Sign Cooperation Pacts // *New York Times*. May 8, 2015. URL: <https://www.nytimes.com/2015/05/09/world/europe/russia-and-china-sign-cooperation-pacts.html> (дата обращения: 20.01.2025).

⁴⁴ *Bilodeau M.* Op. cit. P. 53.

⁴⁵ *Carlo A., Manti N. P., Bintang A. S. W. A. M., et al.* Op. cit. P. 475.

⁴⁶ *Perseverance's SuperCam Uses AEGIS for the First Time* // *NASA Science*. May 31, 2022. URL: <https://mars.nasa.gov/resources/26782/perseverances-supercam-uses-aegis-for-the-first-time/> (дата обращения: 21.07.2025).

⁴⁷ *φ-sat. Artificial intelligence for Earth observation* // *European Space Agency*. URL: https://www.esa.int/Applications/Observing_the_Earth/Ph-sat (дата обращения: 21.07.2025).

достигли предварительного соглашения по проекту Закона ЕС об искусственном интеллекте⁴⁸, положения которого в зависимости от сферы действия вступят в силу в 2025, 2026 и 2027 гг.⁴⁹ Его целями являются гармонизация правил размещения на рынке, ввода в эксплуатацию и использования систем ИИ; установление запретов на определенные системы ИИ; особых требований к системам ИИ высокого риска; правил мониторинга и надзора за рынком и пр.⁵⁰ Вопрос о применимости Закона к космическим системам, функционирующим с помощью ИИ, неоднозначен. Закон устанавливает ряд правил в отношении различных категорий систем ИИ, кроме систем ИИ, разработанных или используемых исключительно в военных целях, в целях обороны или национальной безопасности, независимо от типа организации, осуществляющей эту деятельность⁵¹. Закон также предъявляет особые требования к системам ИИ высокого риска, перечень которых представлен в приложении III к Закону, где, однако, космические системы не перечислены⁵².

Государства Северной и Южной Америки также провели определенную работу в области обеспечения кибербезопасности, в частности в рамках Организации американских государств (ОАГ). Под ее эгидой действует Группа правительственных экспертов по киберпреступности, главными направлениями работы которой являются анализ преступной деятельности, связанной с компьютерными сетями, сравнение национальных законодательств и выявление национальных и международных организаций, обладающих соответствующим опытом. По итогам

работы данной группы Генеральная Ассамблея ОАГ одобрила Межамериканскую комплексную стратегию борьбы с угрозами кибербезопасности. В 2012 г. ОАГ также была одобрена Декларация об укреплении кибербезопасности в Северной и Южной Америке, призывающая к разработке национальных стратегий в области кибербезопасности и укреплению механизмов международного сотрудничества.

Вопросы обеспечения кибербезопасности в Азиатском регионе рассматривались на уровне Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Совет по сотрудничеству в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе в Меморандуме № 20 «Обеспечение более безопасной киберсреды» (Ensuring a Safer Cyber Security Environment) рекомендовал интеграционному объединению осуществить меры по наращиванию кибернетического потенциала и оказанию технической помощи. В рамках АСЕАН принят также План действий по борьбе с трансграничной преступностью, рассчитанный на 2016–2025 гг. и рассматривающий в том числе вопросы кибербезопасности. Однако в настоящее время какого-либо целостного акта, регулирующего вопросы кибербезопасности в космической деятельности, нет. Это объясняется довольно существенным разрывом в экономическом развитии между государствами Азии, а также тем, что среди азиатских стран активным освоением космического пространства занимаются в основном Китай и Япония.

Наконец, обратимся к национальным стратегиям в области кибербезопасности и космической деятельности. Так, за последнее десяти-

⁴⁸ Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No. 300/2008, (EU) No. 167/2013, (EU) No. 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) (Text with EEA relevance) // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1689> (дата обращения: 20.07.2025).

⁴⁹ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and Amending Certain Union Legislative Acts. Document 52021PC0206 // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0206> (дата обращения: 20.07.2025).

⁵⁰ Artificial Intelligence Act. Art. 1.

⁵¹ Artificial Intelligence Act. Art. 2(3).

⁵² Breda P., Markova R., Abdin A. F., et al. Op. cit. P. 454.

тилетие в США были разработаны различные стратегические документы, касающиеся улучшения кибербезопасности в космической области, включая Национальную киберстратегию 2018 г. и Директиву по космической политике — 5 (Space Policy Directive-5, SPD-5)⁵³. Как и прочие директивные документы, принятые во время первого срока президента Дональда Трампа, указанная Директива подчеркивает его стремление создать комплексную систему защиты американских интересов в космическом пространстве⁵⁴.

В разделе 1 Директивы подчеркивается приверженность США принципу неограниченной свободы действий в космосе для обеспечения безопасности, экономического процветания и научных знаний нации, что сразу вызывает ряд вопросов, в особенности в отношении словосочетания «неограниченная свобода действий». Там же делается отсылка к Стратегии национальной безопасности США от 18.12.2017, где отмечается особая роль США в сохранении лидерства и свободы действий в космосе. На данный момент в государстве идет активная работа по созданию Системы координации движения в космосе (Traffic Coordination System for Space, TraCSS), которая, как предполагается, возьмет на себя функции по управлению гражданским космическим движением посредством сбора данных из Министерства обороны и других источников и их использования для предупреждения

о потенциальных близких подходах к операторам спутниковой связи⁵⁵. Данная информация, как и сами каналы ее передачи, потенциально подпадает под понятие космических систем, к которым в соответствии с Директивой должны применяться меры киберзащиты. В целом и целом Директива, как и иные подобные документы, преисполнена убежденностью в «первенстве и превосходстве американской нации» в космическом и киберпространстве, но не содержит каких-либо значительных новшеств в регулировании рассматриваемой деятельности. В Российской Федерации такие документы отсутствуют.

Ряд государств, активно занимающихся исследованием и использованием космоса, опираются в своей деятельности на технические руководства по обеспечению кибербезопасности космической инфраструктуры. Так, в 2023 г. Япония представила обновленные Руководящие принципы по мерам кибербезопасности коммерческих космических систем⁵⁶, в которых «обозначены факторы риска и описаны необходимые меры по смягчению последствий атак на уровне подсистемы»⁵⁷. Аналогичный документ был принят в том же году в Германии: Базовый профиль IT-защиты для космической инфраструктуры (IT-Grundschatz-Profil für Weltrauminfrastrukturen)⁵⁸ определяет минимальные требования к кибербезопасности

⁵³ Memorandum on Space Policy Directive-5 — Cybersecurity Principles for Space Systems // Trumpwhitehouse.gov. September 4, 2020. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/memorandum-space-policy-directive-5-cybersecurity-principles-space-systems/> (дата обращения: 20.07.2025).

⁵⁴ Уваров В. Б. Космическое наследие Дональда Трампа // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 2 (108).

⁵⁵ Уваров В. Космические штрафы и «американский ЦОДД» // Россия в глобальной политике. 04.09.2023. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kosmicheskie-shtrafy/> (дата обращения: 20.07.2025).

⁵⁶ Cybersecurity Guidelines for Commercial Space Systems. Ver. 1.1 / Space Industry Office, Manufacturing Industries Bureau, Ministry of Economy, Trade and Industry (METI) // URL: https://www.meti.go.jp/shingikai/mono_info_service/sangyo_cyber/wg_seido/wg_uchu_sangyo/pdf/20230331_1e.pdf (дата обращения: 20.07.2025).

⁵⁷ Falco G., Henry W., Aliberti M., et al. An International Technical Standard for Commercial Space System Cybersecurity — A Call to Action // ASCEND, 24–26 October 2022, Las Vegas, Nevada & Online. AIAA 2022-4302. Session: Methods and Considerations for Cyber Protection of Space Assets. ASCEND, 2022. P. 4.

⁵⁸ IT-Grundschatz-Profil für Weltrauminfrastrukturen. 30.06.2022 // Bundesamt für Sicherheit in der Informationstechnik. URL: https://www.bsi.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/BSI/Grundschatz/Hilfsmittel/Profile/Profil_Weltrauminfrastrukturen.html (дата обращения: 20.07.2025).

спутников, предусматривает установление особых требований к защите спутниковых группировок (Zahlreiche Satellitensysteme) и предлагает различные варианты защиты в случае кибернетических атак против космической инфраструктуры⁵⁹. Оба акта носят рекомендательный характер.

В общем контексте обеспечения безопасности космической деятельности необходимо обратиться и к такому аспекту, как управление космическим движением. Несмотря на то что на данный момент существуют широкомаштабные проекты по мониторингу космического пространства, которые осуществляются в основном Системой контроля космического пространства РФ, Сетью космического наблюдения США (Space Surveillance Network) и Системой космического наблюдения и слежения ЕС (Space Surveillance and Tracking), они зачастую работают независимо и разрозненно. На данный момент не существует единой всеобъемлющей системы мониторинга космических объектов, направленной на предотвращение столкновения космических объектов друг с другом и с космическим мусором. Российская Федерация, выступая за разрешение вопросов космической безопасности исключительно на международном уровне, в 2016 г. представила в Комитете ООН по космосу рабочий документ «Дополнительные идеи относительно совокупности целей достижения Венского консенсуса по безопасности в космосе и необходимости в серьезном осмыслении модальностей рассмотрения сложных проблем, связанных с управлением движением в космосе, и оправданности больших ожиданий скорых решений в этой об-

ласти»⁶⁰, в котором отражена позиция государства относительно международно-правового режима управления космическим движением. В нем отечественная делегация предложила создать единую информационную платформу в рамках ООН в качестве механизма, объединяющего усилия государств, международных межправительственных организаций, операторов космических аппаратов, специализированных национальных агентств и международных неправительственных организаций по сбору, систематизации, обмену и анализу информации о мониторинге объектов и явлений в космическом пространстве. Предложение, однако, до сих пор не нашло широкой поддержки у западных государств.

Довольно известным примером столкновения космических аппаратов в связи с невозможностью одновременного отслеживания каждого из них всеми заинтересованными государствами является авария с участием спутников «Космос-2251» и Iridium 33 в 2009 г. Уже не функционирующий к тому моменту российский спутник «Космос-2251» столкнулся с Iridium 33, который, несмотря на отслеживание именно американскими военными, не был зарегистрирован в Реестре космических объектов ООН. В соответствии с п. «с» ст. I Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, под непосредственно запускающим государством понимается:

«i) государство, которое осуществляет или организует запуск космического объекта,
ii) государство, с территории или установок которого осуществляется запуск космического объекта»⁶¹.

⁵⁹ Falco G., Henry W., Aliberti M., et al. Op. cit. P. 4.

⁶⁰ Рабочий документ, представленный Российской Федерацией, A/AC.105/2016/CRP.13 «Дополнительные идеи относительно совокупности целей достижения Венского консенсуса по безопасности в космосе и необходимости в серьезном осмыслении модальностей рассмотрения сложных проблем, связанных с управлением движением в космосе, и оправданности больших ожиданий скорых решений в этой области» // Committee on the Peaceful Uses of Outer Space, Fifty-ninth session, Vienna, 8–17 June 2016. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2016/aac_1052016crp/aac_1052016crp_13_0_html/AC105_2016_CRP13E.pdf (дата обращения: 20.07.2025).

⁶¹ Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, от 29.11.1971 (вступила в силу 1 сентября 1972 г.) // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml (дата обращения: 21.07.2025).

В соответствии с данными положениями, а также с требованиями о регистрации космического объекта в Реестре ООН⁶² запускающим государством спутника «Космос-2251» являлась Российская Федерация, в то время как ситуация с Iridium 33 не была достаточно ясной, поскольку он не был зарегистрирован в указанном Реестре. Несмотря на то что оба спутника отслеживались компетентными представителями военных подразделений соответствующих государств, столкновение всё же произошло, в связи с чем и были впоследствии созданы вышеуказанные системы контроля и наблюдения. Данный шаг во многом поспособствовал усилению безопасности в космическом пространстве. Тем не менее наличие автономных систем мониторинга, не находящихся в достаточно тесном взаимодействии, поднимает ряд других вопросов.

Во-первых, ни одна система не является совершенной и не может отследить каждый космический объект. Данные существенно разнятся, в особенности в отношении спутников, не зарегистрированных в национальных регистрах или же в Реестре ООН. Ситуацию осложняет возрастающая популярность группировок спутников, действующих взаимосвязанно и зачастую обладающих сравнительно малым размером и весом, что делает их отслеживание затруднительным. Кроме того, существуют спутники, в принципе лишённые маневренности и, следовательно, представляющие большую опасность с точки зрения столкновения с другими космическими объектами.

Во-вторых, данные системы также подвержены кибератакам, причем не с одной лишь целью кражи. Наиболее опасным представляется пере-

хват управления спутником или целой системой спутников, в особенности если они осуществляют управление воздушными, наземными и морскими вооружениями, а также транспортной, банковской и иной инфраструктурой. Например, еще 1998 г., проникнув в систему Центра космических полетов Годдарда в США, хакеры взяли под контроль американо-немецкий исследовательский спутник ROSAT X-Ray и направили его солнечные батареи прямо на солнце, что привело к выведению спутника из строя⁶³.

Правила в отношении обеспечения кибербезопасности космических систем находят отражение по большей части в актах национального и регионального характера. При этом наблюдается тенденция невключения космической инфраструктуры в критическую и, следовательно, подлежащую особой защите, что вызывает опасения относительно направления развития нормативного регулирования в данной области. Тем временем ученые прогнозируют увеличение в будущем таких обусловленных политическими тенденциями киберугроз, как «перехват, подмена информации и глушение сигналов при растущей зависимости наземной критически важной инфраструктуры от систем космического базирования»⁶⁴. Высказываются предложения о разработке международных стандартов кибербезопасности космической инфраструктуры в рамках Института инженеров электротехники и электроники (Institute of Electrical and Electronics Engineers)⁶⁵ или Международной организации по стандартизации (International Organization for Standardization)⁶⁶; об обсуждении на мировом уровне проблем защиты не только самих космических объектов и систем,

⁶² Ст. III Конвенции о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, от 12.11.1974 (вступила в силу 15 сентября 1976 г.) // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/objects_registration.shtml (дата обращения: 20.07.2025).

⁶³ Tucker P. The NSA Is Studying Satellite Hacking // Defense One. September 20, 2019. URL: <https://www.defenseone.com/technology/2019/09/nsa-studying-satellite-hacking/160009/> (дата обращения: 20.07.2025).

⁶⁴ Housen-Couriel D. Op. cit. P. 549.

⁶⁵ Некоммерческая профессиональная ассоциация, целью которой является содействие развитию и продвижению технических и технологических инноваций во всех областях, связанных с применением электроэнергии.

⁶⁶ Falco G., Henry W., Aliberti M., et al. Op. cit. P. 5.

но и спутниковых данных⁶⁷; о распространении принципов особой защиты критической инфраструктуры на космические системы на уровне национального законодательства⁶⁸ и т.д.

Впрочем, решение обозначенных проблем кроется прежде всего в обеспечении многосторонних переговоров и готовности государств пойти на взаимные уступки с целью поддержания не только национальной, но и глобальной безопасности. Представляется, что на данный момент разработка единого международно-правового акта, предметом которого являлась бы кибербезопасность в космической деятельности, маловероятна и даже нецелесообразна. Во-первых, к настоящему времени не существует единого и согласованного подхода мирового сообщества к проблемам киберпреступности. Для создания более детального, узконаправленного документа сначала необходимо принять общее соглашение по вопросам кибербезопасности в целом, а также оценить его эффективность. Во-вторых, техническая составляющая во многом опережает правовую базу, что в том числе касается и космической

отрасли. В связи с этим оптимальным видится следующий порядок действий: продолжение многосторонних переговоров по вопросам кибербезопасности в целом; разработка рекомендательных норм с их последующей детализацией с целью применения в космической деятельности; создание рабочей группы по вопросам кибербезопасности в космическом пространстве. Возможны также работа над текстом универсальной конвенции по вопросам кибербезопасности с включением космической отрасли в перечень критической инфраструктуры, подлежащей особой защите, или включение положений о кибербезопасности и киберугрозах в отношении космической деятельности в новое всеобъемлющее соглашение по космическому праву, вероятность принятия которого, однако, в текущих условиях также находится под большим сомнением. Однако ни первый, ни второй вариант решения проблемы не получит развития вне согласованной работы всего международного сообщества, что потребует постепенных, порой кажущихся незначительными шагов в сторону консенсуса.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Колосов Ю. М. Борьба за мирный космос: правовые вопросы. — 2-е изд., стер. — М.: Статут, 2014. — 176 с.
2. Уваров В. Б. Космическое наследие Дональда Трампа // Россия в глобальной политике. — 2021. — Т. 19. — № 2 (108). — С. 131–146.
3. Штодина Д. Д. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности 2024 г. — итог «киберкомпромисса»? // Московский журнал международного права. — 2025. — № 1. — С. 110–124.
4. Bilodeau M. The risk that cyber-attacks pose to outer space assets: how can international dialogue and cooperation help? — McGill University, Institute of Air and Space Law, 2020. — 129 p.
5. Breda P., Markova R., Abdin A. F., Manti N. P., Carlo A., Jha D. An extended review on cyber vulnerabilities of AI technologies in space applications: Technological challenges and international governance of AI // Journal of Space Safety Engineering. — 2023. — Vol. 10. — Iss. 4. — P. 447–458.
6. Carlo A., Manti N. P., Bintang A. S. W. A. M., Casamassima F., Boschetti N., Breda P., Rahloff T. The importance of cybersecurity frameworks to regulate emergent AI technologies for space applications // Journal of Space Safety Engineering. — 2023. — Vol. 10. — Iss. 4. — P. 474–482.
7. Carlo A., Veazoglou N. ASAT Weapons: Enhancing NATO's Operational Capabilities in the Emerging Space Dependent Era // Modelling and Simulation for Autonomous Systems: 6th International Conference, MESAS, 2019, Palermo, Italy, October 29–31, 2019, Revised Selected Papers / J. Mazal, A. Fagiolini, P. Vasik (eds.). — Springer, 2019. — P. 417–426.

⁶⁷ Carlo A., Manti N. P., Bintang A. S. W. A. M., et al. Op. cit. P. 478.

⁶⁸ Falco G. Op. cit. P. 7.

8. Falco G. Cybersecurity Principles for Space Systems // Journal of Aerospace Information Systems. — 2019. — Vol. 16. — Iss. 2. — P. 1–10.
9. Falco G., Henry W., Aliberti M., et al. An International Technical Standard for Commercial Space System Cybersecurity — A Call to Action // ASCEND, 24–26 October 2022, Las Vegas, Nevada & Online. AIAA 2022-4302. Session: Methods and Considerations for Cyber Protection of Space Assets. — ASCEND, 2022. — P. 1–8.
10. Housen-Couriel D. IAC-21-E-9 (Paper ID: 67116) information sharing for the mitigation of outer space — related cybersecurity threats // Acta Astronautica. — 2023. — Vol. 203. — P. 546–550.
11. Kamal A. The Law of Cyber-Space, An Invitation to the Table of Negotiations / United Nations Institute of Training and Research. — Geneva, 2005. — 269 p.
12. Li D. Upgrading space debris mitigation measures to cope with proliferating cyber threats to space activities // Advances in Space Research. — 2023. — Vol. 71. — Iss. 10. — P. 4185–4195.
13. Schmitt M. Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. — Cambridge University Press, 2017. — 648 p.
14. Suwijak C. Global Internet Access from the Low Earth Orbit: Legal Issues regarding Cybersecurity in Outer Space // Journal of East Asia and International Law. — 2022. — Vol. 15. — Iss. 1. — P. 93–108.

Материал поступил в редакцию 23 июля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kolosov Yu. M. Borba za mirnyy kosmos: pravovye voprosy. — 2-e izd., ster. — M.: Statut, 2014. — 176 s.
2. Uvarov V. B. Kosmicheskoe nasledie Donalda Trampa // Rossiya v globalnoy politike. — 2021. — T. 19. — № 2 (108). — S. 131–146.
3. Shtodina D. D. Konventsiya Organizatsii Obedinennykh Natsiy protiv kiberprestupnosti 2024 g. — itog «kiberkompromissa»? // Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. — 2025. — № 1. — S. 110–124.
4. Bilodeau M. The risk that cyber-attacks pose to outer space assets: how can international dialogue and cooperation help? — McGill University, Institute of Air and Space Law, 2020. — 129 p.
5. Breda P., Markova R., Abdin A. F., Manti N. P., Carlo A., Jha D. An extended review on cyber vulnerabilities of AI technologies in space applications: Technological challenges and international governance of AI // Journal of Space Safety Engineering. — 2023. — Vol. 10. — Iss. 4. — P. 447–458.
6. Carlo A., Manti N. P., Bintang A. S. W. A. M., Casamassima F., Boschetti N., Breda P., Rahloff T. The importance of cybersecurity frameworks to regulate emergent AI technologies for space applications // Journal of Space Safety Engineering. — 2023. — Vol. 10. — Iss. 4. — P. 474–482.
7. Carlo A., Veazoglou N. ASAT Weapons: Enhancing NATO's Operational Capabilities in the Emerging Space Dependent Era // Modelling and Simulation for Autonomous Systems: 6th International Conference, MESAS, 2019, Palermo, Italy, October 29–31, 2019, Revised Selected Papers / J. Mazal, A. Fagiolini, P. Vasik (eds.). — Springer, 2019. — P. 417–426.
8. Falco G. Cybersecurity Principles for Space Systems // Journal of Aerospace Information Systems. — 2019. — Vol. 16. — Iss. 2. — P. 1–10.
9. Falco G., Henry W., Aliberti M., et al. An International Technical Standard for Commercial Space System Cybersecurity — A Call to Action // ASCEND, 24–26 October 2022, Las Vegas, Nevada & Online. AIAA 2022-4302. Session: Methods and Considerations for Cyber Protection of Space Assets. — ASCEND, 2022. — P. 1–8.
10. Housen-Couriel D. IAC-21-E-9 (Paper ID: 67116) information sharing for the mitigation of outer space — related cybersecurity threats // Acta Astronautica. — 2023. — Vol. 203. — P. 546–550.
11. Kamal A. The Law of Cyber-Space, An Invitation to the Table of Negotiations / United Nations Institute of Training and Research. — Geneva, 2005. — 269 p.
12. Li D. Upgrading space debris mitigation measures to cope with proliferating cyber threats to space activities // Advances in Space Research. — 2023. — Vol. 71. — Iss. 10. — P. 4185–4195.
13. Schmitt M. Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. — Cambridge University Press, 2017. — 648 p.
14. Suwijak C. Global Internet Access from the Low Earth Orbit: Legal Issues regarding Cybersecurity in Outer Space // Journal of East Asia and International Law. — 2022. — Vol. 15. — Iss. 1. — P. 93–108.

Система правового регулирования практик противодействия киберугрозам для цифрового оборудования избирательных комиссий в США

Аннотация. В рамках исследования анализируется система правового регулирования практик противодействия киберугрозам для цифрового оборудования избирательных комиссий в Соединенных Штатах Америки. Автор приходит к выводу, что, несмотря на отсутствие закрепленных и унифицированных на уровне федерального законодательства норм, правовая основа работы избиркомов в плане обеспечения безопасности цифрового оборудования в целом может быть охарактеризована как удовлетворительная. Наличие существенных правовых лагун в значительной степени компенсируется воздействием двух взаимовлияющих факторов. С одной стороны, Комиссия США по содействию выборам и Агентство по кибербезопасности и защите инфраструктуры предоставляют в распоряжение организаторов выборов в США качественное методическое обеспечение для противодействия киберугрозам. С другой стороны, система неформального двухпартийного контроля над организацией выборов обеспечивает выполнение организаторами голосования большинства рекомендаций федеральных органов, поскольку их игнорирование какой-либо из политических сил подразумевает предоставление конкурирующей партии возможного преимущества.

Ключевые слова: киберугрозы; цифровое оборудование; избирательные комиссии; выборы; США; правовое регулирование; кибербезопасность; электронное голосование; избирательная инфраструктура; сертификация оборудования; двухпартийный контроль; защита информации

Для цитирования: Шапошников А. В. Система правового регулирования практик противодействия киберугрозам для цифрового оборудования избирательных комиссий в США // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 4. — С. 176–182. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.176-182

© Шапошников А. В., 2026

* Шапошников Алексей Валерьевич, председатель Московской городской Думы, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Страстной бул., д. 15/29, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 127994
Lab.kkmp@msal.ru

The Legal Framework for Countering Cyber Threats to Digital Equipment of Election Commissions in the United States

Aleksey V. Shaposhnikov, Chairman of the Moscow City Duma, Cand. Sci. (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
Lab.kkmp@msal.ru

Abstract. The study analyzes the legal framework for countering cyber threats to digital equipment of election commissions in the United States of America. The author concludes that, despite the lack of established and unified norms at the federal legislative level, the legal basis for the work of election commissions in terms of ensuring the security of digital equipment can generally be characterized as satisfactory. The presence of significant legal gaps is largely compensated by the influence of two mutually influencing factors. On the one hand, the US Election Assistance Commission and the Cybersecurity and Infrastructure Security Agency provide US election officials with high-quality methodological support to counter cyber threats. On the other hand, the system of informal bipartisan control over the organization of elections ensures that election organizers comply with most of the recommendations of federal bodies, since ignoring them by any of the political forces implies giving the competing party a possible advantage.

Keywords: cyber threats; digital equipment; election commissions; elections; USA; legal regulation; cybersecurity; electronic voting; electoral infrastructure; equipment certification; bipartisan control; information security

Cite as: Shaposhnikov AV. The Legal Framework for Countering Cyber Threats to Digital Equipment of Election Commissions in the United States. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(4):176-182. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.176-182

Изменение форм осуществления функций государства под воздействием цифровизации — и в этом мы согласимся с В. В. Комаровой — оказывает прямое воздействие на механизмы реализации политических прав. Однако развитие этого процесса зачастую затрудняется в силу недостаточно высоких темпов совершенствования системы правового регулирования. В результате даже представители законодательной власти вынуждены описывать формирующиеся механизмы реализации политических прав посредством неправовых, собирательных понятий. Наглядным примером может служить понятие «электронная демократия» (на данный момент его содержание, согласно нормативным правовым актам, сводится к электронным формам получения государственных или муниципальных услуг). Отсутствие четких концептуальных представлений о роли цифро-

визации и ее инструментов в процессе развития системы политических прав граждан на фоне наличия значимых пробелов в соответствующих разделах законодательства приводит к ситуации, в рамках которой перед экспертным сообществом встает ряд принципиально важных вопросов. Востребованность и направления конкретных изменений в законодательстве, выбор государством методов правового воздействия на процесс цифровизации электоральных процедур, делегирование соответствующих задач определенным акторам нормотворчества и его объем — каждый из названных элементов служит поводом для активных дискуссий. И это закономерно осложняет задачу инкорпорирования в правовую действительность электронных механизмов, используемых при осуществлении народовластия, включая проведение выборов и референдумов¹, что в перспективе может

¹ Комарова В. В. Политические права граждан России в цифровой среде // Право и цифровая экономика. 2021. № 4 (14). С. 63–72 ; Она же. Электронная демократия: мифы и реальность // Ученые записки Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2016. № 3 (48). С. 44–52.

привести к возникновению проблем в рамках функционирования столь важного конституционно-правового института, как формирование представительного органа. В данном случае уместно сослаться на позицию Е. И. Козловой о значимости данного института с точки зрения обеспечения единства любого представительного органа². Отметим, что, имея сравнительно недавнюю историю, цифровые технологии зарекомендовали себя в качестве эффективного средства предотвращения нарушений и фальсификаций в ходе свободного, политически значимого волеизъявления граждан РФ³.

Это закономерно актуализирует задачу освоения зарубежного опыта использования цифрового оборудования в рамках организации избирательного процесса. В первую очередь это касается практик, призванных обеспечить доверие избирателей к результатам голосования (в том числе в рамках противодействия киберугрозам). В качестве конкретного исследовательского кейса нами избраны США, что обусловлено наличием сопоставимых с Россией по масштабам организационных задач в рамках проведения выборов, достаточно широким использованием цифрового оборудования и повышенным вниманием властей Соединенных Штатов к пресечению возможностей вмешательства в электоральный процесс посредством технологических уязвимостей.

В соответствии с законодательством США право определения механизмов защиты цифровых процедур в ходе избирательного процесса делегировано на уровень штатов и местных юрисдикций. Федеральный законодатель закрепил за общенациональными органами публич-

ной власти в лице Комиссии США по содействию выборам (U.S. Election Assistance Commission (далее — ЕАС)) лишь право выработать общие рекомендации относительно соблюдения норм безопасности со стороны организаторов выборов (в отношении использования замков и пломб, камер видеонаблюдения и т.д.)⁴.

Как следствие, участие в программе сертификации национальной системы голосования ЕАС носит лишь добровольный характер. Однако правоприменительная практика свидетельствует о том, что в реальности речь идет об общеобязательном комплексе мер. Последнее обусловлено тем, что в масштабах избирательной системы в целом в соблюдении стандартов ЕАС заинтересованы члены двух крупнейших партий — республиканской и демократической. Более того, именно их представители внутри экспертного сообщества и органов власти (в первую очередь в лице федеральных агентств) оказывают основное влияние на процесс выработки и утверждения рекомендаций ЕАС⁵.

На уровне штатов за регламентацию процесса обеспечения безопасности цифровых процедур в рамках избирательного процесса в большинстве случаев отвечают местные законодательные органы, а контроль за выполнением требований утвержденных нормативных правовых актов осуществляют секретари штатов⁶.

В большинстве случаев стандартный протокол обеспечения безопасности волеизъявления граждан от киберугроз включает в себя:

— приобретение проверенных и сертифицированных ЕАС цифровых систем, используемых в ходе голосования, и программного обеспечения к ним;

² Козлова Е. И. Обоснование новых концепций российской конституции в правовой теории // *Lex russica*. 2009. Т. 68. № 2. С. 311–321.

³ Шапошников А. В. Конституционно-правовое регулирование использования цифровых технологий при осуществлении видеонаблюдения за выборами и референдумами // *Актуальные проблемы российского права*. 2023. № 10. С. 20–27.

⁴ Barber B. *If Mayors Ruled the World: Dysfunctional Nations, Rising Cities*. Yale University Press, 2013. P. 217.

⁵ Hodgson Q. E., Chan E. W., Bodine-Baron E., et al. *Securing U.S. Elections: A Method for Prioritizing Cybersecurity Risk in Election Infrastructure* // URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA512-1.html (дата обращения: 01.06.2023).

⁶ Lindner R., Aichholzer G. *E-Democracy: Conceptual Foundations and Recent Trends* // *European E-Democracy in Practice* / L. Hennen, I. van Keulen, I. Korthagen et al. (eds.). Springer, 2020. P. 15.

- организацию контроля за физическим доступом к машинам для голосования;
- проверку качества работы цифрового оборудования для голосования перед выборами с участием наблюдателей;
- обеспечение доступа к контролю за ходом голосования наблюдателей от демократов и республиканцев;
- ручную проверку бюллетеней для обеспечения точного подсчета голосов цифровым оборудованием.

В числе передовых практик, закрепленных в обеспечительных процедурах на уровне законодательства штатов, зарубежные исследователи отмечают:

- хранение цифрового оборудования в помещениях с ограниченным доступом (при помощи ключ-карты) и видеонаблюдением;
- запрет на подключение используемых для формирования бюллетеня компьютеров к Интернету или другой внешней сети;
- организацию регулярного просмотра журналов пользователей и их действий членами комиссии;
- периодическую проверку программного обеспечения компьютера на предмет отсутствия изменений⁷.

В ряде штатов на уровне законодательства графств используются дополнительные обеспечительные процедуры. Так, программирование цифрового оборудования (панелей для голосования с сенсорным экраном и сканеров) специально доверяется группе из двух человек (их принадлежность к двум доминирующим партиям может как закрепляться в нормативных правовых актах, так и не использоваться в качестве «фигуры умолчания»). При этом данная процедура осуществляется посредством USB-носителя или иного устройства, предназначенного для хранения информации. После ее завершения сотрудники избирательных

комиссий прикрепляют к оборудованию пломбы с целью защиты от несанкционированного доступа.

В большинстве случаев законы штата и муниципальные нормативные правовые акты предписывают должностным лицам избирательных комиссий документировать любые перемещения цифрового оборудования, а также фиксировать информацию о состоянии пломб и местоположении устройств для голосования. Следует подчеркнуть, что в большинстве штатов закон обязывает членов комиссии отслеживать состояние каждой части оборудования для голосования⁸.

Во многих «колеблющихся» штатах (избиратели которых не демонстрируют явного предпочтения по отношению к демократам или республиканцам) в законодательстве прописано создание мониторинговых двухпартийных групп, также на регулярной основе проверяющих состояние цифрового оборудования для выборов⁹.

В Мичигане, Огайо и Флориде тоже регулярно осуществляют проверки работоспособности цифрового оборудования избиркомов. Они включают в себя следующие этапы:

- проверку наличия актуальной версии программного обеспечения;
- оценку пригодности оборудования для считывания отметок на всех бюллетенях;
- проверку соответствия итоговых табличных результатов ожидаемому (заранее заданному) результату теста;
- загрузку результатов теста в центральный компьютер для составления итоговых таблиц и проверку результатов со всех устройств;
- очистку памяти от результатов тестирования и подготовку оборудования для голосования;
- замену пломб с защитой от несанкционированного доступа (при необходимости) и возврат оборудования в безопасное хранилище;

⁷ *Hasen R. L. Election Meltdown: Dirty Tricks, Distrust, and the Threat to American Democracy. Yale University Press, 2020. P. 55.*

⁸ *Holbein J. B., Hillygus D. S. Making Young Voters: Converting Civic Attitudes into Civic Action. Cambridge University Press, 2020. P. 53.*

⁹ *Hodgson Q. E., Chan E. W., Bodine-Baron E., et al. Op. cit.*

— документирование результатов тестирования¹⁰.

После утверждения президентом США исполнительного приказа 14028 «Об улучшении кибербезопасности страны» Белый дом поручил Агентству по кибербезопасности и защите инфраструктуры США (Cybersecurity and Infrastructure Security Agency, CISA) разработать стандартные руководства для использования при планировании и проведении мероприятий по реагированию на киберугрозы. Такие руководства были предназначены в первую очередь для федеральных учреждений гражданской исполнительной власти, однако на практике их также начали активно использовать избирательные комиссии¹¹.

Комплекс рекомендаций, закрепленный в указанных руководствах, включает в себя следующие меры:

— внедрение многофакторной аутентификации с целью получения удаленного доступа к сети организации, а также доступа администратора или иного привилегированного лица;

— регулярную установку обновлений, устраняющих известные эксплуатируемые уязвимости программного обеспечения, идентифицированные CISA;

— систематические проверки отключения сотрудниками всех портов и протоколов, которые не являются необходимыми для решения задач организации;

— организацию доступа персонала к облачным сервисам в соответствии с руководствами CISA;

— установку бесплатных сервисов кибергигиены CISA;

— использование функции ведения журнала, фиксирующего события в рамках изменения состояния оборудования;

— периодическое тестирование систем резервного копирования данных.

Помимо того, в рамках избирательных комиссий могут формироваться группы реагирования на киберугрозы для цифрового оборудования. Для отработки их действий постоянно проводятся учения¹².

Обеспечение безопасности цифрового оборудования избирательных комиссий от киберугроз также осуществляется за счет регулярного устранения актуальных уязвимостей в программном обеспечении на основании консультативного заключения по кибербезопасности (CSA), регулярно публикуемого профильными органами публичной власти Соединенных Штатов, Австралии, Канады, Новой Зеландии и Великобритании¹³. Это обусловлено тем, что, как было отмечено выше, предписания по реализации программ кибербезопасности формулируются лишь на уровне законодательства штатов и муниципальных образований, в силу чего запрет на подключение оборудования к внешним сетям применяется избирательно¹⁴.

Отдельно следует отметить, что CISA рекомендует избирательным комиссиям использовать централизованную систему управления исправлениями в программном обеспечении, а также при необходимости прибегать для устранения уязвимости к одобренным поставщиком программного обеспечения бэкдорам — скрытым алгоритмам обхода обычной аутентификации или шифрования¹⁵.

В руководствах CISA, изданных в 2021 г., также появилась рекомендация внедрить многофакторную аутентификацию для всех пользователей без исключения и ко всем VPN-соединениям. В случаях, если инструментарий

¹⁰ Hasen R. L. Election Meltdown: Dirty Tricks, Distrust, and the Threat to American Democracy. Yale University Press, 2020. P. 72.

¹¹ The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/05/12/executive-order-on-improving-the-nations-cybersecurity/> (дата обращения: 01.06.2023).

¹² Cybersecurity and Infrastructure Security Agency. URL: https://www.cisa.gov/sites/default/files/2023-06/Guide%20to%20Securing%20Remote%20Access%20Software_508c.pdf (дата обращения: 01.06.2023).

¹³ URL: <https://www.cisa.gov/news-events/ics-advisories/icsa-22-154-01> (дата обращения: 01.06.2023).

¹⁴ URL: <https://www.cisa.gov/topics/election-security> (дата обращения: 01.06.2023).

¹⁵ URL: <https://www.cisa.gov/news-events/alerts/2022/06/03/cisa-releases-security-advisory-dominion-voting-systems-democracy> (дата обращения: 01.06.2023).

многофакторной аутентификации недоступен для избиркома, его руководителю предлагается требовать от сотрудников, выполняющих удаленную работу, использовать надежные пароли.

Обновленная система мер безопасности предписывает организаторам голосования как минимум ежегодно просматривать, проверять или удалять привилегированные учетные записи. Настройку контроля доступа предлагается осуществлять в соответствии с концепцией принципа наименьших привилегий.

Помимо того, к организаторам голосования предъявляется требование ужесточить контроль за часто используемыми сетевыми службами внутренней сети, включая протокол разрешения имен локальной многоадресной рассылки (LLMNR), протокол удаленного рабочего стола (RDP), общую файловую систему Интернета (CIFS), Active Directory и OpenLDAP.

Равным образом руководителям комиссий рекомендовано строго контролировать использование собственных скриптовых приложений, таких как командная строка, PowerShell и объектная модель распределенных компонентов (DCOM).

Избиркомам также предлагается сегментировать локальные сети, чтобы ограничить или заблокировать нежелательные перемещения

внутри них, контролируя доступ к устройствам и базам данных, а также использовать частные виртуальные локальные сети.

Организаторам избирательного процесса рекомендуется применять дополнительные инструменты безопасности: обнаружение конечных точек и реагирование на них (EDR), средства управления информацией о безопасности и событиях (SIEM)¹⁶.

Таким образом, в США практики противодействия киберугрозам для цифрового оборудования, используемого в рамках избирательного процесса, не закреплены и не унифицированы на уровне федерального законодательства. Однако порожденные данной правовой лакуной риски нивелируются благодаря воздействию двух взаимовлияющих факторов: с одной стороны, такие институты, как EAC и CISA, снабжают организаторов выборов в США качественными методическими материалами; с другой стороны, система неформального двухпартийного контроля над проведением выборов обеспечивает выполнение организаторами голосования большинства соответствующих рекомендаций федеральных органов, поскольку игнорирование таких рекомендаций какой-либо из политических сил подразумевает предоставление конкурирующей партии возможного преимущества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Козлова Е. И. Обоснование новых концепций российской конституции в правовой теории // *Lex russica*. — 2009. — Т. 68. — № 2. — С. 311–321.
2. Комарова В. В. Политические права граждан России в цифровой среде // *Право и цифровая экономика*. — 2021. — № 4 (14). — С. 63–72.
3. Комарова В. В. Электронная демократия: мифы и реальность // *Ученые записки Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук*. — 2016. — № 3 (48). — С. 44–52.
4. Шапошников А. В. Конституционно-правовое регулирование использования цифровых технологий при осуществлении видеонаблюдения за выборами и референдумами // *Актуальные проблемы российского права*. — 2023. — № 10. — С. 20–27.
5. Barber B. *If Mayors Ruled the World: Dysfunctional Nations, Rising Cities*. — Yale University Press, 2013. — 432 p.

¹⁶ URL: https://www.cisa.gov/sites/default/files/2023-01/cisa_insights-implement_cybersecurity_measures_now_to_protect_against_critical_threats_508c.pdf (дата обращения: 01.06.2023).

6. *Hasen R. L.* Election Meltdown: Dirty Tricks, Distrust, and the Threat to American Democracy. — Yale University Press, 2020.
7. *Holbein J. B., Hillygus D. S.* Making Young Voters: Converting Civic Attitudes into Civic Action. — Cambridge University Press, 2020. — 282 p.
8. *Lindner R., Aichholzer G.* E-Democracy: Conceptual Foundations and Recent Trends // European E-Democracy in Practice / L. Hennen, I. van Keulen, I. Korthagen et al. (eds.). — Springer, 2020. — P. 11–45.

Материал поступил в редакцию 18 июля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kozlova E. I. Obosnovanie novykh kontseptsiy rossiyskoy konstitutsii v pravovoy teorii // Lex russica. — 2009. — Т. 68. — № 2. — С. 311–321.
2. Komarova V. V. Politicheskie prava grazhdan Rossii v tsifrovoy srede // Pravo i tsifrovaya ekonomika. — 2021. — № 4 (14). — С. 63–72.
3. Komarova V. V. Elektronnaya demokratiya: mify i realnost // Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta imeni akademika B. Gafurova. Seriya gumanitarno-obshchestvennykh nauk. — 2016. — № 3 (48). — С. 44–52.
4. Shaposhnikov A. V. Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie ispolzovaniya tsifrovyykh tekhnologiy pri osushchestvlenii videonablyudeniya za vyborami i referendumami // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2023. — № 10. — С. 20–27.
5. Barber B. If Mayors Ruled the World: Dysfunctional Nations, Rising Cities. — Yale University Press, 2013. — 432 p.
6. *Hasen R. L.* Election Meltdown: Dirty Tricks, Distrust, and the Threat to American Democracy. — Yale University Press, 2020.
7. *Holbein J. B., Hillygus D. S.* Making Young Voters: Converting Civic Attitudes into Civic Action. — Cambridge University Press, 2020. — 282 p.
8. *Lindner R., Aichholzer G.* E-Democracy: Conceptual Foundations and Recent Trends // European E-Democracy in Practice / L. Hennen, I. van Keulen, I. Korthagen et al. (eds.). — Springer, 2020. — P. 11–45.

Способы защиты трудовых прав в отдельных странах БРИКС

Аннотация. Вопрос защиты трудовых прав в странах БРИКС остается актуальным ввиду различий в их правовых системах и в подходах к разрешению трудовых споров. Сопоставление национальных систем защиты трудовых прав работников в России, Бразилии, Индии, Китае и Южно-Африканской Республике позволяет выявить как общие тренды, так и уникальные черты, обусловленные историческими, экономическими и правовыми особенностями. В рассматриваемых государствах — членах БРИКС признается наличие двух основных форм защиты — судебной и внесудебной, однако их организационные модели и соотношение между ними заметно различаются. В Бразилии, Индии и Южно-Африканской Республике действуют специализированные трудовые суды, в то время как в России и Китае такие суды не созданы. Внесудебные механизмы включают в себя деятельность инспекций труда, профсоюзов, а также альтернативные процедуры урегулирования споров, в том числе примирение, медиацию и арбитраж. На основе анализа норм законодательства и судебной практики рассматриваемых стран БРИКС выявлены сильные и слабые стороны национальных моделей. Особое внимание уделено российской системе: предложены направления ее совершенствования с учетом зарубежного опыта и современных тенденций развития трудового права.

Ключевые слова: труд; работник; работодатель; трудовые права; судебная защита; внесудебная защита; трудовые споры; охрана трудовых прав; инспекция труда; примирительные процедуры; профсоюзы; БРИКС

Для цитирования: Долотина Р. Р. Способы защиты трудовых прав в отдельных странах БРИКС // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 4. — С. 183–197. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.183-197

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Methods of Protecting Labor Rights in Selected BRICS Countries

Regina R. Dolotina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Labor Law and Social Security Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
rdolotina@mail.ru

Abstract. The issue of protecting labor rights in the BRICS countries remains relevant due to differences in legal systems and approaches to resolving labor disputes. A comparison of national systems for protecting workers' rights in Russia, Brazil, India, China, and South Africa reveals both common trends and unique features due to historical, economic, and legal differences. The BRICS member states in question acknowledge the existence of two main

© Долотина Р. Р., 2026

* Долотина Регина Рашидовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
rdolotina@mail.ru

forms of protection, judicial and extra-judicial, but their organizational models and the relationship between them differ significantly. Brazil, India and South Africa have specialized labor courts, while Russia and China have not established such courts. Non-judicial mechanisms include the activities of labor inspectorates, trade unions, and alternative dispute resolution procedures, including conciliation, mediation and arbitration. Based on an analysis of the legislation and judicial practice of the BRICS countries under consideration, the strengths and weaknesses of national models were identified. Particular attention is given to the Russian system, with proposed areas for improvement taking into account international experience and modern trends in the development of labor law.

Keywords: labor; employee; employer; labor rights; judicial protection; extra-judicial protection; labor disputes; protection of labor rights; labor inspection; conciliation procedures; trade unions; BRICS

Cite as: Dolotina RR. Methods of Protecting Labor Rights in Selected BRICS Countries. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(4):183-197. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.183-197

Acknowledgements. The reported study was carried out as part of the strategic academic leadership program «Priority-2030».

Введение

В современном мире защита трудовых прав и свобод работника — одна из ключевых гарантий обеспечения достойных условий труда и соблюдения баланса интересов работника и работодателя. Это в полной мере актуально для России. Так, принцип баланса интересов сторон трудового договора признается конституционно-правовой ценностью и рассматривается Конституционным Судом РФ как основа регулирования трудовых отношений, включая вопросы судебной и внесудебной защиты¹. Между тем в странах БРИКС (например, Бразилии, России, Индии, Китае и Южно-Африканской Республике) регулирование трудовых правоотношений на практике сталкивается с аналогичными вызовами, в частности с фактами нарушения прав работников (неполной выплатой заработной платы, незаконными увольнениями, несоблюдением норм охраны труда и др.), что, несомненно, требует принятия эффективных мер защиты.

В теории права понятие «защита прав» рассматривается как совокупность юридических средств, с помощью которых обеспечиваются

восстановление нарушенных прав, пресечение правонарушений и реализация субъективных прав и законных интересов. В трудовой сфере этот комплекс приобретает свою специфику, обусловленную особенностями трудового правоотношения и особым положением работника как более уязвимой стороны. Защита носит инициативный характер: именно работник выбирает и запускает правовые механизмы для достижения надлежащего правового результата². Вместе с тем выбор работником способа защиты своих прав во многом предопределен отраслевыми особенностями трудового права. К ним можно отнести неравенство сторон (подчиненное положение работника по отношению к работодателю) и особую роль государства в контроле за соблюдением трудового законодательства. Между тем трудовое законодательство ряда стран БРИКС предусматривает специальный комплекс гарантий, облегчающих работнику защиту своих прав (например, в России это смещение бремени доказывания в спорах о незаконном увольнении на работодателя; данная позиция вытекает из практики Верховного Суда РФ³).

¹ Михальская А. О. Расторжение трудового договора по инициативе работодателя: российский и зарубежный опыт правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 18–19.

² Степин А. Б. Способы защиты трудовых прав // Современное право. 2013. № 6. С. 39–45.

³ См.: п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6 ; Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением

Значимую роль в обеспечении защиты трудовых прав и свобод в странах БРИКС играет деятельность Международной организации труда (далее — МОТ), последовательно акцентирующей внимание на необходимости гарантирования фундаментальных трудовых прав как ключевого условия устойчивого экономического развития и социальной справедливости. В государствах — участниках БРИКС приоритетными направлениями имплементации международно-правовых стандартов МОТ выступают обеспечение свободы объединения и права на ведение коллективных переговоров, ликвидация принудительного и детского труда, устранение дискриминации в сфере труда, а также создание безопасных и здоровых условий труда.

Несмотря на достигнутый прогресс в части ратификации конвенций МОТ, их применение в правовых системах стран БРИКС сопряжено с некоторыми трудностями, и одна из них — защита прав уязвимых категорий работников: лиц, занятых в неформальном секторе, трудящихся-мигрантов и женщин. В ответ на эти вызовы в рамках национальных правовых систем отдельных стран БРИКС формируются и внедряются специальные механизмы защиты трудовых прав, включающие институты инспекции труда, а также создаются специализированные трудовые суды, деятельность которых направлена на обеспечение эффективной реализации трудовых прав⁴.

В настоящее время наблюдается стремление многих государств найти баланс между судебным и досудебным урегулированием споров,

между индивидуальными и коллективными способами защиты. Для подтверждения этого тезиса обратимся к опыту ряда стран БРИКС.

Основная часть

Бразилия. В Бразилии действует специализированная судебная система трудовых судов (*Justiça do Trabalho*), сформированная еще в 1940-х гг., которая имеет три уровня. Так, есть судьи по трудовым делам (*Varas do Trabalho*), наделенные полномочиями по судебному разбирательству действий, которые вытекают из трудовых отношений по месту работы или жительства работника. Апелляции рассматриваются в региональных трудовых судах (*Tribunais Regionais do Trabalho*). Функции кассационной инстанции выполняет Верховный трудовой суд Бразилии (*Tribunal Superior do Trabalho*)⁵.

Особенностями бразильской модели защиты трудовых прав являются ее ориентация на досудебное примирение и применение медиации при разрешении споров. Местные судьи, рассматривающие трудовые споры, стремятся содействовать заключению мирового соглашения между сторонами. На любой стадии судебного процесса работник и работодатель могут начать переговоры о заключении мирового соглашения при посредничестве судьи.

В 2024 г. в Бразилии были преобразованы досудебные примирительные процедуры (*Reclamação Pré-Processual*)⁶. При трудовых судах стали создаваться центры примирения и меди-

трудового договора по инициативе работодателя (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 4 ; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10.07.2023 № 78-КГ23-16-К3 (УИД 78RS0002-01-2021-005534-48) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Promoting labour rights and reducing decent work deficits in the BRICS // International Labour Organization. March 2, 2023. URL: <https://www.ilo.org/resource/promoting-labour-rights-and-reducing-decent-work-deficits-brics> (дата обращения: 26.07.2025).

⁵ Оливейра Т. В. Структура судебной власти в Бразилии: уголовное преследование в свете недавних реформ Уголовно-процессуального кодекса (перевод профессора Н. Е. Крыловой) // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2018. № 2.

⁶ The New Brazilian Labor Pre-Proceeding Claim // Mayer Brown Insights. URL: <https://www.mayerbrown.com/en/insights/publications/2024/04/the-new-brazilian-labor-pre-proceeding-claim> (дата обращения: 26.07.2025).

ации для урегулирования трудовых споров до начала судебного разбирательства⁷.

Значительную роль в Бразилии играет государственный надзор за соблюдением трудового законодательства. Инспекция труда при Министерстве труда и занятости (Ministério do Trabalho e Emprego, МТЕ) проводит проверки организаций, рассматривает жалобы работников и выдает предписания об устранении выявленных нарушений трудовых прав.

Несоблюдение норм трудового законодательства в Бразилии встречается нередко, из-за чего Инспекция труда ежегодно проводит большое число проверок. Так, в 2024 г. было проверено 135 935 организаций⁸. Таким образом, система инспекции и надзора позволяет своевременно выявлять и пресекать нарушения трудовых прав на ранней стадии и тем самым выступает важным элементом внесудебной защиты трудовых прав.

Отметим, что изменения, вносимые в законодательство Бразилии, регулярно ужесточают санкции за нарушения трудовых прав. В частности, в начале 2025 г. были повышены размеры штрафов за задержку выплаты заработной платы⁹.

Исторически трудовое законодательство отводило профсоюзам значительную роль в защите прав работников. На протяжении десятилетий в Бразилии действовала система обязательных профсоюзных взносов и жесткой отраслевой монополии: каждый работник обязан был состоять в одном профсоюзе по профессии или отрасли. Эта система, установленная Кодексом законов о труде (Consolidação das Leis do Trabalho), обе-

спечивала профсоюзам устойчивое финансирование и наделяла их полномочиями заключать коллективные договоры и соглашения (convenções coletivas, acordos coletivos), обязательные для всех работников соответствующей категории¹⁰.

Реформирование трудового законодательства в 2017 г. (Lei nº 13.467/2017)¹¹ радикально изменило эту модель: были отменены обязательные взносы. В результате финансовое положение профсоюзов ухудшилось, однако они по-прежнему активно участвуют в коллективных переговорах, в контроле за их соблюдением и в организации забастовок. Крупные отраслевые профсоюзы (CUT, Força Sindical и др.) используют забастовки как один из способов защиты интересов работников.

Несмотря на это, профсоюзы остаются востребованными в сферах с повышенными трудовыми рисками, таких как строительство и сельское хозяйство, где они представляют интересы работников в переговорах с работодателями и при рассмотрении трудовых споров¹². Одним из примеров судебной практики, отражающей защиту коллективных прав работников, являются решения Регионального трудового суда (TRT-8, Belém), принятые в 2024 г. по делам о массовых увольнениях: работодатели проводили сокращения численности работников без предварительных переговоров с профсоюзами. Суд признал такие действия нарушающими конституционные гарантии и требования трудового законодательства, а также противоречащими стандартам МОТ. Он пришел к выводу, что предварительные консультации с профсоюза-

⁷ Resolução n.º 377/CSJT, de 22 de março de 2024, Conselho Superior da Justiça do Trabalho // URL: <https://hdl.handle.net/20.500.12178/231210> (дата обращения: 26.07.2025).

⁸ МТЕ. Relatório Anual da Inspeção do Trabalho — 2024. Secretaria de Inspeção do Trabalho (SIT) // URL: <https://www.gov.br/trabalho-e-emprego/pt-br/assuntos/inspecao-do-trabalho/relatorios-anuais/relatorios/relatorio-anual-2024-1.pdf> (дата обращения: 26.07.2025).

⁹ URL: <https://www.deel.com/blog/brazil-pay-transparency/> (дата обращения: 26.07.2025).

¹⁰ ICLG: Employment & Labour Laws and Regulations — Brazil 2025 // URL: <https://iclg.com/practice-areas/employment-and-labour-laws-and-regulations/brazil> (дата обращения: 26.07.2025).

¹¹ Brasil. Lei nº 13.467, de 13 de julho de 2017 // URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2015-2018/2017/lei/L13467.htm (дата обращения: 26.07.2025).

¹² Silva S., Campos A. Filiação sindical de trabalhadores no Brasil (2012–2022): indicadores, contexto institucional e fatores determinantes. Brasília : IPEA, 2024 (Texto para Discussão; n. 2957). DOI: 10.38116/td2957-port.

ми являются обязательным этапом процедуры коллективных увольнений; их отсутствие влечет признание увольнений незаконными¹³.

Система защиты трудовых прав в Бразилии опирается не только на традиционные судебные и медиативные процедуры, но и на меры публичного воздействия. Среди них особое значение имеет наличие реестра работодателей, которые допустили эксплуатацию труда в условиях, аналогичных рабству (*Cadastro de Empregadores que tenham submetido trabalhadores a condições análogas à de escravo (Lista Suja)*). Этот механизм регулируется нормативными актами МТЕ и формируется на основе итогов расследований Инспекции труда. Включение работодателя в список происходит после подтверждения фактов грубого нарушения трудового законодательства и сохраняется в течение двух лет, а это ограничивает его доступ к государственным кредитным линиям, усиливая превентивную функцию трудового законодательства¹⁴.

Обновления указанного реестра публикуются на официальном сайте МТЕ дважды в год. В апреле 2024 г. в этот список было включено 248 работодателей, среди которых предприятия сельского хозяйства, строительной отрасли, сферы производства древесного угля и сектора домашнего труда¹⁵. Такая мера направлена на повышение транспарентности и на укрепление защиты прав работников, особенно в секторах с высокой степенью неформальной занятости.

Россия. В Российской Федерации защита трудовых прав работников обеспечивается как судами общей юрисдикции, так и различными внесудебными органами. Конституция РФ гарантирует каждому право на судебную защиту своих прав (ст. 46) и право на разрешение индивидуальных и коллективных трудовых споров установленными законом способами (ч. 4 ст. 37). Трудовой кодекс РФ конкретизирует эти конституционные положения: ст. 352 относит к основным способам защиты трудовых прав судебную защиту наряду с самозащитой, профсоюзной защитой и государственным контролем (надзором). Однако сохраняется ряд проблем, связанных с ограниченностью превентивных мер и необходимостью их адаптации к новым социально-экономическим условиям. В частности, распространение платформенной занятости обостряет проблему разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений, что требует обновления системы гарантий защиты трудовых прав с учетом современных экономических реалий¹⁶.

В России, в отличие от Бразилии и ЮАР, отсутствует система отдельных трудовых судов. Споры, вытекающие из трудовых отношений, рассматриваются судами общей юрисдикции в порядке гражданского судопроизводства. При этом российское трудовое законодательство предусматривает возможность обращения и в специальные досудебные органы для отдельных категорий дел. Так, в организациях могут

¹³ *Borges D., Neto F., Zapata S.* A situação da dispensa coletiva no Brasil face à exigência da prévia negociação com o sindicato representante dos trabalhadores // Revista TRT 8ª Região. Belém. 2024. Vol. 57. Núm. 113. P. 31–57. URL: https://www.trt8.jus.br/sites/portal/files/roles/revista/trt8-revista_113_-_pag-31-57_-_a_situacao_da_dispensa_coletiva_no_brasil_face_a_exigencia_da_previa_negociacao_com_o_sindicato_representante_dos_trabalhadores_.pdf (дата обращения: 26.07.2025).

¹⁴ Conselho Nacional de Justiça (CNJ). Cadastro de empregadores que submeteram trabalhadores a condições análogas à de escravo (Lista Suja) // URL: <https://www.cnj.jus.br/programas-e-acoas/trabalho-escravo-e-trafficode-pessoas/cadastro-de-empregadores-que-submeteram-trabalhadores-a-condicoes-analogas-a-de-escravolistasuja/> (дата обращения: 26.07.2025).

¹⁵ МТЕ atualiza o Cadastro de Empregadores que submeteram trabalhadores a condições análogas à escravidão // Brazil — Governo Federal. 05.04.2024. URL: <https://www.gov.br/trabalho-e-emprego/pt-br/noticias-e-conteudo/2024/Abril/mte-atualiza-o-cadastro-de-empregadores-que-submeteram-trabalhadores-a-condicoes-analogas-a-escravidao> (дата обращения: 26.07.2025).

¹⁶ *Черных Н. В.* Трансформация труда как объекта общественных отношений и распространение нетипичных форм занятости // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 12. С. 104–113.

создаваться комиссии по трудовым спорам, упрощающие и ускоряющие восстановление нарушенных индивидуальных трудовых прав. Однако в настоящее время такие комиссии созданы далеко не во всех организациях, и значительная часть трудовых споров сразу передается в суд.

Коллективные трудовые споры представляют собой споры неискового характера, возникающие по вопросам установления или изменения условий труда. Их рассмотрение носит претензионный характер. В соответствии со ст. 401 и 402 ТК РФ обязательной стадией является деятельность примирительной комиссии, формируемой сторонами на паритетной основе и рассматривающей спор в течение трех дней (на локальном уровне социального партнерства) либо пяти дней (на иных уровнях социального партнерства). Если согласие не достигнуто, стороны могут привлечь посредника (ст. 403 ТК РФ) либо обратиться в трудовой арбитраж, создаваемый совместно сторонами и государственным органом (ст. 404 ТК РФ).

Обращение работника в суд — один из наиболее действенных способов восстановить нарушенное право. Российское законодательство максимально облегчает доступ работников к правосудию. Так, иски, связанные с трудовыми отношениями, не облагаются государственной пошлиной. Работник вправе подать иск в суд по месту своего жительства или работы. Сроки давности по большинству трудовых споров составляют три месяца с момента нарушения (по спорам об увольнении — один месяц; в случае невыплаты заработной платы или других выплат — один год); при этом пропуск срока может быть восстановлен судом при наличии уважительных причин.

В России эффективность судебной защиты трудовых прав обеспечивается возможностью бесплатного обращения в суд, стремлением судов в большинстве случаев вставать на сторону работника и возможностью быстрого ис-

полнения судебных решений¹⁷. Статистические данные подтверждают высокую результативность судов по трудовым спорам. В 2024 г. российские суды общей юрисдикции рассмотрели 101 328 дел. Из них исковые требования удовлетворены в 86 531 деле (около 85 %); отказано в удовлетворении по 14 793 делам (около 15 %)¹⁸. Такие значения свидетельствуют о том, что судебная защита в России работает как эффективный механизм восстановления нарушенных трудовых прав.

Помимо судов, в России действует государственный контроль (надзор) в сфере труда. Обеспечивается также профсоюзная защита трудовых прав. Российские профсоюзы юридически наделены широкими полномочиями (вплоть до права представлять работников в суде, участвовать в проверках инспекции труда и т.д.), но фактическое влияние профорганизаций существенно варьируется от отрасли к отрасли и от предприятия к предприятию. Во многих организациях создание профсоюза носит формальный характер, а общий уровень активности его членов невысок. Тем не менее развитие профсоюзного движения и укрепление его позиций рассматриваются как резерв для повышения эффективности защиты трудовых прав.

Государственная инспекция труда, являясь структурным подразделением Федеральной службы по труду и занятости (Роструд), наделена широкими полномочиями в сфере обеспечения соблюдения трудового законодательства. Основные направления ее деятельности — рассмотрение жалоб, проведение проверок, участие в расследованиях несчастных случаев на производстве, вынесение обязательных для исполнения предписаний, привлечение работодателей к административной ответственности, а также правовое информирование сторон трудовых отношений. Меры, принятые органами государственного контроля (надзора), способствуют снижению числа нарушений в сфере оплаты труда и условий работы. Так, в 2024 г. уровень

¹⁷ Снежко О. А. Проблемы судебной защиты трудовых прав // Трудовое право. 2007. № 9. С. 15–21.

¹⁸ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 г. // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942> (дата обращения: 29.07.2025).

смертельного травматизма на производстве снижен до показателя 1,59 на 100 000 занятых¹⁹.

С 1 января 2025 г. в России действует общедоступный федеральный реестр работодателей, уличенных в нелегальной занятости. Его формирует Роструд. Работодателя вносят в указанный реестр в случае уклонения от оформления трудового договора либо подмены его гражданско-правовым. На июль 2025 г. в данный реестр включено более 240 работодателей²⁰; в основном это индивидуальные предприниматели. Стоит отметить, что такой реестр стал первым публичным инструментом контроля трудовых нарушений. Его преимущества заключаются в обеспечении прозрачности рынка труда, в возможности соискателей проверить репутацию работодателя, а также в автоматическом исключении сведений через один год, что обеспечивает актуальность данных. Ключевой недостаток этого реестра связан с ограниченным охватом нарушений. В частности, в него не включаются факты невыплаты заработной платы и нарушений требований охраны труда.

Индия. В Индии сложилась многоуровневая система разрешения трудовых споров²¹, которая начала формироваться еще во времена британского колониального правления. Это трудовые суды (labour courts) и трибуналы по трудовым спорам (промышленные трибуналы (industrial tribunals))²², национальные трибуналы (national tribunals), а также вспомогательные структуры — рабочие комитеты (works committees), примирители (conciliation officers) и советы по примирению (boards of conciliation)²³.

Данные органы рассматривают трудовые споры по особой процедуре вне рамок общей гражданской судебной системы. Трудовым су-

дам в Индии подсудны индивидуальные трудовые споры о неправомерном увольнении, невыплате пособий, нарушении условий труда. Промышленные трибуналы разрешают более сложные дела, включая коллективные трудовые споры (затрагивающие группы работников или профсоюзы), а также вопросы, касающиеся условий и оплаты труда в масштабах предприятия или отрасли (тарифные ставки, премии, режим работы и т.п.). Национальные трибуналы являются квазисудебными учреждениями, создаваемыми органами государственной власти для разрешения конкретных видов трудовых споров, в частности связанных с дискриминацией, вопросами занятости.

Наличие параллельной системы специализированной (квазисудебной) юстиции отражает стремление вывести трудовые споры из перегруженной общей судебной системы и поручить их рассмотрение специализированным органам.

Важнейшая особенность индийской модели — наличие обязательной досудебной стадии примирения. В соответствии с Кодексом о промышленных отношениях 2020 г. стороны каждого трудового конфликта, особенно коллективного, должны сначала пройти процедуру примирения (conciliation) с участием назначенного государством посредника²⁴.

Рабочий комитет — постоянно действующий орган на предприятии с 100 и более работниками, обеспечивающий взаимодействие сторон и урегулирование разногласий. Совет по примирению — временный орган, создаваемый для разрешения возникших трудовых споров (ст. 3, 5, 13 Закона о промышленных спорах 1947 г.). Суды, выявив возможность досудеб-

¹⁹ Основные итоги охраны труда в России за 2024 г. // URL: <https://journal.ecostandard.ru/ot/kontekst/okhrana-truda-v-Rossii-osnovnye-itogi-2024-goda/> (дата обращения: 29.07.2025).

²⁰ URL: https://rostrud.gov.ru/rostrud/deyatelnost/?CAT_ID=20446 (дата обращения: 29.07.2025).

²¹ Industrial Disputes Act, 1947 // India Code. URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/17112/1/the_industrial_disputes_act.pdf (дата обращения: 27.07.2025).

²² URL: <https://www.rivermate.com/guides/india/dispute-resolution> (дата обращения: 27.07.2025).

²³ *Беликова К. М.* Разрешение трудовых споров с участием иностранного элемента в странах БРИКС на примере России, Индии и ЮАР // *Право и политика.* 2016. № 2. С. 257. DOI: 10.7256/1811-9018.2016.2.16846.

²⁴ The Industrial Relations Code, 2020 (India) // URL: https://labour.gov.in/sites/default/files/ir_gazette_of_india.pdf (дата обращения: 27.07.2025).

ного урегулирования, вправе передать дело на разрешение в рамках альтернативных процедур (alternative dispute resolution (ADR)) — примирения, медиации, арбитража, производства в народных судах (lok adalat)²⁵, переговоров и др.; это позволяет завершить конфликт без продолжения судебного процесса²⁶.

В системе защиты трудовых прав Индии важную роль играют инспекции труда, контролирующие соблюдение законодательства о заработной плате, занятости и охране труда. С 2015 г. ими проводится случайный отбор предприятий для проверок, результаты которых размещаются на портале Министерства труда и занятости Индии (Shram Suvidha)²⁷. Координацию деятельности трудовых инспекций осуществляет Центральное аналитическое подразделение (Central Analysis & Intelligence Unit), определяющее приоритет проверок по степени серьезности нарушений²⁸. Несмотря на расширение функций инспекций труда и цифровизацию, их эффективность крайне ограничена масштабом неформальной занятости в стране²⁹.

Индийская система защиты трудовых прав сохраняет проблематику длительности рассмотрения споров, обусловленную значительной нагрузкой на соответствующие органы и сложностью процедур³⁰. Принятый в 2020 г. Кодекс о промышленных отношениях систематизировал прежнее законодательство — сохранил обязательное примирение и специализированные

суды, но одновременно установил 45-дневный срок для примирения, внедрил электронные регистры и упростил процессуальные механизмы. Повышение порога численности работников для увольнений без согласования с органами государственной власти с 100 до 300 обеспечило большую гибкость регулирования, но вызвало критику профсоюзов как мера, ослабляющая гарантии занятости.

Важно отметить, что Индия сохраняет особый институциональный механизм разрешения споров — комбинацию трудовых судов (трибуналов) и обязательного примирения. Он отличается от моделей России и Китая, но близок к подходам Бразилии и ЮАР.

Анализ судебной практики свидетельствует о значимости деятельности профсоюзов для защиты прав работников. Показателен трудовой спор, рассмотренный Верховным судом Индии в начале 2025 г., между профсоюзом Продовольственной корпорации Индии (Food Corporation of India (FCI)) и ее руководством. Профсоюз оспаривал действия работодателя, который более 20 лет использовал труд работников на постоянной основе, заключая с ними последовательно срочные трудовые договоры; по мере истечения каждого договора трудовые отношения прекращались, а вопрос о заключении нового договора оставался открытым. После истечения срока очередных трудовых договоров профсоюз обратился в промышленный

²⁵ Ёдгоров Х. Альтернативные механизмы разрешения споров. Обзор зарубежного опыта. Ташкент, 2017. С. 48. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/uz/un_uzb_Alternative_dispute_resolution_mechanisms_rus.pdf (дата обращения: 27.07.2025).

²⁶ Беликова К. М. Указ. соч. С. 258.

²⁷ Transparent Central Labour Inspection Scheme... // Labour Bureau, Ministry of Labour & Employment. URL: <https://labour.gov.in/transparent-central-labour-inspection-scheme-random-inspection-units> (дата обращения: 27.07.2025).

²⁸ Setting up of Central Analysis & Intelligence Unit... // Labour Bureau, Ministry of Labour & Employment. URL: <https://labour.gov.in/sites/default/files/53aa9e15d08f7inspectionscheme.pdf> (дата обращения: 27.07.2025).

²⁹ По данным МОТ, доля неформального сектора составляет около 90 % от общей занятости, что значительно превышает региональные и мировые показатели. См.: Innovative approaches to formalization in Asia and the Pacific: Background report to ILO Asia and the Pacific Tripartite Regional Knowledge Sharing Forum. Geneva : ILO, 2025. URL: <https://www.ilo.org/sites/default/files/2025-04/Innovative-approaches-formalization-goar-2025.pdf> (дата обращения: 27.07.2025).

³⁰ См.: Яковлев П. Ю. Организация и деятельность судебной власти в Республике Индия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 104.

трибунал, который постановил восстановить работников в должности и выплатить им компенсацию за вынужденный прогул. Верховный суд Индии оставил это решение без изменения, указав, что работодатель, допустивший фактическое выполнение постоянной работы при формальном оформлении срочных договоров, не может ссылаться на их срочный характер для оспаривания правомерности восстановления и выплаты компенсаций. Сходная правовая позиция отражена в практике Верховного Суда РФ: многократное заключение срочных договоров при фактической постоянной работе нарушает положения ст. 58 и 59 ТК РФ, в связи с чем срочный трудовой договор подлежит перекалфикации в бессрочный, а работник — восстановлению с выплатой среднего заработка за время вынужденного прогула³¹.

В Индии значительная часть индивидуальных трудовых споров разрешается на досудебной стадии. Институциональная модель, основанная на государственном примирении и деятельности квазисудебных органов, снижает частоту забастовок и судебных тяжб, но способы защиты трудовых прав остаются процедурно сложными, затянутыми и преимущественно ориентированными на формальный сектор, маргинализируя сотни миллионов занятых в неформальной экономике.

Китай. Китайская Народная Республика выстроила разветвленную, многоуровневую систему органов по рассмотрению трудовых споров, которая включает административные и судебные элементы. Так, урегулирование трудовых споров основывается на сочетании посредничества (медиации), арбитража и судебного производства.

Трудовые споры в КНР — это споры, связанные с трудоустройством, заключением, испол-

нением и расторжением трудовых договоров, оплатой труда, социальным обеспечением, охраной труда, временем отдыха, а также компенсацией вреда здоровью. Анализ практики Верховного народного суда КНР подтверждает, что к трудовым спорам относятся и те, которые возникают при оказании услуг по занятости. Так, в одном из дел 2024 г. суд квалифицировал отношения работника и организации, привлеченной через посредника по найму, как фактические трудовые и признал возникший конфликт трудовым спором, подлежащим рассмотрению в порядке, который установлен законодательством³². Аналогичный подход прослеживается и в российской судебной практике: при установлении признаков фактических трудовых отношений гражданско-правовой договор подлежит перекалфикации в трудовой с применением всех правовых последствий, предусмотренных трудовым законодательством³³.

Первоначально трудовой спор в Китае может быть рассмотрен комиссией по посредничеству, создаваемой на уровне работодателя и включающей представителей работников, работодателя и профсоюза. Достигнутое мировое соглашение в этом случае становится обязательным для сторон.

При отсутствии согласия на стадии медиации одна из сторон может передать спор в арбитражную комиссию по трудовым спорам, формируемую из представителей государственных органов в сфере труда, профсоюзов и работодателей. Председатель комиссии — представитель государственного органа. Стоит отметить, что этап медиации сторонами может быть пропущен. Заявление в арбитраж подается в течение 60 дней с момента возникновения спора; решение принимается в тот же срок. Если стороны не

³¹ См., например: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21.08.2023 № 78-КГ23-19-КЗ (УИД 78RS0019-01-2020-013277-55) // СПС «КонсультантПлюс».

³² См.: SPC Releases Typical Labor Dispute Cases // China Justice Observer. August 14, 2024. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/spc-releases-typical-labor-dispute-cases> ; Шестерякова И. В., Шестеряков И. А. К вопросу о правовом регулировании труда работников онлайн-платформ в странах БРИКС // Lex russica. 2025. Т. 78. № 5. С. 61–62. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.054-067.

³³ Абз. 3 п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации».

согласны с таким решением или оно не исполняется добровольно, допускается обращение в народный суд в течение 15 дней после его получения³⁴.

Обращение непосредственно в суд по трудовому спору возможно лишь после рассмотрения дела в арбитраже³⁵. Такой порядок был установлен еще в 1993 г., а в 2008 г. Закон КНР «О медиации и арбитраже трудовых споров» окончательно закрепил правило о том, что иск работника не может быть принят судом без предварительного прохождения спора через трудовой арбитраж. Но есть исключения. Так, по делам о выплате заработной платы, компенсации при трудовом увечье, выходных пособий или возмещений, если их сумма не превышает 12-кратный размер местной минимальной месячной оплаты, а также по спорам, касающимся рабочего времени, отдыха, отпусков и социального страхования, которые связаны с национальными нормами, арбитражные решения являются окончательными и не подлежат обжалованию в суде (ст. 47). При этом закон предусматривает, что по данным категориям споров у работника сохраняется право обратиться в суд в течение 15 дней после получения решения, тогда как работодатель лишен такого права. Кроме того, допускается добровольное проведение медиации на любом этапе до вынесения арбитражного или судебного решения (ст. 5). Арбитражные процедуры проводятся бесплатно, а судебные издержки минимальны, и их возмещение нередко возлагается на проигравшую сторону.

Таким образом, китайская модель предполагает обязательное досудебное урегулирование и позволяет решить большинство споров, не доводя дело до народного суда. В итоге лишь

сложные случаи доходят до разбирательства в суде.

Несмотря на развитую сеть внесудебных органов, Китай не имеет единого закона о коллективных трудовых спорах. Это приводит к разрозненности правоприменительной практики: сходные споры могут разрешаться по-разному в различных регионах, а процедуры зависят от локальных актов и от практики арбитражных комиссий³⁶.

Характерными особенностями рассмотрения трудовых споров в Китае являются их многоступенчатость (медиация — арбитраж — суд) и длительность. Пример — дело работников предприятия Xi'an Hualian Leather Industrial Co, вынесение решения по которому растянулось на 10 лет (2006–2016 гг.). Девять работников оспаривали законность их исключения из штата организации, и суд в итоге удовлетворил требования восьми из них³⁷. В России период рассмотрения таких споров значительно короче: закон предусматривает месячный срок для обращения в суд по спорам об увольнении (ст. 392 ТК РФ). При этом решения о восстановлении на работе подлежат немедленному исполнению (ст. 211 ГПК РФ).

В КНР существует система административного контроля за соблюдением трудовых прав. Органы Министерства трудовых ресурсов и социального обеспечения осуществляют надзор и проводят инспекции на предприятиях. В Китае, в отличие от многих стран, трудовые инспекции обладают и квазиправоохранительными функциями. Так, за грубые нарушения трудового законодательства (например, за систематическую невыплату заработной платы мигрантам) возможно уголовное преследование в отношении недобросовестных работодателей. Приори-

³⁴ Бутусова Е. С., Базыкин А. Е., Казаков С. О. Международное и зарубежное трудовое право : учебник для вузов / отв. ред. М. О. Буянова. М. : Юрайт, 2025. С. 165–166.

³⁵ Labour Dispute Mediation and Arbitration Law of the People's Republic of China (Order No. 80, 2007) // URL: <https://natlex.ilo.org/dyn/natlex2/natlex2/files/download/78743/CHN78743%20Eng.pdf> (дата обращения: 26.07.2025).

³⁶ Chi W., Ji Y., Huang W. Mediation and Conciliation in Collective Labor Conflicts in China // Mediation in Collective Labor Conflicts / ed. by M. Euwema, F. Medina, A. García, E. Pender. Cham : Springer, 2019. P. 287–302. DOI: 10.1007/978-3-319-92531-8_17.

³⁷ URL: <https://news.sina.com.cn/c/2006-04-24/00148770924s.shtml> (дата обращения: 27.07.2025).

тетными направлениями работы инспекторов являются контроль выплаты зарплаты (особенно перед китайским Новым годом, когда фиксируется всплеск жалоб на задержки выплат) и контроль соблюдения норм рабочего времени, охраны труда и социальных гарантий. Инспекторы активно используют современные технологии. Так, запущены удобные онлайн-платформы для подачи жалоб, ведутся электронные базы данных нарушителей. В результате государственная инспекция в КНР стала более эффективной, а ее деятельность — более прозрачной. Высокое качество ее работы обеспечивают оперативность реакции на нарушения, повсеместное применение цифровых инструментов и полномочия, позволяющие вводить строгие санкции вплоть до уголовной ответственности.

Профсоюзы в Китае формально есть в большинстве крупных организаций. Они объединены во Всекитайскую федерацию профсоюзов (All-China Federation of Trade Unions), которая фактически является частью государственной системы. Профсоюзы скорее выполняют посредническую роль между работниками и администрацией, чем выступают самостоятельными защитниками прав трудящихся. При всех ограничениях, однако, профсоюзы способны защищать работников в рамках дозволенного (например, организуя кампании по выплате долгов по зарплате и участвуя в примирительных комиссиях при организациях). Китайская модель делает упор на предупреждение конфликтов и на их скорейшее урегулирование на локальном уровне.

Сильными сторонами китайской системы являются ее гибкость и ориентация на быстрые внесудебные решения, слабыми — ограниченность реальной независимости профсоюзов и потенциальное подавление открытых протестов.

Южно-Африканская Республика. В ЮАР действует одна из наиболее развитых систем защиты трудовых прав на Африканском континенте. Конституция (ст. 23) гарантирует право каждого на справедливые трудовые отношения, право создавать профсоюзы и бастовать³⁸. Базовый законодательный акт — Закон о трудовых отношениях (Labour Relations Act) 1995 г., который вместе с поправками сформировал современную институциональную модель. В ЮАР, как и в Бразилии и Индии, созданы специализированные трудовые суды, соответствующие по статусу Высокому суду ЮАР³⁹.

В стране действуют специализированные трудовые суды (Labour Courts) и Трудовой апелляционный суд (Labour Appeal Court), обладающие исключительной юрисдикцией по трудовым спорам. В отдельных случаях, если затронуты конституционные права, возможен пересмотр решений в Конституционном суде ЮАР. В частности, 6 июля 2021 г. Конституционный суд ЮАР уточнил принципы компенсации при восстановлении на работе: если уволенный работник вскоре трудоустроился на новое место, работодатель обязан лишь компенсировать разницу в доходах, а не выплачивать полную заработную плату за весь период отсутствия⁴⁰. В российской практике вопрос оплаты вынужденного прогула при восстановлении на работе регулируется ч. 2 ст. 394 ТК РФ. Согласно позиции Верховного Суда РФ, при определении размера компенсации не учитывается заработная плата, полученная работником у другого работодателя в период вынужденного прогула⁴¹. Однако судебная практика в российских субъектах неоднородна: одни суды прибегают к буквальному толкованию ТК РФ и присуждают полную компенсацию, а другие пытаются учитывать принципы соразмерности и экономической

³⁸ Constitution of the Republic of South Africa, 1996 // URL: <https://www.gov.za/documents/constitution-republic-south-africa-1996> (дата обращения: 27.07.2025).

³⁹ Комлев Е. Ю., Конюхов В. В. Правовые основы организации судебной системы в Южно-Африканской Республике // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 3. С. 29–33.

⁴⁰ Maroveke v. Talane N.O. and Others (CCT 187/20) [2021] ZACC 20 // URL: <https://www.saflii.org/za/cases/ZACC/2021/20.html> (дата обращения: 27.07.2025).

⁴¹ Абз. 4 п. 62 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации».

обоснованности выплат, уменьшая их при доказанном трудоустройстве работника⁴².

Ключевую роль в южноафриканской модели играет независимый квазисудебный орган — Комиссия по примирению, медиации и арбитражу (Commission for Conciliation, Mediation and Arbitration, ССМА), созданная в 1995 г. Она обеспечивает первичное урегулирование большинства индивидуальных трудовых споров. Процесс начинается с примирения (до 30 дней). Статистические данные показывают высокую эффективность этой стадии. Уровень урегулирования трудовых споров на стадии примирения составляет около 75 %⁴³.

Если примирение сторон не удалось, ССМА переходит к арбитражу — к разбирательству, по итогам которого выносится решение, исполнение которого является для сторон обязательным (оно может быть обжаловано в трудовом суде лишь по ограниченному основанию). Только наиболее сложные дела доходят до суда после ССМА, что существенно снижает нагрузку на судебную систему и ускоряет разрешение конфликтов.

Функции государственного контроля за соблюдением трудового законодательства возложены на Министерство занятости и труда (Department of Employment and Labour), в структуре которого действует особое подразделение — Inspection and Enforcement Services, выполняющее функции трудовой инспекции⁴⁴. Оно обеспечивает исполнение основных актов —

Закона об основных условиях труда⁴⁵ и Закона о гигиене и безопасности труда⁴⁶, контролируя вопросы оплаты труда, рабочего времени, условий и безопасности труда. Названное подразделение рассматривает жалобы, проводит расследования и при необходимости передает материалы в трудовой суд. Оно также консультирует по вопросам трудового права, проводит профилактические кампании и принимает меры — выдает обязательные предписания, выписывает штрафы и даже приостанавливает деятельность предприятий при грубых нарушениях. За особо тяжкие нарушения правил охраны труда предусмотрена уголовная ответственность.

Южно-Африканская Республика характеризуется высокой профсоюзной активностью. Крупнейшая конфедерация — Congress of South African Trade Unions (COSATU) — объединяет около 1,8 млн членов, что составляет примерно 29 % от общей численности занятых в стране⁴⁷. COSATU способствует иницированию коллективных переговоров, предупреждая конфликты. Это существенно снижает количество трудовых споров и уменьшает нагрузку на судебную систему⁴⁸.

Заключение

На основании компаративного анализа можно сделать следующие выводы.

⁴² Головина С. Ю., Белозёрова К. А. Оплата вынужденного прогула: способ защиты работника или мера наказания работодателя? // Российский юридический журнал. 2023. № 5. С. 112–118.

⁴³ Commission for Conciliation, Mediation and Arbitration. Annual Report 2023/24. URL: <https://www.ccma.org.za/wp-content/uploads/2024/10/CCMA-Annual-Report-2023.2024-1.pdf> (дата обращения: 26.07.2025).

⁴⁴ Department of Employment and Labour, Inspection and Enforcement Services // URL: <https://www.labour.gov.za/about-us/ministry/pages/ies0320-7398.aspx> (дата обращения: 26.07.2025).

⁴⁵ Basic Conditions of Employment Act, 1997 (BCEA) // Government of South Africa. URL: <https://www.gov.za/documents/basic-conditions-employment-act> (дата обращения: 26.07.2025).

⁴⁶ Occupational Health and Safety Act, 1993 (OHSA) // Government of South Africa. URL: <https://www.gov.za/documents/occupational-health-and-safety-act> (дата обращения: 26.07.2025).

⁴⁷ South Africa trade fact sheet / Trade unions, Trade and AfCFTA. Congress of South African Trade Unions, October 2024 // URL: https://lrs.org.za/wp-content/uploads/2024/11/South-Africa-Trade-Fact-Sheet.pdf?utm_source (дата обращения: 26.07.2025). P. 10.

⁴⁸ Integrated approaches for formalization in Asia and the Pacific: Background report to ILO Asia and the Pacific Tripartite Regional Knowledge Hub / International Labour Organization. Geneva : ILO, 2021. URL: <https://doi.org/10.54394/XOSQ7112> (дата обращения: 26.07.2025).

Во-первых, рассмотренные страны БРИКС признают важность как судебных, так и внесудебных способов защиты трудовых прав. При этом в некоторых государствах явно прослеживается тенденция к расширению и в ряде случаев к обязательному применению досудебных процедур урегулирования трудовых споров (Индия, Китай и Бразилия), что демонстрирует эффективность примирительных механизмов.

Во-вторых, формирование специализированных органов по трудовым спорам способствует более качественному и быстрому рассмотрению дел. Там, где созданы отдельные трудовые суды или трибуналы (Бразилия, Индия и ЮАР), накоплен позитивный опыт узкой специализации судей.

В-третьих, коллективная защита через профсоюзы играет существенную роль, особенно в странах с высокой профсоюзной организацией (ЮАР, Индия и Бразилия). В таких юрисдикциях многие конфликты разрешаются еще на этапе переговоров, не перерастая в трудовые споры.

В-четвертых, государственный контроль (надзор) рассматривается как необходимый элемент защиты трудовых прав, однако его эффективность коррелирует с политической волей и с возможностью применения самых разных механизмов. Китай и ЮАР демонстрируют примеры жесткого контроля и введения существенных санкций против недобросовестных работода-

телей, тогда как России и Индии имеет смысл существенно их усилить.

Сравнительный анализ свидетельствует, что российские способы защиты трудовых прав характеризуются высокой степенью нормативной детализации и обеспечивают комплексные гарантии — от эффективной судебной защиты до участия профсоюзов и реализации функций государственного контроля (надзора). При этом есть направления для развития: это расширение спектра превентивных инструментов, повышение результативности инспекционных процедур, совершенствование примирительных и досудебных механизмов (включая возможность их обязательного применения для отдельных категорий трудовых споров) и развитие инструментов публичного мониторинга нарушений.

Реализация предложенных мер позволит сформировать в России более гибкий и надежный механизм защиты трудовых прав, соответствующий как конституционным принципам социальной справедливости, так и передовому международному опыту. Такой комплексный подход, опирающийся на передовые практики стран БРИКС, укрепит гарантии трудовых прав российских граждан и повысит качество правоприменения в сфере труда, а в глобальном смысле он послужит развитию гражданского общества и правового государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Батусова Е. С., Базыкин А. Е., Казаков С. О. Международное и зарубежное трудовое право : учебник для вузов / отв. ред. М. О. Буянова. — М. : Юрайт, 2025. — 172 с.
2. Беликова К. М. Разрешение трудовых споров с участием иностранного элемента в странах БРИКС на примере России, Индии и ЮАР // Право и политика. — 2016. — № 2. — С. 257–265. — DOI: 10.7256/1811-9018.2016.2.16846.
3. Головина С. Ю., Белозёрова К. А. Оплата вынужденного прогула: способ защиты работника или мера наказания работодателя? // Российский юридический журнал. — 2023. — № 5. — С. 112–118.
4. Ёдгоров Х. Альтернативные механизмы разрешения споров. Обзор зарубежного опыта. — Ташкент, 2017. — 216 с. — URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/uz/un_uzb_Alternative_dispute_resolution_mechanisms_rus.pdf.
5. Комлев Е. Ю., Конюхов В. В. Правовые основы организации судебной системы в Южно-Африканской Республике // Образование. Наука. Научные кадры. — 2024. — № 3. — С. 29–33.
6. Михальская А. О. Расторжение трудового договора по инициативе работодателя: российский и зарубежный опыт правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2023. — 195 с.

7. Оливейра Т. В. Структура судебной власти в Бразилии: уголовное преследование в свете недавних реформ Уголовно-процессуального кодекса (перевод профессора Н. Е. Крыловой) // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2018. — № 2.
8. Снежко О. А. Проблемы судебной защиты трудовых прав // Трудовое право. — 2007. — № 9. — С. 15–21.
9. Степин А. Б. Способы защиты трудовых прав // Современное право. — 2013. — № 6. — С. 39–45.
10. Черных Н. В. Трансформация труда как объекта общественных отношений и распространение нетипичных форм занятости // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 12. — С. 104–113.
11. Шестерякова И. В., Шестеряков И. А. К вопросу о правовом регулировании труда работников онлайн-платформ в странах БРИКС // Lex russica. — 2025. — Т. 78. — № 5. — С. 54–67. — DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.054-067.
12. Яковлев П. Ю. Организация и деятельность судебной власти в Республике Индия : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — 185 с.
13. Borges D., Neto F., Zapata S. A situação da dispensa coletiva no Brasil face à exigência da prévia negociação com o sindicato representante dos trabalhadores // Revista do TRT 8ª Região. Belém. — 2024. — Vol. 57. — Núm. 113. — P. 31–57. — URL: https://www.trt8.jus.br/sites/portal/files/roles/revista/trt8-revista_113_-_pag-31-57_-_a_situacao_da_dispensa_coletiva_no_brasil_face_a_exigencia_da_previa_negociacao_com_o_sindicato_representante_dos_trabalhadores_.pdf.
14. Chi W., Ji Y., Huang W. Mediation and Conciliation in Collective Labor Conflicts in China // Mediation in Collective Labor Conflicts / ed. by M. Euwema, F. Medina, A. García, E. Pender. — Cham : Springer, 2019. — P. 287–302. — DOI: 10.1007/978-3-319-92531-8_17.
15. Silva S., Campos A. Filiação sindical de trabalhadores no Brasil (2012–2022): indicadores, contexto institucional e fatores determinantes. — Brasília : IPEA, 2024. — 58 p. (Texto para Discussão; n. 2957). — DOI: 10.38116/td2957-port.

Материал поступил в редакцию 6 августа 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Batusova E. S., Bazykin A. E., Kazakov S. O. Mezhdunarodnoe i zarubezhnoe trudovoe pravo: uchebnik dlya vuzov / otv. red. M. O. Buyanova. — М.: Yurayt, 2025. — 172 s.
2. Belikova K. M. Razreshenie trudovykh sporov s uchastiem inostrannogo elementa v stranakh BRIKS na primere Rossii, Indii i YuAR // Pravo i politika. — 2016. — № 2. — S. 257–265. — DOI: 10.7256/1811-9018.2016.2.16846.
3. Golovina S. Yu., Belozerova K. A. Oplata vynuzhdenного progula: sposob zashchity rabotnika ili mera nakazaniya rabotodatel'ya? // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2023. — № 5. — S. 112–118.
4. Edgorov Kh. Alternativnyye mekhanizmy razresheniya sporov. Obzor zarubezhного opyta. — Tashkent, 2017. — 216 s. — URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/uz/un_uzb_Alternative_dispute_resolution_mechanisms_rus.pdf.
5. Komlev E. Yu., Konyukhov V. V. Pravovyye osnovy organizatsii sudebnoy sistemy v Yuzhno-Afrikanskoй Respublike // Obrazovanie. Nauka. Nauchnyye kadry. — 2024. — № 3. — S. 29–33.
6. Mikhalskaya A. O. Rastorzhenie trudovogo dogovora po initsiative rabotodatel'ya: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt pravovogo regulirovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk. — М., 2023. — 195 s.
7. Oliveyra T. V. Struktura sudebnoy vlasti v Brazili: ugovolnoe presledovanie v svete nedavnykh reform Ugovolno-protsessual'nogo kodeksa (perevod professora N. E. Krylovoy) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo. — 2018. — № 2.
8. Snezhko O. A. Problemy sudebnoy zashchity trudovykh prav // Trudovoe pravo. — 2007. — № 9. — S. 15–21.
9. Stepin A. B. Spособy zashchity trudovykh prav // Sovremennoe pravo. — 2013. — № 6. — S. 39–45.

10. Chernykh N. V. Transformatsiya truda kak obekta obshchestvennykh otnosheniy i rasprostranenie netipichnykh form zanyatosti // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2023. — № 12. — S. 104–113.
11. Shesteryakova I. V., Shesteryakov I. A. K voprosu o pravovom regulirovanii truda rabotnikov onlayn-platform v stranakh BRIKS // Lex russica. — 2025. — T. 78. — № 5. — S. 54–67. — DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.054-067.
12. Yakovlev P. Yu. Organizatsiya i deyatelnost sudebnoy vlasti v Respublike Indiya: dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2019. — 185 s.
13. Borges D., Neto F., Zapata S. A situação da dispensa coletiva no Brasil face à exigência da prévia negociação com o sindicato representante dos trabalhadores // Revista do TRT 8ª Região. Belém. — 2024. — Vol. 57. — Núm. 113. — P. 31–57. — URL: https://www.trt8.jus.br/sites/portal/files/roles/revista/trt8-revista_113_-_pag-31-57_-_a_situacao_da_dispensa_coletiva_no_brasil_face_a_exigencia_da_previa_negociacao_com_o_sindicato_representante_dos_trabalhadores_.pdf.
14. Chi W., Ji Y., Huang W. Mediation and Conciliation in Collective Labor Conflicts in China // Mediation in Collective Labor Conflicts / ed. by M. Euwema, F. Medina, A. García, E. Pender. — Cham: Springer, 2019. — P. 287–302. — DOI: 10.1007/978-3-319-92531-8_17.
15. Silva S., Campos A. Filiação sindical de trabalhadores no Brasil (2012–2022): indicadores, contexto institucional e fatores determinantes. — Brasília: IPEA, 2024. — 58 p. (Texto para Discussão; n. 2957). — DOI: 10.38116/td2957-port.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 21 № 4 (185) апрель 2026

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002